

ISSN 0869-6063

Номер 2

Апрель – Май – Июнь
2019

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<https://ras.jes.su>

Российская Академия Наук

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 2019

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

чл.-корр. РАН Л.А. Беляев

Редакционный совет

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов, д.и.н. А.А. Тишкин, акад. РАН В.Л. Янин,
проф. А. Буко (Польша), докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуль (Франция), проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, акад. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев,
д.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон (499)124-34-42
E-mail: ra@iaran.ru

Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2019

Новые данные по палеолиту Приэльбрусья <i>Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В.</i>	7
Хозяйственная модель поселения среднедонской катакомбной культуры Рыкань-3 <i>Гак Е.И., Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю., Кайзер Э.</i>	19
Новая гончарная традиция на памятниках янковской культуры периода палеометалла в Приморье <i>Жущиховская И.С., Никитин Е.Ю.</i>	35
Городище Мелкое озеро (VIII в. до н.э. – VI в. н.э.) в горно-лесном Зауралье <i>Борзунов В.А.</i>	50
О соотношении дат курганов “Репяховатая Могила”, “Червона Могила” и Келермесского могильника <i>Кузнецова Т.М.</i>	63
Жители античной Фанагории: реконструкция питания по данным изотопного анализа <i>Свиркина Н.Г.</i>	80

Публикации

Археологические исследования поселения Нахчыван Тепе <i>Бахшалиев В.Б.</i>	96
Радиоуглеродная хронология фатьяновской культуры <i>Кренке Н.А.</i>	110
Белокаменные саркофаги и надгробия некрополя Чудова монастыря из раскопок в Московском Кремле 2015–2017 гг. <i>Макаров Н.А., Беляев Л.А., Курмановский В.С.</i>	117
Дендрохронологическое датирование археологических объектов Тарского Прииртышья (Омская область) <i>Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Мыглан В.С.</i>	134

История науки

Маршрут и хронология работ Второй Русской Туркестанской экспедиции академика С.Ф. Ольденбурга (1914–1915 гг.) <i>Бухарин М.Д.</i>	145
“Я не верю, что все окончится плохо, это было бы слишком несправедливо...”: к биографии археолога Г.И. Боровки (по материалам следственного дела) <i>Панкратова (Застрожнова) Е.Г.</i>	154
Московское отделение ИИМК, лето 1941 – зима 1941/42 гг. <i>Картюк С.Г.</i>	167

Заметки

Погребение со следами ранения (Пермское Предуралье в эпоху Великого переселения народов) <i>Брюхова Н.Г., Шмуратко Д.В.</i>	178
--	-----

Критика и библиография

- С.А. Жебелев. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк.
Приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924). М.: Индрик, 2017
Щавелев С.П. 183
- Рюриково городище в контексте новых исследований. Носов Е.Н., Плохов А.В.,
Хвоцинская Н.В. Рюриково городище. Новые этапы исследования.
СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017
Платонова Н.И. 188
-

Хроника

- К 80-летию Альбины Александровны Медынцевой
Рождественская Т.В., Чернецов А.В., Коваль В.Ю., Беляев Л.А. 196
-
-

CONTENTS

Number 2, 2019

New data on the Paleolithic of Elbrus Region <i>Golovanova L.V., Doronichev V.B., Doronicheva E.V.</i>	7
The economic pattern of the settlement Rykan-3 (The Middle Don Catacomb culture) <i>Gak E.I., Antipina E.E., Lebedeva E.Yu., Kaiser E.</i>	19
New pottery tradition of the Yankovskaya culture sites of the Paleometal Age in Primorye <i>Zhushchikhovskaya I.S., Nikitin E.Yu.</i>	35
The fortified settlement of Melkoye Ozero (the 8 th century BC – the 6 th century AD) in the mountain-forest Trans-Urals <i>Borzunov V.A.</i>	50
On the correlation between the datings of the “Repyakhovataya Mogila” and “Chervona Mogila” barrows and the Kelermes cemetery <i>Kuznetsova T.M.</i>	63
Residents of ancient Phanagoria: Reconstruction of diet based on isotope analysis <i>Svirkina N.G.</i>	80

Publications

Archaeological research of the settlement of Nakhchivan Tepe <i>Bakhshaliyev V.B.</i>	96
Radiocarbon chronology of the Fatyanovo culture <i>Krenke N.A.</i>	110
White stone sarcophagi and tombstones of the Chudov Monastery necropolis from excavations in the Moscow Kremlin in 2015–2017 <i>Makarov N.A., Belyaev L.A., Kurmanovsky V.S.</i>	117
Dendrochronological dating of archaeological objects of Tara area in the Irtysh region (Omsk region) <i>Sidorova M.O., Zharnikov Z.Yu., Tataurov S.F., Tataurova L.V., Myglan V.S.</i>	134

History of Science

The route and chronology of works of the Second Russian Turkestan Expedition under Academician S.F. Oldenburg (1914–1915) <i>Bukharin M.D.</i>	145
“I don’t believe all this could go bad, it would be too unfair...”: To the biography of the archaeologist G.I. Borovka (based on investigation file materials) <i>Pankratova (Zastrozhnova) E.G.</i>	154
Moscow Branch of the Institute for the History of Material Culture, summer of 1941 – winter of 1941/42 <i>Karpyuk S.G.</i>	167

Notes

Burials with woundings traces (Perm Cis-Urals in the Migration Period) <i>Bryukhova N.G., Shmuratko D.V.</i>	178
---	-----

Review of Books

S.A. Zhebelev. Russian Archaeological Society during the third quarter of a century of its existence. 1897–1921: Historical essay. Moscow: Indrik, 2017

Shchavelev S.P.

183

Rurikovo Gorodishche in the context of new research. Nosov E.N., Plokhov A.V., Khvoshchinskaya N.V. Rurikovo Gorodishche. New stages of research. Saint-Petersburg: DMITRIY BULANIN, 2017

Platonova N.I.

188

Chronicle

To the 80th anniversary of A.A. Medyntseva

Rozhdestvenskaya T.V., Chernetsov A.V., Koval V.Yu., Belyaev L.A.

196

Правила для авторов

Журнал “Российская археология” публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

К публикации не принимаются статьи, основанные на анализе материалов, собранных в поле или полученных иным путем без официального разрешения государственных органов (открытого листа) или не сданных на хранение в Государственный музейный фонд (указание на место хранения материалов желательно).

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи предоставляются в **электронном виде** (на мэйл редакции или на диске). По возможности прилагается один экземпляр распечатки текста через **1,5 интервала** (шрифт **Times New Roman**, кегль **14**).

К рукописям (по разделам “Статьи”, “Публикации”, “Дискуссии”) должно быть приложено краткое **резюме на русском** (можно еще и на английском) **языке** (не более 1 стр.) и **ключевые слова** (не более 10).

На отдельной странице – **подробные сведения об авторах** (с обязательным указанием почтового и электронного адресов, контактного телефона).

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисовочные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами)** и содержать **не более 8 иллюстраций** (цветных и/или черно-белых). Для раздела “Заметки” объем рукописи не должен превышать **15 тыс. знаков (с пробелами)**. Некрологи и юбилейные материалы, публикуемые в разделе “Хроника”, не должны превышать **10 тыс. знаков (с пробелами)** и **не должны сопровождаться списком трудов ученого** (его наиболее фундаментальные труды должны быть упомянуты внутри текста).

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНОВ У с. ОРЕХОВКА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

© 2019 г. М.В. Андреева^{1*}, М.А. Очир-Горяева^{2,3**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, РФ

³Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, РФ

*E-mail: amvlad11@yandex.ru

**E-mail: mariaochir@gmail.com

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

Резюме:

Ключевые слова (не более 10)

Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице.

Постраничные примечания даются внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются по следующему образцу: (Коваль, 2011. С. 46. Рис. 12). Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая – работы на кириллице, вторая – на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание. Например:

монография: Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

сборник: Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энгватова. М.: ИА РАН, 2011. 456 с.

статья в сборнике: Коваль В.Ю. “Ростиславльский курган” (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 35–57.

статья в журнале: Решетова И.К. Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV // РА. 2012. № 3. С. 129–136.

источники: Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 147 с.

архивные материалы: Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Юбилейные и иные статьи, строго привязанные к датам, должны поступить в редакцию до конца декабря предшествующего дате года (в противном случае, редакция не гарантирует их выхода в юбилейном году).

Присланные статьи должны сопровождаться подписанным Договором о передаче авторских прав на публикацию Российской академии наук, который можно найти на сайте журнала “Российская археология” по адресу: http://www.ra.iafan.ru/Dogovor_2018.doc.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПАЛЕОЛИТУ ПРИЭЛЬБРУСЬЯ

© 2019 г. Л.В. Голованова*, В.Б. Дороничев**, Е.В. Дороничева***

Автономная некоммерческая организация “Лаборатория доистории”, Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: mezmay57@mail.ru

**E-mail: labprehistory@yandex.ru

***E-mail: edoronicheva@hotmail.ru

Поступила в редакцию 08.05.2018 г.

Изучение сырьевых стратегий в палеолите Кавказа обнаруживает существование удаленных миграций древнего человека. Obsидиан в каменном веке был сырьем, которое высоко ценилось и транспортировалось на расстояния более 200–250 км. В Приэльбрусье, в долине р. Баксан, расположено крупное месторождение obsидиана, который поступал на Северо-Западный Кавказ в среднем и верхнем палеолите. Но в этом регионе не было известно ни одного стратифицированного памятника эпохи среднего палеолита и только в 2016 г. открыта первая пещерная стоянка Сарадж-Чуко. Отложения конца палеолита известны только в навесах Сосруко и Бадыноко. Опорным памятником для разработки вопросов хронологии и динамики культуры верхнего палеолита — мезолита Центрального Кавказа является навес Сосруко. Исследования 2017 г. позволили получить новые данные по палеолиту Приэльбрусья.

Ключевые слова: палеолит, Кавказ, каменные индустрии, миграции, сырьевые стратегии.

DOI: 10.31857/S086960630004832-4

Район Приэльбрусья достаточно широко известен в литературе по палеолиту, поскольку здесь — в долине р. Баксан у селения Заюково (Кабардино-Балкария) — известны единственные на северном Кавказе выходы obsидиана. Это сырье высоко ценилось в палеолите, изделия из него поступали в соседние регионы Кавказа. В Мезмайской пещере на Северо-Западном Кавказе, расположенной на расстоянии ~200–250 км на запад, в мустьерских слоях найдены изделия из obsидиана, который происходит из источников в Заюково. В верхнепалеолитических и эпипалеолитических слоях Мезмайской и Касожской пещер количество артефактов из obsидиана резко увеличивается (Doronicheva, Shackley, 2014). Поступление obsидиана указывает на существование связей населения северного склона Западного и Центрального Кавказа. Целенаправленные поиски стратифицированных памятников в Приэльбрусье и исследования 2016–2017 гг. позволили получить новые данные по палеолиту этого важного района¹.

¹ Исследования грота Сарадж-Чуко и месторождений кремня на Центральном Кавказе проводятся при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 17-78-20082, “Взаимодействие человека и природы в древности на Центральном Кавказе: динамика изменения природной среды и технологические новации, адаптации систем жизнеобеспечения”).

Грот Сарадж-Чуко

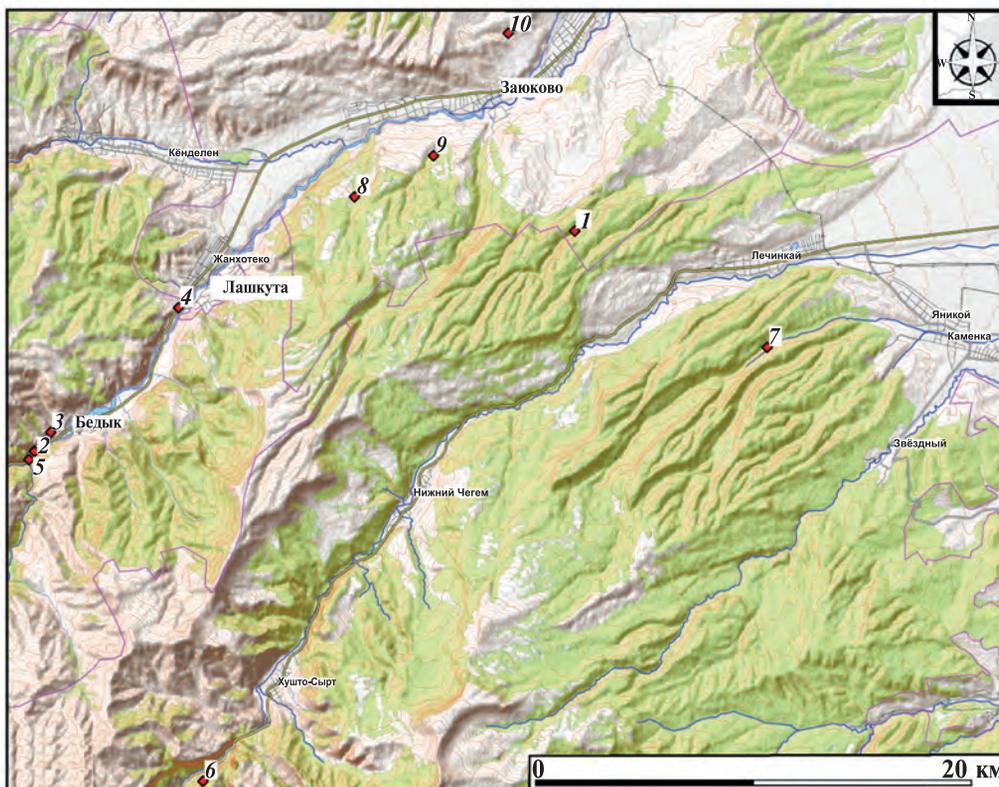
Географическое положение. Грот Сарадж-Чуко расположен в долине р. Фандуко или Сарадж-Чуко (бассейн р. Терек), в 20 км к северо-западу от г. Нальчик и в 4 км южнее селения Заюково (рис. 1). Абсолютная высота — 940 м.

Грот располагается на относительной высоте около 35 м в массиве вулканитов кислого состава (ингимбриты), и это первая пещерная стоянка подобного типа, которая обнаружена на Кавказе. Он ориентирован на юго-восток и имеет площадь более 300 м² (рис. 2, I).

В 2016 г. отрядом под руководством Е.В. Дороничевой в гроте Сарадж-Чуко был заложен разведочный шурф, позволивший обнаружить каменные артефакты мустьерского облика и фрагменты костей плейстоценовой сохранности в слое 6 (Doronicheva et al., 2017). В 2017 г. к шурфу был прирезан раскоп около 8 м².

Стратиграфия (рис. 2, II): Слой 1 (5–6 см) — серая супесь с примесью дресвы туфа.

Слои 1А–1С — три линзы углисто-золистых отложений, которые лежат на небольшой площади ближе к выходу (линии 12–14), по 5–10 см каждая. Слои 1 — 1А — 1С предвременно датируются от бронзы до средневековья и современности.

Рис. 1. Карта с обозначением стратифицированных палеолитических памятников и месторождений кремня и обсидиана: 1 – грот Сарадж-Чуко, 2 – навес Сосруко, 3 – навес у Алебастрового Завода, 4 – навес Бадыноко; месторождения кремня: 5 – Баксан-1, 6 – Чегем-1, 7 – Каменка, 8 – Штаучукуа-1, 9 – Хана-хаку-1; 10 – месторождение Заюково, обсидиан.

Fig. 1. Map of stratified Paleolithic sites and deposits of flint and obsidian

Слой 2 (11–24 см) – желтая супесь. Артефактов не обнаружено.

Слой 3 (12–17 см) – желтая супесь с прослойками дресвы туфа, найдено 13 обсидиановых изделий.

Слой 4 (14–30 см) – серо-коричневый суглинок, содержал 6 обсидиановых артефактов, преимущественно чешуйки.

Слой 5 (5–7 см) – прослойка супеси темно-бурого цвета. Артефактов не обнаружено.

Наибольший интерес представляет слой 6 (в шурфе 2016 г.), который был подразделен на слой 6А и 6В в раскопе 2017 г.

Слой 6А (30–40 см) серая супесь с небольшим содержанием щебня туфа. Найдены артефакты и кости плейстоценовой сохранности.

Слой 6В (30–40 см) – суглинок темно-коричневого цвета с включениями гальки эффузивных пород. Содержит многочисленные мустерские артефакты и кости животных.

Слой 7 (~30 см, видимая толщина) состоит из плитчатых обломков пород (ингимбриты и туфы), которые слагают свод и дно пещеры. Артефакты не обнаружены.

Описание индустрии. Коллекция слоя 6В из раскопок 2017 г. включает 1591 экз., в том числе: нуклеусы – 12, осколки – 676, чешуйки – 609, сколы – 252 (технические сколы – 2, пластины – 14, пластинчатые сколы – 87, отщепы – 149), орудия – 42 (на кусках – 1, на отщепках – 22, на леваллуазских треугольных сколах – 1, на пластинчатых сколах – 16, на пластинах – 2).

Абсолютное большинство (98%) артефактов сделано из заюковского обсидиана, месторождение которого находится в 6–7 км от грота (Doronicheva et al., 2017). Только 33 предмета изготовлены из местного кремня (месторождения Хана-хаку-1, Штаучукуа-1 и Каменка; рис. 1).

О технике расщепления можно сделать предварительное заключение на основании анализа

нуклеусов (0.8%) и сколов (18.5%). Значительную часть материалов составляют осколки (42.5%) и чешуйки (38.2%). Процент ретушированных орудий не высок – 2.6%.

Нуклеусы: фрагменты – 1 экз., односторонние одноплощадочные – 6 экз. и двуплощадочные – 3 экз., двусторонние трехплощадочные – 2 экз. Ударные площадки оформлялись сколами или мелкими снятиями. Расщепление осуществлялось преимущественно в параллельном направлении в слабовыпуклых плоскостях. Двух- и трехплощадочные (рис. 3, 9, 10) нуклеусы представляют односторонние и двусторонние варианты встречного и ортогонального скалывания. Большинство ударных площадок у этих нуклеусов оформлено мелкими сколами.

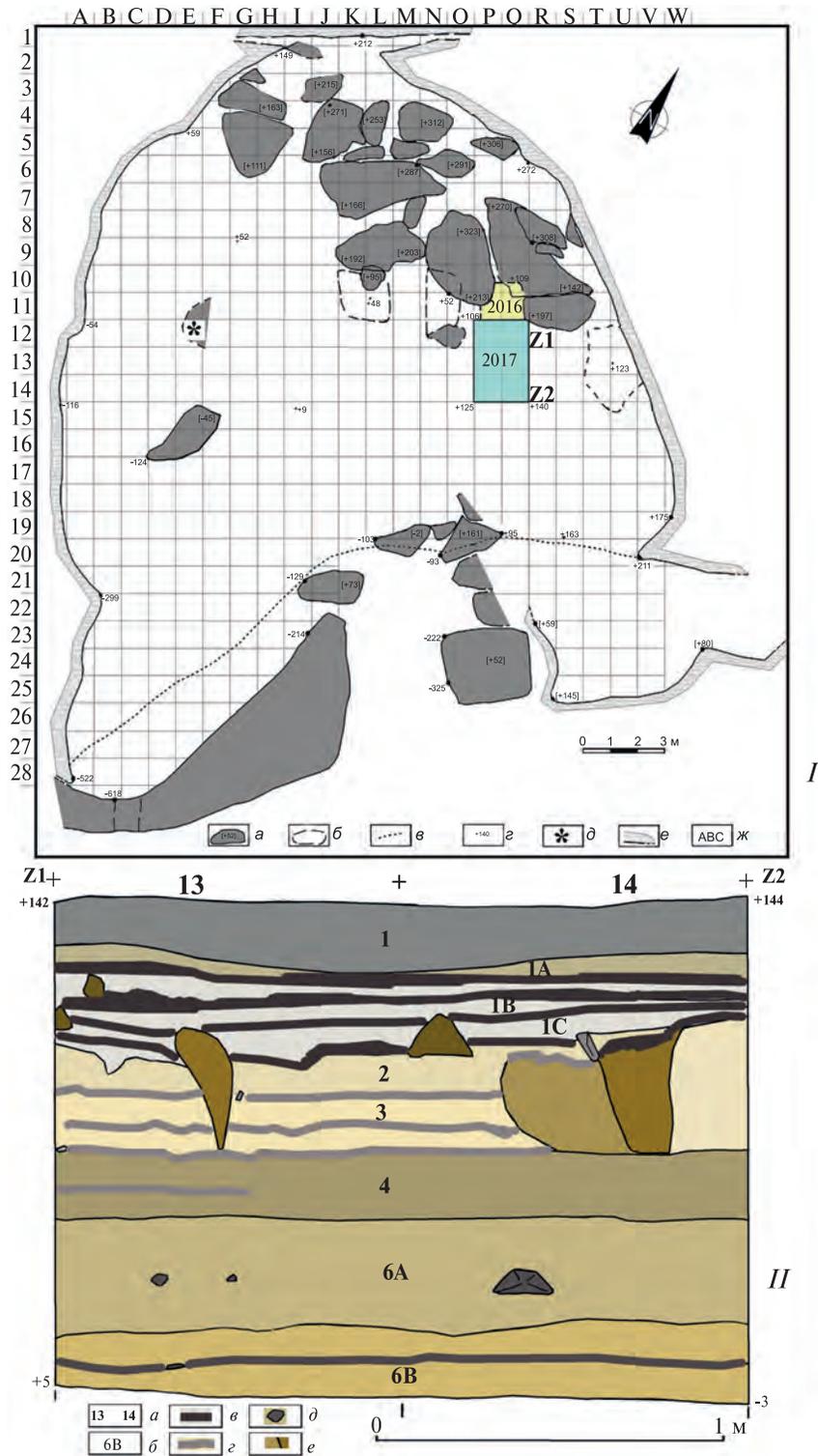
Два технических скола представлены отщепами подправки ударной площадки. Около 25% сколов имеют участки желвачной корки. Многочисленны пластинчатые сколы (35.2% от всех сколов, включая орудия), хотя пластины редки (5.5%), как и треугольные леваллуазские сколы (3.1%). Определены немногочисленные отщепы с продольно-поперечной, поперечной и встречной огранкой. Среди определимых площадок наиболее многочисленны фасетированные (46.2%) (табл.1; рис. 3, 6, 11, 12). Представлены двухгранные (3.1%), гладкие (28.1%), точечные (16.3%) и корочные площадки (6.3%).

В коллекции слоя 6В выделено 42 ретушированных орудия. Среди определимых орудий представлены продольные (10 экз.: рис. 3, 1, 6); диагональные (3 экз.: рис. 3, 3, 4), конвергентные (3 экз.), угловатые (2 экз.)

Таблица 1. Грот Сарадж-Чуко. Ударные площадки всех сколов (включая орудия) слоя 6В.

Table 1. The Saraj-Chuko grotto. Striking platforms of all chips (including tools) from layer 6B

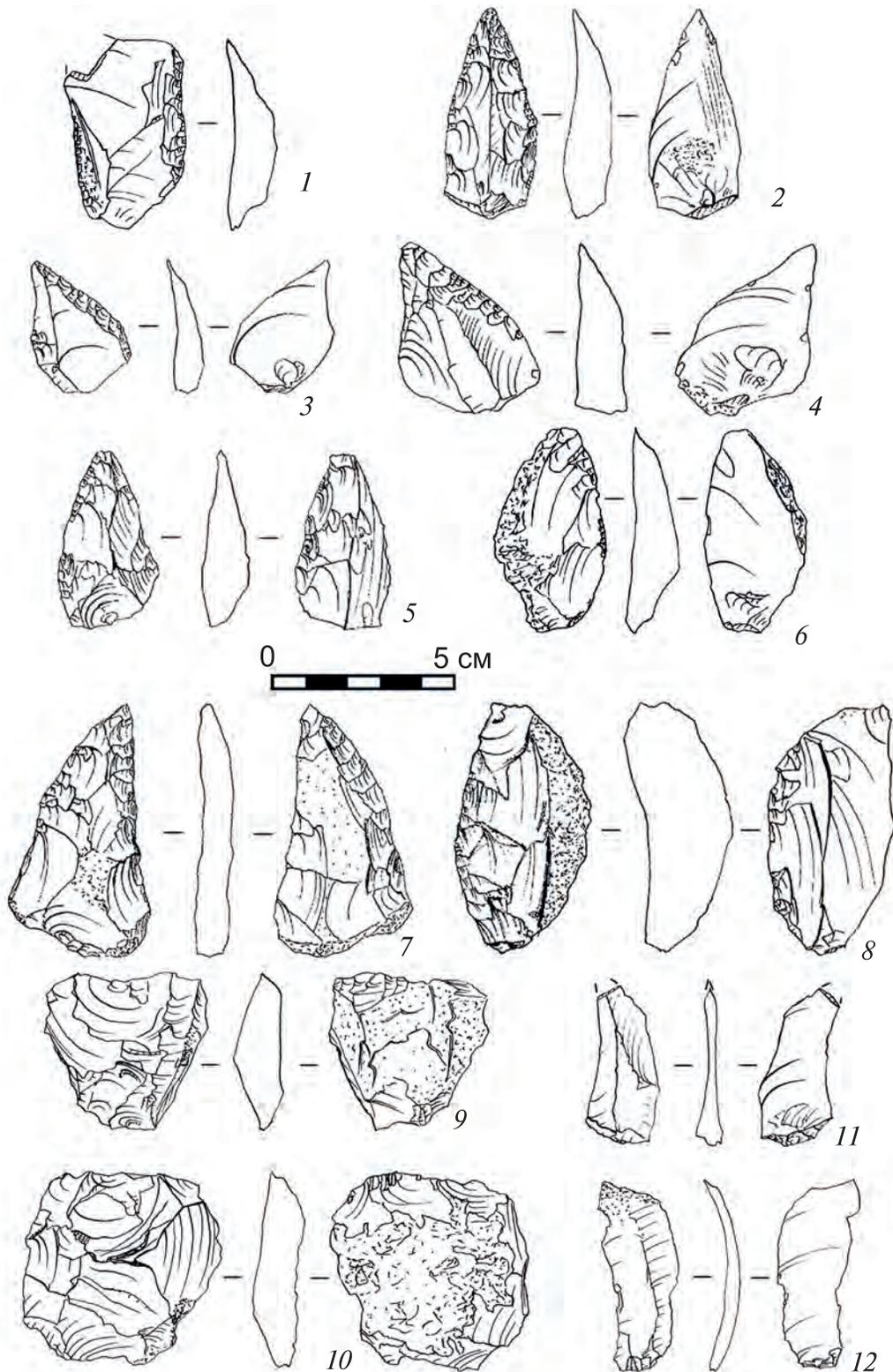
Группы сколов	Всего	Площадки					
		Гладкие	Точечные	Фасетированные	Двухгранные	Корочные	Поврежденные
Первичные	12	1	1	–	–	3	7
Полупервичные	3	–	–	–	–	–	3
Отщепы с коркой (1–49%)	53	10	7	10	–	6	20
Отщепы с однонаправленными негативами	42	13	7	12	1	–	9
Отщепы со встречными негативами	2	–	2	–	–	–	–
Отщепы с продольно-поперечными негативами	4	–	2	2	–	–	–
Отщепы с неопределимой огранкой	47	2	–	4	–	–	41
Пластинчатые сколы с параллельной огранкой	92	13	4	30	1	–	44
Пластинчатые сколы со встречной огранкой	11	1	2	2	–	1	5
Пластины	16	4	1	7	–	–	4
Леваллуазские треугольные сколы	9	–	–	7	2	–	–
Технические сколы	2	1	–	–	1	–	–
Всего	293	45	26	74	5	10	133

Рис. 2. План и продольный разрез грота Сарадж-Чуко: *I* – план (условные обозначения: *a* – глыбы, *б* – ямы, *в* – капельная линия, *г* – нивелировочные отметки дневной поверхности, *д* – репер, *е* – скала, *ж* – квадратная сеть); *II* – продольный разрез (условные обозначения: *a* – квадраты, *б* – слои, *в* – углистые линзы, *г* – золистые линзы, *д* – камни, *е* – нарушения).

Fig. 2. Plan view (*I*) and longitudinal section Z1Z2 (*II*) of the Saraj-Chuko grotto

и двойное скребла. Также три конвергентных орудия (рис. 3, 5, 7) и скребло с обушком имеют утоньшения с брюшка (рис. 3, 8). Найдены мустьерский остроконечник (рис. 3, 2). 18 фрагментов не позволяют определить тип орудия.

Рис. 3. Грот Сараж-Чуко. Каменные изделия: 1, 6 – продольное скребло, 2 – мустьерский остроконечник, 3, 4 – диагональное скребло, 5, 7 – конвергентные орудия, 8 – скребло с обушком, 9, 10 – нуклеусы, 11, 12 – пластины.

Fig. 3. The Saraj-Chuko grotto. Stone products

В результате проведенных исследований можно сделать предварительное заключение, что в слое 6В существовала стоянка активного

обитания. Многочисленность отходов расщепления свидетельствует о том, что расщепление обсидиана осуществлялось на стоянке.

Кремневое сырье использовалось редко, по предварительным данным оно поставлялось с месторождений, расположенных в 10 км от грота. Половина кремневых артефактов – это готовые сколы и ретушированные орудия. Показательной чертой индустрии является многочисленность пластинчатых сколов (35.2% от всех сколов, включая орудия) при редкости настоящих пластин (5.5%) и типичных треугольных леваллуазских сколов (3.1%). Индекс фасетированных ударных площадок – 46.2%. Среди орудий выделены скребла, конвергентные формы, мустьерские остроконечники. Некоторые орудия имеют вентральные утоньшения. Технично-типологические характеристики индустрии слоя 6В позволяют охарактеризовать ее как пластинчатое мустье. Пластинчатый характер каменной индустрии отличает мустье Центрального Кавказа от индустрии восточного микока, распространенной на Северо-Западном Кавказе (бассейн р. Кубань), и находит аналогии в мустьерских комплексах, известных на Северо-Восточном и Южном Кавказе (Golovanova, 2015).

Предварительное изучение фаунистической коллекции из слоя 6В грота Сарадж-Чуко позволяет говорить, что в этот период в пещере существовала стоянка охотников на стадных копытных животных (определены: *Bison* sp., *Capra caucasica*, *Capreolus capreolus*, *Cervus elaphus*, *Equus* sp.). Палеогеографические условия времени формирования слоя 6В отвечают поздней стадии межледниковья, когда в окрестностях стоянки преобладал достаточно теплый и влажный климат, в составе палинофлоры отмечены экзоты, которые известны на Северном Кавказе только в отложениях, которые коррелируются с фазами межледниковой кислородно-изотопной стадии 5 (Голованова и др., 2006).

Навес Сосруко

Географическое положение. Навес Сосруко расположен на правом берегу р. Баксан, на расстоянии около 800 м на юг от селения Бедык в Эльбрусском районе Кабардино-Балкарии (рис. 1).

Навес расположен в нижнем ярусе известнякового эскарпа. В современном состоянии небольшой навес имеет ширину около 7 м и длину в самой широкой части не более 11 м (рис. 4, I), он постепенно сужается вдоль эскарпа в северном и южном направлениях. Навес Сосруко примыкает к широкой террасе

высотой около 60 м над уровнем реки. Абсолютная высота памятника – 890 м.

История исследования. Памятник открыт и исследован С.Н. Замятниным и П.Г. Акритас (1957а; б), которые вскрыли отложения мощностью 12.5 м. В стратиграфической колонке памятника было выделено 7 культурных слоев, большинство которых отнесены (на основании характеристики коллекций каменных изделий) к мезолиту, а нижний слой – к верхнему палеолиту.

Материалы навеса Сосруко, опубликованные предварительно, тем не менее, активно использовались в научной литературе. Однако 60 лет работы на этом опорном памятнике не возобновлялись, он был фактически утрачен. В 2016 г. целенаправленные разведки Северо-Кавказской палеолитической экспедиции позволили фактически открыть это памятник заново. Раскопки 2017 г. должны были уточнить стратиграфию, описанную С.Н. Замятниным в 1955–1957 гг.

Стратиграфия. Поскольку раскоп не был законсервирован, то в 2017 г. после зачистки сильно осыпавшегося разреза в его верхней части были выделены следующие подразделения (рис. 4, II):

Слой 1 (до 110 см) – супесь черно-серого цвета, гумусированная с большим количеством угловатого щебня.

Слой 2 (20–25 см) – супесь грязно-желтого цвета с мелким угловатым щебнем и дресвой, очень плотная.

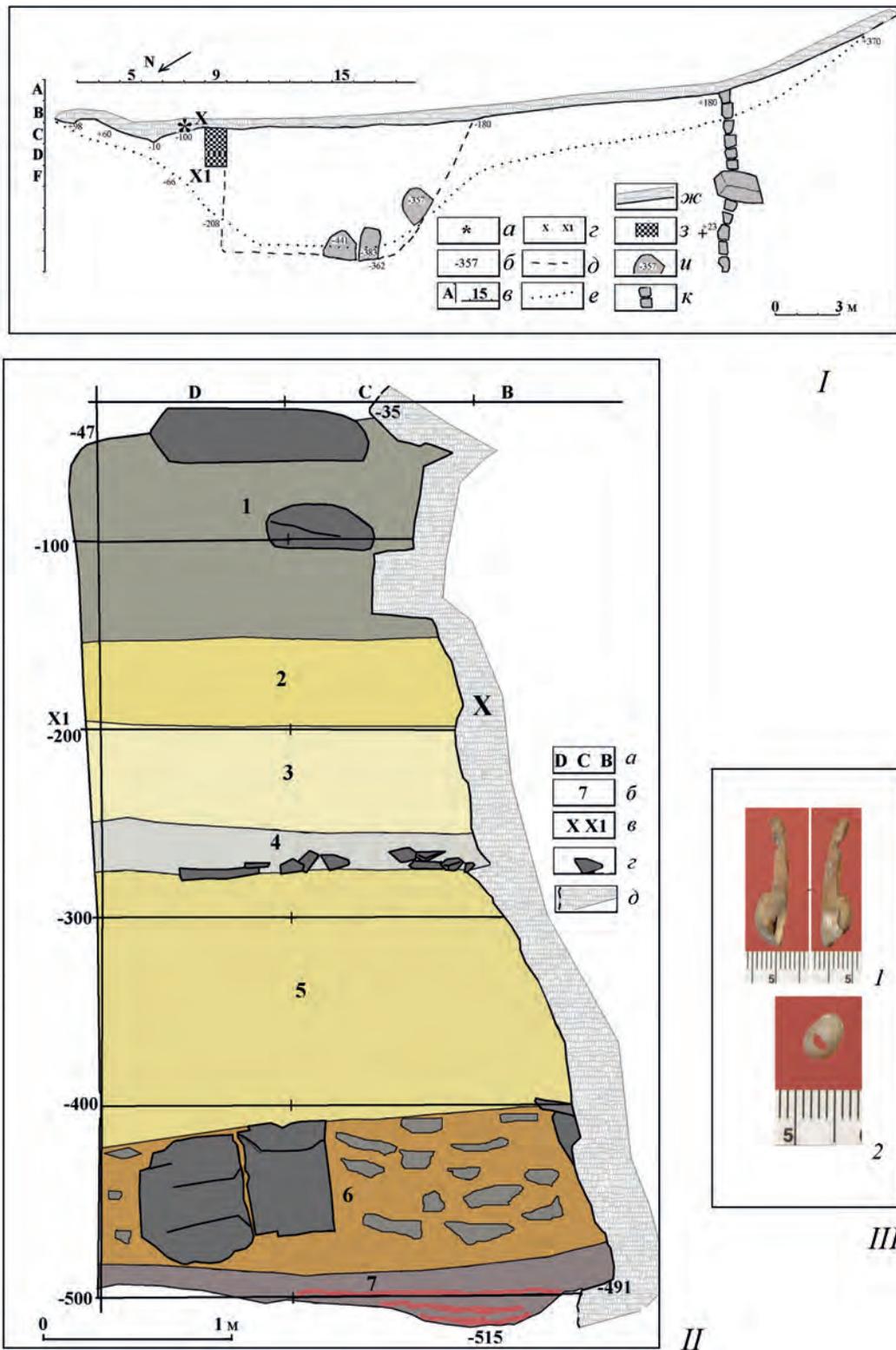
Слои 1 и 2 не изучались, поскольку сильно осыпались и не были представлены в раскопе 2017 г.

Слой 3 (50–60 см) – супесь серо-желтого цвета, переполненная крупным угловатым щебнем. В слое найдены единичные обломки неопределимых костей.

Слои 1–3 С.Н. Замятнин (1957а. С. 436) объединял в пачку А и относил эти отложения к эпохе железа.

Слой 4 (до 30 см) – супесь грязно-желтого цвета, переполненная углем. Слой содержит большое количество крупного угловатого щебня.

С.Н. Замятнин относил этот слой к нижележащим отложениям, объединяя их в пачку В, хотя по литологическим характеристикам слой 4 ближе слою 3. Он соответствует культурному слою М1 в раскопках 1955–1957 гг. В 2017 г.

Рис. 4. Навес Сосруко: план, разрез XX1 и украшения из слоя 7: I – план (условные обозначения: а – репер, б – нивелировочные отметки дневной поверхности, в – квадратная сеть, г – обозначение разреза, д – граница раскопов 1955–1957 гг., е – капельная линия, ж – скала, з – раскоп 2017 г., и – глыбы, к – каменная кладка); II – разрез XX1 (условные обозначения: а – обозначения квадратов, б – слои, в – обозначение разреза, г – камни, д – скала); III – украшения из слоя 7 (I – подвеска из резца каприда, 2 – нашивка-бусина из раковины моллюска *Succinea* sp. с проколотым отверстием).

Fig. 4. The Sosruko rockshelter: plan view (I), section XX1 (II) and decorations (III) from layer 7

в слое расчищены 2 уровня кострищ. Найдено большое количество раковин *Helix*, фаунистические остатки. Состав каменной индустрии предварительно позволяет относить эти материалы к началу голоцена.

Слой 5 (до 130 см) – супесь желтого цвета, в которой прослой с мелким угловатым щебнем и дресвой чередуются с прослоями без щебня.

В средней части слоя 5 залегает культурный слой М2. По литологическим характеристикам он не выделяется. Был определен по раковинам *Helix*. В 2017 г. на этом уровне расчищено небольшое углистое пятно. Находки единичны. Ниже на 45 см найдены единичные изделия и рассеянные угли. Этот горизонт не был выявлен в раскопках 1955–1957 гг.

Слой 6 (до 80 см) – суглинок песчанистый, темно-коричневого цвета, с большим количеством крупного щебня и глыб. Ниже глыб залегал слой М3, который датировали ранним мезолитом. В раскопе 2017 г. это был охристый горизонт с единичными находками.

Слой 7 (до 20 см) – суглинок песчанистый, практически без щебня. Состоит из серии тонких прослоек угля, золы и прокаленности. По глубине соответствует культурному слою М4.

В 2017 г. раскоп был углублен до 5 м, ниже лежащие отложения не раскапывались. По результатам раскопок получены новые данные, которые позволяют отнести слой 7 к фина-

на стоянке активно производилось расщепление. Большинство нуклеусов сильно утилизированы. Представлены призматические одноплощадочные нуклеусы (2 экз.) с негативами снятия пластин и пластинок: рис. 5, 1, двуплощадочные встречного скалывания (2 экз.): рис. 5, 2. Еще два нуклеуса в коллекции можно назвать трехплощадочными. Первоначально на основной поверхности производилось расщепление сначала с одной, а затем со второй площадки во встречном направлении. Затем на завершающем этапе с торца нуклеуса были сделаны два скола: рис. 5, 3. Три нуклеуса можно определить как остаточные. Они имеют наименьшие размеры (min – 2.5 см). Важно отметить, что именно кремневые нуклеусы утилизированы максимально и даже один из них переоформлен в скребковидное орудие: рис. 5, 4.

Технические сколы (13 экз.) отражают различные стадии переоформления нуклеусов. Большинство из них – реберчатые (рис. 5, 6, 8), есть сколы подправки площадки (рис. 5, 7) и сколы с противоположной площадкой на нуклеусе встречного скалывания (рис. 5, 5). 23.3% сколов имеют корку, первичных – 2.5%. Это также указывает на то, что оформление и расщепление нуклеусов производилось на стоянке.

Большая часть отщепов, вероятно, происходит от оформления нуклеусов: 48.6% отщепов

Таблица 2. Навес Сосруко. Состав коллекции слоя 7

Table 2. The Sosruko rockshelter. The composition of the collection from layer 7

Коллекция	Нуклеусы	Тех. сколы	Пластинины	Пластинки	Микропластинки	Отщепы	Обломки сколов	Чешуйки	Микрочешуйки	Обломки	Мелкие осколки
Кремень	3	4	6	17	3	15	13	53	40	1	7
Обсидиан	6	9	59	115	29	57	18	209	183	3	46
Всего	9	13	65	132	32	72	31	262	223	4	53

лу палеолита. Он представляет собой горизонт, наполненный углем и охрой, изделиями из обсидиана и кремня; фаунистические остатки немногочисленны.

Коллекция слоя 7 содержит 896 артефактов (табл. 2) с площади 3 м² при мощности слоя около 20 см. Преобладающая часть из них сделана на обсидиане – 81.9%, кремня – 18.1%.

Найдено 9 нуклеусов и 13 технических сколов, что свидетельствует о том, что в этот период

имеют корку. Только на отщепах и технических сколах определены корочные площадки (табл. 3). Среди пластин (20.0%) и пластинок (11.4%) корка встречается гораздо реже.

Пластинчатый компонент абсолютно преобладает среди сколов – 72.9%. Пластинки составляют 57.6%, пластинины – 28.4%, микропластинки – 14.0%. У сколов (табл. 3) абсолютно преобладают точечные площадки – 85.4%. Гладкие площадки малочисленны – 10.7%.

Несмотря на то что чешуйки и микрочешуйки составляют половину коллекции слоя 7 — 54.1%, ретушированных орудий в коллекции немного. Поэтому можно предположить, что значительная часть чешуек, а также обломков и мелких осколков (57 экз.) образовалась при расщеплении нуклеусов. Это дополнительно подтверждает, что на стоянке производилось активное расщепление.

полукрутой ретушью (рис. 5, 13), к сожалению, обломано, поэтому можно лишь предполагать, что это обломок острия (?).

Дополняют характеристику материалов слоя 7 украшения, которые также находят аналогии в эпилеолитических стоянках Северо-Западного Кавказа. Во-первых, здесь найдена типичная нашивка-бусина из раковины назем-

Таблица 3. Навес Сосруко. Ударные площадки сколов слоя 7

Table 3. The Sosruko rockshelter. Striking platforms of layer 7 chips

Площадки	Тех. сколы	Пластины	Пластинки	Микро-пластинки	Отщепы	Всего
Точечные	7	22	56	12	38	135
Гладкие	—	6	3	—	8	17
Корочные	1	—	—	—	5	6
Обломанные	5	33	71	20	21	150
Удаленные ретушью	—	4	2	—	—	6
Всего	13	65	132	32	72	314

К орудиям отнесены только 43 артефакта, хотя многие пластинки имеют микроследы использования. В коллекции выделено пять сегментов (рис. 5, 9, 10, 11). Они изготовлены на пластинках и пластинах, относятся к варианту крупных сегментов. Аналогичные формы многочисленны также в средних (4–7) горизонтах слоя 1-3 Мезмайской пещеры. Здесь так же, как и в Мезмайской, практически (2 экз.) исчезают пластинки и пластины с притупленным краем (ППК), рис. 5, 14. Характерны микро-скребки (2 экз.) на пластинках: рис. 5, 15, 18. Три скребка изготовлены на отщепах. Один из них представлен фрагментом (рис. 5, 16), второй оформлен на массивном первичном отщепе (рис. 5, 21), имеет утоньшение рабочего края с брюшка. Один скребок — на остаточном нуклеусе (рис. 5, 4). Единичным экземпляром представлено долотовидное орудие — рис. 5, 22.

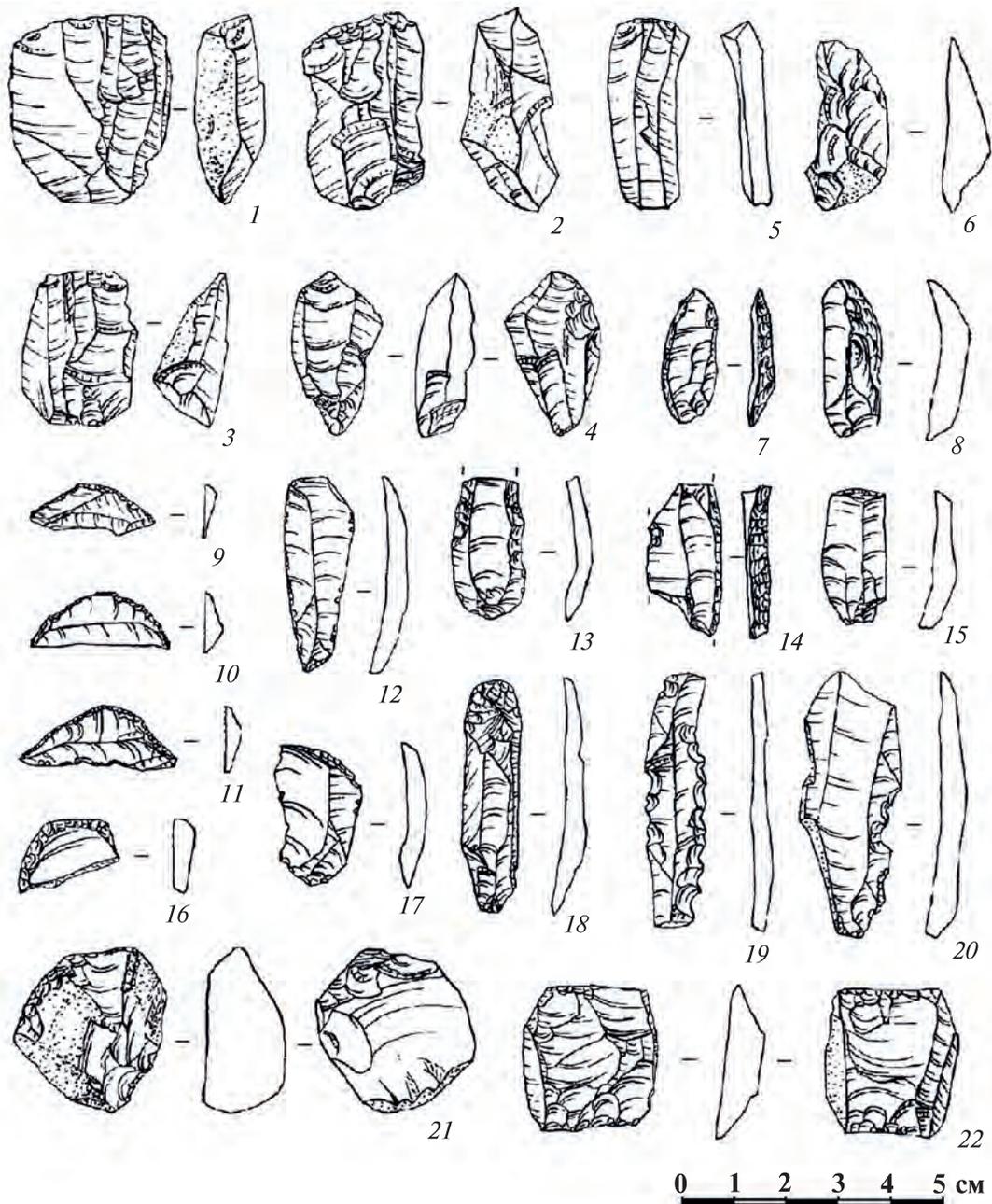
ного моллюска *Succinea* sp. с проколотым отверстием (рис. 4, III, 2). Характерной является фрагментированная подвеска из резца каприда с биконическим отверстием (рис. 4, III, 1).

Таким образом, состав изделий в слое 7 находит полные аналогии в эпилеолитических индустриях Северо-Западного Кавказа: Мезмайская пещера, слой 1-3; Касожская пещера, горизонт 3-5; Сатанай, горизонт 3-4; Баранакха-4 и др. (Голованова, Дороничев, 2012). Сегменты, характерные для этих индустрий, относятся к варианту крупных форм, сделанных на пластинках и узких пластинах. На Ближнем Востоке сегменты известны в геометрическом кебарие Леванта (Richter et al., 2011. Fig. 3. P. 101), датирующемся 17–15 тыс. л.н. Сегменты более мелких размеров или *lunate* в Леванте широко распространяются в позднем эпилеолите. В это время в натуфиене появляются гелуанские сегменты.

Навес Бадыноко

В коллекцию орудий включены 6 пластин с тонкой регулярной ретушью (рис. 5, 17). Также 11 пластин и пластинок (рис. 5, 12) имеют на продольных краях мелкую нерегулярную ретушь, возможно ретушь утилизации. У шести пластинок и пластин (рис. 5, 19, 20) края оформлены крупно-зубчатой ретушью. Пять обломков определить сложно. Орудие на пластине, края которого подправлены регулярной

Памятник расположен на левом берегу р. Баксан, на высоте 30 м над рекой и примерно в 6 км вниз по реке от навеса Сосруко (рис. 1). Навес был исследован только в 2004 г. (Деревянко и др., 2005; Зенин, Орлова, 2006). Памятник разрушен при строительстве дороги.

Рис. 5. Навес Сосруко, слой 7: 1–4 – нуклеусы, 5–8 – техсколы, 9–11 – сегменты, 12 – пластинка с мелкой нерегулярной ретушью, 13 – фрагмент, 14 – фрагмент пластины с притупленным краем, 15, 18 – микроскребки, 16, 21 – скребки, 17 – пластина с ретушью, 19, 20 – зубчатые, 22 – долотовидное орудие.

Fig. 5. The Sosruko rockshelter, layer 7

Зачистка и раскопки на площади 5 м² выявили три слоя с каменными изделиями.

Слой 6 (0.2–0.5 м) содержал редкие раковины *Helix*, отщепы и осколки кремня.

Слой 7 (ок. 1 м) был насыщен углем, раковинами *Helix* и изделиями из кремня и обсидиана (2468 экз.). Фаунистические остатки малочисленны. Найден фрагмент костяного наконечника с двумя пазами.

Слой 8 (до 1.3 м) содержал редкие фаунистические остатки и каменные изделия.

В 2017 г. опубликована статья с результатами подробного технико-типологического анализа коллекции, который позволил выделить три этапа развития каменной индустрии (Селецкий и др., 2017). На раннем этапе (сл. 8, 7.5; ~18–15 тыс. л.н.) отмечается наличие скребков, резцов, острий и единичных пластинок с усеченным

краем. Для среднего этапа (сл. 7.4, 7.3; ~15–9 тыс. л.н.) характерны пластинки и микропластины с усеченным краем, пластинки с вентральной ретушью, геометрические микролиты (прямоугольники, трапеции, сегменты и треугольники), микроскребки, перфораторы и выемчатые орудия. Поздний этап (сл. 7.2, 7.1; ~8.5–7 тыс. л.н.) соответствует началу голоцена.

Авторы относят индустрии двух ранних этапов к эпипалеолиту. Слой 7 навеса Сосруко, для которого пока нет абсолютных дат, особенно близок материалам среднего комплекса. Этот период может синхронизироваться с одним из холодных этапов конца позднеледниковья (древний или средний Дриас). По фаунистическим данным в слоях М4 и М5 навеса Сосруко отсутствует благородный олень, появляется серна, что указывает на распространение прохладного степного ландшафта (Верещагин, 1959. Табл. 41).

В результате проведенных работ получены новые данные о древнейшем заселении региона в начале среднего палеолита (грот Саррадж-Чуко, сл. 6В). Наиболее ранние слои верхнего палеолита известны в отложениях навеса Сосруко. Ранний этап эпипалеолита представлен в навесе Бадыноко, средний и поздний – в Бадыноко (сл. 7.4, 7.3) и навесе Сосруко (сл. 7). Следует отметить, что среднепалеолитические индустрии Приэльбрусья наиболее близки материалам Восточного и Южного Кавказа, хотя находки изделий из обсидиана в Мезмайской пещере говорят о наличии контактов с Северо-Западным Кавказом. В конце палеолита связи центрального и западного регионов Северного Кавказа становятся более активными, что подтверждается как транспортировкой заюковского обсидиана, так и культурной близостью стоянок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Верещагин Н.К. Млекопитающие Кавказа. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1959. 703 с.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Левковская Г.М., Лозовой С.П., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Романова Г.П., Харитонов В.М. Пещера Матузка. СПб.: Островитянин, 2006. 194 с.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // Первобытные древности Евразии: К 60-летию А.Н. Сорокина. М.: ИА РАН, 2012. С. 59–102.
- Деревянко А.П., Зенин В.Н., Аношкин А.А., Рыбин Е.П. Многослойное местонахождение каменного века в Кабардино-Балкарии // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий: материалы междунар. конф. (Ростов-на-Дону, Азов, 18–20 мая 2005 г.). Ростов-на-Дону: ООО “ЦВВР”, 2005. С. 24–26.
- Замятнин С.Н., Акритас П.Г. Исследования по каменному веку в Кабарде (в 1954–1955 гг.) // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Т. XI. Нальчик, 1957а. С. 415–453.
- Замятнин С.Н., Акритас П.Г. Раскопки грота Сосруко в 1955 году // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Т. XIII. Нальчик, 1957б. С. 431–455.
- Зенин В.Н., Орлова Л.А. Каменный век Баксанского ущелья (хронологический аспект) // XXIV Крупновские чтения. Нальчик, 2006. С. 54–57.
- Селецкий М.В., Шнайдер С.В., Зенин В.Н., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Алишер кызы С. Эпипалеолитические комплексы навеса Бадыноко (Приэльбрусье) // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 418. С. 147–162.
- Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Nedomolkin A.G., Shackley M.S. The first Middle Palaeolithic site exhibiting obsidian industry on the northern slopes of the Central Caucasus // *Antiquity*. 2017. V. 91. Iss. 359. P. 1–6.
- Doronicheva E.V., Shackley M.S. Obsidian exploitation strategies in the Middle and Upper Paleolithic of the Northern Caucasus: New data from Mezmaiskaya cave // *PaleoAnthropology*. 2014. P. 565–585.
- Golovanova L.V. Les hommes de Néanderthal du Caucase du Nord: entre l’Ouest et l’Est // *L’Anthropologie*. 2015. V. 119. Iss. 2. P. 254–301.
- Richter T., Garrard A.N., Allock S., Maher L.A. Interaction before Agriculture: Exchanging Material and Sharing Knowledge in the Final Pleistocene Levant // *Cambridge Archaeological Journal*. 2011. V. 21. Iss. 1. P. 95–114.

NEW DATA ON THE PALEOLITHIC OF ELBRUS REGION

Lyubov V. Golovanova, Vladimir B. Doronichev, Ekaterina V. Doronicheva

*Independent Nonprofit Organization "Laboratory of Prehistory", St. Petersburg, Russia**E-mail: labprehistory@yandex.ru*

The study of raw material procurement strategies in the Paleolithic of the Caucasus reveals the existence of remote migrations of ancient man. In the Stone Age, obsidian was a raw material that was highly valued and transported over distances of more than 200–250 km. In Elbrus region, in the valley of the Baksan river, there is a large field of obsidian which was carried to the North-Western Caucasus in the Middle and Upper Paleolithic. However, in that region, not a single stratified Middle Paleolithic site had been known until the first cave site of Saraj-Chuko was discovered in 2016. Deposits of the late Paleolithic are known only in the rockshelters of Sosruko and Badynoko. The reference site for the development of chronological and cultural issues of the Upper Paleolithic and Mesolithic of the Central Caucasus is the Sosruko rockshelter. Investigations of 2017 allowed us to obtain new data on the Paleolithic of Elbrus region.

Keywords: Paleolithic, Caucasus, stone industry, migration, raw material procurement strategies.

REFERENCES

- Derevyanko A.P., Zenin V.N., Anoykin A.A., Rybin E.P.*, 2005. The multi-layer location of the Stone Age in Kabardino-Balkaria // *Problemy paleontologii i arkheologii yuga Rossii i sopredel'nykh territoriy: materialy mezhdunarodnoy konferentsii [Issues of paleontology and archaeology of southern Russia and adjacent territories: Proceedings of the International Conference]*. Rostov-na-Donu: TsVVR, pp. 24–26. (In Russ.)
- Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Nedomolkin A.G., Shackley M.S.*, 2017. The first Middle Palaeolithic site exhibiting obsidian industry on the northern slopes of the Central Caucasus. *Antiquity*, vol. 91, iss. 359. P. 1–6.
- Doronicheva E.V., Shackley M.S.*, 2014. Obsidian exploitation strategies in the Middle and Upper Paleolithic of the Northern Caucasus: New data from Mezmaiskaya cave. *PaleoAnthropology*, pp. 565–585.
- Golovanova L.V.*, 2015. Les hommes de Néanderthal du Caucase du Nord: entre l'Ouest et l'Est. *L'Anthropologie*, vol. 119, iss. 2, pp. 254–301.
- Golovanova L.V., Doronichev V.B.*, 2012. The Imereti Culture in the Upper Paleolithic of Caucasus: past and present studies // *Pervobytnyye drevnosti Evrazii: K 60-letiyu A.N. Sorokina [Prehistoric Eurasia: to Aleksei N. Sorokin's 60th anniversary]*. Moscow: IA RAN, pp. 59–102. (In Russ.)
- Golovanova L.V., Doronichev V.B., Levkovskaya G.M., Lozovoy S.P., Nesmeyanov S.A., Pospelova G.A., Romanova G.P., Kharitonov V.M.*, 2006. Peshchera Matuzka [Matuzka Cave]. St.Petersburg: Ostrovityanin. 194 p.
- Richter T., Garrard A.N., Allock S., Maher L.A.*, 2011. Interaction before Agriculture: Exchanging Material and Sharing Knowledge in the Final Pleistocene Levant. *Cambridge Archaeological Journal*, vol. 21, iss. 1. P. 95–114.
- Seletskiy M.V., Shnayder S.V., Zenin V.N., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Alisher kzy S.*, 2017. Epipaleolytic complexes of Badynoko rockshelter (Elbrus region) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 418, pp. 147–162. (In Russ.)
- Vereshchagin N.K.*, 1959. Mlekopitayushchiye Kavkaza [Mammals of the Caucasus]. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 703 p.
- Zamyatnin S.N., Akritas P.G.*, 1957a. Studies of the Stone Age in Kabarda (1954–1955) // *Uchenyye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta [Transactions of Kabardino-Balkarian Research Institute]*, XI. Nal'chik, pp. 415–453. (In Russ.)
- Zamyatnin S.N., Akritas P.G.*, 1957b. Excavations of Sosruko grotto in 1955 // *Uchenyye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta [Transactions of Kabardino-Balkarian Research Institute]*, XIII. Nal'chik, pp. 431–455. (In Russ.)
- Zenin V.N., Orlova L.A.*, 2006. The Stone Age of the Baksan Gorge (chronological aspect) // *XXIV Krupnovskiy chteniye [XXIV Krupnov readings]*. Nal'chik, pp. 54–57. (In Russ.)

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ ПОСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕДОНСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ РЫКАНЬ-3

© 2019 г. Е.И. Гак^{1,*}, Е.Е. Антипина^{2,**}, Е.Ю. Лебедева^{2,***}, Э. Кайзер^{3,****}

¹Государственный исторический музей, Москва, Россия

²Институт археологии РАН, Москва, Россия

³Свободный университет, Берлин, Германия

*E-mail: e.i.gak@mail.ru

**E-mail: bikanty@inbox.ru

***E-mail: elena.archbot@mail.ru

****E-mail: ekaiser@zedat.fu-berlin.de

Поступила в редакцию 29.03.2018 г.

Статья посвящена моделированию структуры хозяйства поселения Рыкань-3 (XXVI–XXIV вв. до н.э.) – однослойного памятника эпохи средней бронзы в центре лесостепного Подонья. Сведения о хозяйственных занятиях и промыслах получены по материалам раскопок поселения археологическими и естественнонаучными методами. Особое значение для реконструкции экономического уклада имеют археозоологические исследования массовых костных остатков, определения археоботанических находок и верификация их возраста радиоуглеродным датированием. Привлечены также археологические и палеопочвенные данные, характеризующие природную среду, топографию, внутреннее устройство, функции и связи различных объектов, продолжительность существования поселения. В результате комплексного анализа сделан вывод об отсутствии земледелия и собирательства в хозяйственном активе обитателей поселка. Установлено, что второстепенные занятия (охота, рыболовство, ткачество, камнеобработка, деревообработка, обработка кости и рога, выделка шкур и кожи, изготовление керамики), как и вся организация быта, подчинялись скотоводству – основной отрасли жизнеобеспечения. Выявленная иерархия домашних копытных с абсолютным доминированием в стаде крупного рогатого скота при существенных различиях размеров животных говорит о подвижных формах содержания. Данные к определению характера (назначения) поселка в целом указывают на его функционирование в качестве зимней стоянки. Впервые в практике исследований памятника катакомбной общности III тыс. до н.э. обоснована модель сезонного проживания и хозяйствования в условиях лесостепи небольшой семейно-родовой группы подвижных скотоводов.

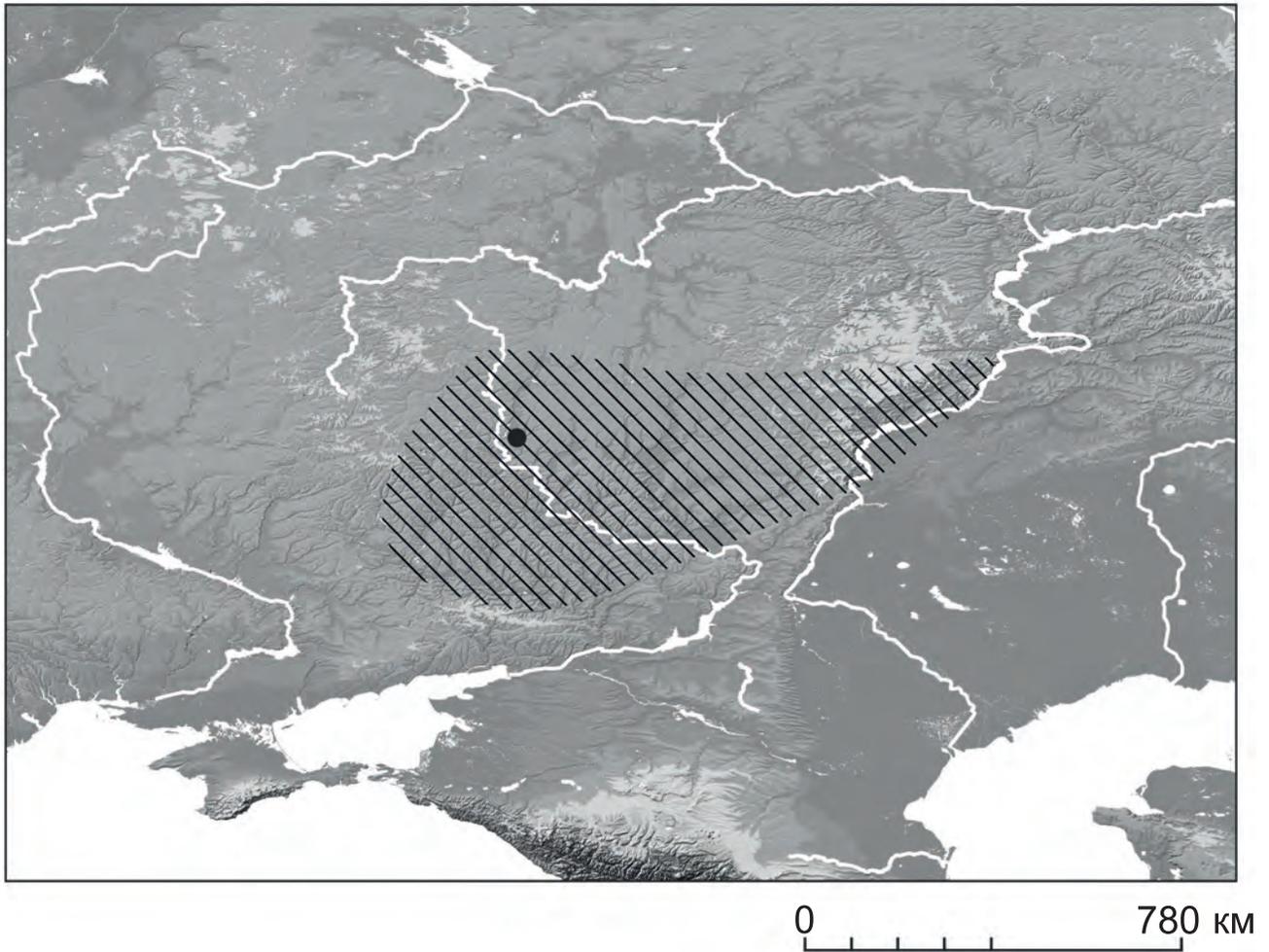
Ключевые слова: эпоха средней бронзы, среднедонская катакомбная культура, поселение, хозяйство, скотоводство, сезон.

DOI: 10.31857/S086960630004788-5

Среднедонская культура – самое северное образование в ареале катакомбной общности эпохи средней бронзы. Большинство памятников среднедонской катакомбной культуры (далее – СКК) расположено в лесостепной зоне Восточной Европы. Значительную их часть составляют поселения, являющиеся основными источниками по изучению хозяйственной деятельности носителей СКК. Направления этой деятельности, отраженные в материалах раскопок многослойных поселений, обсуждались в литературе (Пряхин, 1982. С. 145–153; Ивашов, 2002. С. 48–50; Санжаров, 2004. С. 78–88; Антипина, 2011а). Постулируется,

что базовой отраслью хозяйства СКК было скотоводство с преобладанием в стаде крупного рогатого скота. В вопросах о форме скотоводства (подвижное, полуподвижное, оседлое), наличии и роли других занятий и промыслов мнения разноречивы и не всегда подкреплены убедительной аргументацией.

В этом свете безусловный интерес представляют результаты междисциплинарных исследований однослойного поселения Рыкань-3, которое по сохранности, информативности и степени изученности выделяется в ряду подвигавшихся раскопкам бытовых памятников СКК (Гак, 2013). Поселение находится в

Рис. 1. Поселение Рыкань-3 в ареале среднедонской катакомбной культуры.
Fig. 1. The settlement Rykan-3 in the area of the Middle Don Catacomb culture

центре лесостепного Подонья (рис. 1), на правом берегу р. Усмань (левый приток р. Воронеж левого притока р. Дон). Материалы поселения распространяются на трех разделенных эрозионными промоинами площадках, занимая около 1 га (рис. 2). Наибольшую протяженность имеет освоенная первоначально центральная площадка. Южный ее край уничтожен рекой. В большей степени рекой разрушена восточная площадка. Западная площадка отделена от русла Усмани неширокой поймой и сохранилась целиком. Территория поселения не распахивалась и не застраивалась. Лишь местами на западе она повреждена ямами нового и новейшего времени.

Раскопки поселения проводились в 1979 г. Ю.П. Матвеевым, в 2009–2014 гг. Е.И. Гаком. Всего вскрыто 1492 м². На основной площадке

изучено почти все полезное пространство, на периферийных площадках — наиболее информативные части. В результате комплексных исследований удалось реконструировать планировку поселения, установить ее зависимость от палеорельефа, уточнить время существования, функции и инфраструктурные связи отдельных объектов (Гак, Борисов, 2011; 2012; Гак, 2013; Гак, Давыдов, 2014; Гак и др., 2014).

На основной площадке локализованы три наземные каркасно-столбовые постройки. Внутри каждой из них находился котлован. В постройке 1 таковым являлся углубленный пол центральной части помещения. Котлованы построек 2 и 3 служили подпольными погребями для хранения продуктов. Полом в этих постройках была дневная поверхность. Очаги, кострища, небольшие бытовые ямы

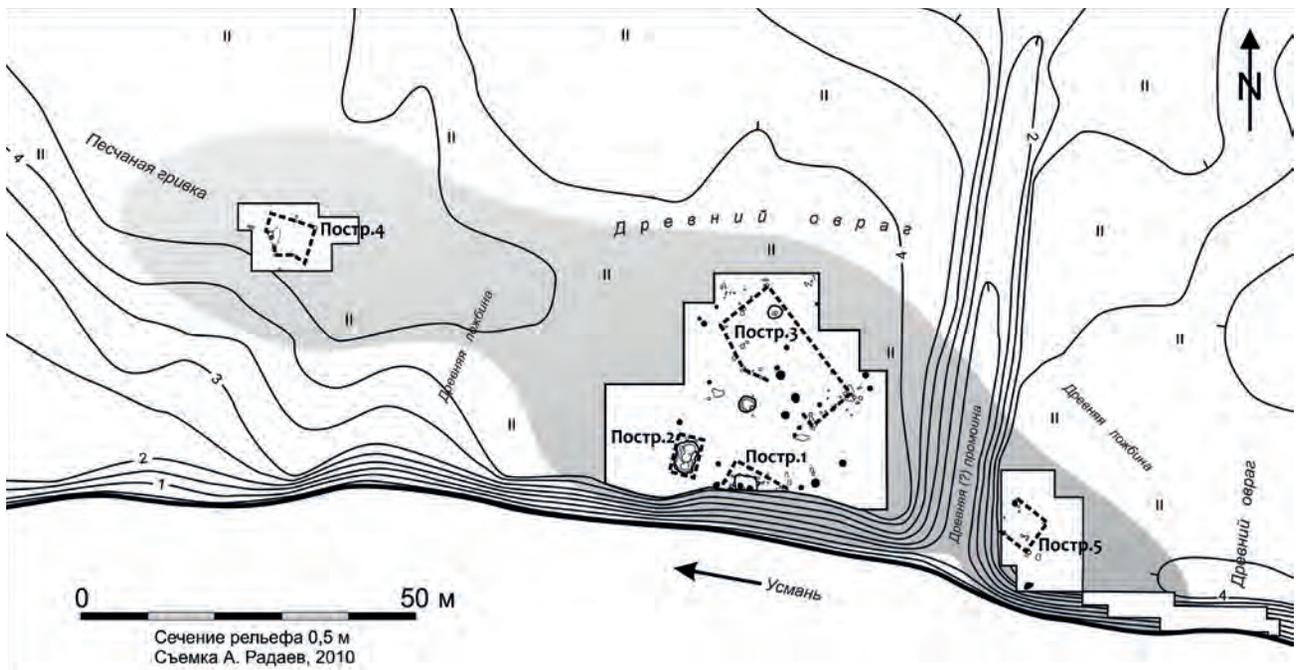

Рис. 2. Поселение Рыкань-3 по данным комплексных исследований.

Fig. 2. The settlement Rykan-3 according to comprehensive research

выявлены в пределах и снаружи помещений. В расположении построек и сопутствующих им объектов отчетливо просматривается кольцевая планировка вокруг котлована с пирогенным заполнением — сакрального центра поселения. На периферийных площадках локализованы постройки с неуглубленным полом, аналогичные постройке 3. Керамика этих площадок имеет черты преемственной взаимосвязи с керамикой основного участка, что можно трактовать как последовательное расширение поселения. При этом степень сходства достаточно велика, чтобы предполагать связь с одним семейно-родовым коллективом. По особенностям посуды и некоторых вещевых находок период существования поселения вписывается в рамки первой половины — середины развитого этапа СКК. Абсолютная хронология определяется с учетом полученных для поселения и других памятников СКК радиоуглеродных дат XXVI — XXIV вв. до н.э. (Гак, 2013. С. 150–159).

Свидетельства хозяйственной деятельности выявлены в материалах поселения археологическими и естественнонаучными методами. Для реконструкции основных направлений хозяйства проведен комплексный анализ массовых костных остатков, предпринято прямое радиоуглеродное датирование археоботанических материалов (плодов и семян), полученных

в ходе раскопок и систематической флотации культурного слоя.

Археозоологические данные. Коллекция костей животных исследовалась по методологической схеме, разработанной в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН. Кроме анатомической и таксономической идентификации костных остатков, она предполагает фиксацию тафономической сохранности костей, степень их раздробленности (фрагментированности), присутствие следов искусственного воздействия. Регистрируются также возрастные, половые и размерные характеристики, наличие патологий. Отдельным этапом выступает анализ полученных оценок и их экстраполяция на структуру хозяйства (Антипина, 2004; 2008; 2016).

В данной статье обсуждаются характеристики, в наибольшей мере обусловленные хозяйственными факторами: таксономический состав; анатомические и остеологические спектры; размеры животных и костные патологии; схема забоя скота по разным возрастным группам. Естественная сохранность большей части коллекции оказалась плохой и лишь по отдельным выборкам — удовлетворительной (2–3 балла), что отражает неблагоприятные тафономические условия археологизации органических остатков, связанные

Таблица 1. Поселение Рыкань-3. Структура остеологической коллекции (раскопки 2009–2014 гг.)**Table 1.** The settlement Rykan-3. The structure of the osteological collection (excavations of 2009–2014)

Культурный слой и объекты	Кости животных (абсолютное число)				Объем в дм ³	ИР*	Процент определенных костей	ЕС**
	Определенные	Неопр. от крупных по размерам	Неопр. от средних по размерам	Всего				
Центральный участок								
Пласт 1	89	45	2	136	3.2	42.5	65.4	2–3
Пласт 2	747	587	51	1385	29.5	46.9	53.9	2–3
Пласт 3	1020	865	32	1917	30.5	62.9	53.2	2–3
Пласт 4	184	133	19	336	7.9	42.5	54.8	2
Постр. 1	23	25	3	51	1.0	51.0	45.1	2
Постр. 2	93	9	1	103	2.0	51.5	90.3	3
Постр. 3	29	42	4	75	1.0	75.0	38.7	1
Центр-котлован	76	62	21	159	2.0	79.5	47.8	2–3
Прочие объекты	124	400	42	566	3.0	188.7	21.9	1–2
Всего	2385	2168	175	4728	80.1	59.0	50.4	2.5
Западный участок								
Пласт 1–3	49	22	–	71	2.0	35.5	69.0	2
Пласт 4	57	37	–	94	3.0	31.3	60.6	2
Пласт 5–6	36	31	4	71	2.0	35.5	50.7	1–2
Всего	142	90	4	236	7.0	33.7	60.2	1.8
Восточный участок								
Пласт 1–2	6	7	1	14	0.7	20.0	42.9	2
Пласт 3	71	146	7	224	4.6	48.7	31.7	2–3
Пласт 4	203	306	34	543	12.4	43.8	37.4	2
Пласт 4 (скопления)	312	726	9	1047	14.6	71.7	29.8	3
Пласт 5–6	49	57	0	106	2.5	42.4	46.2	2
Всего	641	1242	51	1934	34.8	55.6	33.1	2.3
Итого	3168	3500	230	6898	121.9	56.6	45.9	2.2
Процент	45.9	50.7	3.3	100.0				

*ИР – индекс раздробления: число костей в объеме 1 дм³.
**ЕС – естественная (тафономическая) сохранность костей.

Таблица 2. Поселение Рыкань-3. Структура выборки определимых костных остатков, распределение костей домашних животных в культурном слое и их остеологический спектр (раскопки 2009–2014 гг.)

Table 2. The settlement Rykan-3. Sampling structure of detectable bone residues, the distribution of domestic animal bones across the culture layer and their osteological spectrum (excavations of 2009–2014)

Культурный слой и объекты	Кости животных										Всего
	Домашних:						Диких		Свиньи, форма не известна		
	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	Собака	Сумма		Сумма			
						Число	%	Число	%	Число	
Центральный участок											
Пласт 1	61	17	8	—	—	86	96.6	3	3.4	—	89
Пласт 2	556	98	43	1	1	699	93.6	48	6.4	—	747
Пласт 3	713	117	116	1	—	947	93.1	70	6.9	3	1020
Пласт 4	129	31	18	—	—	178	96.7	6	3.3	—	184
Постр. 1	16	5	2	—	—	23	100.0	—	—	—	23
Постр. 2	76	4	13	—	—	93	100.0	—	—	—	93
Постр. 3	20	4	5	—	—	29	100.0	—	—	—	29
Центр-котлован	45	12	18	—	—	75	98.7	1	1.3	—	76
Прочие объекты	69	21	34	—	—	124	100.0	—	—	—	124
Всего	1685	309	257	2	1	2254	94.6	128	5.4	3	2385
Западный участок											
Пласт 1–3	34	14	1	—	—	49	100.0	—	—	—	49
Пласт 4	45	8	3	—	—	56	98.2	1	1.8	—	57
Пласт 5–6	32	3	1	—	—	36	100.0	—	—	—	36
Всего	111	25	5	—	—	141	99.3	1	0.7	—	142
Восточный участок											
Пласт 1–2	5	1	—	—	—	6	100.0	—	—	—	6
Пласт 3	41	21	4	—	1	67	94.4	4	5.6	—	71
Пласт 4	107	81	1	—	—	189	95.0	10	5.0	4	203
Пласт 4 (скопления)	178	133	—	—	—	311	99.7	1	0.3	—	312
Пласт 5–6	31	11	—	—	—	42	85.7	7	14.3	—	49
Всего	362	247	5	—	1	615	96.6	22	3.4	4	641
Итого	2158	581	267	2	2	3010	95.2	151	4.8	7	3168
Спектр (%)	71.7	19.3	8.9	0.07	0.07	100.0					

Рис. 3. Экзостозы (указаны стрелками) на первой фаланге домашней лошади из раскопок поселения Рыкань-3.

Fig. 3. Exostoses (indicated with arrows) on the first phalanx of a domestic horse from the excavations of the settlement Rykan-3

с повышенной влажностью напластований и активностью почвенной биоты. Хотя тафономический фактор повлиял на степень раздробления всех костных остатков, лучше других сохранились самые малые по размерам обломки из слоя центральной площадки у кострища вблизи постройки 2, на территории постройки 3 и над котлованом с пирогенным заполнением. Количественный объем коллекции — около 7000 обломков костей, среди которых до видового уровня определено 46% (табл. 1).

Остеологический материал Рыкани-3 включает, как и на других бытовых памятниках СКК (Журавлев, 2001; Антипина, 2011а), кости пяти видов домашних копытных: крупного рогатого скота (КРС) — *Bos taurus*, лошади — *Equus caballus*, мелко рогатого скота (МРС) — *Ovis aries*/*Capra hircus*, свиньи — *Sus scrofa forma domestica* и собаки — *Canis familiaris*. Среди диких животных 9 охотничьих видов — кабан (*Sus scrofa f. ferus*), лось (*Alces alces*), косуля (*Capreolus capreolus*), медведь (*Ursus arctos*), волк (*Canis lupus*), лисица (*Vulpes*

vulpes), барсук (*Meles meles*), куница (*Martes sp.*), бобр (*Castor fiber*), еще недавно обычных в современной фауне лесостепного Подонья (табл. 2).

Само по себе присутствие на поселении домашних копытных — коров/быков, лошадей, овец, коз и свиней — не противоречит общим закономерностям становления и развития скотоводства в восточноевропейской степи и лесостепи (Цалкин, 1958; Журавлев 2001; Антипина, Моралес, 2005; и др.). Однако в эпоху бронзы эти регионы являлись одновременно и местом обитания диких представителей как минимум трех из этих видов — быка, лошади и свиньи. Поэтому уточнение принадлежности обнаруженных костных остатков диким или домашним животным актуально.

Идентификация домашнего статуса быков и лошадей на поселении подтверждается фиксируемыми на ряде костей специфическими патологиями единой природы. На большинстве фаланг и фрагментах метаподий крупных парнокопытных с таксономической идентификацией Быки (*Bos*) имеются одновременно и экзостозы (остеофиты), и дегенеративные явления на суставной площадке, а также ее увеличение. Такое сочетание отражает повышенную нагрузку на суставы конечностей у тягловых животных (Bartosiewicz, Van Neer, Lentacker, 1997), что однозначно указывает на принадлежность этих остатков домашнему скоту. Сходные патологические проявления встречены на первых (путовых) фалангах и на дистальных частях лучевых костей рыканьских лошадей (рис. 3).

Главная интрига таксономического состава животных на поселении остается в отношении домашней свиньи. Выборка костей этого вида включает 73 фрагмента от разных отделов скелета кабана, т.е. дикой свиньи. Еще пять — кости молодых особей, принадлежность которых к той или иной форме не ясна, поэтому они отнесены к группе *Sus sp.* Только обломки двух костей домашней мелкой свиньи во всей коллекции могут обсуждаться как древние. Оба происходят из слоя. Пока их возраст не удостоверен радиоуглеродными датами, вопрос о присутствии этого вида животных в хозяйственном активе поселка является открытым.

Результаты таксономической идентификации животных показали, что около 95% костей в коллекции принадлежат домашним копытным, с превалированием КРС — 69% (табл. 2).

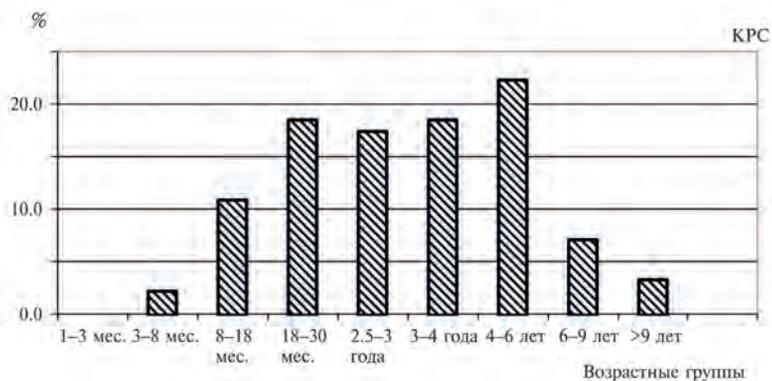

Рис. 4. Поселение Рыкань-3. Возрастная структура КРС (по 170 разрозненным зубам).

Fig. 4. The settlement Rykan-3. The age structure of beef cattle (based on 170 scattered teeth)

Единичные разрозненные кости собак обнаружены на центральной и восточной площадках, а также в нише котлована постройки 2 как строительная жертва. Среди диких животных наибольшее число остатков принадлежит кабану (около 50%), далее по численности — кости лося (28%), медведя (около 9%) и бобра (6%).

Основную часть коллекции составляют, несомненно, кухонные остатки, среди которых присутствуют практически все элементы скелета домашних копытных. Такая анатомическая структура маркирует разделку целых туш прямо на поселении. При этом обнаружено доминирование эпифизарных частей над остатками диафизов, что отражает целенаправленный отбор плотной компакты костей для разных хозяйственно-бытовых потребностей. Свидетельствами использования костей животных в обыденной жизни поселения являются находки костяных изделий разного назначения.

Напомним, что размах изменчивости размеров взрослых домашних животных одной популяции отражает, прежде всего, масштабы обеспеченности их кормами и прочие условия содержания. Размеры большинства фаланг взрослых быков и коров из Рыкани-3 аналогичны данным по другим восточноевропейским памятникам эпохи бронзы и указывают на их принадлежность крупным особям — до 130 см в холке. Но в коллекции есть и кости более мелких особей, сходных с древнерусским скотом лесных регионов. Такие значительные различия в размерах животных превосходят обычный для одного стада КРС половой диморфизм и могут быть соотнесены

либо с особями разного хозяйственного назначения, либо с животными, которые содержались на кормах с различной пищевой ценностью. Вероятно, здесь мы наблюдаем обе эти ситуации.

Габитус рыканьских лошадей оценивался лишь на качественном уровне, так как целых костей для получения промеров в коллекции крайне мало. Все останки лошадей происходят от крупных и средних по размерам животных.

Мелкий рогатый скот имел также сравнительно крупные размеры. Речь идет практически только об овцах, поскольку именно их скелетные остатки в заметном количестве идентифицированы среди костей МРС, а коза определена лишь по одному астрагалу.

Количество сохранившихся зубов только для КРС (170 экз.) позволяет реконструировать систему забоя животных на мясо, связанную с возрастом. В схеме забоя отсутствуют «летние» телята до 3 месяцев (рис. 4). Крайне малочисленна группа телят от 3 до 6–8 месяцев (около 2%), забой которых происходил в течение осени и зимы. Особи от 8 месяцев до 1.5 лет составляют около 11% возрастного спектра. А основную массу мяса, по-видимому, получали от животных в возрасте с 1.5 до 6 лет (76%). Хотя в коллекции находились зубы и совсем старых коров/быков старше 9 лет (3%).

По сравнению с КРС возрастная структура лошадей менее достоверна, она базируется на 60 экз. зубов. Однако несомненным является тот факт, что все забитые на поселении лошади уже достигли размеров взрослых животных.

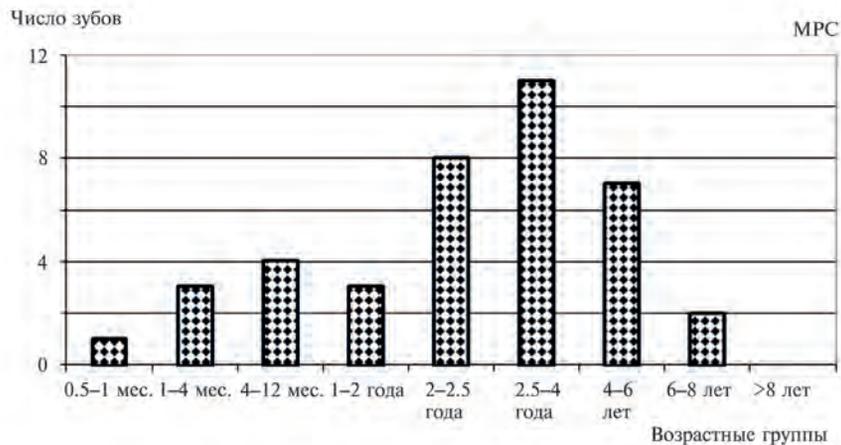

Рис. 5. Поселение Рыкань-3. Возрастной диапазон MPC (по 39 разрозненным зубам).

Fig. 5. The settlement Rykan-3. The age range of small ruminants (based on 39 scattered teeth)

Их возраст показал очень широкие рамки — от 3 до 20 лет.

Среди остатков MPC сохранились лишь 39 зубов, что дает основание обозначить только общий их возрастной диапазон. Зубы принадлежали особям от 1–4 месяцев до 6–8 лет (рис. 5). В скоплении мелких костей у кострища вблизи постройки 2 обнаружен скакательный сустав новорожденного ягненка или козленка. Если эти остатки маркируют ранневесенний (март) сезон гибели животного, то смерть молочного молодняка в возрасте 3–4 месяцев приходится на летний период. Трудно предположить, где и как она наступила, поскольку зубов данной возрастной группы всего 3.

В целом, данные по возрастной структуре домашних копытных позволяют утверждать, что на мясо забивались главным образом взрослые коровы, быки и лошади, достигшие почти оптимальных весовых показателей. Расчет относительных объемов потребления мяса этих видов показал безусловное преобладание говядины в повседневном рационе. Аналогичные мясные диеты фиксируются на многих поселениях эпохи бронзы (Антипина, 2004; 2011а; б).

Структура потребления мяса домашних копытных выявляет соотношение видов этих животных в хозяйстве (Антипина, 2008). Обсуждаемые материалы однозначно свидетельствуют о доминировании крупного рогатого скота в рыканьском стаде, на втором месте по численности стояли лошади, третью позицию занимали овцы, а козы были единичны. Вопрос, где и как содержалось это стадо, связан с формой скотоводства и его значением в

хозяйственной структуре поселения. Археозоологические исследования показывают ведущую роль скотоводческой отрасли хозяйства в обеспечении жителей мясной продукцией, но не достаточны для построения модели скотоводства. Такую возможность дает анализ археозоологических данных в комплексе с археологическими, ландшафтно-экологическими и археоботаническими.

Ландшафтно-экологические и археологические данные. Топографию поселения определяет его расположение на первой надпойменной террасе высотой 3–4 м над летним урезом воды, что сопоставимо с уровнем высоких пойм. Особенности палеоландшафта позволяют судить данные фитолитного анализа (выполнен О.Г. Заниной), который в образцах культурного слоя выявил биоморфы как типичных сухостепных видов, так и бореальной лесной растительности. Причем биоморфный спектр древней и современной фоновой почвы оказался близким, что указывает на сходство природных условий нашего времени и времени функционирования поселка.

Культурный слой поселения имеет небольшую мощность (до 20 см). По данным палеопочвенных исследований он слабо обогащен биогенными и техногенными микроэлементами. Даже такой индикатор, как содержание фосфатов, незначительно отличает культурный слой от выше- и нижележащих горизонтов почвы (Гак, Борисов, 2011. С. 122). При этом на поселении реконструируются небольшие постройки технического назначения и крупное двухкамерное наземное сооружение

(Гак и др., 2014. С. 26–27). О капитальности строений свидетельствуют следы мощных, сильно просевших под давлением кровли столбовых опор, углубленность пола, погреб для хранения продуктов. Примечательно сосредоточение построек вокруг культовой ямы с пироженными отходами из кострищ и очагов, хаотично разбросанных на центральной площадке поселения. Многие кострища находились вне помещений, но очень близко к ним, и не имели признаков приготовления пищи.

Для поселения характерен высокий процент измельченного массового материала. Обломки посуды размером до 2 см² составляют на разных участках памятника от 58 до 72%. Высока и степень раздробленности костных остатков: почти две трети из них – это фрагменты менее 8 см². По-видимому, кухонный мусор долго лежал на поверхности, подвергаясь постоянному физическому выветриванию и разрушению.

Из раскопок поселения получены данные о второстепенных занятиях его обитателей: глиняные пряслица (ткачество); кремневые чешуйки, найденные вместе с бракованными и сломанными изделиями (обработка кремня); заготовки топоров из твердых пород камня (камнеобработка); ложила и шпатели из фрагментов сосудов, костяной орнаментир (изготовление керамики); плотницкое каменное тесло с желобчатым лезвием и следы от деревянных столбов наземной конструкции построек (деревообработка); медное изогнутое шильце, кремневые проколки и скребки (выделка шкур и кожи); заготовки и изделия со следами резки, лощения и орнаментации в археозоологической коллекции (обработка кости и рога). Рыболовство, как дополнительный источник жизнеобеспечения, засвидетельствовано находкой позвонков щуки *Esox lucius* L. (определение Е.К. Сычевской) в погребке постройки 2.

Результаты археоботанических исследований дали повод предполагать в хозяйстве поселения собирательство и земледелие. Этот аспект, учитывая его особую актуальность в археологии бронзового века Восточной Европы, имеет смысл рассмотреть более подробно.

Археоботанические материалы и верификация их возраста. Рыкань-3 – единственное поселение катакомбной общности, где проводились системные археоботанические сборы и исследования. Коллекция насчитывает 63 флотационных образца и еще два визуально

найденных в ходе раскопок карбонизированных плодов. Образцы получены с применением методики обычной ручной флотации (Лебедева, 2008; 2016). Всего промывке было подвергнуто 633 литра почвы (культурного слоя).

Карбонизированные растительные макроостатки (53 экз.) обнаружены в 19 флотационных образцах. Местоположение находок связано с различными участками культурного слоя, очагами и кострищами, столбовыми ямами, котлованом постройки 3. Культурные растения представлены тремя зерновками проса обыкновенного *Panicum miliaceum*. Все они достаточно плохой сохранности. Это первые находки культурных злаков на поселениях катакомбной общности. До сих пор известно было лишь о мешке с колосками двух видов пленчатой пшеницы из погребения у с. Болотное в Крыму (Корпусова, Ляшко, 1990). Не менее любопытны плоды лесных растений, впервые найденные на поселениях бронзового века в России. Среди них семя малины *Rubus idaeus*; четыре фрагмента скорлупок лесного ореха *Corylus avellana*; фрагмент верхней части косточки сливовых, по форме более всего похожей на терн cf. *Prunus spinosa*, а также фрагмент ореха (семя без околоплодника) – предположительно желудя cf. *Quercus* sp. Непосредственно из раскопок происходят еще один целый лесной орех и два фрагмента одной полной семядоли желудя.

Большинство растительных макроостатков принадлежит семенам сорных и дикорастущих трав (40 экз.). Верифицировано 12 таксонов разного уровня: от семейства до вида. Чаще других встречаются представители семейства мареновых Rubiaceae (7 экз.) – подмаренники и ясменник (*Galium* sp., *Asperula* sp.), пятью экземплярами представлены осоковые (*Cyperaceae*), четыремя – марь гибридная (*Chenopodium hybridum*), по три семени – гречишные (*Polygonaceae*) и вика (*Vicia* sp.).

Взросший в последнее время интерес к проблеме происхождения проса и его распространения по евразийскому континенту (Hunt et al., 2008; Motuzaitė-Matuzevičiūtė et al., 2013; Miller et al., 2016), а также редкость обнаружения культурных злаков на поселениях эпохи бронзы Восточной Европы (Лебедева 2005; 2016), обусловили необходимость верификации прямым радиоуглеродным AMS-датированием возраста археоботанических находок из Рыкани-3 прежде, чем они будут введены в научный оборот. Для датирования были отоб-

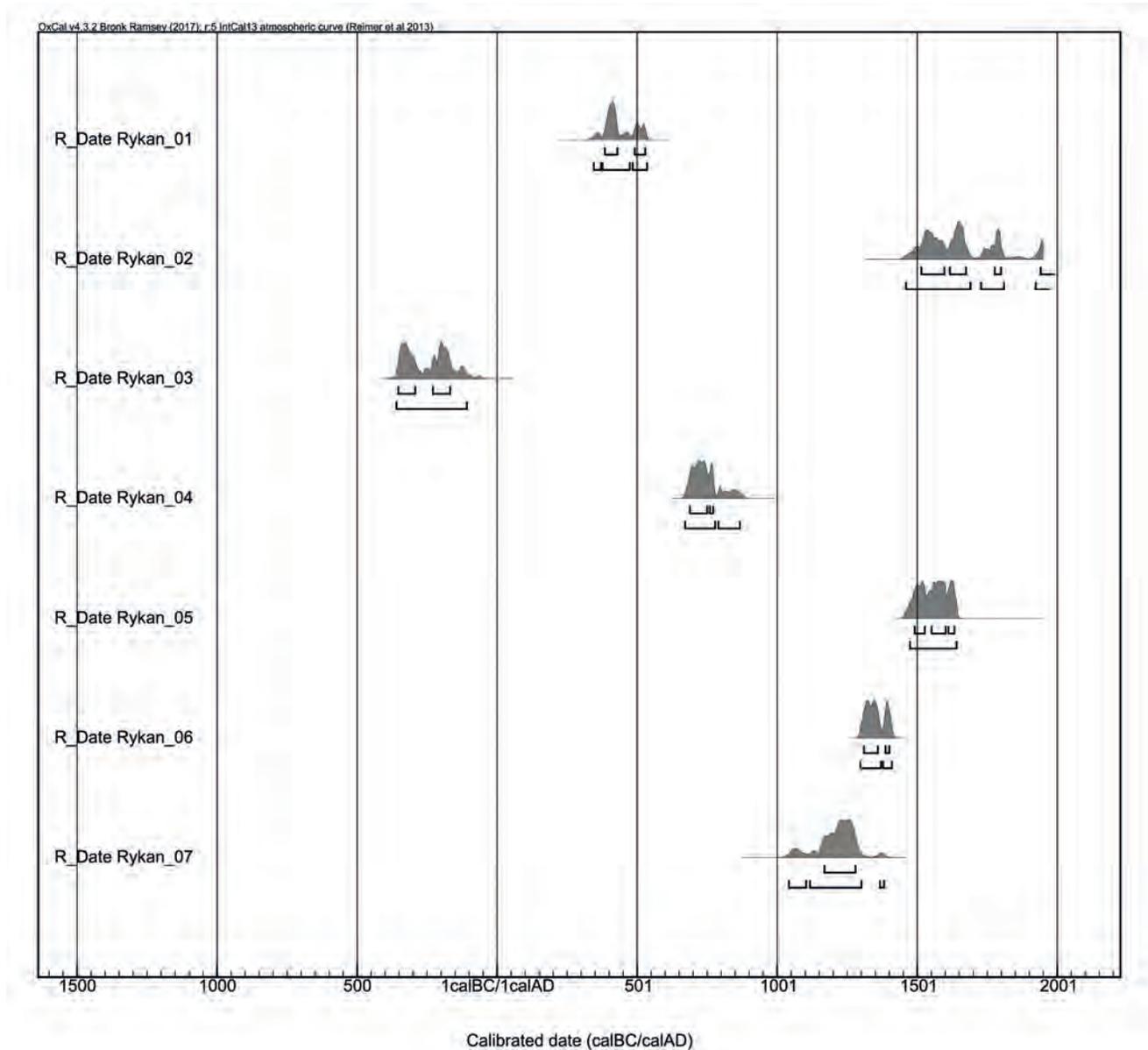

Рис. 6. Поселение Рыкань-3. Калиброванные радиоуглеродные даты археоботанических находок.

Fig. 6. The settlement Rykan-3. Calibrated radiocarbon dates of archeobotanical finds

раны семь образцов: все три зерновки проса, а также плоды возможного собирательства — две скорлупки лесного ореха, один фрагмент желудя и одно семя малины. Эти находки были сделаны на разных глубинах и участках памятника, в том числе на севере его вблизи бывших пахотных угодий. Три из них происходят из объектов: одна зерновка проса (№ 1)¹ связана с кострищем центральной площадки, вторая зерновка (№ 3) и семя малины (№ 7) —

¹ Номера образцов даны по табл. 3.

со столбовыми ямами западной площадки. Остальные датированные макроостатки выявлены в образцах из культурного слоя вне сооружений.

Исследования проводились на ускорительном масс-спектрометре в радиоуглеродной лаборатории г. Познань². В результате получены совершенно разные ¹⁴C-даты, которые после калибровки показали несовпадающие

² Анализы финансировались Excellencecluster TOPOI (Берлин) и РФФИ.

Таблица 3. Поселение Рыкань-3. Результаты радиоуглеродного датирования археоботанических находок**Table 3.** The settlement Rykan-3. Results of radiocarbon dating of archaeobotanical finds

№ образца	Материал (№ ан. ИА РАН)	Шифр лаб.	Возраст ¹⁴ C	cal BC (с вероятностью 95.4%)	Примечание лаборатории
01	Зерновка проса обыкновенного (2521)	Poz-61887	1630 ± 30 BP	346AD (49.4%) 371AD 377AD (64.6%) 475AD 485AD (24.9%) 536AD	0.4mgC
02	Зерновка проса обыкновенного (2533)	Poz-61888	260 ± 60 BP	1461AD (70.3%) 1691AD 1729AD (18.9%) 1811AD 1924AD (6.2%) ...	0.16mgC
03	Зерновка проса обыкновенного (2525)	Poz-61889	2165 ± 35 BP	360BC (95.4%) 109BC	0.8mgC
04	Скорлупка лесного ореха (2534)	Poz-61890	1255 ± 30 BP	672AD (57.7%) 779AD 790AD (15.1%) 868AD	—
05	Фрагмент желудка (2538)	Poz-61891	335 ± 30 BP	1475AD (95.4%) 1641AD	—
06	Скорлупка лесного ореха (2528)	Poz-61893	595 ± 30 BP	1298AD (69.7%) 1371AD 1379AD (25.7%) 1410AD	—
07	Семя малины (2529)	Poz-65951	790 ± 70 BP	1043AD (8.6%) 1104AD 1118AD (85.2%) 1302AD 1367AD (1.5%) 1382AD	0.15mgC

промежутки времени, далекие от возможного для поселения диапазона (рис. 6, табл. 3). Самой древней является дата зерновки проса № 3 – 360-109 cal BC (с вероятностью 95,4%). Остальные даты относятся к последним двум тысячелетиям. Радиоуглеродный возраст находки № 2 ввиду сравнительно большого отклонения от стандарта ±60 лет и плоского отрезка калибровочной кривой невозможно определить однозначно³.

Все без исключения временные интервалы полученных дат позволяют утверждать, что исследованные зерна, семена и плоды оказались обугленными, когда катакомбного поселения уже не существовало. Значительная разница в датировках со всей очевидностью указывает на то, что люди в разное время на протяжении как минимум полутора тысячелетий осваивали округу памятника, и это стало причиной появления растений на всех его площадках. А попаданию последних в культурный слой помогали грызуны и насекомые. Проведенное радиоуглеродное датирование снимает вопрос о собирательстве и земледелии

³ На это обстоятельство указал заведующий лабораторией Томаш Гослар.

как о хозяйственных отраслях на поселении. Оно также избавляет от необходимости возвращаться к теме земледелия в катакомбной общности и на территории Восточной Европы в среднем бронзовом веке. А упомянутой выше находке зерна из погребения в Крыму, которая почти 40 лет так и остается единственной в своем роде, уже предложена другая интерпретация, не связанная с земледелием (Лебедева, 2005). Равным образом, мы не можем считать прямыми свидетельствами земледельческой практики и единичные отпечатки культурных злаков, выявленные на керамике из катакомбных погребений в нижнеднепровских курганах (Кузьминова, 1990).

Наш случай несоответствия археологического контекста археоботанических находок результатам их абсолютного датирования не уникален. В последние годы в связи с широким применением в археоботанической практике радиоуглеродного AMS-датирования зерен и семян число публикаций, где обсуждается эта проблема, заметно увеличилось (Borojevic, 2011; Stevens, Fuller, 2012; Motuzaite-Matuzeviciute et al., 2013; Pelling et al., 2015). И все они недвусмысленно свидетельствуют, что с какой бы тщательностью ни отбирались

археоботанические пробы, каким бы надежным ни казался археологический контекст, полностью исключить вероятность интрузии без прямого датирования семян невозможно. Особенно актуально это для поселений со слоем небольшой мощности, для многослойных памятников и, конечно же, для тех из них, где находки культурных растений встречаются в регионе впервые и где можно предполагать начало занятия земледелием.

Обсуждение результатов. Обобщение материалов исследований дает основу для реконструкции хозяйственного уклада обитателей Рыкани-3. Точкой “отсчета” стали археоботанические радиоуглеродные данные: на поселении НЕТ остатков культурных злаков, что свидетельствует об отсутствии земледельческой практики. Не выявлено и следов собирательства, хотя предпосылки для него имелись в природном окружении поселка. На этом фоне только скотоводство могло быть основной отраслью жизнеобеспечения. Именно его структуре и потребностям подчинялась организация жизни поселения.

При отсутствии земледелия скотоводство чаще всего приобретает подвижные или полуподвижные формы. Реконструированная иерархия домашних копытных в рыканьском стаде с абсолютным доминированием КРС, согласно биологическим закономерностям разведения этого вида, предполагает именно такие формы содержания. Значительные различия КРС по размерам означают наличие как породных групп разного хозяйственного назначения, так и животных, которые содержались на кормах с различной пищевой ценностью, что подтверждает подвижность стада.

Формально остатки животных на поселении регистрируют все сезоны обитания. Телят забивали в течение осени и зимы. Кости новорожденного ягненка указывают на раннюю весну, а зубы молочного молодняка МРС — на летний период года. Впрочем, март в центре европейской части России — фактическое продолжение зимы. Присутствию же единичных зубов мелкорогатого молодняка, происходящих из слоя, можно найти разные объяснения, в том числе не связанные с катакомбным поселением.

Прочие данные к определению характера (назначения) поселка либо нейтральны, либо указывают на его функционирование как зимника. Индикаторами зимнего времени

года в материалах исследований памятника являются:

1) культурный слой как вмещающий горизонт с признаками слабого антропогенного влияния, насыщенный в массе измельченными кухонными остатками;

2) планировка поселения в виде компактной кольцевой структуры с близким друг к другу расположением домов, что объективно способствовало нагнетанию и сохранению тепла;

3) капитальный характер построек, интерьер которых предполагал возможность обогрева, приготовления пищи, хранения продуктов и размещения кормовых запасов для скота;

4) нахождение внежилищных кострищ вблизи деревянных строений — ситуация, исключающая вероятность пожара только при наличии снежного покрова. Будучи незамусоренными, многие такие кострища, очевидно, служили лишь средством выделения тепла;

5) яма в центре поселения для складирования пироженных отходов и отправления ритуалов, связанных с культом огня, роль которого для человека качественно возрастала в холодное время года;

6) отсутствие в спектре хозяйственных занятий однозначно летних. Судя по находкам, интенсивно практиковались ткачество, выделка шкур и кожи, обработка кремня и твердого камня, то есть всепогодные виды деятельности. Наибольший размах они приобретают именно зимой, когда меньше людей занято уходом за молодняком, выпасом взрослых животных, а также обработкой их прижизненной продукции (молоко, кровь). Редкие свидетельства рыболовства указывают на ограниченные возможности при ледоставе. Примечателен также незначительный удельный вес костей охотничьих видов животных, отсутствие остатков птиц и, главное, следов какого-либо собирательства. Такое сочетание находит свое объяснение только на зимнем поселении (Гак, Борисов, 2017. С. 27, 28);

7) данные о сходстве природных условий времени существования поселка с современными позволяют предполагать сравнительно удобный и эффективный зимний выпас стада в ближайшей округе.

Таким образом, поселение Рыкань-3 следует рассматривать как экологически обусловленную хозяйственную единицу, в структуре экономики которой основной отраслью было

скотоводство. В целом, можно говорить о временном, но повторяющемся пребывании на поселении нескольких поколений его жителей в холодный период года. Впервые в результате комплексных исследований памятника катакомбной общности III тыс. до н.э. выстроена модель сезонного жизнеобеспечения небольшой семейно-родовой группы подвижных скотоводов в лесостепном ландшафте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антипина Е.Е.* Глава 7. Археозоологические материалы // Каргалы. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. III. С. 182–239.
- Антипина Е.Е.* Состав древнего стада домашних животных: логические аппроксимации // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. М.: Изд-во “Параллели”, 2008. Вып. 6. С. 67–85.
- Антипина Е.Е.* Археозоологические коллекции из поселений поздней бронзы на территории Тульской области. Приложение 3 // Гак Е.И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М.: ГИМ, 2011а. С. 166–201.
- Антипина Е.Е.* Острая лука Дона в эпоху бронзы: кости животных на поселении Балахнинское-2 // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2 / Ред. и сост.: Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: ИА РАН, 2011б. С. 225–242.
- Антипина Е.Е.* Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). М.: ИА РАН, 2016. С. 96–118.
- Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю.* Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // РА. 2005. № 4. С. 70–78.
- Антипина Е., Моралес А.* “Ковбой” Восточноевропейской степи в позднем бронзовом веке // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2005. С. 29–49.
- Гак Е.И.* Поселение Рыкань-3 в контексте памятников катакомбной общности восточноевропейской лесостепи // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 141–161.
- Гак Е.И., Борисов А.В.* Поселение катакомбной культуры Рыкань-3: топография, стратиграфия, планиграфия // Археологические памятники восточноевропейской лесостепи. Вып. 14 / Ред. И.В. Федюнин. Воронеж: ВГПУ, 2011. С. 120–127.
- Гак Е.И., Борисов А.В.* Котлованы катакомбного поселения Рыкань-3 в лесостепном Подонье // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка / Ред. В.В. Отрошенко. Луганск: ЛОКМ, 2012. С. 197–206.
- Гак Е.И., Борисов А.В.* Сезонность поселений среднедонской катакомбной культуры: ландшафтно-экологическая модель // РА. 2017. № 1. С. 19–33.
- Гак Е.И., Давыдов Д.Ю.* Поселение среднедонской катакомбной культуры Рыкань-3 (некоторые итоги работ 2009–2013 гг.) // Верхнедонской археологический сборник: материалы межрегион. науч. конф. “Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы”. Вып. 6 / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2014. С. 245–251.
- Гак Е.И., Чернышева Е.В., Ходжаева А.К., Борисов А.В.* Опыт выявления и систематизации инфраструктурных признаков поселения катакомбной культуры Рыкань-3 в лесостепном Подонье // РА. 2014. № 4. С. 19–28.
- Журавлев О.П.* Остеологические материалы из памятников эпохи бронзы лесостепной зоны Днепро-Донского междуречья. Киев: ИА НАНУ, 2001. 200 с.
- Ивашов М.В.* Особенности топогеографического размещения памятников катакомбного времени на Верхнем Дону // Н.И. Троицкий и современные исследования истории-культурного наследия Центральной России. Т. 1: Археология / Ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2002. С. 43–51.
- Корпусова В.Н., Ляшко С.Н.* Катакомбное погребение с пшеницей в Крыму // СА. 1990. № 3. С. 166–175.
- Кузьминова Н.Н.* Палеоэтноботанический и палинологический анализы материалов из курганов Нижнего Поднестровья. Приложение 6 // Яровой В.В. Курганы энеолита-бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев: Штиинца, 1990. С. 259–265.
- Лебедева Е.Ю.* Археоботаника и изучение земледелия эпохи бронзы в Восточной Европе // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2005. С. 50–68.
- Лебедева Е.Ю.* Археоботаническая реконструкция древнего земледелия (методические критерии) // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 6. М.: Изд-во “Параллели”, 2008. С. 86–109.
- Лебедева Е.Ю.* Археоботаника: методы исследований и интерпретация результатов // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). М.: ИА РАН, 2016. С. 118–146.
- Пряхин А.Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. 159 с.
- Санжаров С.Н.* Кайдащинский комплекс поселений рубежа средней – поздней бронзы в

- системе древностей Северского Донца. Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2004. 160 с.
- Цалкин В.И. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья. МИА. № 61. М.: Наука, 1958. С. 221–281.
- Bartosiewicz L., Van Neer W., Lentacker A. Draught cattle: their osteological identification and history. *Annalen Zoologische Wetenschappen*. 1997. V. 281. 147 p.
- Borojevic K. Interpreting, dating, and reevaluating the botanical assemblage from tell Kedesh: a case study of historical contamination // *Journal of Archaeological Science*. 2011. V. 38. P. 829–842.
- Hunt H.V., Vander Linden M., Liu X., Motuzaite-Matuzeviciute G., Colledge S., Jones M.K. Millets across Eurasia: chronology and context of early records of the genera *Panicum* and *Setaria* from archaeological sites in the Old World // *Vegetation History and Archaeobotany*. 2008. V. 17 (Suppl. 1). P. 5–18.
- Miller N.F., Spengler R.N., Frachetti M. Millet cultivation across Eurasia: Origins, spread, and the influence of seasonal climate // *The Holocene*. 2016. V. 26. P. 1566–1575.
- Motuzaite-Matuzeviciute G., Staff R.A., Hunt H.V., Liu X., Jones M.K. The early chronology of broomcorn millet (*Panicum miliaceum*) in Europe // *Antiquity*. 2013. V. 87. P. 1073–1085.
- Pelling R., Campbell G., Carruthers W., Hunter K., Marshall P. Exploring contamination (intrusion and residuality) in the archaeobotanical record: case studies from central and southern England // *Vegetation History and Archaeobotany*. 2015. V. 24. P. 85–99.
- Stevens C.J., Fuller D.Q. Did Neolithic farming fail? The case for a Bronze Age agricultural revolution in the British Isles // *Antiquity*. 2012. V. 86. P. 707–722.

THE ECONOMIC PATTERN OF THE SETTLEMENT RYKAN-3 (THE MIDDLE DON CATACOMB CULTURE)

Evgeny I. Gak^{1, *}, Ekaterina E. Antipina^{2, **}, Elena Yu. Lebedeva^{2, ***}, Elke Kaiser^{3, ****}

¹ State Historical Museum, Moscow, Russia

² Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

³ Free University, Berlin, Germany

*E-mail: e.i.gak@mail.ru

**E-mail: bikanty@inbox.ru

***E-mail: elena.archbot@mail.ru

****E-mail: ekaiser@zedat.fu-berlin.de

The article is devoted to modeling the structure of the economy of the settlement Rykan-3 (Middle Bronze Age, 26th – 24th centuries BC). The settlement is located in the center of the Don forest-steppe and is single-layered. Data on the economic activities of the inhabitants of the village were obtained by archaeological and natural-scientific methods as a result of excavations. Of particular importance for the reconstruction of the economic structure are archaeozoological studies of mass bone remains, determination of archaeobotanical finds and verification of their age by radiocarbon dating. Archaeological and pedological data characterizing the natural environment, topography, internal structure, functions and connections of various objects, and the duration of the existence of the settlement were also used. The conclusion of the complex studies is the absence of arable farming and gathering plants in the economy of the village. Secondary occupations (hunting, fishing, weaving, stone processing, woodworking, bone and horn processing, leather and pottery making), similar to the whole organization of everyday life, were subordinated to cattle-breeding. The identified hierarchy of domestic ungulates with absolute dominance in the cattle stock and significant differences in its size indicate the mobile forms of animal keeping. A lot of data allow us to talk about use of the village as winter shelter. For the first time in the practice of studying the range of catacomb cultures of the 3rd millennium BC the authors substantiate the model of seasonal living activities of a small family group of mobile cattle breeders in the forest-steppe.

Keywords: the Middle Bronze Age, the Middle Don Catacomb culture, settlement, economy, cattle breeding, season.

REFERENCES

- Antipina E.E.*, 2004. Chapter 7. Archaeological materials // *Kargaly [Kargaly]*, III. E.N. Chernykh, ed. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, pp. 182–239. (In Russ.)
- Antipina E.E.*, 2008. Composition of the ancient stock of domestic animals: logical approximations // *OPUS: mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii [OPUS: Interdisciplinary research in archaeology]*, 6. Moscow: Paralleli, pp. 67–85. (In Russ.)
- Antipina E.E.*, 2011a. Archaeozoological collections from Late Bronze settlements in the territory of Tula Region (Appendix 3) // *Gak E.I. Poseleniya epokhi bronzy na severnoy okraine donskoy lesostepi [Settlements of the Bronze Age on the northern frontier of the Don forest-steppe]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 166–201. (In Russ.)
- Antipina E.E.*, 2011b. The sharp bent of the river Don in the Bronze Age: animal bones in the settlement of Balakhninskoye-2 // *Analiiticheskiye issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical research in the Laboratory of Scientific Methods]*, 2. E.N. Chernykh, V.I. Zav'yalov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 225–242. (In Russ.)
- Antipina E.E.*, 2016. Modern archaeozoology: Tasks and methods of research // *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkheologii (po materialam lektсий dlya aspirantov i molodykh sotrudnikov) [Interdisciplinary integration in archaeology (based on lectures for graduate students and young researchers)]*. E.N. Chernykh, T.N. Mishina, eds. Moscow: IA RAN, pp. 96–118. (In Russ.)
- Antipina E.E., Lebedeva E.Yu.*, 2005. Experience of complex archaeobiological research of agriculture and cattle breeding: Interaction models // *Ross. Arkheol.*, 4, pp. 70–78. (In Russ.)
- Antipina E., Morales A.*, 2005. “Cowboys” of the East European steppe in the Late Bronze Age // *OPUS: Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii [OPUS: Interdisciplinary research in archaeology]*, 4. Moscow: IA RAN, pp. 29–49. (In Russ.)
- Bartosiewicz L., Van Neer W., Lentacker A.*, 1997. Draught cattle: their osteological identification and history. Tervuren, Belgique: Musée royal de l'Afrique centrale. 147 p. (Annalen Zoologische Wetenschappen, 281).
- Borojevic K.*, 2011. Interpreting, dating, and reevaluating the botanical assemblage from tell Kedesh: a case study of historical contamination. *Journal of Archaeological Science*, vol. 38, iss. 4, pp. 829–842.
- Gak E.I.*, 2013. The Rykan-3 settlement in the context of sites belonging to the range of catacomb cultures of Eastern Europe's forest-steppe zone // *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 230, pp. 141–161. (In Russ.)
- Gak E.I., Borisov A.V.*, 2011. The Catacomb culture settlement Rykan-3: topography, stratigraphy, planigraphy // *Arkheologicheskiye pamyatniki vostochnoyevropeyskoj lesostepi [Archaeological sites of the East European forest-steppe]*, 14. Red. I.V. Fedyunin, ed. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 120–127. (In Russ.)
- Gak E.I., Borisov A.V.*, 2012. Pits of the catacomb settlement Rykan-3 in the forest-steppe Don region // *Problemi doslidzhennya pam'yatok arkheologii Ckhidnoi Ukraini: materialy III Lugans'koi istoriko-arkheologichnoi konferentsii, prisvyachenoj pam'yati S.N. Bratchenko [Issues of studying archaeological sites of Eastern Ukraine: Proceedings of III Lugansk Historical and Archaeological Conference in memory of S.N. Bratchenko]*. V.V. Otroshchenko, ed. Lugansk: Luganskiy oblastnoy krayevedcheskiy muzey, pp. 197–206. (In Russ.)
- Gak E.I., Borisov A.V.*, 2017. Seasonal of settlements of the Middle-Don Catacomb culture: a landscape-ecological pattern // *Ross. Arkheol.*, 1, pp. 19–33. (In Russ.)
- Gak E.I., Chernysheva E.V., Khodzhayeva A.K., Borisov A.V.*, 2014. The experience in identifying and systematization of the infrastructure characteristics of the settlement Rykan-3 of the catacomb culture in the forest-steppe Don region // *Ross. Arkheol.*, 4, pp. 19–28. (In Russ.)
- Gak E.I., Davydov D.Yu.*, 2014. The Middle Don Catacomb culture settlement of Rykan-3 (some results of the work in 2009–2013) // *Verkhnedonskoy arkheologicheskiy sbornik: materialy mezhdonskoy arkheologicheskoy konferentsii “Arkheologiya vostochnoyevropeyskoj lesostepi: poiski, nakhodki, problem” [The Upper Don archaeological collection: Proceedings of the Interregional Scientific Conference “Archaeology of the East European forest-steppe: searches, finds, problems”]*, 6. A.N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Lipetskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 245–251. (In Russ.)
- Hunt H.V., Vander Linden M., Liu X., Motuzaitė-Matuzevičiūtė G., Colledge S., Jones M.K.*, 2008. Millets across Eurasia: chronology and context of early records of the genera Panicum and Setaria from archaeological sites in the Old World. *Vegetation History and Archaeobotany*, vol. 17 (Suppl. 1), pp. 5–18.
- Ivashov M.V.*, 2002. Features of topogeographic location of the catacomb period sites on the Upper Don // *N.I. Troitskiy i sovremennyye issledovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya Tsentral'noy Rossii [N.I. Troitsky and modern studies of the historical and cultural heritage of Central Russia]*, 1. *Arkheologiya [Archaeology]*. A.N. Naumov, ed. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik “Kulikovo pole”, pp. 43–51. (In Russ.)

- Korpusova V.N., Lyashko S.N., 1990. Catacomb burial with wheat in the Crimea // *Sovet. Arkheol.*, 3, pp. 166–175. (In Russ.)
- Kuz'minova N.N., 1990. Paleoethnobotanical and palynological analyses of materials from the mounds of the Lower Dniester (Appendix 6) // *Yarovoy V.V. Kurgany eneolita-bronzy Nizhnego Podnestrov'ya [Eneolithic-Bronze mounds of the Lower Dniester region]*. Kishinev: Shtiintsa, pp. 259–265. (In Russ.)
- Lebedeva E.Yu., 2005. Archaeobotany and the study of Bronze Age agriculture in Eastern Europe // *OPUS: mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii [OPUS: Interdisciplinary research in archaeology]*, 4. Moscow: IA RAN, pp. 50–68. (In Russ.)
- Lebedeva E.Yu., 2008. Archaeobotanical reconstruction of ancient agriculture (methodological criteria) // *OPUS: mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii [OPUS: Interdisciplinary research in archaeology]*, 6. Moscow: Paralleli, pp. 86–109. (In Russ.)
- Lebedeva E.Yu., 2016. Archaeobotany: research methods and interpretation of results // *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkheologii (po materialam lektsiy dlya aspirantov i molodykh sotrudnikov) [Interdisciplinary integration in archaeology (based on lectures for postgraduate students and young researchers)]*. E.N. Chernykh, T.N. Mishina, eds. Moscow: IA RAN, pp. 118–146. (In Russ.)
- Miller N.F., Spengler R.N., Frachetti M., 2016. Millet cultivation across Eurasia: Origins, spread, and the influence of seasonal climate. *The Holocene*, vol. 26, iss. 10, pp. 1566–1575.
- Motuzaitė-Matuzevičiūtė G., Staff R.A., Hunt H.V., Liu X., Jones M.K., 2013. The early chronology of broomcorn millet (*Panicum miliaceum*) in Europe. *Antiquity*, vol. 87, iss. 338, pp. 1073–1085.
- Pelling R., Campbell G., Carruthers W., Hunter K., Marshall P., 2015. Exploring contamination (intrusion and residuality) in the archaeobotanical record: case studies from central and southern England. *Vegetation History and Archaeobotany*, vol. 24, iss. 1, pp. 85–99.
- Pryakhin A.D., 1982. Poseleniya katakombnogo vremeni lesostepnogo Podon'ya [Settlements of the catacomb period in the forest-steppe Don region]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 159 p.
- Sanzharov S.N., 2004. Kaydashchinskiy kompleks poseleniy rubezha sredney – pozdney bronzy v sisteme drevnostey Severskogo Dontsa [The Kaydashchino complex of the Middle and Late Bronze settlements in the system of antiquities of the Seversky Donets]. Lugansk: Izdatel'stvo Vostochnoukrainskogo natsional'nogo universiteta imeni V. Dalya. 160 p.
- Stevens C.J., Fuller D.Q., 2012. Did Neolithic farming fail? The case for a Bronze Age agricultural revolution in the British Isles. *Antiquity*, vol. 86, iss. 333, pp. 707–722.
- Tsalkin V.I., 1958. Fauna from excavations of the Middle Volga archaeological sites // *Trudy Kuybyshevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of the Kuibyshev Archaeological Expedition Труды]*, II. Moscow: Nauka, pp. 221–281. (MIA, 61). (In Russ.)
- Zhuravlev O.P., 2001. Osteologicheskiye materialy iz pamyatnikov epokhi bronzy lesostepnoy zony Dnepro-Donskogo mezhdurech'ya [Osteological materials from the Bronze Age sites of the forest-steppe zone of the Dnieper-Don interfluve]. Kiyev: IA NANU. 200 p.

НОВАЯ ГОНЧАРНАЯ ТРАДИЦИЯ НА ПАМЯТНИКАХ ЯНКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРИОДА ПАЛЕОМЕТАЛЛА В ПРИМОРЬЕ

© 2019 г. И.С. Жущиховская^{1,*}, Е.Ю. Никитин^{2,**}

¹Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, Владивосток, Россия

²Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

*E-mail: irina1zh@mail.ru

**E-mail: urgen55@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.08.2018 г.

После доработки 07.10.2018 г.

Статья представляет результаты исследований новых материалов янковской культуры (X–IX–III–II вв. до н.э.) периода палеометалла Южного Приморья. Впервые для памятников этой культуры выявлено сочетание в одном керамическом комплексе разных гончарных традиций – доминирующей янковской и второй, связанной предположительно с памятниками раннего палеометалла, т.е. временем появления в Приморье первых бронз (рубеж II–I – середина I тыс. до н.э.). Между этими традициями прослеживается определенное сходство временного и регионального характера. Различия касаются ряда технологических и морфологических признаков, отражающих культурную специфику гончарства. Есть свидетельства не только сосуществования, но и синкретизма традиций. Данное явление, отмеченное на памятниках северной части Уссурийского залива, носит локальный характер и, вероятно, указывает на контакты между носителями разных культур периода палеометалла на юге Дальнего Востока.

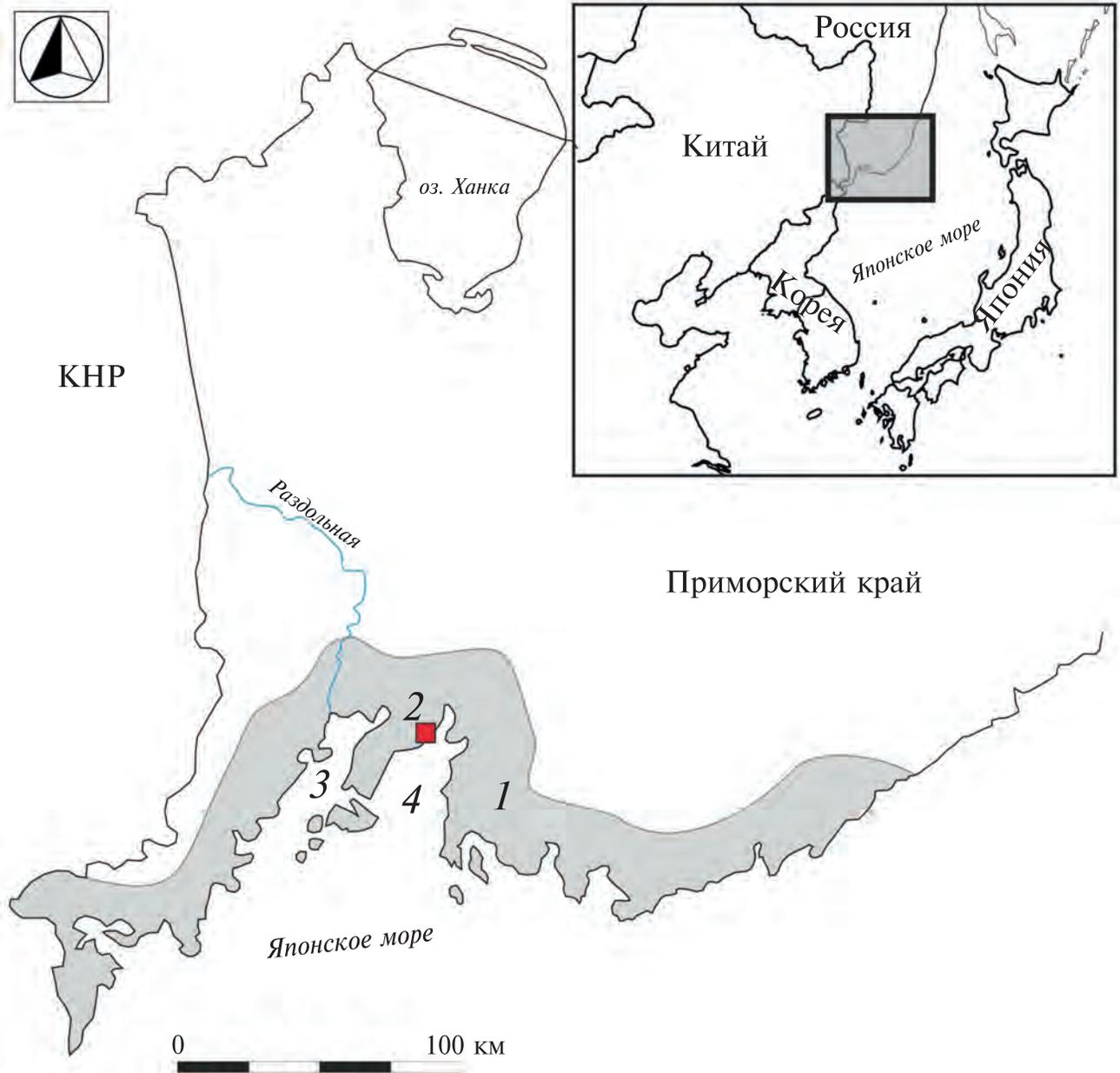
Ключевые слова: керамика, технология, морфология, гончарная традиция, Южное Приморье, период палеометалла.

DOI: 10.31857/S086960630004831-3

Одним из актуальных направлений исследований археологической керамики как культурно-исторического источника является распознавание и интерпретация случаев варьирования гончарных традиций в рамках одной культуры, группы памятников или одного поселения. Ведущая роль в этом отводится выявлению и анализу тех признаков технологии, морфологии и декора древней керамики, которые в значительной степени обусловлены культурной спецификой производственных процессов гончарства (Бобринский, 1978; Gosselain, 1992; Цетлин, 2010; Мыльникова, 2014; Васильева, 2015). В настоящей статье проблема вычленения разных гончарных традиций в общем археологическом и культурном контексте ставится на материалах янковской культуры периода палеометалла юга Дальнего Востока. До недавнего времени эта культура и прежде всего ее керамический

комплекс рассматривались как целостное явление, характеризующееся совокупностью достаточно устойчивых признаков. Новые материалы позволяют внести коррективы в эти представления.

Хронология янковской культуры определяется сегодня по серии радиоуглеродных дат в интервале X–IX–III–II вв. до н.э. Локализация памятников связана преимущественно с прибрежной зоной шириной до 25 км в юго-западном, южном и юго-восточном Приморье (рис. 1). Отметим, что ареал янковской культуры изучен неравномерно. Основной массив материалов происходит из памятников западного побережья Амурского залива и памятников, расположенных в речных долинах к северу от Уссурийского залива. Это долговременные поселения с остатками жилищ (Песчаный 1, Чапаево, Малая Подушечка, Майхэ 1) и поселения лагерного типа без остатков

Рис. 1. Карта района исследований. 1 – основной ареал янковской культуры, 2 – памятник Черепакха 7, 3 – Амурский залив, 4 – Уссурийский залив.

Fig. 1. Map of the investigation area and the Cherepakha 7 site (2)

жилищ (Славянка 1). На территории некоторых поселений имеются могильники. Тип хозяйства реконструируется как комплексный, включающий присваивающие и производящие отрасли. Своеобразным маркером многих янковских памятников являются так называемые раковинные кучи, содержащие пищевые отходы в виде раковин моллюсков и костей животных (Окладников 1963; Андреева и др., 1986).

Исследователи отмечают устойчивость морфологического и функционального ассортимента инвентаря янковской культуры, представленного каменными, костяными, керамическими, металлическими артефактами. Присутствие на памятниках незначительного числа железных изделий при доминирующей роли каменных шлифованных орудий является особенностью культуры. Самая массовая категория артефактов – керамическая

посуда. Достаточно выдержанный набор признаков технологии изготовления, морфологии и декора керамики интерпретируется как один из важнейших индикаторов культурного единства. Вместе с тем в рамках базовых традиций гончарства, характерных для культуры в целом, выявлены признаки, специфические для определенных памятников и районов. В свое время это послужило основанием выделения локально-хронологических вариантов янковской культуры (Андреева и др., 1986).

Последнее десятилетие отмечено новым всплеском интереса к изучению памятников янковской культуры. Основными районами исследований стали побережье Уссурийского залива и о. Русский на границе Амурского и Уссурийского заливов. Памятники, раскопанные полностью или частично, и отдельные местонахождения дали материалы по различным аспектам культуры (Попов, Лазин, 2011; Жушиховская и др., 2013; Лутаенко, Артемьева, 2017; Сергусева, Морева, 2017).

Настоящая статья посвящена новым материалам из памятников в районе Уссурийского залива. Объектом исследования является керамическая коллекция слоя янковской культуры памятника Черепаха 7, раскопанного в 2015 г. Акцентируется внимание на определенной группе керамической посуды, которая связана со стратиграфическим контекстом янковской культуры, однако по совокупности технологических и морфологических признаков показывает существенные отличия от янковской гончарной традиции. Сосуществование в керамическом комплексе компонентов, представляющих предположительно разные культурные традиции, зафиксировано для памятников янковской культуры впервые. Задачами статьи являются характеристика новой для янковских памятников группы посуды и обоснование ее культурного своеобразия.

Материалы исследования. Поселение Черепаха 7 (рис. 1) входит в группу археологических местонахождений Черепаха 1–13 близ оз. Черепашье на северо-западном побережье Уссурийского залива, недалеко от устья р. Артемовка. На памятниках выявлены культурные остатки разного времени — от финального неолита до этнографического периода. Наиболее мощные культурные пласты относятся к янковской культуре периода палеометалла (Никитин, 2016; Малков, 2017).

Поселение Черепаха 7 расположено на морской террасе высотой 1.5–2.5 м. Площадь

памятника по результатам раскопок составила около 1800 м². Одновременно с раскопками Черепахи 7 проводились работы на примыкающем с юго-запада памятнике Черепаха 13. Эти памятники, разделенные древним водотоком, представляют разные зоны одного крупного поселения. Оба показывают сходную ситуацию по составу культурных остатков. Эпоха первобытности представлена материалами неолита (зайсановская культура), периода бронзы, янковской культуры, кроуновской культуры палеометалла, польцевской культуры развитого железного века. Более поздние материалы относятся к средневековой культуре чжурчжэней Приморья и культуре корейских переселенцев конца XIX–XX в. На Черепахе 7 все материалы, за исключением относящихся к янковской культуре, выявлены в переотложенном состоянии.

Слой янковской культуры представлен заполнением 18 котлованов жилищ и большинства из 46 ям различного назначения. Площадь котлованов варьирует от 17–18 до 40–42 м², глубина — 0.4–0.8 м. Для большинства котлованов характерна хорошая сохранность заполнения, представляющего собой темно-серую супесь со щебнем в верхней части и серо-коричневую супесь в нижней части. В нижней части заполнения жилищ 9 и 12 обнаружены горелые остатки каркасно-столбовой конструкции. В жилищах 1, 2, 7, 16 верхние уровни заполнения представляли собой древние свалки, содержащие небольшие раковинные кучи, выбросы золы, скопления костей рыб и животных, фрагментированные артефакты. Для 10 жилищ по пробам угля получены 14 радиоуглеродных дат в общем интервале 2830±90–2150±80 л.н.¹ Основная группа дат укладывается в интервал 2530±100–2215±35 л.н. В целом, датировки согласуются с сегодняшними представлениями о хронологии янковской культуры и позволяют предполагать достаточно длительное существование данного поселения.

Коллекция артефактов, относящихся к слою янковской культуры, включает изделия из камня, кости, керамики и металла (железо). Керамические изделия представлены бытовой посудой и пряслицами. К комплексу

¹ Датировки выполнены в Лаборатории геоморфологических и палеогеографических исследований полярных регионов и Мирового океана Института наук о Земле СПбГУ и в Лаборатории геохимии и геохронологии Токийского университета.

Рис. 2. Керамический сосуд “черной серии”, Черепакха 7.
Fig. 2. A ceramic vessel of the ‘black series’, the Cherepakha 7 site

посуды, происходящей из заполнений жилищ, относятся более 70 тыс. фрагментов и несколько десятков сосудов полной или частичной сохранности. Основная масса материала по признакам технологии, морфологии и декора показывает несомненную принадлежность к гончарной традиции янковской культуры. На этом фоне выделяется группа керамики, имеющая определенное внешнее своеобразие. Она включает 2 археологически целых сосуда и около 500 фрагментов верхних и нижних частей сосудов, стенок с диагностирующими признаками. Хорошая сохранность материала позволяет получить достаточно полную информацию о морфологии и технико-технологических особенностях керамических изделий. Отметим два наиболее примечательных внешних признака данной группы. Первый — темно-серый или черный цвет излома и поверхностей, отличный от обычной керамики янковской культуры, окрашенной в основном в тона “теплой” гаммы — желтые, оранжевые, красноватые, бурые. По этому признаку керамическая группа получила условное название “черная серия”, которое далее используется в статье. Второй признак — морфологическое единообразие. Эта группа, за редким исключением, представлена

небольшими сосудами со слабо выделенной горловиной, покатыми плечиками, округлым туловом и узким дном. В зоне перехода горловины в плечики расположен узкий наклепной валик (рис. 2).

Результаты исследования. Этот раздел статьи систематизирует данные, полученные в процессе исследования керамики “черной серии” памятника Черепакха 7: технико-технологические и морфологические характеристики, особенности распределения в культурном слое.

Рецептура формовочных масс. Анализ формовочной массы керамики проводился с помощью бинокулярного изучения свежих изломов и аншлифов (пришлифованных участков изломов). Исследование свежих изломов позволяет предварительно дифференцировать материал по текстурным особенностям формовочной массы. Изучение аншлифов дает более детальную информацию о размерах, количестве и распределении неорганических и органических включений, пустот (пор) в массе керамического черепа.

Керамика “черной серии” достаточно однородна по характеристикам формовочной массы. Большинство образцов имеют тонкую текстуру, без крупных минеральных включений и следов органических примесей (рис. 3, 1). В составе массы выделяются тонкодисперсная глинистая основа и непластичные (неглинистые) минеральные включения, размер которых варьирует от сотых долей до 1–1.2 мм, без резких текстурных разрывов. Общий объем включений составляет около 50–60% от объема массы. Доля включений размером 0.5–1.2 мм составляет около 10–15% в объеме массы. Предварительно можно диагностировать зерна кварца, полевого шпата, породные обломки (гранитоиды?). Контуры зерен не имеют отчетливо выраженных признаков дробления. Распределение непластичных включений в формовочной массе достаточно равномерное. Поры очень мелкие, их общий объем в массе незначителен. Эти характеристики с большой долей вероятности указывают на то, что исходное глинистое сырье, содержащее непластичные включения кварц-полевошпатового состава, прошло тщательную очистку, сортировку и промешивание для получения гомогенной пластичной массы. Очевидные признаки введения искусственных добавок не прослеживаются.

Часть образцов, составляющая примерно 10–15% фрагментарного материала, имеет более

грубую текстуру (рис. 3, 2). Размер непластичных включений варьирует от мельчайших до 2–2.5 мм, их общий объем — около 50–60% от объема массы. При этом доля включений размером 1–2.5 мм составляет 5–10%, в редких случаях больше. По общему составу, характеру распределения и контуру зерен эти образцы очень близки образцам с тонкой текстурой массы. Нельзя сказать определенно, являлись ли включения размером 1–2.5 мм искусственной добавкой либо естественной примесью в глине. Очевидных признаков их искусственного происхождения не отмечено. Необходимы дальнейшие исследования с помощью петрографической микроскопии, позволяющей дать точную диагностику минералогического состава.

Технология формовки. Следы конструирования сосудов в виде горизонтальных стыковочных “швов” диагностируются в отдельных случаях в основном на внешней поверхности стенок. Расстояние между “швами” — 2.5–3 см, что может указывать на использование в качестве конструктивных элементов жгутов или очень узких лент. На некоторых образцах, представляющих собой разломы по саям, хорошо видны соединительные скосы шириной 0.5–1 см. Можно предположить, что в процессе формовки жгуты уплощались в ленты и соединялись между собой. В пользу этого свидетельствует характерная “ямочная” неровность стенок, заметная под слоем обмазки и являющаяся результатом прессования жгутов пальцами. Горизонтальная ориентация “швов” свидетельствует о том, что жгут или лента замыкались в кольцо. Толщина стенок варьирует в пределах 0.3–0.6 см, преобладающие значения — 0.4–0.5 см. Образцы толщиной более 0.6 см редки. Следов выбивки в виде регулярных уплощенных участков или вмятин на поверхности нет. Также нет следов использования для формовки шаблонов.

Горловина оформлялась легким сужением стенок в приустьевой зоне и плавным отгибом наружу их верхнего участка, образывавшего венчик. Венчик изящный, с чуть утонченным краем, в некоторых случаях имеет едва заметный бортик снаружи. У единичных фрагментов изделий без горловины, типа чаши, гладкий венчик слегка ориентирован внутрь.

Морфологические признаки донных частей специфичны. Преобладают донья диаметром 3–5 см. Редкие экземпляры имеют диаметр до 7 см. Внешняя сторона дна представляет

Рис. 3. Аншлифы керамики “черной серии” с тонкой текстурой (1) и грубой текстурой (2), Черепаха 7.

Fig. 3. The polished sections of ‘black series’ pottery with a fine texture (1) and a rough texture (2), the Cherepakha 7 site

собой плоскую окружность с правильным контуром, подчеркнутым чуть заметным бортиком-ободком. Часто бортик по окружности сочетается с легкой вогнутостью поверхности (рис. 4). Эксперимент показал, что эти признаки появляются в результате выравнивания наружной стороны дна концентрическими равномерными движениями большого пальца. Для внутреннего контура донной части характерна плавная, скругленная линия соединения со стенками. Толщина доньев — 0.4–0.8 см. Отмечены три вариации соотношения толщины дна и стенок тулова: толщина одинаковая, дно заметно толще стенки, дно заметно тоньше стенки. Интересен экземпляр нижней части сосуда из жилища 2: стенки и дно образуют конический контур со слабо выраженным уплощением. Заметны следы того, что снаружи была подлеплена пластичная масса (рис. 5). По выявленным признакам можно предположить, что донный участок у сосудов “черной серии” моделировался уже после того, как было сформована округлая емкость тулова. Небольшие размеры сосудов позволяли формировать их на руках

Рис. 4. Донья сосудов “черной серии”, Черепакха 7.

Fig. 4. Bottoms of ‘black series’ pottery, the Cherepakha 7 site

“в один прием”, легко производить различные манипуляции. Моделировать узкие доньшки было удобно в положении “дном вверх”, используя дополнительные объемы пластичной массы в виде лепешки или небольшого комка. Для более точной реконструкции технологических особенностей оформления доньев необходимы дальнейшие исследования.

Как отмечено выше, обязательной морфологической и, вероятно, декоративной деталью сосудов с горловиной является наклепной валик в зоне перехода плечиков в горловину или в верхней части плечиков. Валики оформлялись из узкого жгутика глинистой массы, который крепился прямо на стенку сосуда перед нанесением обмазки. Ширина валиков составляет в основном 0.3–0.5 см. Валики разнообразны по контуру профиля — с отчетливо выраженным ребром, уплощенные, округлые, “размазанные” без четких границ, но всегда с низким, слабо выраженным рельефом. В двух случаях встречен валик с несомкнутыми концами — на целом сосуде и фрагменте верхней части. Концы валика закреплены на стенке параллельно друг другу (рис. 2). Из-за фрагментарного характера материала невозможно судить, насколько характерна эта интересная особенность для керамики “черной серии”. Отметим, что в нескольких случаях встречены фрагменты стенок с двумя горизонтальными, близко расположенными друг к другу валиками.

Приемы обработки поверхности. Технология обработки поверхности помимо выравнивания

после формовки включала прием обмазывания глинисто-водным раствором с последующим лощением. Слой обмазки, покрывающей внешнюю и внутреннюю поверхности, тонкий, но имеет, как правило, хорошее сцепление с черепом. Это свидетельство того, что гончарами соблюдался необходимый баланс подсушки стенок глиняного изделия перед нанесением обмазки. При нарушении этого баланса слой обмазки в процессе дальнейшей сушки и обжига теряет прочность, образует трещины, может отваливаться. Лощение отмечено для большинства образцов “черной серии” на внешней поверхности изделий и частично на внутренней. Следы лощения диагностируются в виде узких полос со слабым блеском и нечеткими границами. Направление лощения в зоне горловины горизонтальное, на стенках тулова от плечиков до дна — слегка наклонное или вертикальное. Иногда зона горловины не обрабатывалась лощением.

Технология обжига. Некоторые суждения о технологических особенностях и качестве обжига получены по результатам применения методов сканирующей электронной микроскопии в сочетании с рентгеновской дифракцией (SEM/XRF)², повторного обжига, определения показателя водопоглощения.

² SEM/XRF-анализ керамики выполнен в Лаборатории электронной микроскопии и оптических исследований Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета.

Исследование свежих изломов керамики (9 шт.) методом SEM/XRF выявило разные варианты микроструктуры по признакам термических трансформаций глинистых минералов: 1 – микроструктура без признаков термических трансформаций, 2 – микроструктура с признаками “склеивания”, или спекания (*sintering*) глинистых частиц, 3 – микроструктура с признаками начальной витрификации (*vitriification*) (рис. 6). Последний вариант отмечен у двух образцов. Согласно методике электронной микроскопии глин и древней керамики, температура “склеивания”, или спекания, глинистых частиц составляет 750–800 °С. Начало процесса витрификации у легкоплавких глин с низким содержанием окиси кальция (CaO) соотносится с температурами обжига около 850 °С для окислительного режима (Tite, 1992). Анализ XRF, устанавливающий химический элементный состав, выявил незначительное содержание CaO в пробах керамики “черной серии”. Данная особенность химического состава – низкое содержание окиси кальция – характерна как для глинистого сырья, так и для археологической керамики Приморья (Жушиховская, 2017).

Керамика “черной серии”, судя по окраске излома и поверхностей, была результатом технологии дымления. Она заключается в преднамеренном создании, обычно на заключительном этапе обжига, атмосферы с высоким содержанием мельчайших частиц твердого углерода, осаждающихся в стенках керамического изделия – сначала в поверхностных слоях, затем в глубине черепа. Интенсивность темной окраски при дымлении зависит от времени выдержки изделий в соответствующей атмосфере. Кратковременный повторный обжиг керамики черного цвета при температуре 500 °С с доступом кислорода удаляет углерод из пор черепа, вследствие чего темная окраска меняется на светлую. Это указывает на использование технологии дымления (Shepard, 1985. P. 88–90, 220). У многих образцов “черной серии” излом имеет более насыщенный темный цвет, чем поверхность. Вероятно, это можно объяснить осветлением окраски поверхности под воздействием открытого пламени в процессе функционирования посуды, либо в результате пожара, и т.п.

Практический смысл дымления состоит в том, что углерод, осаждаясь в порах черепка и закрывая их, уменьшает способность керамики впитывать жидкость (Августиник, 1956).

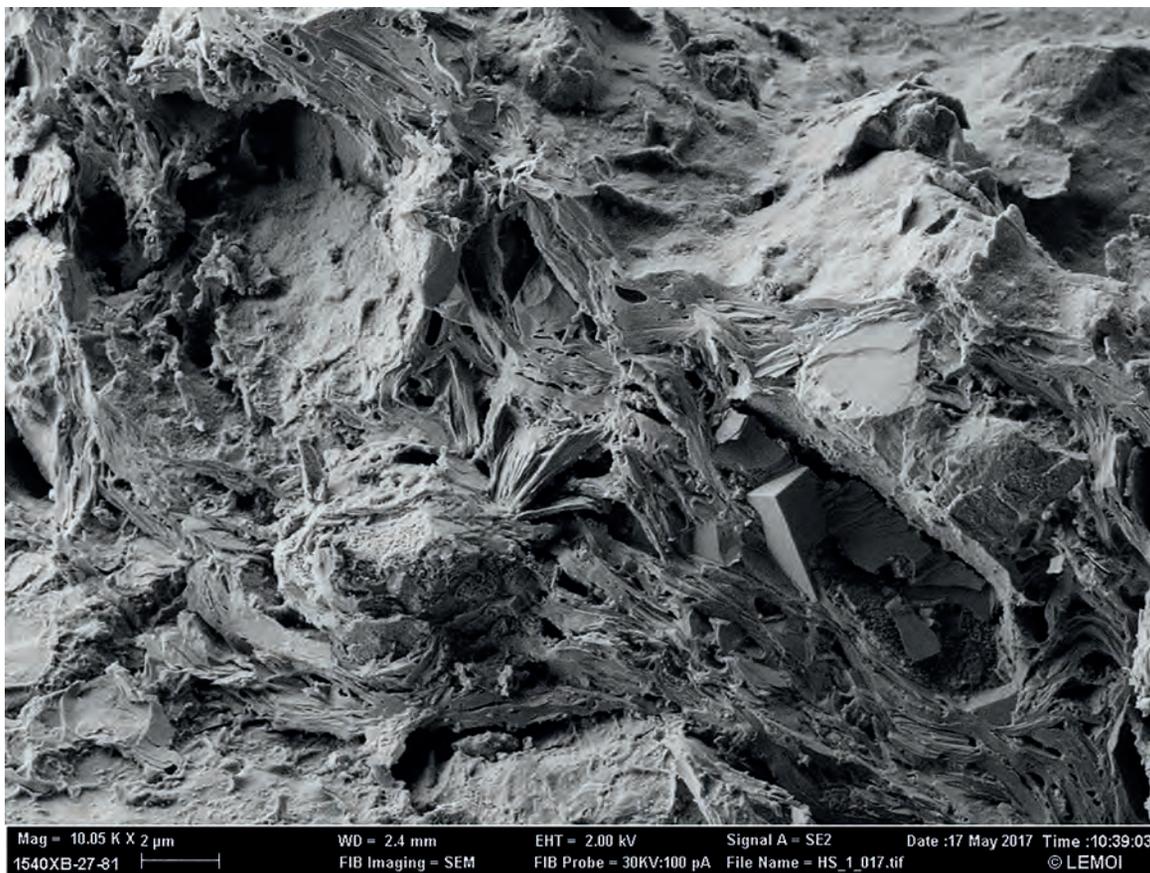

Рис. 5. Нижняя часть сосуда “черной серии”, Черепакха 7.
Fig. 5. The lower part of a ‘black series’ vessel, the Cherepakha 7 site

Для 22 образцов измерен показатель водопоглощения. Он варьирует в интервале 6.3–12%, в среднем составляя 9.5%. Большинство значений не превышают 10%, что соответствует керамическому черепу хорошего качества с низким и средним водопоглощением (Shepard, 1985. P. 127–130). Очевидно, такой результат обусловлен оптимальным сочетанием температурного и атмосферного режимов.

С учетом того, что обжиг в среде, насыщенной углеродом, снижает температурный порог начала витрификации как минимум на 50 °С (Tite, 1992), основной температурный интервал обжига керамики “черной серии” составлял, как полагаем, 700–800 °С. Можно говорить о вероятности использования теплотехнических устройств, более эффективных, чем открытый костер.

Целые формы и серия крупных фрагментов сосудов позволяют сделать заключения о морфологии изделий. Контур стенок и пропорции сосудов с горловиной, которыми представлена “черная серия”, достаточно стандартны. Характерной чертой является преобладание максимального диаметра над высотой, что обуславливает некоторую приземистость формы.

Рис. 6. Микроструктура образца керамики “черной серии” с признаками начальной витрификации, Черепаха 7.
Fig. 6. Microstructure of a ‘black series’ ceramics sample with signs of initial vitrification, the Cherepakha 7 site

Отношение высоты к максимальному диаметру составляет 0.7–0.9. Другими особенностями морфологии являются широкое устье и узкое дно. Отношение диаметра устья к максимальному диаметру тулова составляет 0.8–0.9. Отношение диаметра дна к максимальному диаметру тулова равно 0.2–0.3. В контуре стенок отсутствуют углы, ребра, четкие грани. Граница между горловиной и туловом не обозначена структурно, ее можно лишь условно определить по линии максимального сужения приустьевом участке стенок.

Диаметр устья сосудов варьирует в пределах 11–17 см, составляя в основном 11–14 см. Максимальный диаметр тулова составляет 13–19 см. Исходя из индексов пропорций, можно заключить, что высота изделий составляла в среднем от 10 до 18 см. Фрагменты сосудов более крупного размера единичны в коллекции “черной серии”. На функциональное назначение сосудов указывают частые случаи наличия следов карбонизированного вещества на внутренней поверхности тулова и горловины.

Исследование методом XRF двух образцов с “нагаром” показало высокую концентрацию в его составе фосфора (P), что свидетельствует об органической природе данного вещества.

Распределение керамики “черной серии” в культурном слое памятника имеет следующие особенности. Во-первых, рассматриваемая керамика присутствует в большинстве жилищ памятника, хотя степень концентрации ее различна — от нескольких фрагментов до нескольких десятков. Найдена она и в некоторых ямах на межжилищном пространстве. Во-вторых, керамика “черной серии” встречается в заполнениях котлованов жилищ, начиная с уровня бортиков до пола. Основная концентрация ее во всех жилищах связана с верхней частью заполнения, т.е. с темно-серой супесью со щебнем. Такую же тенденцию распределения по глубине залегания показывает и керамика янковской культуры, представленная массовыми сериями в каждом из жилищ.

В-третьих, как подчеркивалось выше, керамика “черной серии” из заполнений

котлованов, имеет хорошую сохранность. По этому признаку она принципиально отличается от керамического материала неолитического времени и материала, отнесенного условно к лидовской гончарной традиции “эпохи бронзы”. Эти немногочисленные коллекции состоят исключительно из мелких фрагментов, что хорошо согласуется с переотложенным характером материалов. Добавим, что керамика неолита и лидовской традиции концентрировалась в основном в дерново-пахотном слое и в верхних пластах заполнения котлованов, в отдельных ямах.

Обсуждение результатов. Задачей этого раздела является соотнесение гончарной традиции, представленной керамикой “черной серии”, с признаками гончарства янковской культуры палеометалла Приморья и, в частности, памятника Черепаха 7. Керамическая посуда этой культуры отличается морфологическим и функциональным разнообразием (Андреева и др., 1986. С. 19–148).

Технология формовочных масс “черной серии” и янковской культуры основана на использовании глинистого сырья с непластичными минеральными включениями, имеющими искусственное либо естественное происхождение. Эта рецептура характерна для древнего гончарства юга Дальнего Востока в широком хронологическом диапазоне (Гребенщиков, Деревянко, 2001. С. 58–68; Жушиховская, 2004. С. 83–93). Существенное различие формовочных масс “черной серии” и янковской керамики прослеживается по признаку текстуры. На памятниках янковской культуры заметно преобладает керамика, формовочная масса которой содержит до 25–30% минеральной примеси со среднезернистой и крупнозернистой текстурой, размерные ранги которой составляют 0.5–1.5, 1–2 мм. Лишь небольшая часть керамики – как правило, столовая или “парадная” посуда – изготовлена из формовочной массы с относительно тонкой текстурой. Подобная ситуация выявлена и для памятника Черепаха 7. В керамическом ансамбле янковской культуры доминируют фрагменты и целые изделия с довольно грубой текстурой формовочной массы, содержащей большое количество минеральных зерен размером 1.5–3 мм. На фоне янковского материала “черная серия” выделяется тонкой и относительно плотной текстурой черепа. Чтобы выяснить, в какой степени отмеченные различия определяются

характером сырья, а в какой мере отражают разные технологические стандарты подготовки формовочных масс, необходимо получить информацию о минералогическом составе керамики “черной серии” и янковского комплекса памятника и установить вероятные сырьевые источники.

Формовка сосудов “черной серии” и посуды янковской культуры производилась кольцевым налепом. Это общий технологический признак гончарства многих культур юга Дальнего Востока (Гребенщиков, Деревянко, 2001. С. 58–68; Жушиховская, 2004. С. 93–102). Различия касаются конструктивных элементов. В гончарстве янковской культуры использовались ленты шириной от 3 до 5–6 см в зависимости от величины сосуда. Для керамики “черной серии” можно предполагать конструирование из жгутов. Отмечается различие и по толщине стенок: для керамики янковской культуры она варьирует от 0.4 до 1 см, в среднем составляя 0.5–0.8 см, тогда как керамика “черной серии” более тонкостенная. Надо учитывать, что толщина стенок зависит не только от технологии формовки, но и от текстуры формовочной массы.

Значительные различия в технологии формовки касаются донной и устьевой частей глиняных емкостей. Донья сосудов янковской культуры плоские, без ободка и вогнутости на внешней стороне, иногда с небольшой “закрайной” снаружи. По внутренней линии соединения дна и стенок делалась дополнительная примазка глины для укрепления этой зоны. Диаметры доньев варьируют от 5 до 14 см в зависимости от величины сосудов. Средние значения – 6–10 см. Отношение диаметра дна к максимальному диаметру для сосудов разных типов составляет 0.4–0.6. В отличие от сосудов “черной серии” янковская керамическая посуда имела достаточно широкие устойчивые донья.

Отогнутые наружу венчики янковских сосудов с горловиной, которые могут быть в общем плане сопоставлены с отогнутыми венчиками “черной серии”, оформлялись при помощи дополнительной узкой ленты или жгута, которые присоединялись снаружи к краю устья. Это позволяло укрепить и утолстить венчик, сделать его достаточно широким. Тонкие в профиле, изящные венчики, отличающие керамику “черной серии”, не характерны для сосудов янковской культуры.

Рис. 7. “Кухонный” сосуд янковской культуры, Черепакха 7.

Fig. 7. A ‘kitchen’ vessel of the Yankovskaya culture, the Cherepakha 7 site

Особого внимания заслуживает сравнение приемов оформления рельефных валиков, хотя и не связанных непосредственно с конструированием сосудов, но являющихся результатом пластической трансформации глинистой массы. Налепной валик, обязательный для керамики “черной серии”, служил одним из декоративных элементов посуды янковской культуры, но не имел ведущего значения. Сравнение “черной серии” и янковской керамики Черепакхи 7 по этому признаку показывает существенные различия навыков работы гончаров с данной пластической деталью. Во-первых, в отличие от “черной серии” на янковской керамике валики крепились поверх предварительно проведенного по стенке желобка. Возможно, это делалось для более прочной сцепки валика со стенкой и соблюдения симметрии при креплении пластичного жгута-валика. Во-вторых, на янковской керамике валики часто массивные, с высоким рельефом в противоположность слабо выраженным валикам “черной серии”. В-третьих, для янковской керамики характерны пояса из нескольких валиков, от двух до пяти, и лишь в редких случаях встречается одиночный валик.

Сравнение приемов обработки поверхности показывает различие по признаку направления лощения. Если для “черной серии” доминирует вертикальное или косое направление лощения стенок тулова, то янковские сосуды обрабатывались лощением, как правило, в горизонтальном направлении. Полосы от лощения на янковской керамике более широкие и короткие. Эти различия, как представляется, обусловлены в значительной степени особенностями психомоторных навыков гончаров. Ряд технологических операций в гончарстве тесно связан с психомоторной функцией, природа которой лежит в области физиологии и подсознания. Признаки, связанные с психомоторикой, очень важны для диагностики культурной специфики гончарных традиций (Gosselain, 1992; David, Kramer, 2001).

Характеристики обжига сосудов “черной серии” и посуды янковской культуры отражают сходные технические условия заключительной операции гончарного цикла. Это относится прежде всего к температурному интервалу. В гончарстве янковской культуры, для которой известны остатки примитивных печей,

Рис. 8. Сосуды с признаками синкретизма гончарных традиций, Черепакха 7.
Fig. 8. Vessels with signs of syncretism of pottery traditions, the Cherepakha 7 site

он составлял 700–800 °С (Жушиховская 2017). Это аналогично температурам, установленным для “черной серии”. Керамика “черной серии”, как и изделия янковских гончаров, могла обжигаться в печных устройствах простейшего типа.

Вместе с тем очевидны различия технологического плана, касающиеся атмосферного режима обжига. Керамика “черной серии” свидетельствует об устойчивом и целенаправленном использовании технологии “дымления”, тогда как в гончарстве янковской культуры этот прием обжига практиковался эпизодически. В этой связи обратим внимание на различия в качестве обожженных изделий, определяемых показателем водопоглощения. Для янковской керамики, в частности из памятника Черепакха 7, этот показатель варьирует в пределах 9–20%, что заметно выше по сравнению с показателем “черной серии”. Керамика янковской культуры, обжигавшаяся обычно в окислительном режиме, во многих случаях имеет более пористый, водопроницаемый череп и в этом смысле уступает по качеству сосудам “черной серии”.

Отмеченной выше особенностью “черной серии” является то, что она представляет, по сути, один морфологический и функциональный тип посуды. Сосуды использовались для термообработки органических продуктов. В ассортименте посуды янковской культуры также присутствуют емкости, которые можно связать кухонной функцией, — относительно небольших размеров горшки, часто со следами “нагара” на стенках. Однако по внешним признакам они отличны от сосудов “черной серии”. Так, характерным признаком янковских кухонных горшков является орнаментальный поясок из горизонтальных борозд или желобков в верхней части плечиков (рис. 7).

Гончарная традиция, соотносимая с керамикой “черной серии” из Черепакхи 7, имеет некоторые черты сходства с гончарной традицией янковской культуры палеометалла Приморья. Это сходство отражает в первую очередь общие региональные и временные тенденции в развитии древнего гончарства юга Дальнего Востока. Признаки различий гончарных традиций прослеживаются для каждой из ступеней производственного цикла и свидетельствуют о разных культурных

стандартах определенных технологических операций и приемов. Стратиграфическая ситуация позволяет предполагать, что керамические изделия “черной серии” были включены во временной контекст янковской культуры на данном поселении.

Особый интерес представляют вероятные свидетельства синкретизма разных гончарных традиций. Так, сосуд из жилища 2 показывает сочетание утолщенного венчика янковского типа и узкого дна, характерного для “черной серии”. Поясок из трех параллельных валиков в зоне плечиков дополняется одиночным уплощенным валиком в средней части тулова. Лощение стенок тулова выполнено в вертикальном направлении, как на сосудах “черной серии” (рис. 8, 1). Сосуд из жилища 17 по пропорциям нижней части и интенсивно-темной окраске аналогичен изделиям “черной серии”, но при этом контур горловины с четкой линией перехода в плечики, а также орнамент из трех горизонтальных желобков указывают на гончарные стандарты янковской культуры (рис. 8, 2). В жилище 9 обнаружены два крупных сосуда с хорошо выделенной горловиной, шейкой, выпуклыми плечиками и объемным туловом. Эти морфологические признаки, как и геометрический орнамент на тулове, типичны для керамики янковской культуры. Необычной чертой является очень узкая донная часть – вероятное заимствование из другой гончарной традиции.

Гончарная традиция, представленная “черной серией” в совокупности ее признаков, не находит прямых аналогий в известных керамических комплексах региона исследований. Вместе с тем параллели некоторым ее чертам обнаруживаются в памятниках, относимых к раннему палеометаллу, когда на рубеже II–I – первой половине I тыс. до н.э. на юге Дальнего Востока появляются первые бронзовые изделия. Так, налепной валик с несомкнутыми концами известен как элемент декора керамики памятника Харинская Падь в западном Приморье (Дьяков, 1989. С. 208). Тенденция моделирования горловины с плавной линией перехода в плечики, без структурно выделенной шейки, является общей для керамической посуды Харинской Пади и комплексов бронзы из многослойных памятников Чернятино 2, Новогордеевское поселение (Дьяков, 1989. С. 116, 117; Никитин, 1999). На Новогордеевском встречаются также донья со слабо намеченным ободком по внешней

окружности. Технологические и морфологические характеристики, а также стратиграфический контекст “черной серии” позволяют дифференцировать его от присутствующего на Черепаше 7 в переотложенном состоянии материала лидовской культуры, относимой ко времени появления на Дальнем Востоке первых бронз (Дьяков, 1989).

Присутствие в керамическом комплексе янковской культуры компонента, получившего условное название “черная серия” и представляющего особую гончарную традицию, рассматривается пока как локальное явление, связанное с памятниками северной части Уссурийского залива. Помимо Черепаше 7 подобная ситуация отмечена нами по материалам поселения Теляковского 2 на северо-западном берегу залива (Артемьева, 2015). На памятниках янковской культуры Амурского залива и юго-восточного побережья Уссурийского залива керамика, которая может быть ассоциирована с “черной серией”, не встречается.

Керамика “черной серии” по отдельным признакам сближается с материалами ряда памятников бронзы западного и центрального Приморья. Керамические комплексы этих памятников показывают лабильность по сочетанию признаков технологии, морфологии и декора, не представляя культурного единства. Существующая сегодня археологическая систематизация памятников бронзы Приморья носит очень приблизительный характер. Поэтому пока можно наметить лишь общее направление культурных связей керамики “черной серии”. В свете предположения о присутствии на янковских памятниках северной части Уссурийского залива материальных следов, ведущих к комплексам бронзы Приморья, отметим находку бронзовой дисковидной пуговицы на поселении Теляковского 2 (Артемьева, 2015. С. 115). Такие изделия ранее не встречались на памятниках янковской культуры, однако они известны на некоторых памятниках бронзы Приморья, например на поселении Синий Гай (Бродянский, 2013).

В целом, по результатам проведенного исследования может быть предложена рабочая гипотеза, интерпретирующая керамические комплексы типа Черепаше 7 как свидетельство контактов разных культур, существовавших на территории Приморья в период появления здесь первых металлов – бронзы и железа. Проверка этой гипотезы является задачей дальнейших исследований.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-40101.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Августиник А.И.* К вопросу о методике исследования древней керамики // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 149–156.
- Андреева Ж.В., Жущиховская И.С., Кононенко Н.А.* Янковская культура М.: Наука, 1986. 214 с.
- Артемяева Н.Г.* Отчет об археологических исследованиях на памятнике Теляковского 2 в Шкотовском районе Приморского края в 2015 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. 2015. Ф. 1. Оп. 2. № 812.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 271 с.
- Бродянский Д.Л.* Синий Гай. Поселения неолита и бронзового века в Приморье. Владивосток: ДФУ, 2013. 206 с.
- Васильева И.Н.* О выделении видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики и их ареалах в эпоху неолита (по материалам Поволжья) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. М.: ИА РАН, 2015. С. 16–23.
- Гребенщиков А.В., Дервянко А.П.* Гончарство древних племен Приамурья. Новосибирск ИАЭТ СО РАН, 2001. 118 с.
- Дьяков В.И.* Приморье в эпоху бронзы. Владивосток: ДГУ, 1989. 239 с.
- Жущиховская И.С.* Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2004. 311 с.
- Жущиховская И.С.* Опыт применения электронной микроскопии в изучении археологической керамики юга Дальнего Востока // Записки ИИМК РАН. 2017. № 16. С. 75–91.
- Жущиховская И.С., Артемяева Н.Г., Коровник М., Никитин Ю.Г.* Керамические комплексы памятников янковской культуры восточного побережья Уссурийского залива // Тихоокеанская археология. Вып. 27. Владивосток: ДФУ, 2013. С. 81–116.
- Лутаенко К.А., Артемяева Н.Г.* Моллюски из раковинной кучи памятника Теляковского 2 в южном Приморье (янковская археологическая культура), их палеоэкология и роль в палеоэкономике // Бюллетень Дальневосточного малакологического общества. 2017. Т. 21, № 1-2. С. 61–128.
- Малков С.С.* Структура многокомпонентного поселения Черепаша 13 в Приморье (к проблеме заселения человеком побережья залива Петра Великого в древности и средневековье) // Общество: философия, история, культура. 2017. № 2. С. 78–80.
- Мыльникова Л.Н.* Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2014. 38 с.
- Никитин Ю.Г.* Археологические исследования в Октябрьском районе Приморского края в 1998 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. 1999. Ф. 1. Оп. 2. № 406.
- Никитин Е.Ю.* Отчет об охранно-спасательных археологических исследованиях на объекте археологического наследия Черепаша-7 (Приморский край, Артемовский ГО) // Архив ИА РАН. № 50605.
- Окладников А.П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. М.: Изд-во АН СССР, 1963 (МИА; № 112). 355 с.
- Попов А.Н., Лазин Б.В.* Археологические исследования на острове Русском во Владивостоке в 2010–2011 гг. // Тихоокеанская археология. Вып. 21. Владивосток: ДГУ, 2011. С. 118–126.
- Сергушева Е.А., Морева О.Л.* Земледелие в Южном Приморье в I тыс. до н.э.: карпологические материалы поселения Черепаша-13 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. 4 (39), С. 194–205.
- Цетлин Ю.Б.* Фундаментальные проблемы изучения гончарства. Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 229–244.
- David N., Kramer C.* Ethnoarchaeology in Action. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 476 p.
- Gosselain O.* Technology and Style: Potters and Pottery Among Bafia of Cameroon // Man 1992. V. 27, № 3. P. 559–586.
- Shepard A.O.* Ceramics for the Archaeologist. Washington, D.C.: Carnegie Inst. 1985. 414 p.
- Tite M.S.* The Impact of Electron Microscopy on Ceramics Studies // Proceedings of the British Academy. 1992. V. 77. P. 111–131.

NEW POTTERY TRADITION OF THE YANKOVSKAYA CULTURE SITES OF THE PALEOMETAL AGE IN PRIMORYE

Irina S. Zhushchikhovskaya^{1, *}, Evgeny Yu. Nikitin^{2, **}

¹*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia*

²*Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia*

*E-mail: irina1zh@mail.ru

**E-mail: urgen55@yandex.ru

The article presents the results of studying the Yankovskaya culture materials (10th-9th-3rd-2nd centuries BC) of the Paleometal Age in the Southern Primorye. For the first time for the sites of this culture, a combination of different pottery traditions in the same ceramic complex – the dominant Yankovskaya and the second, presumably connected with the sites of the Early Paleometal, i.e. the period when the first bronze appeared in Primorye (the turn of the 2nd and 1st – the middle of the 1st millennium BC). A certain similarity in terms of chronological and regional attribution can be traced for these traditions. The differences relate to a number of technological and morphological features that reflect the cultural specifics of pottery. There is evidence not only of coexistence, but also syncretism of traditions. This phenomenon noted in the sites of the northern part of the Ussuri Bay, is local in nature and probably indicates contacts between carriers of different cultures of the Paleometal Age in the south of the Far East.

Keywords: ceramics, technology, morphology, pottery tradition, Southern Primorye, the Paleometal Age.

REFERENCES

- Andreyeva Zh.V., Zhushchikhovskaya I.S., Kononenko N.A., 1986. Yankovskaya kul'tura [The Yankovskaya culture]. Moscow: Nauka. 214 p.
- Artem'yeva N.G. Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh na pamyatnike Telyakovskogo 2 v Shkotovskom rayone Primorskogo kraya v 2015 g. [Report on the archaeological investigations at the site Telyakovskogo 2 in Shkotovo district of Primorsky Territory in 2015]. *Arkhiv Instituta istorii, arkhеologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN [The Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the RAS]*, 2015, F. 1, Op. 2, № 812. (Unpublished)
- Avgustinik A.I., 1956. To the methodology of studying ancient ceramics. *KSIIMK [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture]*, 64, pp. 149–156. (In Russ.)
- Bobrinskiy A.A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy [Pottery of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 271 p.
- Brodyanskiy D.L., 2013. Siniy Gay. Poseleniya neolita i bronzovogo veka v Primor'ye [Siniy Gay. The Neolithic and Bronze Age settlements in Primorye]. Vladivostok: DFU. 206 p.
- D'yakov V.I., 1989. Primor'ye v epokhu bronzy [Primorye in the Bronze Age]. Vladivostok: DGU. 239 p.
- David N., Kramer C., 2001. Ethnoarchaeology in Action. Cambridge: Cambridge Univ. press. 476 p.
- Gosselain O., 1992. Technology and Style: Potters and Pottery Among Bafia of Cameroon. *Man*, vol. 27, no. 3, pp. 559–586.
- Grebenshchikov A.V., Derevyanko A.P., 2001. Goncharstvo drevnikh plemen Priamur'ya [Pottery of the ancient tribes of the Amur region]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 118 p.
- Lutayenko K.A., Artem'yeva N.G., 2017. Mollusks from the shell-midden of the Telyakovskogo 2 site in the southern Primorye (The Yankovskaya archaeological culture), their paleoeconomy and role in paleoeconomy. *Byulleten' Dal'nevostochnogo malakologicheskogo obshchestva [Bulletin of the Russian Far East Malacological Society]*, vol. 21, no. 1-2, pp. 61–128. (In Russ.)
- Malkov S.S., 2017. The structure of the multicomponent settlement Cherepakha-13 in Primorye (to the issue of human settlement of the Peter the Great Bay littoral in antiquity and in the Middle Ages). *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura [Society: philosophy, history, culture]*, 1, pp. 78–80. (In Russ.)
- Myl'nikova L.N., 2014. Keramika perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku lesostepnoy zony Zapadnoy Sibiri: dialog kul'tur: avtoref. diss. ... dokt. ist. nauk [Pottery of the transition period from the Bronze Age to the Iron Age of the forest-steppe zone of Western Siberia: a dialogue of cultures: the

- author's abstract of a thesis for the Doctoral Degree in History]. Novosibirsk. 38 p.
- Nikitin E.Yu.* Otchet ob okhranno-spasatel'nykh arkeologicheskikh issledovaniyakh na ob"yekte arkeologicheskogo naslediya Cherepakha-7 (Primorskiy kray, Artemovskiy GO) [Report on preservation and salvage archaeological investigations in the archaeological heritage site of Cherepakha-7 (Primorsky Territory, Artyom urban district)]. *Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, 2016, № 50605. (Unpublished)
- Nikitin Yu.G.* Archaeological investigations in Oktyabrskiy district of Primorsky Territory in 1998. *Arkhiv Instituta istorii, arkeologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN [Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the RAS]*, 1999, F. 1, Op. 2, № 406. (Unpublished)
- Okladnikov A.P.*, 1963. Drevneye poseleniye na poluostrove Peschanom u Vladivostoka [An ancient settlement on the Peschany peninsula near Vladivostok]. Moscow: Izd. AN SSSR. 355 p. (MIA, 112).
- Popov A.N., Lazin B.V.*, 2011. Archaeological research on Russky Island in Vladivostok in 2010–2011. *Tikhookeanskaya arkeologiya [Pacific archaeology]*, 21. Vladivostok: DGU, pp. 118–126. (In Russ.)
- Sergusheva E.A., Moreva O.L.*, 2017. Agriculture in Southern Primorye in the 1st millennium BC: car-pological materials of the Cherepakha-13 settlement. *Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*, 4 (39), pp. 194–205. (In Russ.)
- Shepard A.O.*, 1985. *Ceramics for the Archaeologist*. Washington, D.C.: Carnegie Instit. 414 p.
- Tite M.S.*, 1992. The Impact of Electron Microscopy on Ceramics Studies. *Proceedings of the British Academy*, 77, pp. 111–131.
- Tsetlin Yu.B.*, 2010. Fundamental issues in the study of pottery. *Drevneye goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya [Ancient pottery: results and prospects of study]*. Moscow: IA RAN, pp. 229–244. (In Russ.)
- Vasil'yeva I.N.*, 2015. Raw materials for the most ancient Neolithic ceramics and their distribution areas in the Volga region. *Sovremennyye podkhody k izucheniyu drevney keramiki v arkeologii [Recent approaches to ancient ceramics in archaeology]*. Moscow: IA RAN, pp. 16–23. (In Russ.)
- Zhushchikhovskaya I.S.*, 2004. Ocherki istorii drevnego goncharstva Dal'nego Vostoka Rossii [Studies in the history of the ancient pottery of the Russian Far East]. Vladivostok: Dal'nauka. 311 p.
- Zhushchikhovskaya I.S.*, 2017. Experience of using electron microscopy in the study of archaeological ceramics from the south of the Far East. *Zapiski IIMK RAN [Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the RAS]*, 16, pp. 75–91. (In Russ.)
- Zhushchikhovskaya I.S., Artem'yeva N.G., Korovnik M., Nikitin Yu.G.*, 2013. Ceramic complexes of the Yankovskaya culture sites of the eastern coast of the Ussuri gulf. *Tikhookeanskaya arkeologiya [Pacific archaeology]*, 27. Vladivostok: DFU, pp. 81–116. (In Russ.)

ГОРОДИЩЕ МЕЛКОЕ ОЗЕРО (VIII в. до н.э. – VI в. н.э.) В ГОРНО-ЛЕСНОМ ЗАУРАЛЬЕ

© 2019 г. В.А. Борзунов

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: victor.borzunov@mail.ru

Поступила в редакцию 19.09.2017 г.

Городище находится на северном берегу озера Мелкого – проточного водоема в верховьях р. Исеть – у западной окраины г. Екатеринбург, на высоком (16 м²) мысовидном выступе, отделенном от коренной террасы коротким (19 м) рвом с проходом посередине. В 1979 г. автором вскрыта часть памятника (104 из 650 м²) с объектами и материалами трех периодов. К первому (VIII–VI вв. до н.э.) относятся остатки гамаюнского селища с землянкой и сменяющего его большого бревенчатого укрепленного жилища со рвом, а также находки керамики, изделий из камня и глины, отходов камнеобработки. Ко второму периоду (V–III вв. до н.э.) – селище аборигенной иткульской культуры с очагом и ямой, расположенными в легком каркасном строении, иткульская и гороховская керамика, керамические “пряслица” (“маховички”), глиняное сопло и железный нож. Третий период (IV–VI вв.) представлен наземными кострищами и керамикой “нижнетобольского” типа. Поселения гамаюнской культуры были основаны выходцами из верховьев р. Тавда, потомками рыболовов-охотников бассейна Конды и Нижнего Приобья. Средневековое селище оставлено смешанным населением Нижнего Притоболья, наследниками рыболовов-охотников таежного Приобья и скотоводов тоболо-иртышской лесостепи. Главные причины этих миграций: два холодных и влажных климатических периода, имевшие место в начале I тыс. до н.э. и середине I тыс. н.э. Бегство части общин гороховской культуры в горно-лесное Зауралье и на Южный Урал было обусловлено переселением на запад скотоводческих племен саргатской культуры западносибирской лесостепи.

Ключевые слова: Зауралье, городище, миграции, ранний железный век, раннее средневековье.

DOI: 10.31857/S086960630004793-1

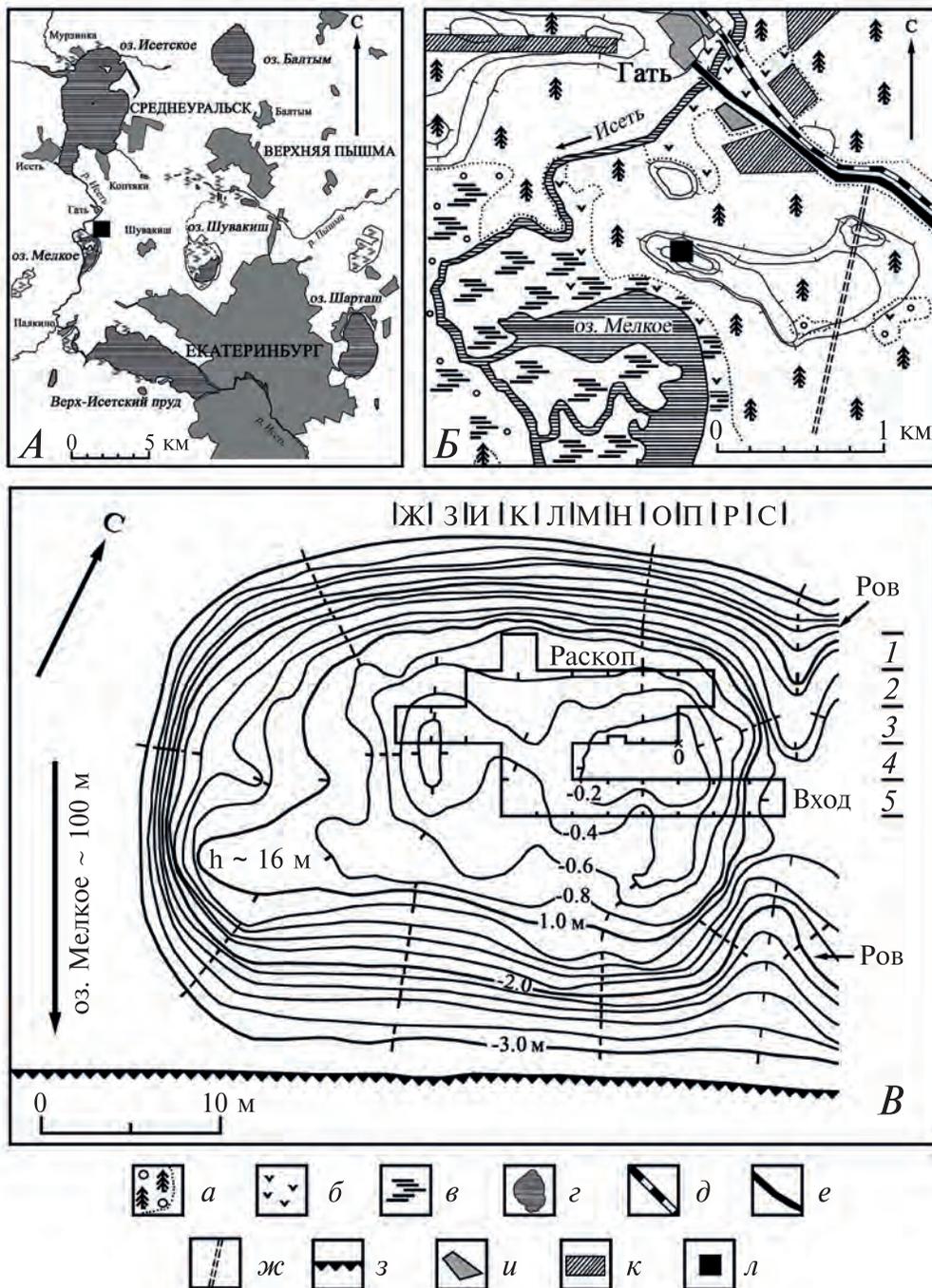
В 1976–1993 гг. в системе изучения памятников гамаюнской культуры и древнейших укрепленных поселений лесного Зауралья автором проведены разведки и раскопки серии городищ эпохи железа. Одним из самых ранних таких объектов в Среднем Зауралье является городище Мелкое озеро, оно же – городище у оз. Мелкого. Помимо данных для анализа обозначенных выше сюжетов его материалы содержат информацию о трех миграционных потоках, имевших место на территории Урала и Западной Сибири на рубеже бронзового и железного веков, в начале железного века и раннем средневековье.

Краткие сведения о городище опубликованы в информационных и энциклопедических изданиях, а также некоторых обобщающих работах по древней истории края (Борзунов, 1980; 1992; 2002; Борзунов, Стоянов, 1981). Более целостное, детальное и скорректированное

представление о памятнике изложено в данной публикации.

Описание памятника и история его исследования. Озеро Мелкое – проточный, сильно заболоченный по краям водоем, являющийся частью верхнего течения р. Исеть. Он расположен у западных границ г. Екатеринбург на территории Верхнепышминского района Свердловской обл. между железнодорожными станциями Палкино и Гать (рис. 1, А).

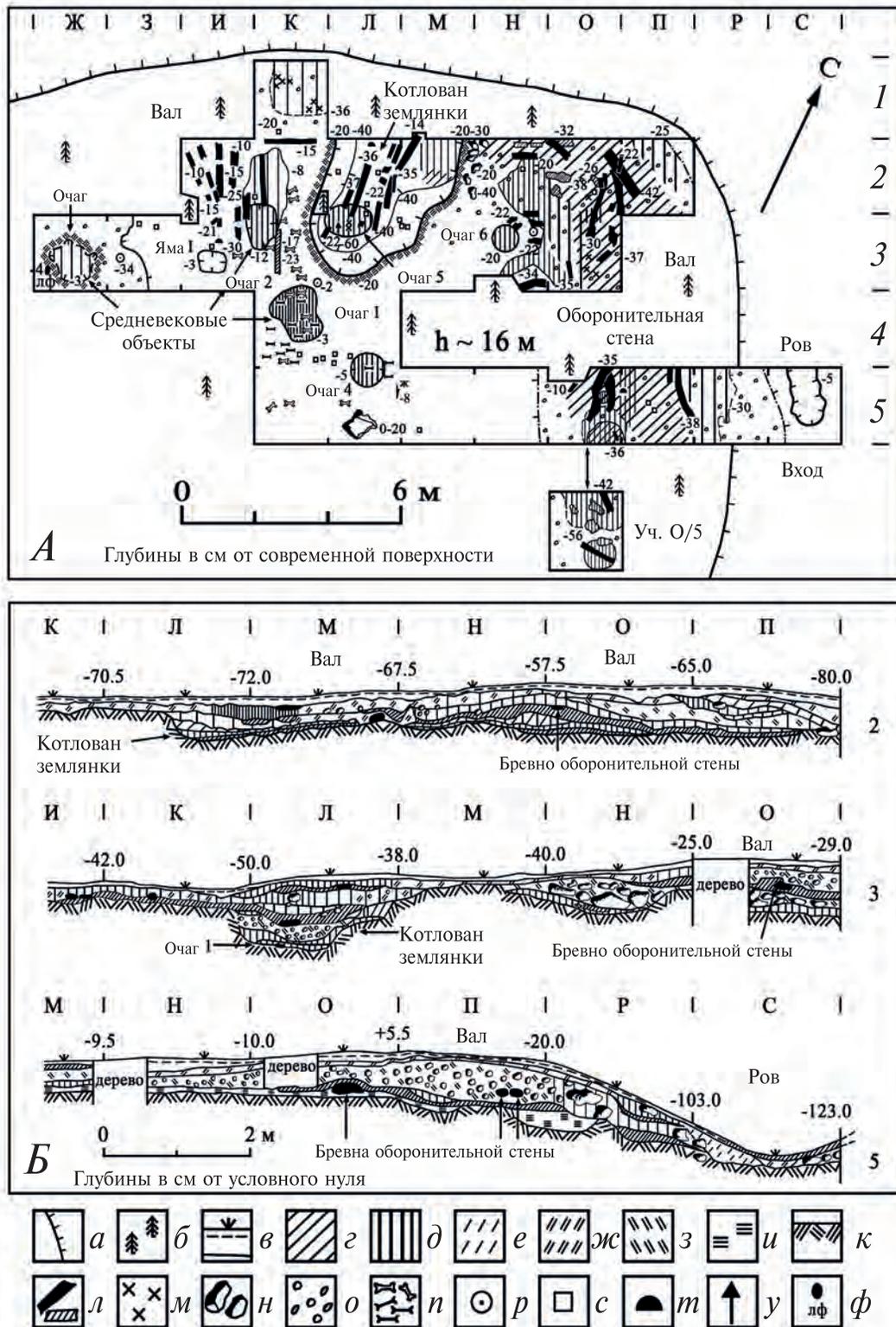
Городище находится на северном берегу озера и левом коренном берегу реки, в 1 км к югу от станции Гать (д. Калмацкий Брод). Укрепление занимает вершину мысовидной возвышенности с крутыми склонами и скальной основой. С севера, северо-запада и запада основание гряды окружено залесенным верховым болотом, с юга и юго-запада примыкает к заболоченной части озера (рис. 1, Б). Вся терраса, включая территорию городища,

Рис. 1. Городище Мелкое озеро: *A, B* – местонахождение; *B* – топографический план (съемка В.А. Борзунова 1979 г.). Условные обозначения: *a* – лес; *б* – луг; *в* – болото; *г* – водоем; *д* – железная дорога; *е* – автомобильная дорога; *ж* – просека; *з* – обрыв; *и* – населенный пункт; *к* – садовый участок; *л* – городище. На рис. 1, 2 север – истинный.
Fig. 1. The fortified settlement of Melkoye Ozero. The location (*A, B*) and topographic plan (*B*)

задернована и покрыта сосновым лесом (горная тайга). Поселенческая площадка расположена на высоте 16–17 м от уровня заболоченного водоема. Она холмообразная, в плане подпрямоугольная с закругленными углами,

размерами 32×16–19 м, ориентирована по оси ЗЮЗ–ВСВ. С северо-востока, севера и северо-запада оконтурена расплывшимся каменистым валом шириной 3–7 м. С напольной стороны холм ограничен поперечным

Рис. 2. Городище Мелкое озеро: *А* – план раскопа; *Б* – профили стенок раскопа. Раскопки и съемка В.А. Борзунова 1979 г. Условные обозначения: *а* – край холма; *б* – лес; *в* – дерн, подзол; *г* – углистый слой; *д* – красный и желтый прокаленный суглинок; *е* – серый суглинок; *ж* – желто-серый суглинок; *з* – серо-желтый суглинок; *и* – серо-зеленая крупнозернистая супесь (материк); *к* – скальный грунт (материк); *л* – обугленное дерево; *м* – крупные угли; *н* – камни; *о* – щебень; *п* – “сырые” и кальцинированные кости животных; *р* – керамическое “пряслице”; *с* – отщеп; *т* – каменный скобель; *у* – каменный наконечник стрелы; *ф* – литейная формочка (?) из глины.

Fig. 2. The fortified settlement of Melkoye Ozero. The plan view of the excavation (*A*) and section views of its walls (*B*)

рвом длиной 19 м, шириной 6–8 м. В центре рва, напротив входа на городище, фиксируется проход на поселение — узкая (2–2.5 м) перемычка, расположенная на 1.5 м ниже вершины поселенческой площадки. В западной половине холма выявлена едва заметная каменная дуговидная насыпь (10–11×2.4×0.3 м), ориентированная в направлении, близком к широтному (рис. 1, В). Возможно, это было продолжение вышеупомянутого вала. Поверхность памятника неровная, повреждена ямами и современными кострами. Общая площадь поселения — около 650 м².

Городище открыто автором статьи в 1978 г. В августе следующего года раскопом площадью 104 м² им же вскрыты северные участки (далее — уч.) поселенческой площадки и оборонительной системы (рис. 1, Б, В).

Стратиграфия памятника проста и характерна для горных уральских поселений (рис. 2, Б). На холме под дерном толщиной около 3 см залегал маломощный (4–20 см) желто-серый суглинок с находками керамики и других артефактов. Местами в культурном горизонте прослеживались красные и желтые прокалы, а также черные углистые прослойки, мощность которых увеличивалась в древних ямах, котлованах и современных естественных западинах. Материк — серо-зеленая крупнозернистая супесь и скальные породы. Под дерном вдоль северо-западного, северного и северо-восточного краев памятника прослеживался расплывшийся вал высотой 30–55 см, сложенный темно-серым и серо-желтым суглинками с крупными камнями и щебнем. Насыпь была сооружена поверх напластований прокаленных красного и желтого суглинков, а также погребенного углистого слоя. Под валом, в нем и над ним залегала гамаюнская керамика, что позволило уверенно датировать систему фортификаций гамаюнским периодом. При этом вал был насыпан не сразу, а через некоторое время после основания на холме гамаюнского селища.

Хронология и периодизация памятника. Повторный анализ археологических находок, а также их распределения по слоям и объектам позволили уточнить хронологию и периодизацию данного многослойного поселения. При этом она несколько иная по сравнению с изложенной в отчете о раскопках (Борзунов, 1979. С. 22–39) и печатных изданиях.

В развитии памятника Мелкое озеро выделяются три периода: гамаюнский рубежа

бронзового и железного веков (VIII–VI вв. до н.э.), иткульский раннего железного века (V–III вв. до н.э.) и “нижнетобольский” раннего средневековья (IV–VI вв.).

Вскрытые объекты. К гамаюнскому периоду, включающему горизонты раннего селища и сменяющего его укрепления, относятся руины жилого котлована, остатки двух очагов (№ 5, 6), камнеобрабатывающей мастерской, небольшой участок с прокалом на северном склоне холма (К/1), а главное — отрезки оборонительного вала и рва. К иткульскому периоду — очаг 4 и яма I, расположенные стратиграфически выше основной массы объектов гамаюнского времени, но не связанные со средневековой керамикой. К раннему средневековью — очаги 1, 3 и, возможно, 2, зафиксированные сразу под дерном, поверх ранних слоев и разрушенных гамаюнских сооружений (рис. 2, А).

Гамаюнский период. Самый древний объект — полуовальный в плане котлован жилища — был расположен у северо-западного края поселенческой площадки, на уч. К–М/2–3. Его вскрытые размеры — 4.8×3.6 м, глубина в северной части — 0.2–0.6 м, в центральной и южной — 0.6–0.8 м. Ориентировка — меридиональная. Дно углубления неровное, стенки покатые. Котлован выкопан в скальных породах, перпендикулярно краю холма, заполнен семью чередующимися слоями черного углистого, красноватого прокаленного и серо-желтого суглинков со щебнем. Судя по распространению археологических материалов, площадь постройки не ограничивалась пределами котлована. Последний, скорее всего, занимал центральную часть жилой постройки типа полуземлянки. Стены жилища были, вероятно, наклонные. Сооружены из тонких бревен и жердей, нижними концами упиравшихся в скальный грунт за пределами котлована, а верхними — на продольную “коньковую” балку, установленную на вертикальных столбах. Стратиграфия объекта и распределение находок указывают на то, что землянка была построена до возведения оборонительной стены, но продолжала существовать длительный период.

В развитии данного жилища выделяются два этапа. С первым связан заплыв материкового суглинка и нижний серый углистый горизонт с обломками обугленных бревен — от опорных столбов, стен и перекрытия постройки. Бревна залегали продольно котловану: в его

южной половине — под очагом, в северной — между слоями прокалов. Ко второму этапу относятся верхний горизонт прокаленного суглинка, остатки очага 5 и камнеобрабатывающей мастерской. Очаг 5 в плане овальный (1.3×0.75 м), в разрезе — в виде двояковыпуклой линзы, ориентирован в широтном направлении. Исходя из мощности наслоений (до 0.5 м), объект долговременный. В кострище и около него помимо гамаюнской керамики обнаружены каменный наконечник стрелы, обломок другого наконечника, кремневый мясной нож, части керамической треугольной подвески (ложила?) и округлого керамического “пряслица” (уч. Л/3), прямоугольное “пряслице” (уч. К/2), две заготовки каменных скребков и отходы камнеобрабатывающего производства — нуклеидный кусок, отщепы, чешуйки (уч. Л–М/2–3). Оба культурных горизонта землянки связаны гамаюнской керамикой. Данная постройка использовалась как круглогодичное жилое, хозяйственное и производственное помещение. На позднем этапе она могла быть встроена в оборонительную стену городища.

Очаг 6 находился в северном углу поселоческой площадки, на уч. Н/3. Он округлый, слегка углубленный в скальный грунт (0.65×0.65×0.08 м), в разрезе линзовидный, сложен красным прокаленным суглинком и перекрыт слабо прокаленным желто-серым. В костре и вокруг него найдены обломки гамаюнской посуды, поодаль — часть круглого керамического “пряслица”.

На склоне холма (уч. К/1) в прокаленном слое раннего селища обнаружены гамаюнские черепки, кремневый отщеп и кальцинированная кость животного.

Исследованные остатки фортификаций гамаюнского укрепления представлены тремя отрезками вала (уч. О–Р/5, Н–П/3, О/3, И–К/2–3) и частью рва (уч. С/5). Стратиграфия и параметры насыпи приведены выше. Дополним, что на уч. П/5–О/2 ось вала проходила ближе ко рву, расстояние между ней и центром канавы около 4.5 м. В каменистом валу расчищены остатки обугленных бревен и жердей, ориентированных преимущественно параллельно рву и краю городищенской площадки (уч. О–Р/5, Н–П/3, О/3) либо перпендикулярно последнему (уч. И–К/2–3). На уч. О–П/5 бревна располагались на удалении 2 м друг от друга, а ось вала проходила между ними. С определенной долей вероятности,

можно предположить, что суглинок со щебнем размытого вала представлял собой забутовку двухрядной бревенчатой оборонительной стены, укрепленной снаружи крупными камнями. Обугленные бревна и гамаюнские материалы, выявленные на уч. И–К/2–3 в нижней части желто-серого, местами прокаленного суглинка, интерпретировать однозначно сложно. Они залегали под развалом средневекового очага 2 и были синхронны верхнему горизонту заполнения вышеупомянутого котлована. Как вариант они относились к одному производственно-жилому комплексу. Между тем по этим участкам проходил оборонительный вал, и часть обугленных бревен могла остаться от сгоревших оборонительных стен городища.

При сооружении рва древними строителями был использован рельеф местности. Два полуовальных в плане отрезка канавы, длиной 10 и 7 м, были выкопаны в основании холма, с его напольной стороны на глубину 0.5–0.6 м. Между ними оставлен проход шириной 2–2.5 м. Из-за разницы уровней городищенской площадки и дна канавы (1.5–2.5 м), а также с учетом крутых склонов холма ров выглядит внушительным. Из-за постоянных водотоков заполнения сохранилось только на дне рва — желто-серый суглинок без находок мощностью 0.1 м.

Возможно, к оборонительной системе раннего поселка относилась вышеупомянутая дуговидная насыпь, частично вскрытая на уч. Ж–З/3. Она залегала поверх материковой скалы и сложена из желто-серого суглинка с большим количеством щебня. Мощность слоя — 0.15 м. В основании насыпи найдена гамаюнская керамика и округлое керамическое “пряслице”, поверх насыпи находился средневековый очаг 3.

Иткульский период. Очаг 4 располагался ближе к центру холма (уч. Л/4–5), яма I — на северо-западной окраине поселка (уч. И/3) (рис. 2, А). По всей видимости, они размещались в легкой каркасной наземной постройке, функционировавшей в теплое время года. Очаг — круглый, диаметром 0.8 м, мощность прокала 0.08. В его заполнении зафиксированы кальцинированные косточки животных, над ним и рядом с ним — обломки иткульской и гамаюнской посуды, скопление гамаюнских кремневых отщепов и иткульский железный нож. В 1 м к югу от костра лежал большой (40×30×20 см) камень, выходящий на поверхность. Вокруг него и чуть поодаль

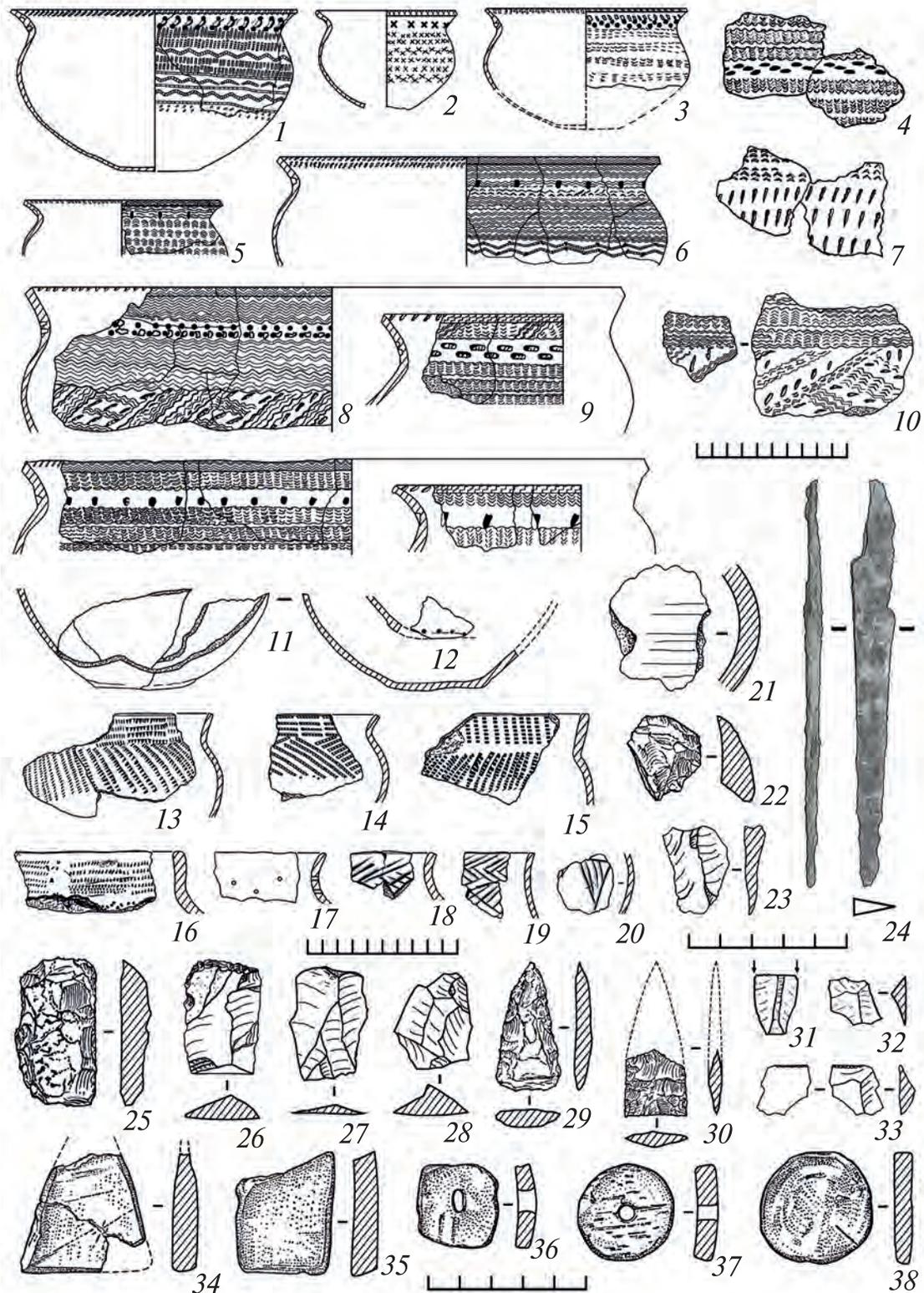

Рис. 3. Городище Мелкое озеро: 1–12 – гамаюнская керамика; 13–17 – иткульская керамика; 18–20 – гороховская керамика; 21 – обломок глиняного иткульского сопла; 24 – иткульский железный нож; 22, 23, 25–33 – гамаюньские изделия из камня (22 – скребок, 23, 27, 28 – мясные ножи; 25 – скобель-скребок; 26 – скобель; 29, 30 – наконечники стрел; 31, 32 – микрорезчики; 33 – пилка по дереву); 34, 35 – гамаюньские керамические подвески (лошила?); 36–38 – гамаюньские и иткульские керамические “пряслица” (“маховички”).

Fig. 3. Finds from the fortified settlement of Melkoye Ozero

(уч. К–Л/4–5) концентрировались обломки гамаюнских, иткульских и гороховских сосудов, а также косточки животных. Яма I – прямоугольная, мелкая (0.7×0.5×0.09 м), ориентирована в широтном направлении. В заполнявшем ее желто-сером суглинке со щебнем найдены фрагменты (далее – фр.) иткульской посуды, в том числе неорнаментированной. Под ней залегали гамаюнские остатки – керамика, отщепы и косточки животных.

Раннее средневековье. Очаги 1–3 и синхронные им материалы находились в западной половине раскопа на возвышенных участках (рис. 2, А). При этом костры скорее всего размещались в легких каркасных строениях. Наибольшая концентрация находок – в виде овального в плане (3.1×1.2 м) скопления средневековой “нижнетобольской” керамики и костей животных – наблюдалась в очаге 1 и вокруг него, на уч. К/3–4. Очаг овально-прямоугольный, слабо углубленный, в разрезе линзовидный (1.6×0.6–0.8×0.15 м), ориентирован по оси северо-запад – юго-восток, заполнен ярко-красным суглинком. В 1 м к северо-западу от костра, на уч. И–К/2–3, расчищен очаг 2. Его остатки залегали под дерном над обломками сгоревших гамаюнских бревенчатых конструкций. Костер чашевидный, в плане неправильной овальной формы, сложен красным прокаленным суглинком (1.2×0.85×0.14 м), ориентирован по оси северо-запад – юго-восток. Ниже следовал тонкий слой черной углистой супеси. Рядом с очагом найдена средневековая керамика, под ним – гамаюнская. Очаг 3 – подпрямоугольный, мелкий (1.1×0.8×0.05 м), выкопан на уч. Ж–З/3 на поверхности валообразной насыпи, ориентирован в широтном направлении, заполнен слабо прокаленным желтым суглинком. У его края найден фрагмент глиняного изделия, похожего на литейную формочку. В заполнении очажного слоя и вокруг него залегали обломки средневековой посуды.

Находки. Археологические материалы из раскопок памятника представлены разновременной керамикой (1888 фр.), изделиями из камня, глины и металла (26 ед.), отходами камнеобработки (42 ед.), “сырыми” (85 ед.) и кальцинированными костями животных.

Керамика фрагментированная, что характерно для горно-уральских памятников с маломощным культурным горизонтом. Коллекция включает 246 обломков шеек сосудов с венчиками (из них 229 орнаментированных,

17 без декора) и 1642 обломка других частей сосудов (571 с орнаментом, 1071 без такового). Большая доля неорнаментированных черепков (1088 фр., 57,6%) указывает на то, что у сосудов, найденных на данном памятнике, обычно декорировалась только верхняя треть либо половина внешней стороны.

Культурную принадлежность удалось определить у 792 черепков, в их числе 434 гамаюнских, 102 иткульских, 19 гороховских и 237 “нижнетобольских”. По 389 фрагментам установлено не менее 99 сосудов: 42 гамаюнских, 28 иткульских, 6 гороховских и 23 “нижнетобольских”.

Черепки без декора встречались по всему раскопу. Орнаментированные обломки всех типов залегали повсеместно за исключением восточной и западной окраин раскопа. Гамаюнские фрагменты найдены на 21 из 26 вскрытых участков. Наибольшее их количество (25–45 фр.) собрано на уч. К/1, 4, Л/2–5, М/2, Н/3. Обломки иткульской посуды выявлены на 19 участках, но более 5 иткульских черепков обнаружено только на одном уч. Л/5 (27 фр.). Гороховские черепки – от 1 до 3 – собраны с 10 участков (Л–М/2, И, Л, Н/3, Л/4, К, Л, Р–П/5). Средневековая керамика зафиксирована на 15 участках, но больше всего ее на 3: уч. К/4 – 106 фр., К/3 – 14 фр., Н/5 – 42 фр.

Гамаюнские сосуды – горшечные, единично – баночно-горшечные и чашевидные, как правило, круглодонные. В коллекции также имеется шесть обломков от маленьких уплощенных доннышек. Шейки у сосудов дуговидные резко отогнутые, венчики плоские, скошенные наружу, плечики выпуклые, придонные части сильно зауженные. По размерам емкости делятся на большие (18 экз.), с диаметром по венчику более 25 см, средних размеров (16) и малые (7), у которых диаметр по венчику менее 15 см. В глине всех сосудов прослеживается примесь талька (мелкотолченого и зернами), у 10 предполагается небольшая добавка песка. По технике и элементам декора гамаюнская посуда памятника делится на четыре типа: ямочно-крестовую (3 сосуда), ямочно-волнисто-прокатанную (33), ямочно-крестово-волнисто-прокатанную (5) и с обедненной ямочно-насечковой орнаментацией (1). Эти типы встречаются у всей гамаюнской керамики (Борзун, 1992. С. 54–57. Рис. 12).

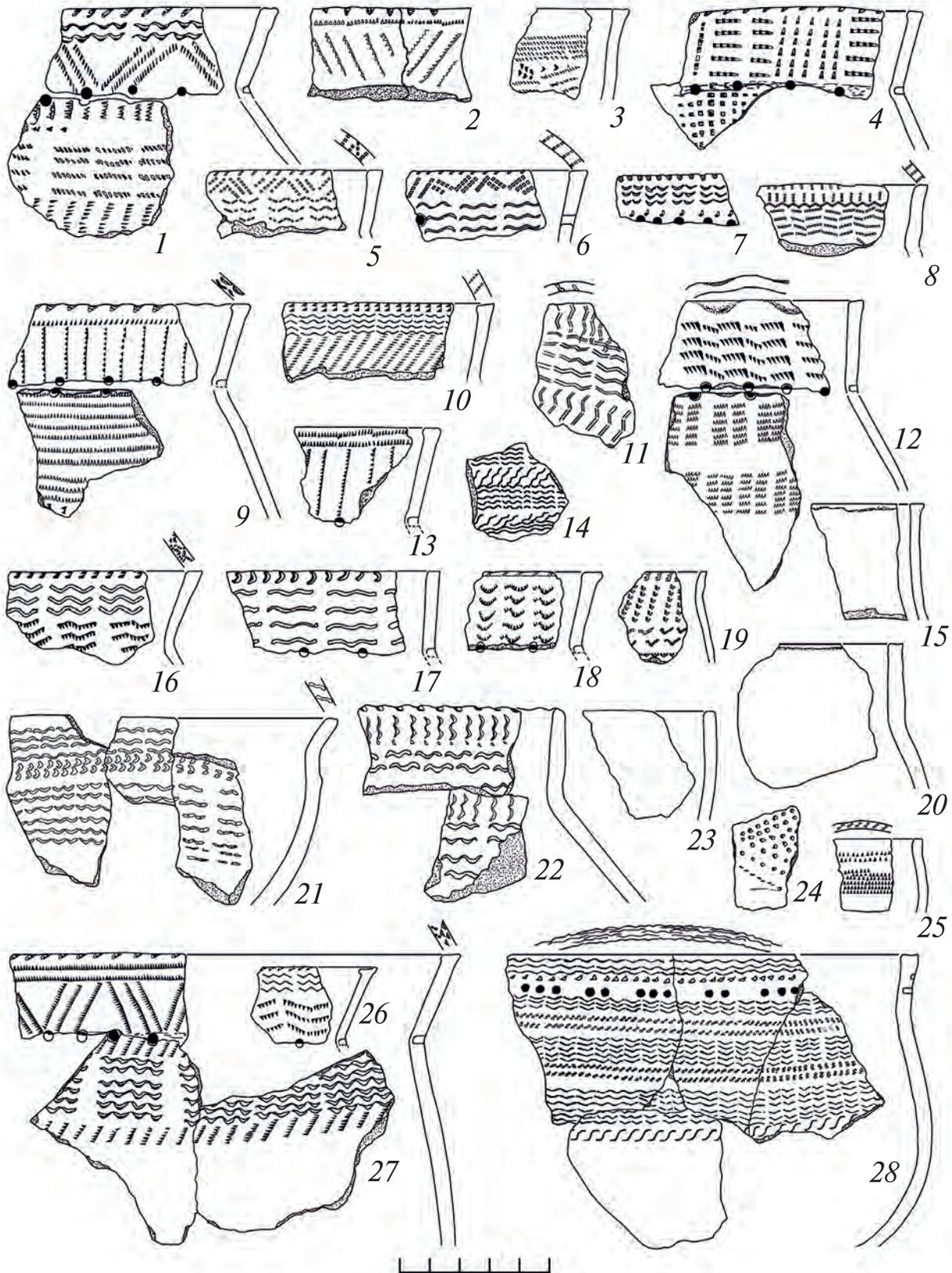

Рис. 4. Городище Мелкое озеро: 1–12, 16–19, 21, 22, 25–28 – “нижнетобольская” керамика; 15, 20, 23 – иткульская керамика; 24 – тип керамики не определен.

Fig. 4. Pottery from the fortified settlement of Melkoye Ozero

Декор нанесен заостренной палочкой, костяным или деревянным чеканом с крестом на торце, а также оригинальным комбинированным глиняным фигурным штампом в форме овала или сердечка, оставляющим прокатанные и насечковые узоры (ср.: Борзунов, 1992. Рис. 24, 1–10). На одном сосуде последние орнаменты заменены оттисками палочки с прямоугольным концом. Характерной чертой гамаюнской керамики являются узоры на венчике и обратной стороне шейки под венчиком: на данном памятнике их соответственно 37 и 32 случая. Основные элементы декора — пояски одинарных и сдвоенных в шахматном порядке ямок в основании шейки, а также горизонтальные концентрические и наклонные ленты, заполненные оттисками крестового чекана и комбинированного глиняного штампа. На доньшках наколами изображен солярный орнамент — радиально расходящиеся из центра “лучи”, заключенные в круг (рис. 3, 1–12).

Иткульские сосуды сходны с гамаюнскими, но отличаются по орнаменту и деталям формы (рис. 3, 13–17; 4, 15, 20, 23). Иткульские емкости такие же горшечные, горшечно-баночные и чашевидные, причем все круглодонные. По размерам они большие (13), средних размеров (13) и малые (2). В общий подсчет не включены пять обломков мелких сосудов, с диаметром по венчику до 5 см. Большие толстостенные емкости считаются хозяйственной и производственной посудой, средней величины — “столовой”. Миниатюрные формы могли быть игрушками, вотивной керамикой или местом хранения красок. Венчики сосудов плоские горизонтальные, в том числе с закраинами, либо горизонтальные, скошенные наружу. Шейки прямые, слегка отогнутые (16), единично — вертикальные (4) и дуговидные без утолщения (4). У четырех неорнаментированных сосудов верхняя часть стенок наклонена внутрь емкости. Плечики и тулова как выпуклые, так и слабо профилированные. Поверхности емкостей снаружи и изнутри обработаны гребенкой, а затем заглажены. В глине всех сосудов прослеживается примесь мелко- и крупнотолченого талька, изредка — песка (6).

По орнаменту посуда памятника делится на три группы: гребенчатую (13 сосудов), гребенчато-ямочную (3) и без декора (12). В известной классификации Г.В. Бельтиковой названные выше первая и третья группы соответствуют первому типу (тип I) иткульской

керамики, вторая — так называемой переходной посуде, сочетавшей иткульские формы и гребенчатый орнамент с инородным гамаюнским ямочным декором (1977. С. 120–125). Основные орнаменты на шейках сосудов первой группы — горизонтальные, наклонные и вертикальные оттиски гребенки, в том числе объединенные в столбики-“фестоны”. В одном случае такой декор нанесен палочкой с коротким, узким и плоским концом. На плечиках и стенках фиксируются пояски из горизонтальных, наклонных и вертикальных оттисков гребенки, а также елочка и взаимопроникающие заштрихованные треугольные зоны. Гребенчатые чеканы — с крупными и средней величины зубцами, единично — с мелкими. Остальные части сосуда, в том числе венчик, обратная сторона шейки под венчиком, придонная часть и днище, не декорированы. На сосудах второй группы венчики украшены наклонными оттисками крупнозубчатого чекана, шейки — пояском овальных или прямоугольных ямок либо сквозными отверстиями, выстроенными в шахматном порядке.

Гороховские сосуды — средних и малых размеров, по-видимому, горшечной формы, круглодонные. В глине — обильная примесь толченого талька. Венчики узкие горизонтальные, шейки дуговидные, слегка отогнутые, плечики выпуклые. Элементы орнамента: горизонтальная елочка, наклонные оттиски и заштрихованные свисающие треугольники, нанесенные гладким узким штампом (рис. 3, 18–20). На одном сосуде заостренной палочкой прочерчена линия.

Сосуды “нижнетобольского” типа — горшечные и чашевидные, по-видимому, круглодонные, большой (13), средней (6), малой и очень малой величины (3). При их производстве в глину добавляли песок и крайне редко (4 сосуда) — небольшое количество мелко- и крупнотолченого талька. Второй отличительной чертой средневековой посуды являются плоские широкие венчики, в том числе с закраиной изнутри, скошенные внутрь емкости (17). Иные варианты венчиков — скошенные внутрь с двумя закраинами, плоские горизонтальные, уплощенные и округло-уплощенные — единичны. Шейки прямые, вертикальные (4) и слегка отогнутые наружу (14), как исключение очень маленькие дуговидные. У одного сосуда верхняя часть стенок наклонена внутрь емкости. Стенки и плечики выпуклые, но чаще — слабо профилированные.

Декор нанесен заостренной палочкой (ямочный зафиксирован на 8 сосудах), гребенкой (16), фигурным чеканом в виде змейки и уточки (12) либо “гребенчатой” змейки (7), а также палочкой с треугольным концом (наколы — 1 случай). По технике орнаментации (без учета ямочной и накольчатой) условно выделяются 4 группы сосудов: украшенные только гребенчатыми узорами (4), фигурной змейкой и уточкой (6), гребенкой в сочетании с фигурной змейкой (6), гребенкой и “гребенчатой” змейкой (6). Один сосуд орнаментирован только ямками, зашипами и “гребенчатой” змейкой. Кроме того, данные 4 группы представлены соответственно 31, 11, 10 и 10 мелкими фрагментами стенок, отношение которых к вышеупомянутым сосудам точно не установлено. У средневековых емкостей всегда украшены шейки, плечики и верхняя половина стенок, реже — венчики (14), а также внутренний и внешний края — ребра — венчика (соответственно 12 и 14 сосудов). Основные элементы декора: поясок круглых ямок по основанию шейки, а также вертикальные, наклонные и горизонтальные оттиски гребенчатых и фигурных чеканов, скомпонованные в горизонтальные и наклонные пояски-ленты, многорядный зигзаг, взаимопроникающие треугольные и прямоугольные (“плетенка”) зоны (рис. 4, 1–12, 16–19, 21, 22, 25–28).

Вещевой комплекс. Гамаюнские орудия из камня (серый и желто-белый кремний, серая, серо-зеленая и сургучная яшма, желтый и светло-желтый халцедон) включают изготовленные из обычных и пластинчатых отщепов 2 наконечника стрел, скребок, скобель-скребок, скобель, пилку по дереву, 7 мясных ножей, 2 микрорезчика (рис. 3, 22, 23, 25–33) и 2 заготовки скребков; отходы камнеобработки — нуклеидный кусок, 3 обломка ножевидных пластинок, 38 мелких отщепов и чешуек без следов обработки (трасологический анализ проведен канд. ист. наук Н.А. Алексашенко и др. ист. наук Ю.Б. Сериковым).

Гамаюнские и иткульские изделия из глины и керамики представлены обломками треугольной и прямоугольной пластинок (лощила или подвески), тремя целыми “пряслицами” с отверстиями в центре, двумя их обломками и одной заготовкой (рис. 3, 34–38). Одно “пряслице” — квадратное (2.6×2.2 см), остальные — круглые, диаметром 2.5–7.0 см. В рассматриваемом случае наиболее вероятно использование данных предметов,

насаженных на палочку, в качестве “маховичков” — деталей лучкового устройства для добывания огня (Сериков, 2005. С. 97). По-видимому, к иткульскому комплексу относится небольшой (3.2×2.5–3 см) обломок воздушного сопла — глиняной толстостенной трубки диаметром около 7 см, соединявшей меха с камерой металлургической домницы (рис. 3, 21).

Иткульский железный нож — однолезвийный, прямообушный, размерами 13.2×1.3×0.6 см, с коротким (2.7 см) черешком, отделенным от спинки клинка уступом (рис. 3, 24).

Остеологический комплекс. По оценке канд. биол. наук П.А. Косинцева, из 57 проанализированных им “сырых” костей 28 принадлежало косуле (3 особи), 5 — лосю (2 особи), 1 — крупному рогатому скоту. По остальным 23 мелким “сырым” костям, а также всем кальцинированным, вид животного не был определен (1986. С. 80, 82. Табл. 1, 5).

Анализ и его основные выводы. Три наследовавшие с перерывами друг друга поселения принадлежали рыболовам-охотникам, знакомым с основами содержания домашнего скота. При этом первое и последнее принадлежало мигрантам, а второе — коренному и пришлому населению края.

Городище было основано пришельцами с севера — гамаюнским населением, сформировавшимся в X–VIII вв. до н.э. в верховьях Тавды, на Сосьве и Лозьве (памятники с керамикой вагильского типа). Предками вагильских групп были лозьвинские племена бассейна Конды с ямочно-волнисто-прокатанной керамикой и атлымские Нижнего Приобья с ямочно-крестовой. Судя по доминированию на гамаюнской посуде прокатанных узоров, основу пришлых племен составляли выходцы с Конды. На это же указывает распространение с гамаюнским населением на Тавде, Сосьве и в Зауралье особого типа укреплений, состоявших из одного большого бревенчатого дома, огражденного с напольных сторон рвом (“укрепленные жилища” Туманские нижнее и верхнее, Оськинское I, Шайдурихинское, Палкинское, Ближнее Багарякское, возможно, Усть-Вагильское, Фунтусовское I, Второе Катайское). Таким же объектом, скорее всего, был и анализируемый в данной статье памятник, так как мысовые городища с прямоугольными в плане фортификациями в гамаюнской культуре не известны. Это один из самых ранних гамаюнских памятников верхне-исетского

микрорайона, датируемый VIII–VI вв. до н.э. Не случайно, что его керамический комплекс наиболее близок гамаюнской посуде бархатовско-гамаюнского Миасского I городища и Ближнего Багарякского “укрепленного жилища”, самым древним гамаюнским объектам юга лесного Зауралья (Борзунов, 1992. Рис. 14). Кроме того, на городище Малое озеро нет керамики исетской культуры – так называемой гамаюно-иткульской или иткульской второго типа (Бельтикова, 1977. С. 120–125). Последняя сформировалась в результате взаимодействия пришлых гамаюнских и притобольских бархатовских групп, а также местных иткульских общин, наследников межовских (Борзунов, 2014). Нет здесь и обычных для зауральских поселений иткульских медных изделий, прежде всего, наконечников стрел VI–III вв. до н.э. Каменный комплекс памятника – при учете отсутствия в этом месте следов более ранних поселений – может считаться бесспорным и эталонным гамаюнским.

Иткульское селище располагалось на руинах гамаюнского укрепления. Кроме иткульской керамики с ним можно связать упомянутые выше очаг 4 и яму I, возможно, находившиеся в легком каркасном наземном строении. Объектов металлургического и литейного производства, обычных для памятников иткульской культуры горного Зауралья, здесь пока не обнаружено. Тем не менее они могли быть. Об этом свидетельствуют обломок глиняного сопла, ошлакованный фрагмент сосуда и толстостенная производственная посуда. Собственное производство железа на иткульских поселениях достоверно фиксируется только с V в. до н.э. (Бельтикова, 2005. С. 181–185). С учетом этого, по железному ножу и присутствующей на селище керамике гороховской культуры V–III вв. до н.э. (Ковригин, 1998), иткульское селище также может быть датировано в пределах V–III вв. до н.э. Именно в этот период под давлением переселявшихся из Ишимо-Иртышья в Курганское Притоболье и низовья Исети воинственных саргатских племен часть гороховских общин мигрировала в горно-лесное Зауралье и на северо-восток Башкирии.

Приблизительно через шесть веков после крушения иткульского очага металлургии в горно-лесном Зауралье появляются новые выходцы из Западной Сибири. Судя по керамике, эта группа населения сформировалась в IV–VI вв. в Нижнем Притоболье в результате

миграции из Нижнего и Сургутского Приобья позднекулайских (ярсалинских) и карымских общин рыболовов-охотников, вступивших на южной кромке тайги в тесные взаимоотношения с остатками саргатских лесостепных скотоводческих племен. В Нижнем Притоболье наиболее типичным памятником этого времени является поселение Ипкуль XIV с керамикой группы Б (Корякова и др., 1988), в Зауралье – поздние слои городищ Мелкое озеро, Иткульское I и Уфа VI (Бельтикова, 1986. Рис. 2, 1–4; Борзунов, Морозов, 1994. С. 145–147; Борзунов, Чемякин, 2012. С. 248).

Предпосылками миграций рубежа бронзового и железного веков, а также кануна и начала средневековья, стали два холодных и влажных климатических периода, имевших место на Севере Евразии в конце I тыс. до н.э. и середине I тыс. н.э. Эта крайне неблагоприятная экологическая обстановка вынудила часть охотничье-рыболовческого населения таежного Приобья покинуть свои привычные места обитания, освоить южную кромку лесной зоны и прилегающую часть лесостепи. В первый раз эти миграции с севера привели к формированию на юге Западной Сибири и в Зауралье целой системы гетерогенных обществ с керамикой, украшенной “крестовыми” узорами, и особым вариантом комплексной экономики с доминированием присваивающих отраслей хозяйства (охота, рыболовство, собирательство) над производящими (разведение и содержание домашнего скота, прежде всего лошадей). В конце раннего железного века освоению новых пространств выходцами из тайги благоприятствовал уход из Тоболо-Иртышской лесостепи на запад – в системе Великого переселения народов – больших масс угорских саргатских племен, древних предков венгров.

Работа выполнена в рамках Гос. задания Минобрнауки РФ тема № 33.7280.2017/БЧ, а также при поддержке гранта РФФИ № 18-09-40011.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бельтикова Г.В.* Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1977. С. 119–133.
- Бельтикова Г.В.* Иткульское I городище – место древнего металлургического производства // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: УрГУ, 1986. С. 63–79.

- Бельтикова Г.В.* Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 162–186.
- Борзунов В.А.* Отчет об исследованиях памятников раннего железного века в Свердловской и Челябинской областях в 1979 г. // Архив ИА РАН. 1979. Р–1. № 7972.
- Борзунов В.А.* Раскопки городищ Уфа VI и у оз. Мелкого // АО 1979 г. М.: Наука, 1980. С. 134, 135.
- Борзунов В.А.* Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: УрГУ, 1992. 189 с.
- Борзунов В.А.* Мелкое озеро // Екатеринбург: энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 350, 351.
- Борзунов В.А.* Гамаюнские, иткульские и “гамаюно-иткульские” древности: история изучения и проблема интерпретации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований. Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 212–245.
- Борзунов В.А., Морозов В.М.* К изучению укрепленных поселений горно-лесного Зауралья (городище Уфа VI) // РА. 1994. № 4. С. 136–153.
- Борзунов В.А., Стоянов В.Е.* Некоторые черты развития представлений о раннем железном веке Урала (к методике анализа памятников на примере гамаюнских городищ) // Вопросы археологии Урала. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 27–40.
- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П.* Карымское общество таежного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 10. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2012. С. 217–261.
- Ковригин А.А.* Гороховская культура // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: УрО РАН, “Екатеринбург”, 1998. С. 157.
- Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю.* Поселение Ипкуль XV – памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 117–129.
- Косинцев П.А.* Особенности хозяйства восточного склона Урала в раннем железном веке // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: УрГУ, 1986. С. 79–89.
- Сериков Ю.Б.* К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 93–101.

THE FORTIFIED SETTLEMENT OF MELKOYE OZERO (the 8th century BC – the 6th century AD) IN THE MOUNTAIN-FOREST TRANS-URALS

Viktor A. Borzunov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: victor.borzunov@mail.ru

The settlement is located on the northern shore of Melkoye Lake, a flowage reservoir in the upper reaches of the river Iset', at the western outskirts of the city of Yekaterinburg, on a high beak-shaped cusp (16 m²) separated from the rock terrace by a short (19 m) ditch with a passage in the middle. In 1979, the author uncovered a part of the site (104 of total 650 m²) with objects and materials of three periods. The first period (the 8th–6th centuries BC) includes the remains of the Gamayun settlement with a dugout and a large log-built fortified dwelling with a ditch, and finds of pottery, stone and clay objects, stone-wastes. The second period (the 5th–3rd centuries BC) comprises a village of the aboriginal Itkul' culture with a hearth and a pit located in a light frame structure, Itkul' and Gorokhovo ceramics, ceramic “spindle whorls” (“hand-wheels”), clay nozzle and an iron knife. The third period (the 4th–6th centuries) is represented by ground fire sites and ceramics of the “Lower Tobol” type. The Gamayun settlements were founded by natives of the upper reaches of the Tavda river, the descendants of hunters and fishermen of the Konda and the Lower Ob' River region. The medieval village was abandoned by the mixed population of the Lower Tobol region, the heirs of the fishermen and hunters of the taiga Ob' River region and the herdsmen of the Tobol-Irtysh forest-steppe. The main causes of these migrations were two cold

and wet climatic periods that took place in the early 1st millennium BC and the middle of the 1st millennium AD. The flight of part of the Gorokhovo communities to the mountain-forest Trans-Urals and to the Southern Urals was caused by the westward resettlement of the Sargat cattle-breeding tribes of the West Siberian forest-steppe.

Keywords: Trans-Urals, fortified settlement, migrations, the Early Iron Age, the Early Middle Ages.

REFERENCES

- Bel'tikova G.V.*, 1977. Itkul settlements. *Arkheologicheskiye issledovaniya na Urale i v Zapadnoy Sibiri [Archaeological research in the Urals and in Western Siberia]*. Sverdlovsk: UrGU, pp. 119–133. (In Russ.)
- Bel'tikova G.V.*, 1986. The fortified settlement of Iku I as a location of ancient metallurgy. *Problemy uralo-sibirskoy arkheologii [Issues of Ural-Siberian archaeology]*. Sverdlovsk: UrGU, pp. 63–79. (In Russ.)
- Bel'tikova G.V.*, 2005. The environment of the formation and sites of the Trans-Ural (Itkul) centre of metallurgy. *Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri [Archaeology of the Urals and Western Siberia]*. Ekaterinburg: UrGU, pp. 162–186. (In Russ.)
- Borzunov V.A.* Otchet ob issledovaniyakh pamyatnikov rannego zheleznogo veka v Sverdlovskoy i Chelyabinskoy oblastiakh v 1979 g. [Report on investigations in the Early Iron Age sites in Sverdlovsk and Chelyabinsk Regions in 1979]. *Arkhiv IA RAN [The Archive of Institute of Archaeology RAS]*, 1979, R–1, № 7972. (Unpublished)
- Borzunov V.A.*, 1980. Excavations of the fortified settlements Ufa VI and at the lake Melkoye. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1979 goda [Archaeological discoveries of 1979]*. Moscow: Nauka, pp. 134–135. (In Russ.)
- Borzunov V.A.*, 1992. Zaural'ye na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (gamayunskaya kul'tura) [The Trans-Urals at the turn of the Bronze and Iron Ages (the Gamayun culture)]. Ekaterinburg: UrGU, 189 p.
- Borzunov V.A.*, 2002. Melkoye lake. *Ekaterinburg: entsiklopediya [Yekaterinburg: Encyclopedia]*. Ekaterinburg: Akademkniga, pp. 350–351. (In Russ.)
- Borzunov V.A.*, 2014. The Gamayun, Itkul and “Gamayun-Itkul” antiquities: the history of studying and the problem of interpretation. *Problemy sokhraneniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya: istoriya, metody i problemy arkheologicheskikh issledovaniy [Issues of the preservation and use of cultural heritage: history, methods and problems of archaeological research]*. Ekaterinburg: Magellan, pp. 212–245. (In Russ.)
- Borzunov V.A., Chemyakin Yu.P.*, 2012. The Karym society of the taiga Ob region: some aspects of its genesis, development and interaction with neighbours. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past]*, 10. Tomsk; Khanty-Mansiysk: TGU, pp. 217–261. (In Russ.)
- Borzunov V.A., Morozov V.M.*, 1994. K izucheniyu ukreplennykh poseleniy gorno-lesnogo Zaural'ya (gorodishche Ufa VI) [To the study of fortified settlements of the mountain-forest Trans-Urals (hillfort of Ufa VI)] *RA /Rus. Archaeology/*, 4, pp. 136–153. (In Russ.)
- Borzunov V.A., Stoyanov V.E.*, 1981. Some features of the development of ideas about the Early Iron Age of the Urals (to the method of analyzing sites based on the case of the Gamayun settlements). *Voprosy arkheologii Urala [Issues of the archaeology of the Urals]*. Sverdlovsk: UrGU, pp. 27–40. (In Russ.)
- Koryakova L.N., Morozov V.M., Sukhanova T.Yu.*, 1988. The settlement of Ipkul XV as a site of the transition period from the Early Iron Age to the Middle Ages in the Lower Tobol region. *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri [The material culture of the ancient population of the Urals and Western Siberia]*. Sverdlovsk: UrGU, pp. 117–129. (In Russ.)
- Kosintsev P.A.*, 1986. Features of the economy of the Ural eastern slope in the Early Iron Age. *Problemy uralo-sibirskoy arkheologii [Issues of Ural-Siberian archaeology]*. Sverdlovsk: UrGU, pp. 79–89. (In Russ.)
- Kovrigin A.A.*, 1998. The Gorokhovo culture. *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya [Ural historical encyclopedia]*. Ekaterinburg: Ekaterinburg, p. 157. (In Russ.)
- Serikov Yu.B.*, 2005. To the sacral and functional purpose of the so-called spindle-whorls. *Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri [Archaeology of the Urals and Western Siberia]*. Ekaterinburg: UrGU, pp. 93–101. (In Russ.)

О СООТНОШЕНИИ ДАТ КУРГАНОВ “РЕПЯХОВАТАЯ МОГИЛА”, “ЧЕРВОНА МОГИЛА” И КЕЛЕРМЕССКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2019 г. Т.М. Кузнецова

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: tamulya-kuznecova@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.06.2018 г.

Статья продолжает работу, связанную с построением хронологической системы периода скифской архаики по археологическим данным (от одного репера). Сходство материалов из гробниц кургана “Репяховатая Могила”, кургана “Червона Могила” и курганов Келермесского могильника позволяет датировать памятники в пределах от последнего десятилетия первой четверти (Северный Кавказ) до второй четверти VI в. до н.э. (Правобережье Приднепровской лесостепи). Результат проведенного сопоставления не противоречит методу археологического датирования, поскольку даты памятников определяются по наиболее поздним предметам.

Ключевые слова: скифы, хронология, курган, Северный Кавказ, Приднепровская лесостепь.

DOI: 10.31857/S086960630004796-4

Хронология периода скифской архаики и в настоящее время, как это справедливо отмечают исследователи, “относится к числу актуальных задач современного скифоведения” (Махортых, 2016. С. 140–151).

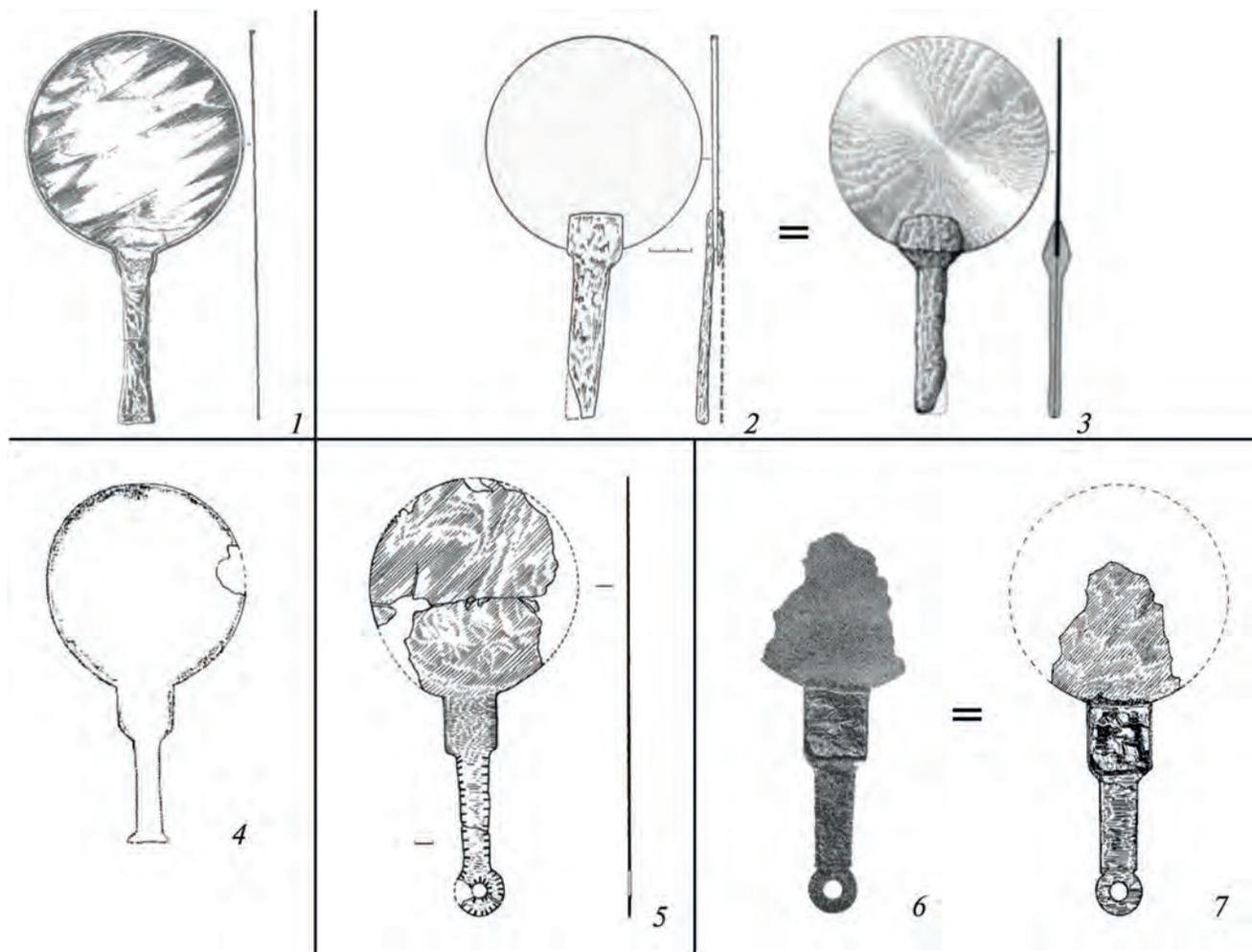
Основой хронологических дефиниций для раннескифского этапа являются, как правило, археологические материалы Келермесского могильника, определяющая дата которого (первая половина VI в. до н.э.) ранее базировалась на данных письменных источников, а датировка вещевого комплекса, связанного с Ближним Востоком, служила лишь для ее подтверждения (Иессен, 1953. С. 49; Артамонов, 1974. С. 57; Максимова, 1954).

После исследования могильника у хутора Красное Знамя на Северном Кавказе (Петренко, 1980; 2006), который исследователи обозначили как “скифский”, несмотря на то что наличие “храмовой постройки” в одном из его курганов не соответствует ни археологическим, ни письменным источникам о скифах, произошло удревнение хронологической системы для всего архаического периода. Для Келермеса следствием таких хронологических изысканий стало замещение первичной, определяющейся по письменным источникам (первая половина VI в. до н.э.), даты могильника на вторичную (вторая половина VII в. до н.э.), обусловленную постоянно корректируемым

временем и местом изготовления предметов, соотносимых с продукцией ближневосточных мастеров (см.: Кузнецова, 2017а).

В результате хронология возведения Келермесских курганов теперь представлена многочисленными (более десяти) вариантами (Кузнецова, 2016а. С. 126), поскольку у исследователей нет однозначного определения происхождения и датировки тех хронологических маркеров, по которым устанавливается раннее время могильника (ср.: меч – Пиотровский, 1959. С. 248; Тереножкин, 1975. С. 28; Черненко, 1980. С. 25; Metdepenninghen, 1997. Р. 109–36; Иванчик, 2001. С. 282; Кисель, 2003. С. 30; узда – Галанина, 1983. С. 32–55; Медведская, 1992. С. 89; наконечники стрел – Полін, 1987. С. 28–32; Галанина, 1997. С. 104–110; Мелюкова, 1998. С. 108–111; Рябкова, 2009. С. 330–331; серебряное “зеркало–?” – Максимова, 1954. С. 281–305; Кисель, 1993. С. 125; Копейкина, 1981; Кисель, 2003. С. 99; Вахтина, 2010. С. 103).

Исходя из этого следует, что предметы из Келермесских курганов, обнаруженные в основном вне археологического контекста, не имеющие точного определения времени и места их изготовления, не могут служить хронологическими реперами ни для могильника, ни для всей системы датирования памятников скифского архаического периода.

Рис. 1. Хронологические реперы для периода скифской архаики (1–3) и их греческие прототипы (4–7): 1–3: курган “Репяховатая Могила”, гробница № 2 (Кузнецова, 2002. С. 81. Табл. 29/Б, № 477*; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980. С. 48. Рис. 20; Кузнецова, 2010. С. 132, 202. Табл. 86, № 476); 4 – Коринф (Payne, 1931. P. 228. Fig. 103/A); 5 – с. Золотое, могильник “Стоячий камень” (Масленников, 1980. С. 90. Рис. 1, 1; 1995. С. 90. Рис. 14, 3); 6, 7 – Ольвийский некрополь, могила 23 (Скуднова, 1988. С. 58. Кат. 62; Кузнецова, 2010. С. 24. Табл. 12, № 418).

Fig. 1. Chronological markings for the Scythian archaic period (1–3) and their Greek prototypes (4–7)

* В таблице 29 – опечатка (проставлен № 474).

Поэтому возникла необходимость выделить среди археологических “хроноиндикаторов” предметы, имеющие стабильную дату, и провести уточнение хронологической системы периода скифской архаики, рассчитав время сооружения памятников от одного репера, сопоставив ее с хронологией, полученной в результате работы с письменными источниками.

Отвечая на критику коллег по поводу приерженности Т.М. Кузнецовой при хронологических определениях к “античной литературной традиции в геродотовой версии” (Галанина, 1994. С. 94, 95; Махортых, 2016. С. 146), нужно заметить, что все эпизоды в истории скифов, отмеченные Геродотом для Северного

Причерноморья и Кавказа (приход на новую территорию под натиском врагов, преследование киммерийцев, вторжение и военные предприятия “в Передней Азии”, закончившиеся изгнанием и возвращением), объединены именем царя Мадия, поскольку только этот персонаж упомянут в связи с погоней за киммерийцами (Herod. I, 103, 104, 106; IV, 1–4, 11–13) и разгромом Мидии. Следовательно, обитание скифов, известных на Ближнем Востоке в более раннее время по документам ассирийского царя Асархаддона (Иванчик, 1996: свод № 7, 9, 21), не было связано с Северо-Кавказским и Северопонтийским регионами (Кузнецова, 2012. С. 201–203).

Вопрос о приоритетности какого-то одного вида источников, иногда поднимающийся в литературе, и определяющий, как правило, концептуальную позицию исследователя (Медведская, 1992. С. 105; Маслов, 2012. С. 344, 345), никогда мной не поддерживался, так как подобный подход представляется недостаточно корректным, поскольку именно сопряженность всех их видов приближает науку к объективной оценке исторического процесса.

Исходя из этого было проведено построение хронологической системы для периода скифской архаики, которая базировалась только на данных ближневосточных и античных письменных источников, где отсчет времени производился от одного хронологического репера, определяющего время вторжения воинства скифского царя Мадия в Переднюю Азию во время осады столицы Ассирии — Ниневии войсками Вавилонии и Мидии в 14-й год правления вавилонского царя Набопаласара (BM 21901, rev. 38–50¹: Grayson, 1975. P. 94, 95), а возвращение скифов через Кавказ в Северное Причерноморье после “разгрома” мидийским царем Киаксаром — не ранее 585 г. до н.э. (Кузнецова, 2009. С. 308–328; 2016б. С. 217, 218; 2016в. С. 70–93). Следовательно, приход скифов в Северопонтийский регион (за 28 лет до этого события: Herod. I, 103, 104, 106; IV, 1–4, 11–13)² приходится на два последних десятилетия VII в. до н.э.

Археологический материал, имеющий статичные даты, был выявлен при изучении кургана “Репяховатая Могила”, сооруженного в лесостепной зоне Днепровского Правобережья, где в гробнице № 2 находились два зеркала с боковой ручкой (рис. 1, 1–3), датирующиеся не ранее второй четверти VI в. до н.э. (Кузнецова, 2002. С. 79, 80; 2010. С. 238; 2017б), поскольку они подражают “коринфским” формам зеркал (рис. 1, 4–6), появившимся в Греции

¹ Это единственный документ, свидетельствующий о падении Ниневии. По общепринятой хронологии 14-й год правления Набопаласара в Вавилонии определяется 612 г. до н.э. (Бикерман, 1975. С. 196), а по данным Б.А. Тураева (Тураев, 1935. С. 83), опирающегося на сведения Евсевия (армянский перевод), и моим расчетам это событие произошло в 608 г. до н.э. (Кузнецова, 2009. С. 314–317). Однако расхождение в датах не противоречит указанному времени возвращения скифов: не ранее 585 г. до н.э.

² Достоверность этих данных в “Истории” Геродота была доказана ранее (Кузнецова, 2009), и система доказательств получила высокую оценку у специалистов (Клейн, 2011. С. 665).

в пределах указанного времени и обнаруженным в античных памятниках Северного Причерноморья второй половины — конца VI в. до н.э. (Oberländer, 1967. S. 5, 17–20; Билимович, 1976. С. 33; Скуднова, 1988. С. 24, 58; Масленников, 1980. С. 90. Рис. 1, 1; 1995. С. 90. Рис. 14, 3).

Подобные зеркала с четырехугольным оформлением верха ручки известны по находкам как в Греции, так и в контактных с греками зонах (Oberländer, 1967. S. 8–16, № 1–23), что, безусловно, связывает зеркала из захоронения № 2 “Репяховатой Могила” с античным миром, тем более что местная традиция изготовления зеркал³ (в доколониационный период и позднее) в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе не прослеживается (Кузнецова, 2002; 2010).

Ранее уже приходилось отмечать, что проблемы, связанные со временем появления и распространения в Северопонтийском регионе зеркал с боковой ручкой, приобретают все более и более принципиальное значение, так как наличие такой ручки является хронологическим ограничителем, связанным с античным миром, а следовательно, и с VI в. до н.э. (Кузнецова, 2017в).

Попытка С.Я. Ольговского возвести зеркала с боковой ручкой у скифов к эпохе бронзы Средней Азии потребовала от исследователя просто виртуозного исполнения, сопровождающегося, к сожалению, не совсем корректным подходом и к материалу, и к историографии (Ольговский, 2017. С. 214–216). О несостоятельности стараний использовать наличие боковых ручек у зеркал в качестве хронологического репера уже приходилось писать ранее (Кузнецова, 2017в; 2018а).

Состав сопроводительного инвентаря кургана “Репяховатая Могила”, включающего предметы со статичными датами, таким образом, позволил рассматривать его в качестве хроноиндикатора для памятников раннескифского периода (Кузнецова, 2017б. С. 100–114).

Возведение кургана “Репяховатая Могила” (гробница № 1 — первое десятилетие второй четверти VI в. до н.э.; гробница № 2 — ближе к последнему десятилетию второй четверти

³ Северопонтийский регион в VI в. до н.э. служил контактной зоной для трех культурных образований: автохтонного, скифского и греческого. И “скифские”, и греческие зеркала оказались инновацией в культуре местного населения.

“Репяховатая Могила”		Келермесский курганный могильник (Келермес)	
гробница № 2	гробница № 1		
		 <i>К.№31=К.2/В</i>	 <i>К.№27=К.1/В</i>
		 <i>К.№31=К.2/В</i>	 <i>К.№29=К.4/Ш?</i>
		 <i>К.№27=К.1/В</i>	 <i>К.2/Ш-4/Ш</i>
		 <i>К.№31=К.2/В</i>	 <i>К.№29=К.4/Ш?</i>

Рис. 2. Сопоставление материала курганов “Репяховатая Могила” и Келермесского могильника.

Fig. 2. Comparison of the material of the “Ropyakhovataya Mogila” and the Kelermes cemetery

VI в. до н.э.), таким образом, не выходит за рамки второй четверти — середины VI в. до н.э., вопреки мнению исследователей, определивших для памятника более раннюю дату (Полін, 1987; Медведская, 1992; Дараган, 2010).

В соответствии с выделенными хронологическими маркерами “Репяховатая Могила” связывается по времени с возвращением войска скифов царя Мадия после похода в Переднюю Азию. Отмеченная позиция кургана

поддерживается присутствием как в гробнице № 1 закавказских (урартийских) бусин (Рябкова, 2010. С. 179), так и бронзового кратера закавказского (урартийского) происхождения в гробнице № 2 (Ольговський, 1987. С. 78–83).

Проведенное сопоставление сопроводительного инвентаря из кургана “Репяховатая Могила” и материалов Келермеса по десяти категориям предметов (рис. 2, 3), показало, что

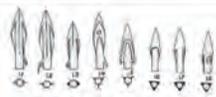
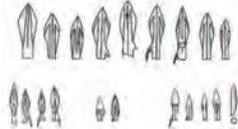
“Репяховатая могила”		Келермес	
гробница № 2	гробница № 1		
		 <i>К.1/Ш</i>	 <i>К.2-4/Ш</i>
		 <i>К.2-4/Ш</i>	 <i>К.№31=К.2/В</i>
		 <i>К.2-4/Ш</i>	 <i>К.№24=К. ?/Ш</i>
		 <i>К.№27=К.1/В</i>	
		 <i>К.№29=К.4/Ш?</i>	
		 <i>К.№31=К.2/В</i>	 <i>К.№24=К. ?/Ш</i>
		 <i>К.1/Ш; 4/Ш; №27=К.1/В</i>	
		 <i>К.№24=К. ?/Ш</i>	
		 <i>(57 экз.) К.№24=К. ?/Ш</i>	
Стеклянные (пастовые) бусы и бисер	Стеклянные (пастовые) бусы и бисер	Стеклянные (пастовые) бусы и бисер	

Рис. 3. Сопоставление материала курганов “Репяховатая Могила” и Келермеса.

Fig. 3. Comparison of the material of the “Ropyakhovatayа Mogila” and the Kelermes barrows

Келермесский могильник также относится к “послепоходному” времени и датируется не ранее последнего десятилетия первой четверти VI в. до н.э. (585–575 гг. до н.э.), что соответствует и данным письменных источников, по которым изгнание скифов с Ближнего Востока

и их возвращение в Северо-Кавказский регион произошло после 585 г. до н.э. (Кузнецова, 2009. С. 308–328), но не позже времени сооружения “Репяховатой Могилы”, т.е. не позднее первого десятилетия второй четверти VI в. до н.э. (Кузнецова, 2016а. С. 126, 127).

Предметы, аналогичные сопоставлявшимся в кургане “Репяховатая Могила” и могильнике Келермес, присутствуют и в иных лесостепных памятниках как на правом, так и на левом берегу Днепра, что дало возможность продолжить работу, связанную с построением археологической системы (от одного репера), основанную на хроноиндикаторах, отмеченных для “Репяховатой Могилы”, и рассмотреть в этой системе позицию кургана “Червона Могила” (рис. 4; 5, в, г), возведенного в лесостепной зоне Днепровского Правобережья.

Курганы “Репяховатая Могила” и “Червона Могила”

Погребальные сооружения. Курган “Репяховатая Могила” находился в 5 км к юго-востоку от с. Матусов (Черкасская область, Шполянский район, Украина) и входил в группу, состоявшую из 8 (или более?) курганов. Под насыпью кургана (высота — 2 м, диаметр — 44 м) обнаружены две могилы. Основная гробница (№ 1) была расположена в центре и имела вид почти квадратной в плане ямы (обложена деревом, промазанным глиной), ориентированной по сторонам света, с дромосом, идущим от середины южной стены в южном направлении. Гробница № 2 была впущена в насыпь кургана на расстоянии 2,5 м к востоку от гробницы № 1 (рис. 5, а, б). В плане и по конструкции она близка основной и была размещена параллельно ей (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980. С. 31–40).

Курган “Червона Могила” был возведен приблизительно в 65–70 км к востоку от “Репяховатой Могилы”, находился в 200 м к северу от с. Флярковка (Черкасская область, Каменский район, Украина) и входил в группу из пяти насыпей. Под насыпью кургана (высота — 2 м, диаметр — 40 м) открыты две могилы: основная № 2 и впускная № 1 (полностью разрушена). Основное захоронение было совершено в прямоугольную яму, пол и стены которой были облицованы деревом и обмазаны глиной (рис. 4, 5; 5, в, г). Над основной могилой прослежено частично сгоревшее деревянное шатровое сооружение (Ковпаненко, 1984. С. 107–110. Рис. 1).

Состояние и состав захоронений. Одно из захоронений гробницы № 1 “Репяховатой Могилы”, вероятно, находилось в ее восточной части, опустошенной грабителями (найлены лишь мелкие фрагменты чернолощеного суда). В западной (сохранной) половине гробницы были похоронены женщина и подросток.

Женщина покоилась около западной стены ямы в вытянутом положении головой на юг, руки раздвинуты ромбом, правая нога подогнута. От ложа, на котором лежала умершая, сохранились две широкие доски (одна — под головой и спиной, другая — под ногами). Подросток находился против середины северной стены в скорченном положении на левом боку (отсутствовали череп и большая часть костей грудной клетки), ориентирован головой на юг (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980. С. 35, 36).

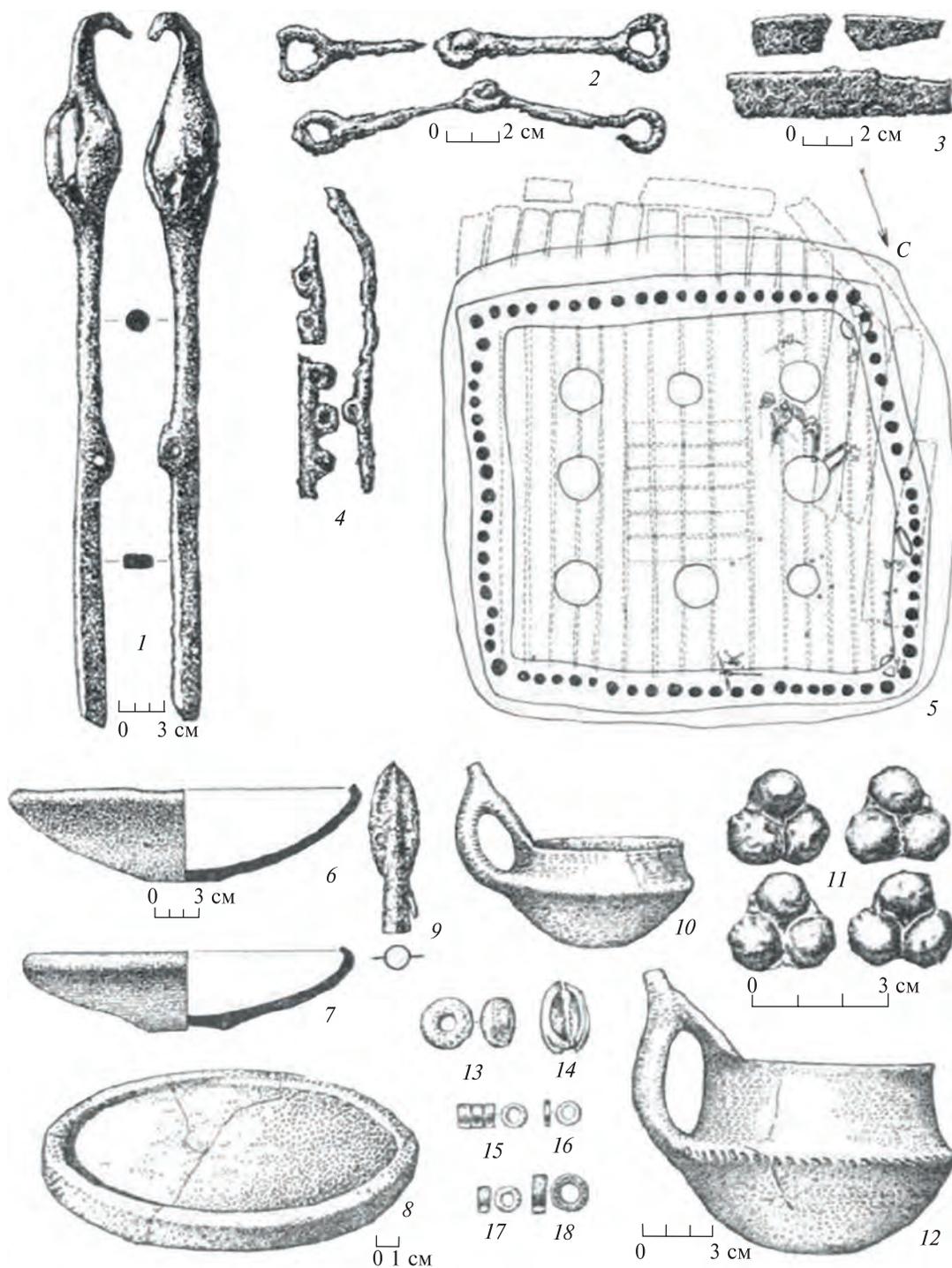
В гробнице № 2 “Репяховатой Могилы” были погребены двое: мужчина (?) и ребенок. Взрослый человек (захоронение нарушено) лежал (*in situ* остались распавшийся череп и кости голени одной ноги) вдоль восточной стены вытянуто (на широком деревянном помосте или носилках, от которых сохранились четыре доски), ориентирован головой на юг. Приблизительно на месте бедра, следовательно,azole пояса найден железный кинжал со следами древесины от ножен на клинке и с бронзовым наконечником в виде орлиной головки. Ниже кинжала, в дополнительных ножнах был положен железный нож.

Погребенный ребенок находился в северо-западной части гробницы (не потревожен, без вещей) и лежал скорченно на правом боку (правая нога вытянута, левая согнута; руки согнуты, кисти — перед лицом, ориентирован головой на юго-восток (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980. С. 40).

В гробницу № 2 кургана “Червона Могила” (нарушена) было совершено два захоронения: мужчина (?) и женщина. Кальцинированные кости первого покойного встречены в грабительской яме. Женщина (захоронение не потревожено) лежала в юго-западной части могилы, в скорченной позе на правом боку (правая рука вытянута, левая согнута в локте), головой на юго-восток (Ковпаненко, 1984. С. 110).

Сопроводительный инвентарь. Близкие по форме предметы в сопоставляемых курганах представлены железными навершиями, железными удилами, железными псалями, каменными блюдами, наконечниками стрел, черпаками, железными ножами и раковинами каури (рис. 6).

Железные “стержневидные навершия” (с четырехгранным в сечении стержнем и небольшой петлей в его средней части) имеют овальные бубенцы (верхняя часть бубенца в виде “загнутого клюва”) с высокими линзовидными

Рис. 4. План могильного сооружения и сопроводительный инвентарь кургана “Червона Могила” (по: Ковпаненко, 1984. Рис. 2).

Fig. 4. Plan view of the grave structure and accompanying grave goods of the “Chervona Mogila” barrow (after Kovpanenko, 1984. Fig. 2)

прорезями (тип V по классификации Е.В. Переводчиковой) (1980. С. 26, 30. Рис. 4, 1–5).

В гробнице № 2 кургана “Репяховатая Могила” 2 наверхия (рис. 6, 1; длина 31 см) были

обнаружены среди сосудов (между и внутри) в юго-западном углу могилы (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980. С. 38–41. Рис. 9; 13, 2, 3; 17, 9–10).

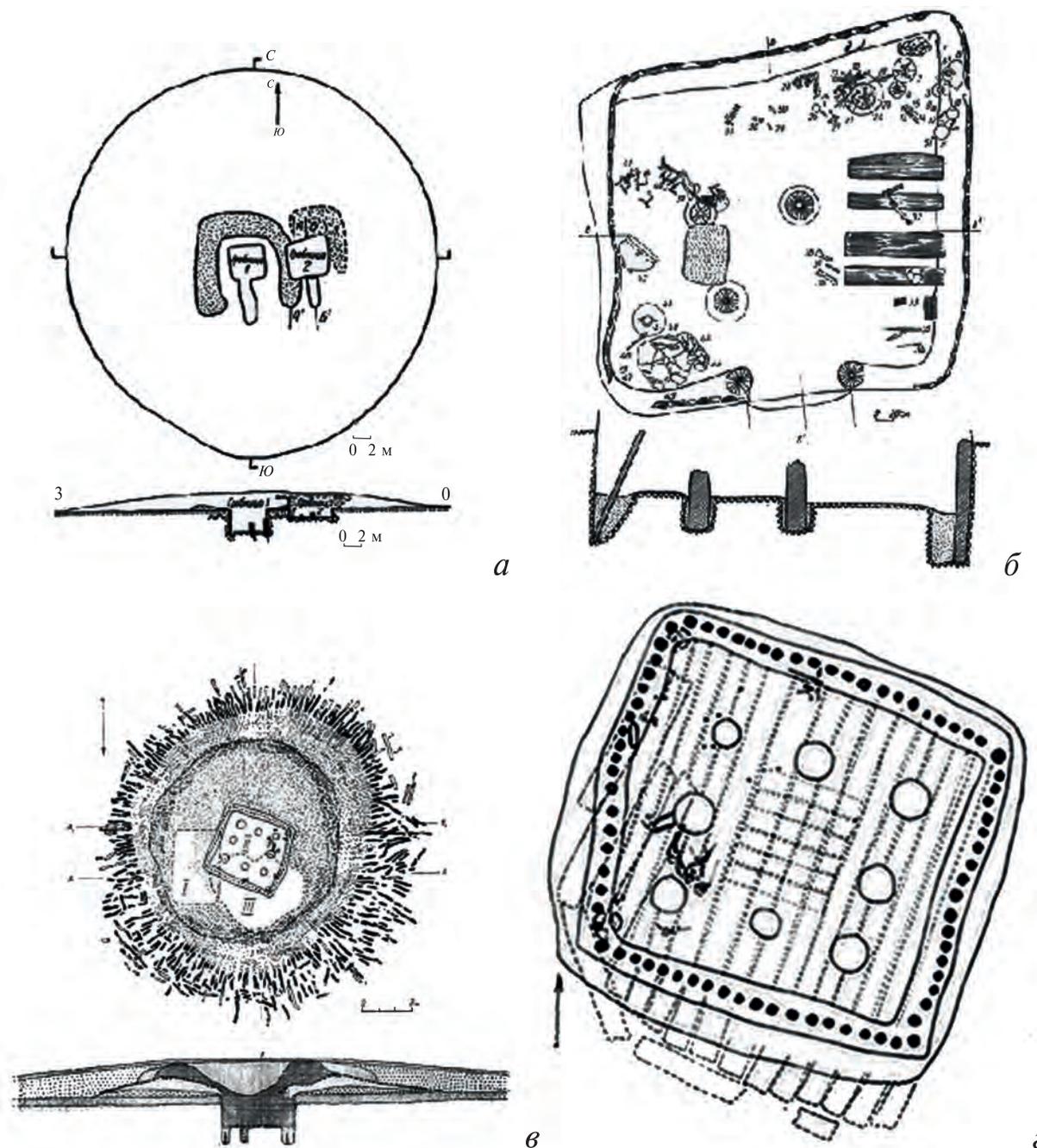

Рис. 5. Погребальные сооружения в курганах: а, б – “Репяховатая Могила”; в, г – “Червона Могила”.
 Fig. 5. Burial structures in the “Repyakhovaya Mogila” and the “Chervona Mogila” barrows

В кургане “Червона Могила” у с. Флярков-ка 2 аналогичных навершия (рис. 6, 10; длина 49 см) находились у середины северной стены могилы (Ковпаненко, 1984. С. 111. Рис. 2, 1).

В гробнице № 2 “Репяховатой Могилы” открыто два вида железных удил. Одни из них – со стремечковидными концами (рис. 6, 2) лежали в скоплении у северной стены (Ильинская,

Мозолевский, Тереножкин, 1980. С. 46. Рис. 16, 1). Там же находился другой вид железных удил (6 экз.) – с петельчатыми концами (рис. 6, 3) и еще 6 пар – у западной стены могилы (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980. С. 46–47. Рис. 16, 2, 3; 18).

В кургане “Червона Могила” также обнаружены оба вида железных удил (рядом с

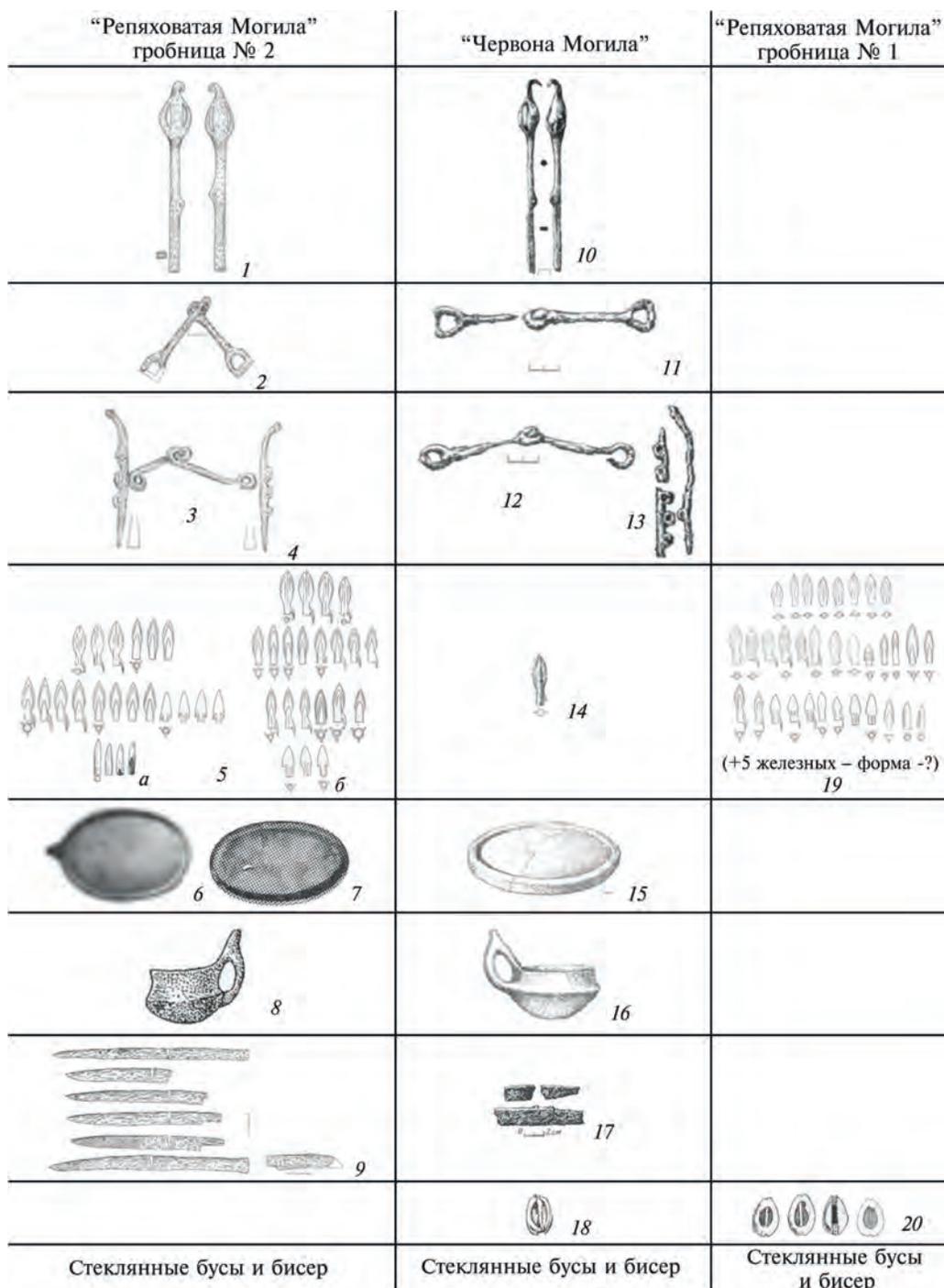

Рис. 6. Сопоставление материала курганов “Репяховатая Могила” и “Червона Могила”.

Fig. 6. Comparison of the findings from the “Repyakhovataya Mogila” and the “Chervona Mogila” barrows

навершиями): со стремечковидными (рис. 6, 11) и петельчатыми (рис. 6, 12) окончаниями стержней (Ковпаненко, 1984. С. 111. Рис. 2, 2, 3), близкие по форме найденным в “Репяховатой Могиле”.

В скоплении у северной стены гробницы № 2 “Репяховатой Могилы” вместе с удилами,

имевшими петельчатые концы, были найдены железные стержневидные трехпетельчатые псалии (рис. 6, 4), верхний загнутый конец которых имел “грибовидное” утолщение, а нижний был уплощенным и узким (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980. С. 46. Рис. 16, 3; 18), представлявшим вытянутую трапецию (20 экз.: Могиллов, 2008. С. 32).

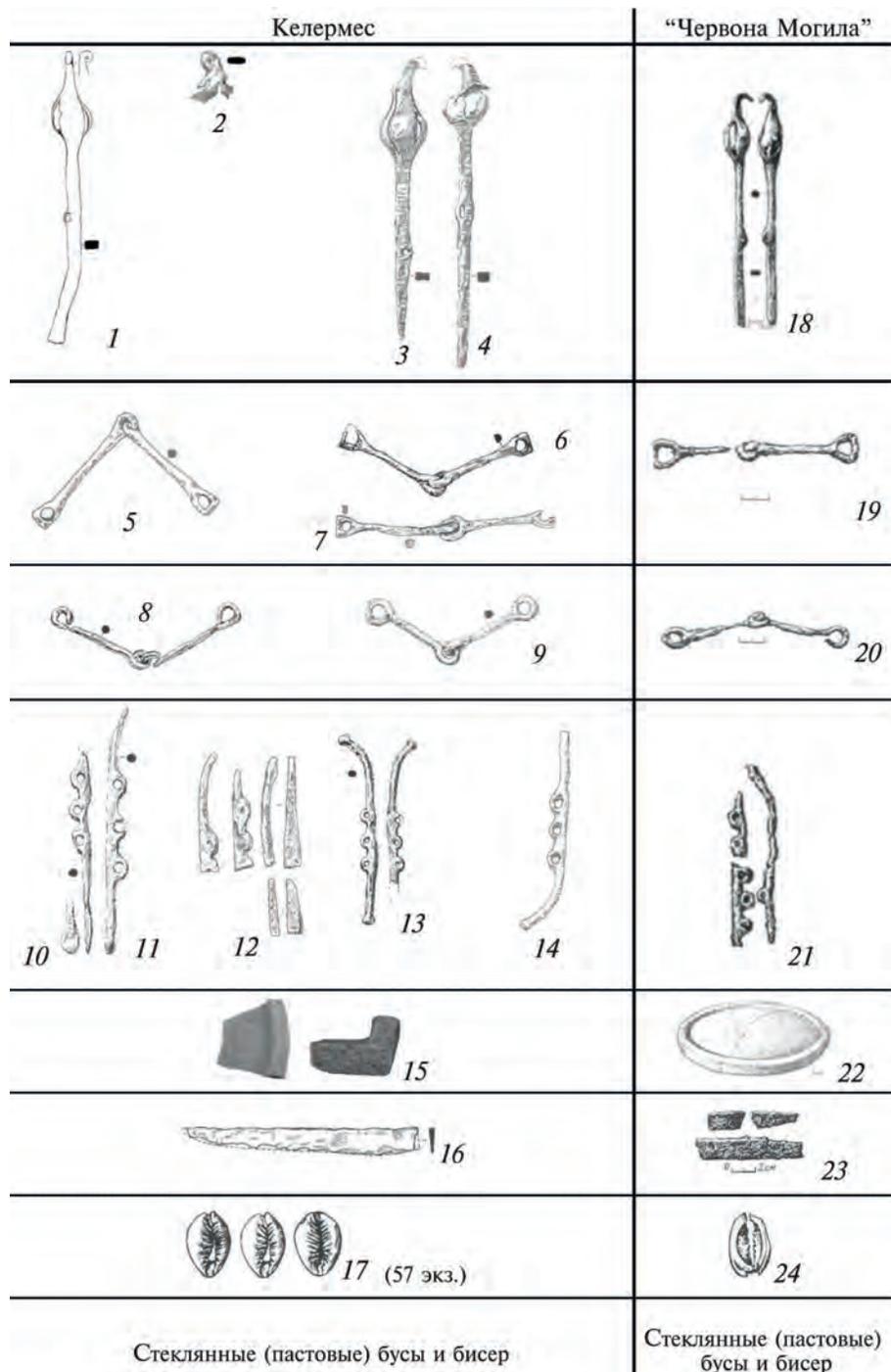

Рис. 7. Сопоставление материала курганов Келермеса и “Червона Могила”.

Fig. 7. Comparison of the findings from the Kelermes and the “Chervona Mogila” barrows

В кургане “Червона Могила” рядом с на-
вершиями и удилами обнаружены (рис. 6, 13)
четыре плохо сохранившихся железных
трехпестельчатых псаля (Ковпаненко, 1984.
С. 111. Рис. 2, 4).

Стрелковый набор в гробнице № 1 “Ре-
пяховой Могила” (рис. 6, 19) состоял из 83
бронзовых, 4 костяных “пулевидных” и 5

железных (распавшихся) наконечников стрел
(Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980.
С. 37).

Наконечники стрел в гробнице № 2 “Ре-
пяховой Могила” составляли два колчан-
ных набора. Колчан № 1 содержал 151 бронзо-
вый и 4 костяных “пулевидных” наконечника
стрел раннескифского времени (рис. 6, 5a).

В колчане № 2 находилось 124 бронзовых наконечника стрел, представленных различными типами и вариантами (рис. 6, 5б). В обоих колчанах присутствовали двухлопастные наконечники с овальной головкой и выступающей втулкой с шипом (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980. С. 43. Рис. 14, 13–18; С. 44. Рис. 14, 1–9), близкие по форме наконечнику, обнаруженному в захоронении у с. Флярковка.

В кургане “Червона Могила” железный двухлопастный наконечник стрелы (рис. 6, 14) с шипом на втулке лежал рядом с женщиной, между бусами у запястья правой руки (Ковпаненко, 1984. С. 111. Рис. 2, 9).

Каменные блюда находились в северо-восточном углу гробницы № 2 “Репяховатой Могила” рядом с лепными сосудами. Одно (блюдо с “носиком”) было перевернуто и лежало в канавке у восточной стены (рис. 6, 6), другое (овальное со следами красной краски) стояло лицевой стороной вверх (рис. 6, 7), на нем располагались зеркала (рис. 1, 1–3) “бронзовое с железной ручкой и цельнобронзовое” (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980. С. 40, 48. Рис. 21).

В юго-западном углу гробницы № 2 “Репяховатой Могила” рядом с античными и лепными сосудами находился маленький черпак (рис. 6, 8) “грушевидной формы” (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980. С. 41, 51–53. Рис. 24, 6; 25, 7).

В кургане “Червона Могила” в северо-западном углу могилы найден похожий невысокий черпак (рис. 6, 16) и овальное каменное блюдо (рис. 6, 15) с небольшим треугольным выступом с одной стороны (Ковпаненко, 1984. С. 111. Рис. 2, 10, 8).

По классификации К.Ю. Пеляшенко (1-й вариант) подобные “наиболее низкие черпаки с биконическим или округло-биконическим туловом, наибольшее расширение которого приходится на середину высоты”, объединяются в один вариант (Пеляшенко, 2014. С. 54).

В разных местах гробницы № 2 “Репяховатой Могила” найдены 7 железных ножей (рис. 6, 9), из которых 6 определены исследователями как “охотничьи или боевые” и один как “кухонный” (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980. С. 44, 45. Рис. 15, 1–7).

В кургане “Червона Могила” у юго-западного края могилы лежали два фрагментированных ножа (рис. 6, 17) и кости животных (Ковпаненко, 1984. С. 111. Рис. 2, 3).

В гробнице № 1 “Репяховатой Могила” в центральной части и ближе к северной стене (среди бисера и бус) найдены четыре раковины каури (рис. 6, 20). Одна крупная раковина каури входила в состав повязки на левой руке женщины (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980. С. 36, 37, 39. Рис. 4, 9; 5, 1).

В кургане “Червона Могила” у женщины в области шеи, грудной клетки и рук, среди россыпи стеклянных бус (около 1564 штук) обнаружены 2 бусины (рис. 6, 18) из раковин каури (Ковпаненко, 1984. С. 111. Рис. 2, 14).

По составу сопроводительного инвентаря наибольшая близость прослеживается между гробницей № 2 кургана “Репяховатая Могила” и гробницей № 2 кургана у с. Флярковка (рис. 6).

Проведенное ранее сопоставление сходных по форме предметов (навершия, железные и бронзовые удила, железные и костяные псалии, каменные блюда, наконечники стрел, железные ножи и раковины каури), входивших в число сопроводительного инвентаря кургана “Репяховатая Могила” и курганов Келермеса, показало, что оба эти памятника были оставлены, видимо, близкими группами скифов (Кузнецова, 2016а. С. 130).

При сравнении гробницы № 2 кургана “Репяховатая Могила” и кургана “Червона Могила” сходство сопроводительного инвентаря устанавливается по восьми категориям предметов (рис. 6), что дает основание предположить близость последнего памятника и Келермесского кургана (рис. 7).

Курган “Червона Могила” и Келермесский могильник

Сопоставление вещевого комплекса Келермеса (рис. 7, 1–4, 6–8, 10–11, 13–17, 19, 21, 23) и материалов кургана “Червона Могила” (рис. 7, 5, 9, 12, 18, 20, 22, 24) показывает сходство в категориях конского снаряжения, наличии каменных блюд и раковин каури.

Разнообразие в оформлении концов псалий, отмеченное для Келермесских курганов (рис. 7, 13), позволяет отнести плохо сохранившиеся формы из “Червонной Могила” к одному из типов, представленных в Келермесе, и датировать курган у с. Флярковка в пределах второй четверти VI в. до н.э., учитывая даты рассмотренных выше предметов из кургана “Репяховатая Могила”.

Использование раковин каури (как и бус) в рассматриваемых памятниках различно. В “Репяховатой Могиле” и “Червонной Могиле” они входят в состав женских украшений, а в Келермесе относятся и к конскому снаряжению.

Время возведения кургана “Репяховатая Могила” (гробница № 1 — первое десятилетие второй четверти VI в. до н.э. (≈575–565 гг. до н.э.); гробница № 2 — ближе к последнему десятилетию второй четверти VI в. до н.э. (≈565–555 гг. до н.э.), как уже отмечалось, не выходит за рамки второй четверти — середины VI в. до н.э. (Кузнецова, 2017а).

Сопоставление сходных по форме предметов сопроводительного инвентаря кургана “Репяховатая Могила” и курганов Келермеса показало, что оба эти памятника были оставлены, видимо, близкими группами скифов. При этом наибольшая близость устанавливается между материалами гробницы № 2 “Репяховатой Могилы” и курганами, раскопанными Н.И. Веселовским, т.е. так называемыми “старшими” курганами могильника Келермес, которые могут быть датированы временем не ранее последнего десятилетия первой четверти VI в. до н.э. (≈585–575 гг. до н.э.), учитывая территориальную удаленность Прикубанских и Приднепровских памятников друг от друга.

Сравнение данных по составу сопроводительного инвентаря позволяет датировать курган “Червона Могила” (с. Флярковка) в пределах второй четверти VI в. до н.э. (≈565–560 гг. до н.э.) и предположить, что этот памятник, гробница № 2 “Репяховатой Могилы” и курганы Келермеса, раскопанные Н.И. Веселовским, были связаны с представителями одной из воинских группировок скифов.

Сходство сопроводительного инвентаря в памятниках, расположенных на значительном удалении друг от друга (Келермесский могильник в Прикубанье и курганы на правом берегу Днепра разделяет около 1200 км), свидетельствует о быстром продвижении скифов в западном направлении, учитывая сооружение в “Литом” (Мельгуновском) кургане (от Келермеса расстояние около 1080 км), на границе степной и лесостепной зон Северного Причерноморья, кенотафа, где находился меч в золотых ножнах, близкий по форме и оформлению келермесскому мечу (Придик, 1911).

Предварительные наблюдения о характере разрушения погребальных сооружений

позволяют предположить возможность негативного отношения местного населения Правобережной лесостепи к пришедшим в этот регион скифам. Нарушенными в предоставленных памятниках оказались лишь мужские захоронения, тогда как женские и детские останки потревожены не были. Однако это наблюдение, учитывая малочисленность выборки, будет уточняться по мере включения в систему данных о других памятниках скифской архаики (Кузнецова, 2018б).

Близость датировок сопроводительного инвентаря в северокавказских и лесостепных северопричерноморских памятниках не позволяет говорить о длительном обитании скифов на Северном Кавказе, как и число могил в последнем регионе (около 160), включенных исследователями в систему скифской хронологии (Махортых, 1991; Рябкова, 2003; Петренко, Маслов, Канторович, 2009), поскольку оно недостаточно для периода в 150 лет, с которым специалисты связывают продолжительное пребывание скифов на этой территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонов М.И.* Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 156 с.
- Бикерман Э.* Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М.: Наука, 1975. 336 с.
- Билимович З.А.* Греческие бронзовые зеркала Эрмитажного собрания // ТГЭ. Т. XVII. Л.: ГЭ, 1976. С. 32–66.
- Вахтина М.Ю.* Ось запад-восток и изобразительная система серебряной обкладки келермесского зеркала // *Gaudeamus Igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова* / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 102–112.
- Галанина Л.К.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам келермесских курганов) // АСГЭ. Вып. 24. Л.: ГЭ, 1983. С. 32–55.
- Галанина Л.К.* К проблеме хронологии Келермесских курганов // РА. 1994. № 1. С. 92–107.
- Галанина Л.К.* Келермесские курганы. “Царские” погребения раннескифской эпохи. Степные народы Евразии. Т. 1. М.: Палеограф, 1997. 316 с.
- Дараган М.Н.* О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховатой Могилы // *Античный мир и археология: межвуз. сб. науч. трудов.* Вып. 14 / Ред. С.Ю. Монахов. Саратов: Научная книга, 2010. С. 175–202.

- Иванчик А.И.* Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. М.: ПМЛ Института Африки, 1996. 324 с.
- Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. Степные народы Евразии. Т. 2. М.: Палеограф, 2001. 324 с.
- Иссен А.А.* К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. 1953. XVIII. С. 49–100.
- Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И.* Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наук. думка, 1980. С. 31–63.
- Кисель В.А.* Стилистическая и хронологическая атрибуция серебряного зеркала из Келермеса // ВДИ. 1993. № 1. С. 111–125.
- Кисель В.А.* Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 192 с.
- Клейн Л.С.* Долгожданный “Стратум” // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. С. 661–668.
- Ковпаненко Г.Т.* “Червона могила” у с. Флярковка // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 107–113.
- Копейкина Л.В.* Келермесское зеркало (к вопросу о датировке и месте его изготовления). Архив отдела Античного мира ГЭ. 1981.
- Кузнецова Т.М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. Том I. М.: Индрик, 2002. 350 с.
- Кузнецова Т.М.* Хронология скифского присутствия на Ближнем Востоке (по следам Геродота) // Stratum plus. 2009. № 3/2005–2009. С. 308–328.
- Кузнецова Т.М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. Том II. М.: Таус, 2010. 426 с.
- Кузнецова Т.М.* К вопросу о хронологии и атрибуции Краснознаменского могильника // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: XVII Крупновские чтения / Отв. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 201–204.
- Кузнецова Т.М.* Келермесский могильник и система скифской хронологии архаического периода // Материалы международной научной конференции памяти М.Н. Погребовой “Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа” / Отв. ред. С.В. Кулланда, А.С. Балахванцев. М.: ИВ РАН, 2016а. С. 124–134.
- Кузнецова Т.М.* Исторические интерпретации в скифологии и дата кургана “Репяховатая Могила” // “Способы, направления и уровни реконструкции культурно-исторической реальности”. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского. Вып. VII / Отв. ред. Г.Ю. Колганова. М.: ИВ РАН, 2016б. С. 210–220.
- Кузнецова Т.М.* Скифы и хронология Древнего Востока // Старожитності степового Причорномор’я і Криму. Т. XIX / Отв. ред. П.П. Толочко, Г.Н. Тошев. Запоріжжя: Запорізький державний університет, 2016в. С. 70–93.
- Кузнецова Т.М.* Об основах скифской хронологии периода архаики // “И музою его была наука”: Сборник памяти В.А. Кореняко (1952–2016) / Отв. ред. и сост. С.В. Кузьминых, А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2017а. С. 127–142.
- Кузнецова Т.М.* О времени сооружения кургана “Репяховатая Могила” // РА. 2017б. № 2. С. 100–114.
- Кузнецова Т.М.* Сосуд или зеркало (к вопросу о бронзовой ручке из Немирова) // Археологія і давня історія України. Старожитності раннього залізного віку (к 110-летию со дня рождения проф. А.И. Тереножкина). Київ. 2017в. Вип. 2 (23). С. 470–475.
- Кузнецова Т.М.* О времени и условиях появления бронзовых зеркал в Северопонтийском регионе // АЭАЕ. 2018а. Т. 46, № 4. С. 59–66.
- Кузнецова Т.М.* О нарушениях скифских захоронений в период архаики (предварительные наблюдения) // КСИА. 2018б. Вып. 252. С. 128–137.
- Максимова М.И.* Серебряное зеркало из Келермеса // СА. 1954. № 21. С. 281–305.
- Масленников А.А.* Варварское погребение VI в. до н.э. на Керченском полуострове // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 89–90.
- Масленников А.А.* Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. Вып. 8. М.: ИА РАН, 1995. 124 с.
- Маслов В.Е.* К проблеме хронологии древностей келермесского горизонта // Российский археологический ежегодник. № 2 / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Издательство СПб. ун-та, 2012. С. 342–359.
- Махортых С.В.* Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наукова думка, 1991. 136 с.
- Махортых С.В.* Современное состояние изучения хронологии раннескифской культуры // Археологія і давня історія України. Вип. 2(19). Старожитності раннього залізного віку / Отв. ред. С.А. Скорый. Київ: Інститут археології НАН України, 2016. С. 140–151.
- Медведская И.Н.* Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. 1992. № 3. С. 86–107.

- Мелюкова А.И.* К вопросу о датировке раннескифских стрел // Музейні читання. Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-літтю О.І. Тереножкіна. Київ: Музей історичних коштовностей України, 1998. С. 108–112.
- Могилев О.Д.* Спорядження коня скифської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ, Кам'янець-Подільський: Інститут археології НАН України, 2008. 439 с.
- Ольговський С.Я.* Бронзовий казан з Реп'яховатої могили з Черкащини // Археологія. 1987. № 58. С. 78–83.
- Ольговський С.Я.* О караванном пути из Ольвии на Урал и в Поволжье и вопросы происхождения зеркал и крестовидных блях // Археология евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. Материалы III международной научной конференции “Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации”. Казань, 2017. № 3. С. 209–223.
- Пеляшенко К.Ю.* Кружковидные черпаки раннескифского времени лесостепной части Среднего Поднепровья // Stratum plus. 2014. №3. С. 51–63.
- Переводчикова Е.В.* Типология и эволюция скифских наверший // СА. 1980. № 2. С. 23–44.
- Петренко В.Г.* Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополье // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 15–19.
- Петренко В.Г.* Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо: Палеограф, 2006. 177 с.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р.* Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Новозаведенное-II в 1991–2003 гг. // Археологические открытия 1991–2004. Европейская Россия. М.: Институт археологии РАН, 2009. С. 225–234.
- Пиотровский Б.Б.* Ванское царство (Урарту). М.: Издательство Восточной литературы, 1959. 341 с.
- Полін С.В.* Хронологія раннескифських пам'яток // Археологія. 1987. № 59. С. 17–36.
- Придик Е.М.* Мельгуновский клад 1763 года. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1911 (МАР; № 31). 24 с.
- Рябкова Т.В.* Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья // Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2003. 24 с.
- Рябкова Т.В.* Наконечники стрел скифского типа из Тейшебаины // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Управление по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края; Кубанский госуниверситет, 2009. С. 328–335.
- Рябкова Т.В.* К вопросу о “скифских” бусах в Тейшебаине // Изобразительное искусство в археологическом наследии. Археологический альманах. № 21 / Отв. ред. А.В. Колесник. Донецк: ООО “Лебедь”, 2010. С. 178–188.
- Скуднова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Л.: Искусство, 1988. 184 с.
- Тереножкин А.И.* Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наук. думка, 1975. С. 3–34.
- Тураев Б.А.* История Древнего Востока. Т. II. Л.: ОГИЗ; Соцэкгиз, Ленинградское отделение, 1935. 342 с.
- Черненко Е.В.* Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наук. думка, 1980. С. 7–30.
- Grayson A.K.* Assyrian and Babylonian Chronicles // Texts from Cuneiform Sources. V. 5. Locust Valley, New York: J.J. Augustin, 1975. 300 p.
- Metdepenninghen C.* La relation entre l'art urartéen au temps du roi Rusa II et les épées-akinakes de Kelermès et de Melgounov // IA. 1997. Vol. 32. P. 109–136.
- Oberländer P.* Griechische Handspiegel. Hamburg: Universität, 1967. 300 S.
- Payne H.* Necrocorinthia: a study of Corinthian art in the archaic period. Oxford: Clarendon Press, 1931. XII, 363 p.

ON THE CORRELATION BETWEEN THE DATINGS OF THE “REPYAKHOVATAYA MOGILA” AND “CHERVONA MOGILA” BARROWS AND THE KELERMES CEMETERY

Tatyana M. Kuznetsova

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: mamulya-kuznecova@yandex.ru

The article continues the work related to the construction of a chronological system for the Scythian archaic period based on archaeological data (by one marking). The similarity of materials from the burials of the “Repyakhovataya Mogila” barrow, the “Chervona Mogila” barrow and the Kelermes cemetery barrows allow dating the sites between the last decade of the first quarter (Northern Caucasus) to the second quarter of the 6th century BC (the right bank of the Dnieper forest steppe). The result of the comparison does not contradict the method of archaeological dating, since the dates for the sites have been determined by the latest subjects.

Keywords: Scythians, chronology, barrow, the North Caucasus, the Dnieper forest-steppe.

REFERENCES

- Artamonov M.I.*, 1974. Kimmeriytsy i skify (ot poyavleniya na istoricheskoy arene do kontsa IV v. do n.e.) [Cimmerians and Scythians (from their emerging on the historical arena to the late 4th century BC)]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 156 p.
- Bikerman E.*, 1975. Khronologiya drevnego mira [Chronology of the Ancient World]. Moscow: Nauka. 336 p.
- Bilimovich Z.A.*, 1976. Greek Bronze Mirrors of the Hermitage Collection // *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Transactions of the State Hermitage Museum]*, XVII. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh, pp. 32–66. (In Russ.)
- Chernenko E.V.*, 1980. The oldest Scythian dress swords (Melgunov and Kelermes) // *Skifiya i Kavkaz [Scythia and the Caucasus]*. A.I. Terenozhkin, ed. Kiyev: Naukova dumka, pp. 7–30. (In Russ.)
- Daragan M.N.*, 2010. The dating of the amphora from burial 2 of Repyakhovataya Mogila // *Antichnyy mir i arkheologiya: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [Antique world and archaeology: An inter-university collection of papers]*, 14. S.Yu. Monakhov, ed. Saratov: Nauchnaya kniga, pp. 175–202. (In Russ.)
- Galanina L.K.*, 1983. Early Scythian bridle sets (based on the materials of the Kelermes barrows) // *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological papers of the State Hermitage]*, 24. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh, pp. 32–55. (In Russ.)
- Galanina L.K.*, 1994. On the problem of the Kelermes kurgans chronology // *Ross. Arkheol.*, 1, pp. 92–107. (In Russ.)
- Galanina L.K.*, 1997. Kelermesskiye kurgany. “Tsarskiye” pogrebeniya ranneskifskoy epokhi [The Kelermes barrows. “Royal” burials of the Early Scythian period]. Moscow: Paleograf. 316 p. (Stepnyye narody Evrazii, 1).
- Grayson A.K.*, 1975. Assyrian and Babylonian Chronicles. Locust Valley, New York: J. J. Augustin. 300 p. (Texts from Cuneiform Sources, 5).
- Iessen A.A.*, 1953. To the issue of sites of the 8th–7th centuries BC in the south of the USSR's European part (Novocherkassk hoard, 1939) // *Sovet. Arkheol.*, XVIII, pp. 49–110. (In Russ.)
- Il'inskaya V.A., Mozolevskiy B.N., Terenozhkin A.I.*, 1980. Barrows of the 6th century BC at the village of Matusov // *Skifiya i Kavkaz [Scythia and the Caucasus]*. A.I. Terenozhkin, ed. Kiyev: Naukova dumka, pp. 31–63. (In Russ.)
- Ivanchik A.I.*, 1996. Kimmeriytsy. Drevnevostochnyye tsivilizatsii i stepnyye kochevniki v VIII–VII vv. do n.e. [Cimmerians. Civilizations of Ancient Orient and steppe nomads in the 8th–7th centuries BC]. Moscow: Pechatno-mnozhitel'naya laboratoriya Instituta Afriki RAN. 324 p.
- Ivanchik A.I.*, 2001. Kimmeriytsy i skify. Kul'turno-istoricheskiye i khronologicheskiye problemy arkheologii vostochnoyevropeyskikh stepey i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni [Cimmerians and Scythians. Cultural, historical and chronological issues of the archaeology of the East European steppes and the Caucasus before and during the Early Scythian period]. Moscow: Paleograf. 324 p. (Stepnyye narody Evrazii, 2).
- Kisel' V.A.*, 1993. Stylistic and chronological attribution of the silver mirror from Kelermes // *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*, 1, pp. 111–125. (In Russ.)

- Kisel' V.A., 2003. Shedevry yuvelirov Drevnego Vostoka iz skifskikh kurganov [Masterpieces of jewelers of the Ancient Orient from Scythian barrows]. St.Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. 192 p.
- Kleyn L.S., 2011. The long-awaited Stratum // *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik [Russian Archaeological Yearbook]*, 1, pp. 661–668. (In Russ.)
- Kopeykina L.V. Kelermesskoye zerkalo (k voprosu o datirovke i meste ego izgotovleniya) (Rukopis') [The Kelermes mirror (to the dating and location of its manufacture) (Manuscript)]. *Arkhiv otdela Antichnogo mira Gosudarstvennogo Ermitazha [Archive of the Department of the Ancient World of the State Hermitage Museum]*, 1981.
- Kovpanenko G.T., 1984. "Chervona Mogila" near the village of Flyarkovka // *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoye vremya [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian period]*. A.I. Melyukova, M.G. Moshkova, V.G. Petrenko, eds. Moscow: Nauka, pp. 107–113. (In Russ.)
- Kuznetsova T.M., 2002. Zerkala Skifii VI–III vv. do n.e. [Mirrors of Scythia of the 6th–3rd centuries BC], I. Moscow: Indrik. 350 p.
- Kuznetsova T.M., 2009. Chronology of the Scythian presence in the Middle East (by Herodotus' account) // *Stratum plus*, 3/2005–2009, pp. 308–328. (In Russ.)
- Kuznetsova T.M., 2010. Zerkala Skifii VI–III vv. do n.e. [Mirrors of Scythia of the 6th–3rd centuries BC], II. Moscow: Taus. 426 p.
- Kuznetsova T.M., 2012. The chronology and attribution of the Krasnoye Znamya cemetery // *Noveyshiye otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza. XVII Krupnovskiye chteniya [Recent discoveries in the archaeology of the North Caucasus. The 27th Krupnov readings]*. M.S. Gadzhiev, ed. Makhachkala: Mavrayev", pp. 201–204. (In Russ.)
- Kuznetsova T.M., 2016a. Historical interpretations in the Scythian studies and the dating of "Repyakhovataya Mogila" barrow // *Sposoby, napravleniya i urovni rekonstruktsii kul'turno-istoricheskoy real'nosti: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati Edvina Arvidovicha Grantovskogo i Dmitriya Sergeevich Raevskogo [Ways, directions and levels of the reconstruction of cultural and historical reality: Proceedings of the International Scientific Conference in memory of Edvin Arvidovich Grantovsky and Dmitry Sergeevich Raevsky]*, VII. G.Yu. Kolganova, ed. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, pp. 210–220. (In Russ.)
- Kuznetsova T.M., 2016b. The Kelermes cemetery and the Scythian chronology of the archaic period // *Kavkaz i step' na rubezhe epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati M.N. Pogrebovoy [The Caucasus and the steppe at the turn of the Late Bronze Age and Early Iron Age: Proceedings of the International Scientific Conference in memory of M.N. Pogrebova]*. S.V. Kullanda, A.S. Balakhvantsev, eds. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, pp. 124–134. (In Russ.)
- Kuznetsova T.M., 2016c. Scythians and the chronology of the Ancient Orient // *Starozhitnosti stepovogo Prichernomor'ya i Krimu [Antiquities of the steppe North Pontic and the Crimea]*, XIX. P.P. Tolochko, G.N. Toshchev, eds. Zaporizhzhya: Zaporiz'kiy derzhavniy universitet, pp. 70–93. (In Russ.)
- Kuznetsova T.M., 2017a. On the date of building of the "Repyakhovataya Mogila" barrow // *Ross. Arkheol.*, 2, pp. 100–114. (In Russ.)
- Kuznetsova T.M., 2017b. On the fundamentals of the Scythian chronology of the archaic period // *«I muzoyu ego byla nauka...»: sbornik pamyati V.A. Korenyako (1952–2016) [“And science was his muse ...”: Collected papers in memory of V.A. Korenyako (1952–2016)]*. S.V. Kuz'minykh, A.A. Gorbenko, eds., comp. Azov: Izdatel'stvo Azovskogo muzeya-zapovednika, pp. 127–142. (In Russ.)
- Kuznetsova T.M., 2017c. A vessel or a mirror (to the question of a bronze handle from Nemirov) // *Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku (k 110-letiyu so dnya rozhdeniya prof. A.I. Terenozhkina) [Antiquities of the Early Iron Age (to the 110th anniversary of Prof. A.I. Terenozhkin)]*. Kiiv, pp. 470–475. (Arkheologiya i drevnya istoriya Ukraini, 2 (23). (In Russ.)
- Kuznetsova T.M., 2018a. On the time and conditions of the emergence of bronze mirrors in the North Pontic // *Arkheologiya, etnografiya i an-tropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, vol. 46, no. 4, pp. 59–66. (In Russ.)
- Kuznetsova T.M., 2018b. Disturbances of Scythian graves during the archaic period (preliminary observations) // *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 252, pp. 125–137. (In Russ.)
- Makhortykh S.V., 1991. Skify na Severnom Kavkaze [Scythians in the North Caucasus]. Kiyev: Naukova dumka. 136 p.
- Makhortykh S.V., 2016. The current status of studying the chronology of the early Scythian culture // *Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku [Antiquities of the Early Iron Age]*. S.A. Skoryy, ed. Kiiv: Institut arkheologii NAN Ukraini, pp. 140–151. (Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini, 2(19)). (In Russ.)
- Maksimova M.I., 1954. The silver mirror from Kelermes // *Sovet. Arkheol.*, 21, pp. 281–305. (In Russ.)
- Maslennikov A.A., 1980. A barbarian burial of the 6th century BC on the Kerch Peninsula // *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 162, pp. 89–90. (In Russ.)
- Maslennikov A.A., 1995. Cists of the Eastern Crimea (to the history of the rural population of European Bosphorus in the 6th–1st centuries BC) // *Bosporskiy sbornik [Bosporan collection]*, 8. Moscow: IA RAN. 124 p. (In Russ.)

- Maslov V.E., 2012. The chronology of the antiquities of the Kelermes horizon // *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik [Russian Archaeological Yearbook]*, 2. L.B. Vishnyatskiy, ed. St.Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 342–359. (In Russ.)
- Medvedskaya I.N., 1992. Periodization of the Scythian archaic and the Ancient Orient // *Ross. Arkheol.*, 3, pp. 86–107. (In Russ.)
- Melyukova A.I., 1998. To the dating of the early Scythian arrows // *Muzeyni chitannya: Materiali Mizhnarodnoy naukovoy konferentsii, prisvyachenoj 90-littyu O.I.Terenozhkina [Museum readings: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of A.I. Terenozhkin]*. Kiiv: Muzei istorichnikh koshtovnostey Ukraïni, pp. 108–112. (In Russ.)
- Metdepenninghen C., 1997. La relation entre l'art urartéen au temps du roi Rusa II et les épées-akinakes de Kelermès et de Melgounov. *Iranica Antiqua*, 32, pp. 109–136.
- Mogilov O.D., 2008. Sporyadzhennyya konya skifs'koï dobi u Lisostepu Skhidnoï Evropi [Horse harness of the Scythian period in the forest-steppe of Eastern Europe]. Kiiv, Kam'yanets'-Podil's'kiy: IA NANU. 439 c.
- Oberländer P., 1967. Griechische Handspiegel. Hamburg: Universität. 300 p.
- Ol'govs'kiy S.Ya., 1987. A bronze cauldron from Repyakhovataya Mogila in Cherkassy Region // *Arkheologiya [Archaeology]*, 58, pp. 78–83. (In Ukrainian.)
- Ol'govs'kiy S.Ya., 2017. On the caravan route from Olbia to the Urals and the Volga region and the origin of mirrors and cruciform plaques // *Epokha bronzy i ranniy zheleznyy vek: materialy III mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Anan'inskiy mir: kul'turnoye prostranstvo, svyazi, traditsii i novatsii" [The Bronze Age and the Early Iron Age: Proceedings of the 3rd International Scientific Conference "The Ananyino world: Cultural space, relations, traditions and innovations"]*. Kazan': Institut arkheologii AN Respubliki Tatarstan, pp. 209–223. (Arkheologiya evraziyskikh stepey, 3). (In Russ.)
- Payne H., 1931. Necrocorinthia: a study of Corinthian art in the archaic period. Oxford: Clarendon Press, XII, 363 p.
- Pelyashenko K.Yu., 2014. Cup-type scoops of the early Scythian period in the forest-steppe part of the Middle Dnieper region // *Stratum plus*, 3, pp. 51–63. (In Russ.)
- Perevodchikova E.V., 1980. The typology and evolution of the Scythian poletops // *Sovet. Arkheol.*, 2, pp. 23–44. (In Russ.)
- Petrenko V.G., 1980. The goddess Ishtar's image from a barrow in Stavropol Territory // *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 162, pp. 15–19. (In Russ.)
- Petrenko V.G., 2006. Krasnoznamenskiy mogil'nik. Elitnyye kurgany ranneskifskoy epokhi na Severnom Kavkaze [The Krasnoye Znamya cemetery. Elite barrows of the Early Scythian period in the North Caucasus]. Moscow; Berlin; Bordo: Paleograf. 177 p.
- Petrenko V.G., Maslov V.E., Kantorovich A.R., 2009. Some results of studying of the early Scythian cemetery Novozavedennoye-II in 1991–2003 // *Arkheologicheskiye otkrytiya 1991–2004 gg. Evropeyskaya Rossiya [Archaeological discoveries of 1991–2004. European Russia]*. Moscow: IA RAN, pp. 225–234. (In Russ.)
- Piotrovskiy B.B., 1959. Vanskoye tsarstvo (Urartu) [The Kingdom of Van (Urartu)]. Moscow: Vostochnaya literatura. 341 p.
- Polin S.V., 1987. Chronology of the Early Scythian sites // *Arkheologiya [Archaeology]*, 59, pp. 17–36. (In Ukrainian.)
- Pridik E.M., 1911. Mel'gunovskiy klad 1763 goda [The Melgunov hoard of 1763]. St.Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov. 24 p. (Materialy po arkheologii Rossii, 31).
- Ryabkova T.V., 2003. Ranneskifskiye pamyatniki Nizhnego Podon'ya i Prikuban'ya: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Early Scythian sites of the Lower Don and Kuban regions: the Author's abstract of a Thesis for the Degree in History]. St. Petersburg. 24 p.
- Ryabkova T.V., 2009. Scythian-type arrowheads from Teishebaini // *Pyataya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya [V Kuban Archaeological Conference]*. I.I. Marchenko, ed. Krasnodar: Upravleniye po okhrane, restavratsii i ekspluatatsii istoriko-kul'turnykh tsennostey (naslediya) Krasnodarskogo kraya: Kubanskiy gosuniversitet, pp. 328–335. (In Russ.)
- Ryabkova T.V., 2010. To the "Scythian" beads in Teishebaini // *Arkheologicheskiy al'manakh [Archaeological Almanac]*, 21. *Izobrazitel'noye iskusstvo v arkheologicheskoy nasledii [Visual arts in archaeological heritage]*. A.V. Kolesnik, ed. Donetsk: Lebed', pp. 178–188.
- Skudnova V.M., 1988. Arkhaicheskiy nekropol' Ol'vii [The archaic Necropolis of Olbia]. Leningrad: Iskusstvo. 184 p. (In Russ.)
- Terenozhkin A.I., 1975. Cimmerian swords and daggers // *Skifskiy mir [Scythian world]*. A.I. Terenozhkin, ed. Kiyev: Nauk. dumka, pp. 3–34. (In Russ.)
- Turaev B.A., 1935. Istoriya Drevnego Vostoka [History of the Ancient Near East], II. Leningrad: OGIz. 342 p.
- Vakhtina M.Yu., 2010. The west-east axis and the depictive system of the Kelermes mirror silver appliqué // *Gaudeamus Igitur: sbornik statey k 60-letiyu A.V. Podosinova [Gaudeamus Igitur: Collected articles to the 60th anniversary of A.V. Podosinov]*. T.N. Dzhakson, ed. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke, pp. 102–112. (In Russ.)

ЖИТЕЛИ АНТИЧНОЙ ФАНАГОРИИ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПИТАНИЯ ПО ДАННЫМ ИЗОТОПНОГО АНАЛИЗА

© 2019 г. Н.Г. Свиркина

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: svirkina.natalia@mail.ru

Поступила в редакцию 19.06.2018 г.

Статья посвящена результатам изотопного исследования скелетных материалов из погребений Восточного некрополя Фанагории эллинистического, римского и позднеантичного периодов, позволяющим охарактеризовать особенности питания населения крупного античного города. Общей чертой фанагорийцев является активное использование в пищу мясомолочных продуктов и, вероятно, рыбы. Выявлена тенденция к сокращению употребления белковой пищи от эллинистического к римскому и позднеантичному периодам. Индивиды из могильных ям и склепов имели при жизни большее разнообразие в пищевых предпочтениях в сравнении с людьми, погребенными в могилах с подбоем и в каменных ящиках. Гендерные различия в питании проявляются только в римский период. Согласно полученным данным, можно заключить, что Восточный некрополь был местом захоронения людей, обладавших высоким социальным статусом.

Ключевые слова: изотопный анализ, традиции питания, Азиатский Боспор, Фанагория, некрополь.

DOI: 10.31857/S086960630004798-6

Особенности питания являются проявлением традиций, устойчивость которых зачастую более выражена, чем традиций ношения одежды, использования оружия и пр. (Арутюнов, 2011). Возможность получения сведений о составе рационов питания в социумах, объединяющих разные по происхождению группы людей, — возможность “увидеть” разнообразие этих устойчивых традиций. Античная Фанагория, возникшая во второй половине VI в. до н.э. на побережье одного из островов архипелага, очень скоро стала большим городом, центром Азиатского Боспора (Ростовцев, 1918; Блаватский, 1961; Кобылина 1963; Кузнецов, 2013). Для изучения населения античных городов Северного Причерноморья вопрос о характере взаимодействия античного населения с местным — один из ключевых.

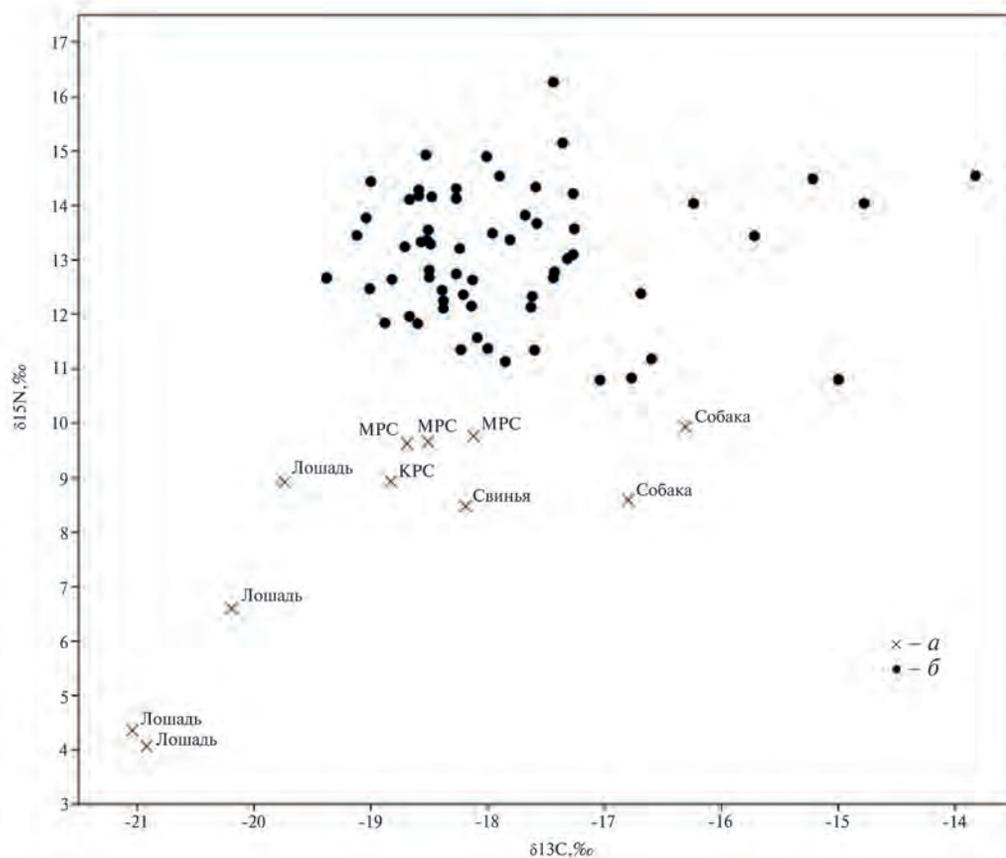
Новые методы, получившие распространение с конца XX в., позволяют реконструировать особенности ресурсной пищевой базы. Они основаны на фундаментальных экологических закономерностях, в частности на закономерностях фракционирования изотопного состава ряда элементов на разных уровнях местных трофических сетей (“трофической сетью” называют пищевые отношения групп

организмов в сообществе, где все живые существа являются объектами питания других).

Цель настоящего исследования — получение данных о разнообразии изотопных соотношений углерода и азота в скелетных тканях погребенных на некрополе Фанагории для реконструкции усредненных пищевых моделей (пищевая модель (модель питания) — вариант соотношения трех основных групп органических веществ (белки, жиры и углеводы) в рационе человека) и более детального описания особенностей питания жителей этого крупного города.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели было отобрано 82 образца костной ткани¹ индивидов, происходящих из погребений Восточного некрополя Фанагории эллинистического, римского и позднеантичного периодов. Отбор образцов осуществлялся в 2016–2017 гг. в процессе изучения антропологической коллекции из раскопок некрополя 2005–2016 гг., хранящейся в

¹ В одном случае (погр. 11) для анализа был использован зуб, в связи с тем, что фрагменты посткраниального скелета были ненадлежащего качества.

Рис. 1. Значения $\delta^{13}\text{C}$ и ^{15}N совокупной выборки. Условные обозначения: *a* – животные, *б* – люди.

Fig. 1. $\delta^{13}\text{C}$ and ^{15}N values of the total sample of animals (*a*) and people (*b*)

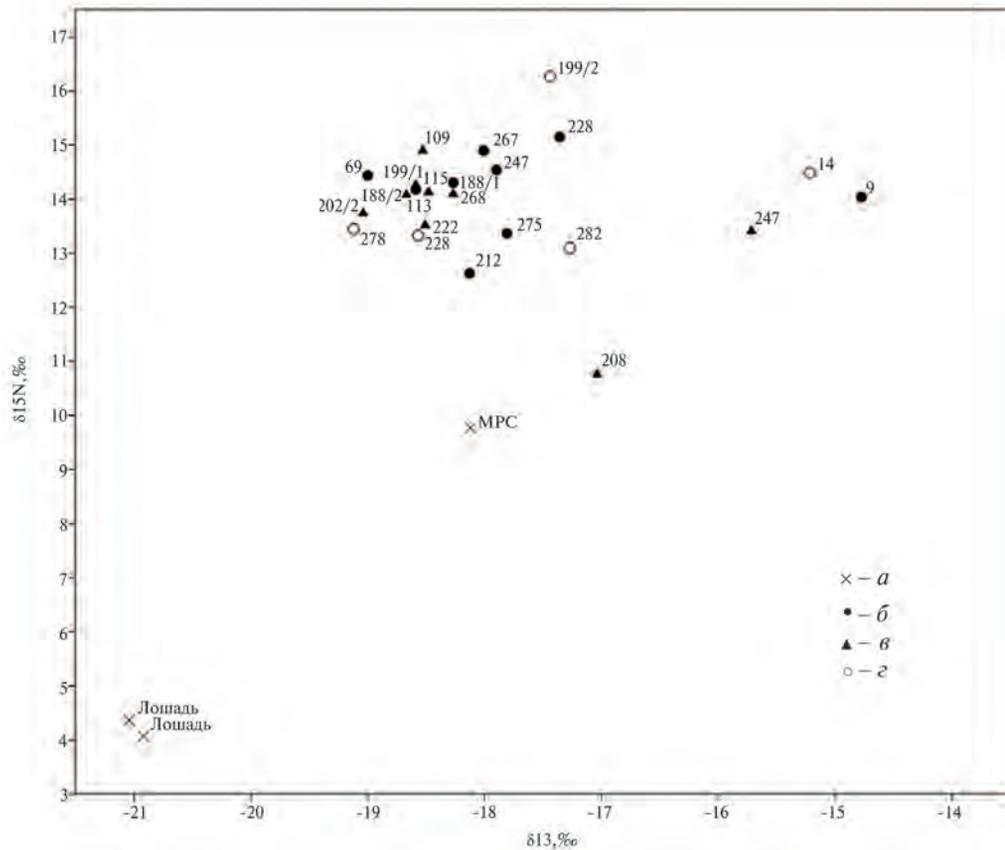
научно-культурном центре “Фанагория” и Институте археологии РАН.

Определение соотношения стабильных изотопов проводилось в коллагене (органическая составляющая) костной ткани. В связи с этим до проведения количественного анализа была осуществлена процедура отделения коллагена от минеральной части кости и загрязнений. На первом этапе пробоподготовки образец весом от 0.12 до 3.37 гр тщательно промывался в дистиллированной воде, после высушивался и взвешивался. Далее он погружался в 1 М раствор соляной кислоты (HCl) при температуре +3–6 °С на 24 ч, где происходила полная деминерализация костной ткани. Затем образец повторно промывался дистиллированной водой до получения нейтральных значений pH с использованием pH метра pHer by HANNA. Промытый образец помещался в 0.1 М раствор HCl, в котором он растворялся при температуре +65 °С в течение 24 ч. На следующем этапе пробоподготовки полученный раствор центрифугировался для отделения

загрязняющих компонентов из органической (растворенной) части. Очищенный коллаген высушивался в термостате при температуре +40 °С и помещался в пластмассовый эппендорф. Далее коллаген упаковывался в оловянную капсулу и помещался в пронумерованную ячейку специального штатива.

Количественное определение изотопных сигналов проводилось в Центре коллективного пользования “Масс-спектрометрические исследования” ЦКП (изотопного анализа) Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН. Анализ изотопов выполнен на масс-спектрометре Thermo-Finnigan Delta V Plus IRMS с элементным анализатором (Thermo Flash 1112).

Опыт подобного исследования является первым, было важно понять, каковы перспективы использования материала, пролежавшего долгое время в агрессивной среде и подвергнувшегося агрессивному воздействию в процессе раскопок. Как правило, расчищенные кости не изымали из погребений несколько

Рис. 2. Значения $\delta^{13}\text{C}$ и ^{15}N животных и людей для серии эллинистического периода. Условные обозначения: *a* – животные, *b* – мужчины, *v* – женщины, *z* – дети.

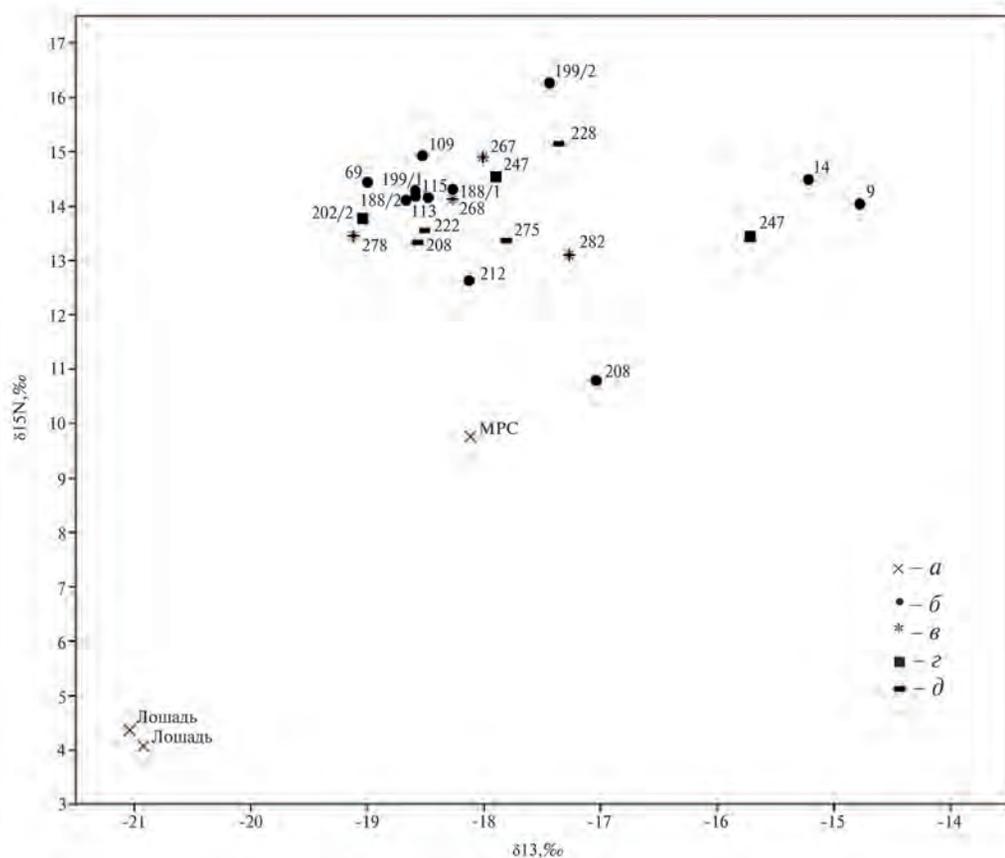
Fig. 2. $\delta^{13}\text{C}$ and ^{15}N values for animals and humans from the Hellenistic period series

дней, иногда недель. За это время происходили видимые разрушения костной ткани. Поэтому вопрос о возможности проведения актуальных изотопных исследований на материалах Восточного некрополя стоял довольно остро. Отчасти наши опасения оказались верны. Из исследования было исключено 19 образцов костной ткани. В 14 из них коллаген выделить не удалось, еще 5 образцов продемонстрировали высокую степень загрязнения, что было зафиксировано в процессе количественного измерения. Таким образом, удалось составить серию из 63 образцов.

Полученная серия представляет три периода существования некрополя. Наиболее ранний этап – эллинистический период (III в. до н.э. – рубеж эр). К нему относятся образцы 23 индивидов, отражающих все половозрастные категории, за исключением возрастной группы 10–19 лет. Отметим, что данная выборка не имеет демографического смысла, однако для оценки достоверности и статистической

обоснованности полученных данных опишем половозрастную структуру этой выборки. В нее вошли 9 мужчин, из них в возрасте 25–29 лет – 1 индивид (погр. 212), 35–45 – 1 индивид (погр. 228/1), старше 40 лет – 1 индивид (объект 267/погр. 270), 40–49 лет – 3 индивида (погр. 9, 188/1, 275), 45–55 лет – 1 индивид (погр. 113), старше 50 лет – 2 индивида (погр. 69, 247/1); 9 женщин, из которых возрастом 20–29 лет – 1 индивид (погр. 222, череп 1), 30–39 лет – 2 индивида (погр. 202/2, 268), 35–45 лет – 2 индивида (погр. 109, 207), 40–49 лет – 3 индивида (погр. 115, 188/2, 199/1), старше 50 лет – 1 индивид (погр. 247/1); 5 детей, из них возрастом около года – 1 индивид (погр. 199/2), возрастом 2–3 года – 2 индивида (погр. 14, 282), возрастом 7–8 и 8–9 лет – 2 индивида (погр. 278, 228/2).

Следующий этап – римский период (I–III вв. н.э.), к которому относятся образцы 32 индивидов. В группу римского времени вошли 14 мужчин, из них в возрасте от 25 до 35 лет –

Рис. 3. Распределение значений $\delta^{13}\text{C}$ и ^{15}N по типу погребальной конструкции для серии эллинистического периода. Условные обозначения: *a* – животные, *б* – могильная яма, *в* – могильная яма с подбоем, *г* – склеп, *д* – каменный ящик.

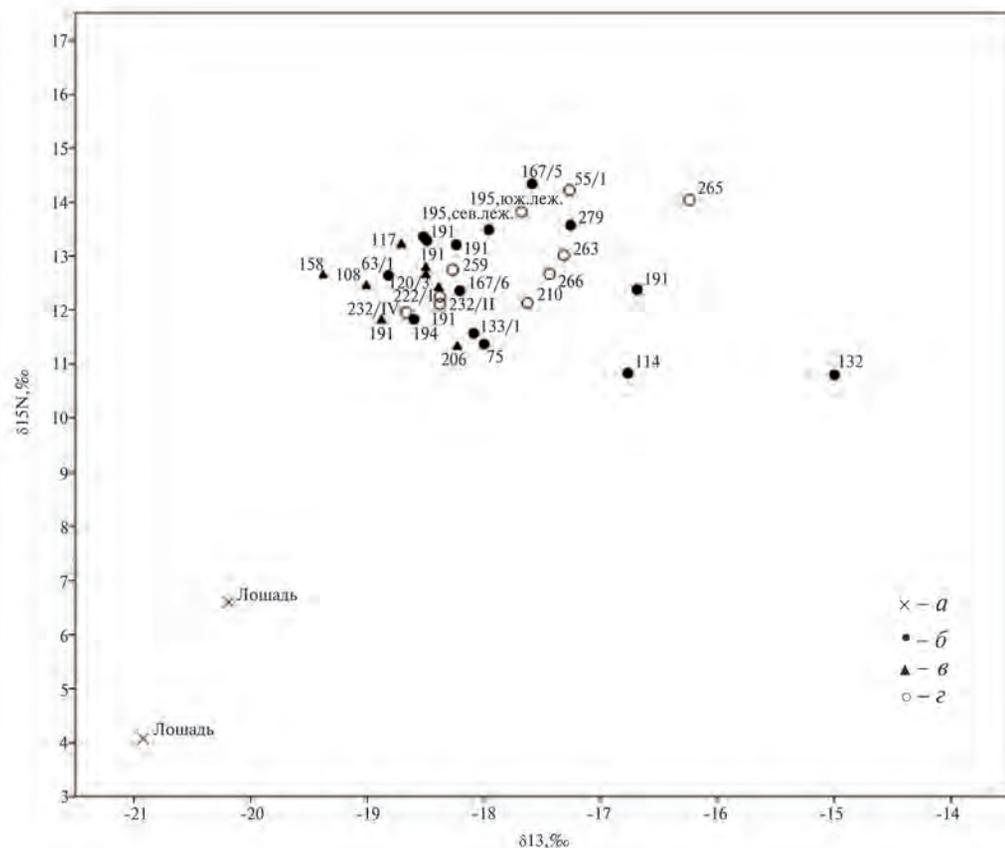
Fig. 3. Distribution of $\delta^{13}\text{C}$ and ^{15}N values according to the type of burial structure for the Hellenistic period series

2 индивида (погр. 133/1, 132), 30–39 лет – 1 индивид (погр. 191), 40–49 лет – 5 индивидов (погр. 167/2, 191, 194, 195 (северная лежанка)), 45–55 лет – 4 индивида (погр. 75, 167/5, 191, 279), возрастом около или старше 50 лет – 2 индивида (погр. 63/1, 114); 8 женщин, из них возрастом 25–35 лет – 1 индивид (погр. 222/1), 30–39 лет – 2 индивида (погр. 120/3, 158), 35–45 лет – 3 индивида (погр. 108, 191, 206), 40–49 лет – 1 индивид (погр. 117), старше 50 лет – 1 индивид (погр. 191); 10 детей, из которых 1 индивид возрастом около 2 лет (погр. 265), возрастом от 3 до 6 лет – 6 индивидов (погр. 55, 195 (южная лежанка), 232/II, 232/IV, 259, 266), от 7 до 9 – 2 индивида (191, 210), 12–15 лет – 1 индивид (погр. 263).

Поздний этап представлен погребениями позднеантичного времени (IV–V вв.). К нему относятся образцы восьми индивидов, из них шесть мужчин возрастом старше 40 лет (погр. 6, 16, 32, 170/2-4), женщина 25–29 лет (погр. 11) и ребенок 5–7 лет (погр. 285).

Таким образом, представленная серия отражает все половозрастные категории индивидов из периодов “эллинизм” и “римское время” и преимущественно мужчин из группы “позднеантичные погребения”. По очевидным причинам возрастные когорты каждого пола в каждом периоде представлены численно неравнозначными величинами. Как к этому относиться? Наиболее многочисленные группы – мужчины и женщины в возрасте 40–49 и старше 50 лет. Таким образом, мы имеем дело с наиболее репрезентативными выборками, характеризующими людей с высоким демографическим статусом, а следовательно, индивидов с относительно высоким качеством жизни. Другие возрастные когорты представлены меньшим числом индивидов. Поэтому заключения о том, насколько их изотопные показатели типичны или индивидуальны, следует делать с большой осторожностью.

Данная серия позволяет проследить показатели пищевого статуса у индивидов, которые

Рис. 4. Значения $\delta^{13}\text{C}$ и ^{15}N животных и людей для серии римского периода. Условные обозначения: *a* – животные, *b* – мужчины, *v* – женщины, *z* – дети.

Fig. 4. $\delta^{13}\text{C}$ and ^{15}N values for animals and people from the Roman period series

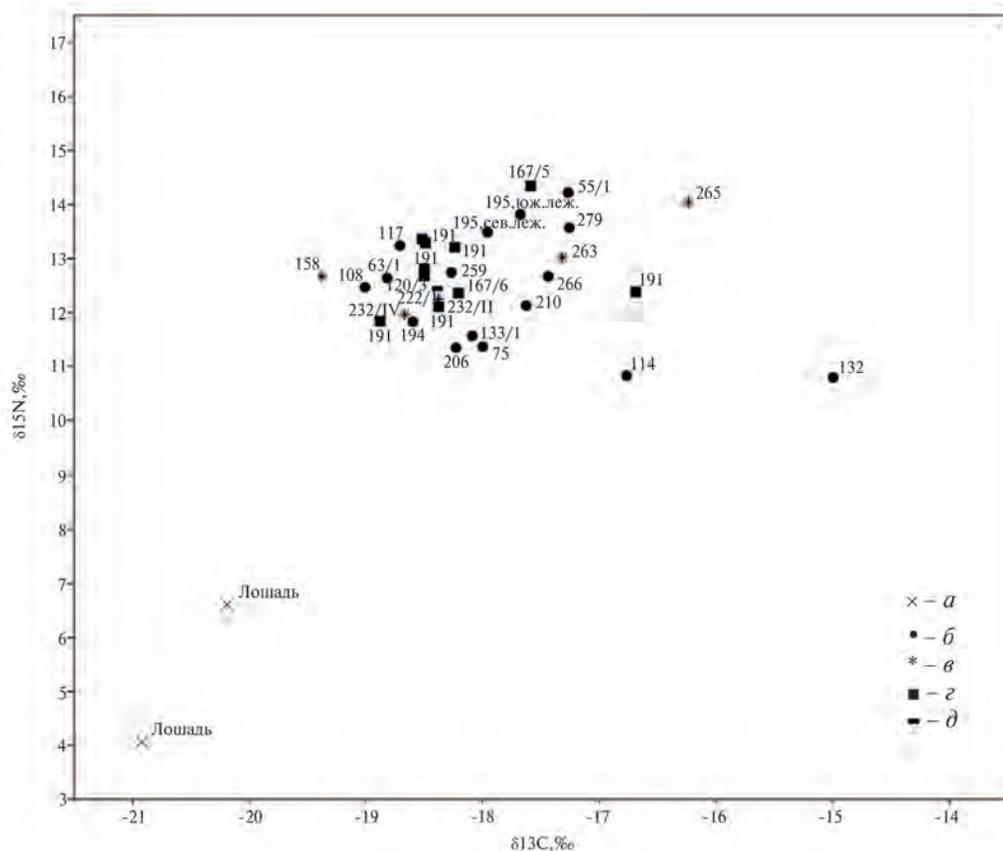
были похоронены согласно различным погребальным обрядам, что отразилось в специфике погребальных конструкций (Ворошилова, 2012). Изотопными исследованиями охвачены четыре типа сооружений, бытовавших на Восточном некрополе на протяжении эллинизма – позднеантичного времени: могильные ямы, могильные ямы с подбоем, каменные ящики, склепы. Первый тип погребального сооружения наиболее представительный, из него происходят 29 индивидов. Могильные ямы с подбоем представлены 10 индивидами, из погребений в ящиках происходят 5 индивидов, из склепов – 19.

Помимо людей в исследование включены образцы костной ткани животных. Уточним, что фаунистические материалы были привлечены исключительно в качестве “координирующих” точек, которые позволяют характеризовать местные трофические сети. Кости животных, вошедшие в исследование, происходят из объектов Восточного некрополя

эллинистического и римского времени, а также объектов “Верхнего” и “Нижнего города” позднеархаического–раннеклассического и хазарского времени. Выборка небольшая, в нее входит крупный рогатый скот (КРС), мелкий (МРС) (3 образца), лошадь (4 образца), свинья, собака (2 образца)². Исходно предполагается, что эти животные местные и представляют местную экосистему, в то время как они могли быть привезенными с других территорий и характеризоваться несколько отличными изотопными сигналами. Понимая всю неоднозначность и сложность данной выборки, мы используем эти остеологические данные, так как они более информативны и достоверны, чем кости животных современности.

Результаты количественного анализа изотопов углерода и азота животных и людей представлены в табл. 1, 2. Совокупная выборка

² Остеологические материалы были предоставлены канд. биол. наук Е.В. Добровольской (Институт проблем эволюции экологии им. А.Н. Северцова РАН).

Рис. 5. Распределение значений $\delta^{13}\text{C}$ и ^{15}N по типу погребальной конструкции для серии римского периода. Условные обозначения: *а* – животные, *б* – могильная яма, *в* – могильная яма с подбоем, *г* – склеп, *д* – каменный ящик.
Fig. 5. The distribution of $\delta^{13}\text{C}$ and ^{15}N values according to the type of burial structure for the Roman period series

демонстрирует высокий уровень индивидуальной изменчивости значений $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ (рис. 1). Изотопные сигналы $\delta^{13}\text{C}$ в коллагене костной ткани людей варьируют от -19.38 до -13.79‰ (5.59‰), $\delta^{15}\text{N}$ от 10.79 до 16.27‰ (5.58‰). Высокая индивидуальная изменчивость показателей соответствует высокому разнообразию пищевых рационов, поэтому необходима более детальная характеристика этого многообразия.

Эллинистический период. В серию образцов эллинистического периода вошли 23 индивида, из которых 9 составляют мужчины, 9 – женщины и 5 – дети от 1 до 9 лет. Фауна представлена лошастью (2 образца) и МРС (рис. 2). Для данной группы характерен высокий уровень индивидуальной изменчивости показателей и по углероду, и по азоту: $\delta^{13}\text{C}$ варьирует от -9.12 до -14.78‰ (4.34‰), $\delta^{15}\text{N}$ от 10.79 до 16.27‰ (5.48‰), что соответствует значительному разнообразию пищевых предпочтений.

У основной группы индивидов просматривается связь: чем выше $\delta^{13}\text{C}$, тем выше $\delta^{15}\text{N}$. Как известно, при повышении трофического уровня³ увеличиваются значения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$. Следовательно, в рамках изменчивости группы эллинистического периода запечатлены индивиды со схожими моделями питания, а употребляемые ими продукты относятся к одной пищевой пирамиде. Поэтому можно утверждать, что эта группа индивидов принадлежит к единой трофической системе. В рационе питания большую роль играла белковая составляющая, основанная на растениях С3 типа.

³ Трофический уровень – совокупность организмов, объединенных одним типом питания и занимающих определенное положение в пищевой цепи. К одному трофическому уровню принадлежат организмы, получающие свою энергию от Солнца через одинаковое число посредников пищевой цепи (Захарова-Солвьева, 2010. С. 48).

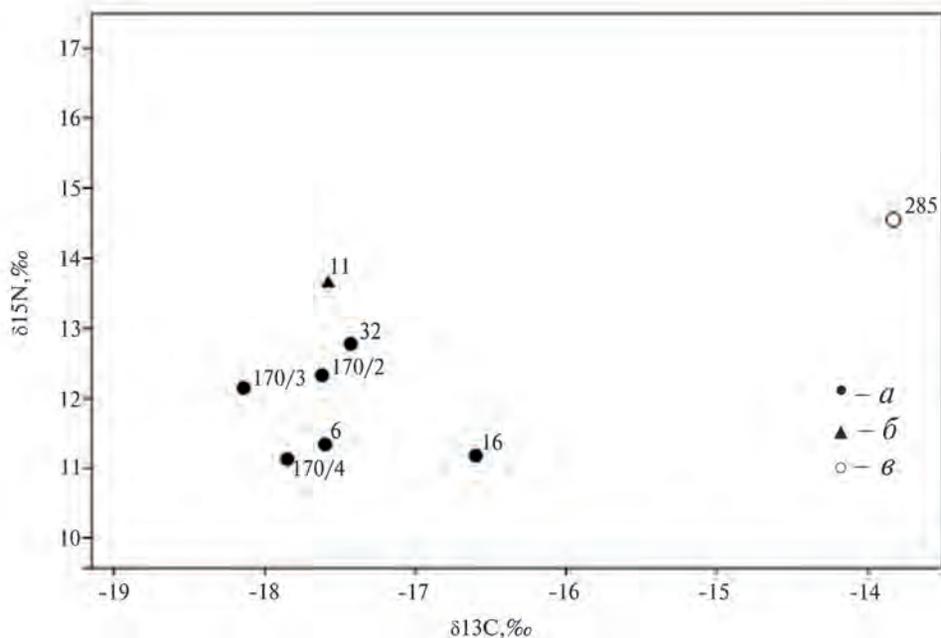

Рис. 6. Значения $\delta^{13}\text{C}$ и ^{15}N животных и людей для серии позднеримского периода. Условные обозначения: *a* – мужчины, *b* – женщины, *v* – дети.

Fig. 6. $\delta^{13}\text{C}$ and ^{15}N values for animals and humans from the Late Antique period

Иной стратегии питания придерживалась небольшая обособленная группа индивидов (погр. 9, 14, 247). Несмотря на то что уровень азота на одном уровне с основной группой, значения углерода значительно выше. Мы предполагаем, что это связано с употреблением растений С4 типа либо с использованием в пищу морских ресурсов. Наиболее вероятным представляется первый вариант, так как использование морского компонента привело бы к большему увеличению азота у этих индивидов.

Самый высокий показатель азота демонстрирует младенец возрастом около года (погр. 199/2), что, вероятно, связано с питанием грудным молоком. В то же время изотопные показатели детей возраста от 2 до 3 лет (погр. 14, 282) и 7–9 лет (погр. 228, 278) не выделяются на общем фоне сигналов. Полученные данные, вероятно, свидетельствуют о том, что к возрасту 2–3 лет пищевой статус ребенка становится схож со статусом взрослого.

Среди половозрелых индивидов закономерности в распределении изотопов по гендерному признаку не выявлены. И для мужчин, и для женщин характерен широкий диапазон значений $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$. Наиболее “неординарные” изотопные показатели в женской части

группы зафиксированы у женщины 35–45 лет из погр. 207, которая отличается самой низкой величиной $\delta^{15}\text{N}$ среди всех индивидов эллинистического периода. По белковому показателю она ближе к МРС, чем к людям. Бедность рациона белковой пищей сказалась на качестве жизни, которое было довольно низким: женщина умерла с рядом признаков ослабленного иммунитета и преждевременного старения: значительный износ суставов, артротические изменения на костях посткраниального скелета, одонтогенный остеомиелит, пародонтоз, кариес.

Рассмотрение изотопных показателей с позиции принадлежности к определенному типу погребальной конструкции не выявило каких-либо группировок (рис. 3). В большей степени этот вывод уместен по отношению к индивидам из могильных ям, так как этот тип погребального сооружения наиболее представлен (12 индивидов). Остальные погребальные конструкции представлены гораздо меньшим количеством индивидов (3 и 4).

В то же время удалось выявить интересный сюжет, связанный с парным погребением в склепе 247. В нем найдены останки мужчины и женщины возрастом старше 50 лет. Изотопные показатели этих индивидов сильно

Таблица 1. Результаты изотопного анализа костной ткани животных из Восточного некрополя, “Верхнего” и “Нижнего” города (раскопки 2017 г.)

Table 1. Results of an isotopic analysis of the animals' bone tissue from the Eastern Necropolis, the “upper” and “lower” towns (excavated in 2017)

№ образца	Период	Локализация	Вид	Тип образца	$\delta^{13}\text{C}$ vpdb	$\delta^{15}\text{N}$ air	%C	%N	Mass C/N	Atom C/N
17643	Хазарский	Объект 21	Собака	Челюсть	-16.31	9.93	38.3	13.7	2.8	3.3
17645	Позднеархаическое— раннеклассическое время	Объект 777	КРС	Челюсть	-18.83	8.94	31.1	11.2	—	3.2
17646	—	Объект 769, штук 15	Лошадь	Кость плюсны	-19.74	8.93	37.9	13.7	—	—
17647	—	Объект 777	МРС	Челюсть	-18.69	9.63	39.9	14.6	2.7	—
17648	—	—	МРС	Кость	-18.51	9.66	39.7	14.6	—	—
17649	—	—	Собака	Кость	-16.8	8.6	38.8	14.2	—	—
17652	—	—	Свинья	Челюсть	-18.19	8.48	38.2	14.1	2.7	—
17651	Эллинизм	Погребение 228	МРС	Таранная кость	-18.12	9.76	39.3	14.3	2.8	—
17654	Эллинизм	Объект 271	Лошадь	Позвоночный отросток	-21.04	4.36	39.3	14.4	2.7	—
17650	Эллинизм/ Римское время?	Объект 274	—	Ребро	-20.92	4.07	40.3	14.7	—	—
17644	Римское время?	Объект 292	—	Ребро	-20.19	6.6	39.9	14.6	—	—

Примечание. КРС — крупный рогатый скот; МРС — мелкий рогатый скот.

Таблица 2. Результаты изотопного анализа образцов костной и зубной ткани совокупной выборки людей из погребений Восточного некрополя Фанагории

Table 2. Results of an isotopic analysis of bone and dental tissue specimens of an aggregate sample of humans from the Eastern Necropolis burials in Phanagoria

№ образца	Год раскопок	Период	Погребение	Индивидуальный вид	Тип погребальной конструкции	Пол	Возраст	Тип образца	$\delta^{13}\text{C}$ ‰	$\delta^{15}\text{N}$ ‰	%C	%N	Mass C/N	Atom C/N
14011	2005	Эллинизм	9		Могильная яма	Мужчина	40–49	Затылочная кость	-14.78	14.04	21.5	7.7	2.8	3.3
14019	2005	—	14		—	Ребенок	2–3	Малоберцовая кость	-15.22	14.49	37.2	13.1	—	—
14007	2006	—	69		—	Мужчина	>50	Кость	-19	14.44	37.7	13.8	2.7	3.2
9745	2007	—	109		—	Женщина	35–45	Свод черепа	-18.53	14.93	37.1	13.2	2.8	3.3
9746	—	—	113		—	Мужчина	45–55	Позвоночный отросток	-18.59	14.18	15.1	5	3	3.5
9747	—	—	115		—	Женщина	40–49	Затылочный мыщелок	-18.48	14.16	38.7	13.8	2.8	3.3
14016	2013	—	188	1	—	Мужчина	—	Рebro	-18.27	14.31	37.2	13.4	—	3.2
14030	—	—	188	2	—	Женщина	—	Трубчатая кость	-18.67	14.11	23.5	8.5	—	—
14006	—	—	199	1	—	Женщина	—	Свод черепа	-18.59	14.29	37.2	13.6	2.7	—
14018	—	—	199	2	—	Младенец	Около 1	Затылочный мыщелок	-17.44	16.27	36.2	13.2	—	—
17760	—	—	202	2	Склеп	Женщина	30–39	Диафиз локтевой кости	-19.04	13.77	38.8	14.3	—	—
14005	—	—	207	—	Могильная яма	Женщина	35–45	Кость	-17.04	10.79	39.5	14.4	—	—

14003	2014	—	212		—	Мужчина	25–29	Височная кость	-18.13	12.63	39.4	14.5	—	—
17745	—	—	222	Череп 1	Каменный ящик	Женщина	20–29	Верхняя челюсть	-18.51	13.55	37.5	13.9	—	3.1
17748	—	—	228	1	—	Мужчина	35–45	Ребро	-17.36	15.15	36.8	13.4	2.8	3.2
17755	—	—	—	2	—	Ребенок	8–9	Ребро	-18.57	13.33	38.4	14	2.7	—
17753	2015	—	247	1	Склеп	Женщина	>50	Свод черепа	-15.72	13.44	35	12.8	—	—
17754	2015	—	—	2	Склеп	Мужчина	>50	Затылочная кость	-17.9	14.54	38.1	13.9	—	—
17665	2016	—	267/ 270		Объект/ могильная яма с подбоем	Мужчина	>40	Нижняя челюсть	-18.01	14.9	39.8	14.5	—	—
17663	—	—	268		Могильная яма с подбоем	Женщина	30–39	Ребро	-18.27	14.13	37.9	13.9	—	—
17658	—	—	275		Каменный ящик	Мужчина	40–49	—	-17.81	13.37	37.4	13.5	2.8	—
17659	—	—	278		Могильная яма с подбоем	Ребенок	7–8	Свод черепа	-19.12	13.45	38.2	14	2.7	—
17657	—	—	282		—	—	2–3	—	-17.27	13.1	38.3	13.9	—	—
14017	2006	Римское время	55	1	Могильная яма	—	Около 4	Трубчатая кость	-17.27	14.22	36.7	13.4	—	—
14008	—	—	63	1	—	Мужчина	>50	Свод черепа	-18.82	12.64	24.6	9	—	—
14029	—	—	75		—	Мужчина	45–55	Затылочный мыщелок	-18	11.37	25.5	9.2	2.8	—
9744	2007	—	108		—	Женщина	35–45	Свод черепа	-19.01	12.47	35.2	12.5	—	3.3
9750	—	—	114		—	Мужчина	>50	Ребро	-16.77	10.83	41.3	14.5	—	—
9748	—	—	117		—	Женщина	40–49	Свод черепа	-18.71	13.24	38.5	13.5	—	—
14013	—	—	120	3	Склеп	Женщина	30–39	Височная кость	-18.5	12.68	21	7.5	—	3.2
14020	—	—	132		Могильная яма	Мужчина	30–35	Свод черепа	-15	10.8	23.3	8.5	2.7	—

Окончание таблицы 2.

14002	2008	—	133	1	—	—	Мужчина	25–35	—	-18.09	11.57	38.4	14	—	—
9751	2011	—	158		Могильная яма с подбоем	Женщина	30–39	Базиллярная часть затылочной кости	-19.38	12.67	32.9	11.8	2.8	3.3	
17756	—	—	167	5	Склеп	Мужчина	45–55	Позвоночный отросток	-17.59	14.34	37.6	13.8	2.7	3.2	
17759	—	—	—	2	—	—	40–49	Свод черепа	-18.21	12.38	37.4	13.6	2.8	—	
17750	2013	—	191		—	—	30–39	Нижняя челюсть	-18.49	13.29	38.4	14.1	2.7	—	
17751	—	—	—		—	—	Матурус II	Нижняя челюсть	-16.69	12.38	36.7	13.5	—	—	
17772	—	—	—		—	—	40–49	—	-18.24	13.21	40.30	14.8	—	—	
17743	—	—	—		—	Ребенок	Около 7	—	-18.38	12.11	39.4	14.6	—	—	
17747	—	—	—		—	Женщина	>50	Затылочная кость	-18.5	12.81	39.1	14.3	—	—	
17758	—	—	—		—	Женщина	35–45	Свод черепа	-18.88	11.84	36.4	13	2.8	3.3	
17749	—	—	—		—	Мужчина	45–49	—	-18.52	13.36	37.7	13.8	2.7	3.2	
14028	—	—	194		Могильная яма	—	40–49	Кость	-18.6	11.83	39.2	14.4	—	—	
14035	—	—	195, северная лележанка	Верхний скелет	Склеп	—	40–49	Локтевая кость	-17.96	13.49	29.5	10.7	2.8	—	
14027	—	—	195, южная лележанка		—	Ребенок	3–4	Височная кость	-17.68	13.82	29.6	10.7	—	—	
14034	—	—	206		Могильная яма	Женщина	35–45	Затылочный мыщелок	-18.23	11.35	38.2	13.2	—	—	3.3
14033	—	—	210		—	Ребенок	8–9	Ключица	-17.63	12.13	32.9	11.8	—	—	3.3

17757	2014	—	—	222	1	Каменный ящик	Женщина	25–35	Верхняя челюсть	-18.39	12.44	40.4	14.9	2.7	3.2
14025	—	—	—	232	II	Могильная яма с подбоем	Ребенок	4–5	Свод черепа	-18.38	12.25	38.2	13.9	—	3.2
14014	—	—	—	—	IV	—	—	3–4	Фаланга	-18.67	11.96	35.3	13.2	—	3.1
17656	2016	—	—	259		Могильная яма	—	4.5–5.5	Свод черепа	-18.27	12.74	38.4	13.9	2.8	3.2
17660	—	—	—	263		Могильная яма с подбоем	Подросток	12–15	Затылочная кость	-17.32	13.02	40.8	14.9	2.7	—
17655	—	—	—	265		—	Ребенок	Около 2	Пирамида височной кости	-16.24	14.04	35.7	13.1	—	—
17662	—	—	—	266		Могильная яма	Ребенок	5–6	Свод черепа	-17.44	12.67	40.4	14.8	—	—
17661	—	—	—	279		—	Мужчина	>45	Ребро	-17.26	13.57	36.8	13.5	—	—
14022	2005	Поздне-античное время	—	6		—	Мужчин	>50	Трубчатая кость	-17.6	11.34	28.3	10	2.8	3.3
14009	—	—	—	11		—	Женщина?	25–29	Резец	-17.58	13.67	35.2	12.8	—	3.2
14001	—	—	—	16		—	Мужчина	40–49	Ребро	-16.6	11.18	38.8	14.2	2.7	—
14004	—	—	—	32		Могильная яма с подбоем	—	>50	Скуловая кость	-17.43	12.78	40.6	14.7	2.8	—
17744	2011	—	—	170	2	Склеп	—	45–55	Базиллярная часть затылочной кости	-17.62	12.33	39.4	14.5	2.7	—
17771	—	—	—	—	3	—	—	—	Свод черепа	-18.14	12.15	41.2	15.1	—	—
17746	—	—	—	—	4	—	—	—	Ребро	-17.85	11.13	38.4	14.1	—	—
17667	2016	—	—	285		Склеп (?)	Ребенок	5–7	Позвоночный отросток	-13.83	14.55	34.7	13	—	3.1

Примечание. Индивид — номер скелета в погребении.

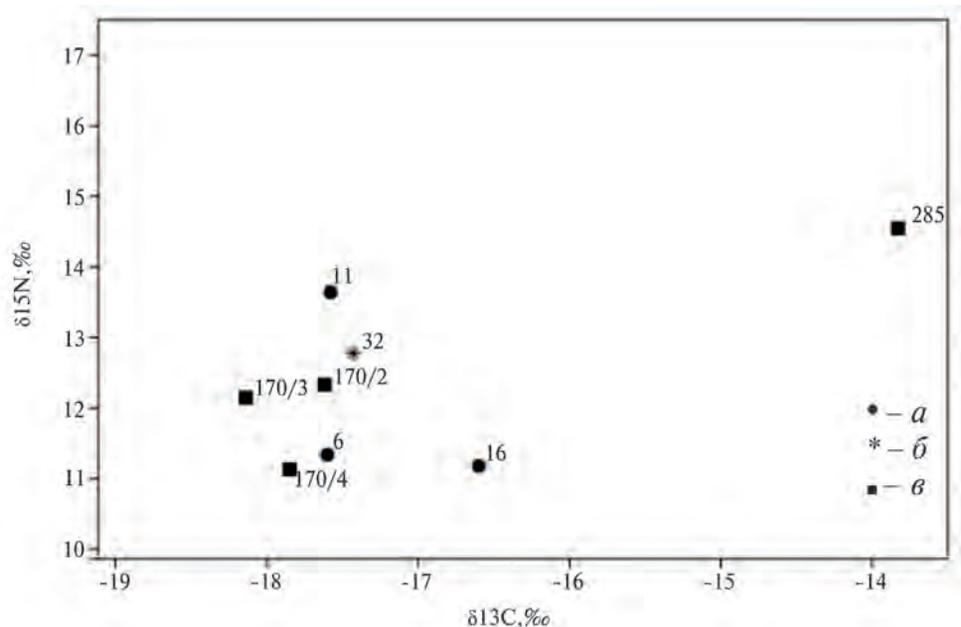

Рис. 7. Распределение значений $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ по типу погребальной конструкции для серии позднеантичного периода. Условные обозначения: *a* – могильная яма, *b* – могильная яма с подбоем, *v* – склеп.

Fig. 7. Distribution of $\delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$ values according to the type of burial structure for the Late Antiquity period

отличаются. Значения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ указывают на принадлежность мужчины к основной группе индивидов, женщина – представитель маленькой группы “аутсайдеров”, которая имеет иную структуру питания. Приверженность к этим двум группам не обусловлена гендерным показателем. Представляется наиболее вероятным, что женщина была мигрантом и не так давно прибыла на эту территорию. Проверить эту гипотезу возможно в будущем, используя другие методы.

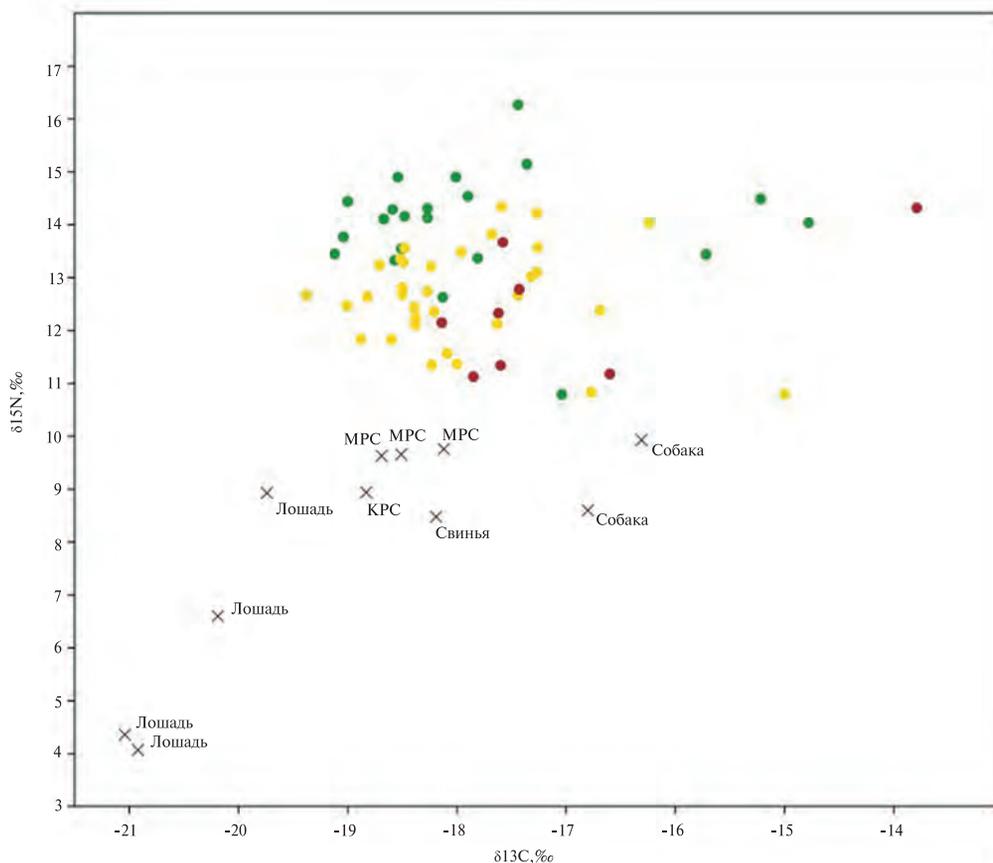
В целом, для индивидов эллинистической серии характерно сбалансированное питание, с преобладанием белкового компонента. Остается вопрос: кого ели. Наиболее логично предполагать, что рацион питания людей состоял из мяса домашнего скота (КРС, МРС), молока и, вероятно, рыбы (так как очень высокие значения $\delta^{15}\text{N}$). О составе диеты индивидов из небольшой обособленной группы говорить сложно, так как есть много вариантов интерпретации изотопных сигналов. Прояснение этого вопроса будет возможно в дальнейших исследованиях.

Римский период. Выборка римского времени состоит из 32 индивидов. Мужчины представлены 14 образцами, женщины – 8, дети возрастом от 2 до 15 лет – 10 образцами. Местная фауна – 2 образца лошади (рис. 4). Границы

индивидуальной изменчивости $\delta^{13}\text{C}$ находятся в пределах значений от -9.38 до -15‰ (4.38‰), $\delta^{15}\text{N}$ от 10.8 до 14.34‰ (3.54‰). Таким образом, рамки изменчивости углерода практически совпадают с предшествующим периодом. В то же время диапазон значений азота сокращается за счет снижения верхней границы величин, что указывает на снижение доли белкового компонента в рационе питания.

Продолжается разделение индивидов на две группы, которые придерживаются разных стратегий питания. Основная масса индивидов следует смешанной диете, в основе которой лежат растения С3 типа. Обособленно от этой группы находятся индивиды из погр. 114, 132, 191, которые в первую очередь отличаются более высокими значениями $\delta^{13}\text{C}$. На повышение углерода могли повлиять два фактора: аридизация климата или употребление растений С4 типа.

Необходимо отметить, что в последнюю группу осознанно не был включен ребенок из погр. 265, так как рост $\delta^{13}\text{C}$ в данном случае, скорее всего, был связан с эффектом грудного вскармливания. Вероятно, с грудным прикормом связано и то, что большинство детей 2–4 лет попадают в зоны наибольших значений $\delta^{15}\text{N}$ (погр. 55/1, 195, 265).

Рис. 8. Распределение индивидуальных значений $\delta^{13}\text{C}$ и ^{15}N по трем периодам: эллинистический (зеленый), римский (желтый), позднеантичный (красный) периоды, и животных (крест).

Fig. 8. Distribution of $\delta^{13}\text{C}$ and ^{15}N values for individuals from the burials of the Hellenistic (green), Roman (yellow), and Late Antique (red) periods and animals

Рассмотрение данных с позиции иных факторов, определяющих изменчивость изотопного состава, выявило тенденцию к консолидации значений у индивидов женского пола. Стоит отметить, что значения $\delta^{15}\text{N}$ у мужчин преимущественно выше, чем у женщин. Эта особенность, вероятно, связана с гендерными различиями, что хорошо укладывается в представления о социальных различиях в античных обществах (Винничук, 1988. С. 257, 269).

Большая часть индивидов серии происходят из могильных ям (14 образцов) и склепов (12 образцов), ящики и могилы с подбоями представлены незначительным количеством образцов (ящики – 1, могилы с подбоями – 5) (рис. 5). У индивидов из склепов зафиксирована склонность к компактности в распределении значений $\delta^{13}\text{C}$ (от -18.88 до -16.69‰) и $\delta^{15}\text{N}$ (11.43–14.34‰) по оси роста трофического уровня. Таким образом, очевидно, что данные индивиды характеризуются в целом более

стабильными показателями в образе жизни и питании. Важно отметить, что масштабы общей изменчивости обусловлены разнообразием в группе “могильные ямы”.

Позднеантичный период. Данный период представлен восемью образцами, из них шесть принадлежат индивидам мужского пола, один – женского пола и один индивид – ребенок возрастом 5–7 лет (рис. 6). Границы индивидуальной изменчивости значений $\delta^{13}\text{C}$ находятся в пределах от -18.14 до -13.83‰ (4.31‰), диапазон $\delta^{15}\text{N}$ – в рамках от 11.13 до 14.55‰ (3.42‰). Прослеживается тенденция к увеличению значений $\delta^{13}\text{C}$. Закономерности распределения значений совпадают с предшествующим периодом (рис. 7).

Итак, в результате проведения изотопного исследования был получен корпус независимых данных о соотношении азота и углерода в костной ткани, дана подробная характеристика специфики питания жителей античной

Фанагории. Общая черта эллинистического, римского и позднеантичного периодов — большое индивидуальное разнообразие значений $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$. Выявлена эпохальная динамика в структуре питания. Гендерный показатель или тип погребения в меньшей степени обуславливают изменчивость изотопного состава.

Переводя характеристику результатов изотопного исследования на язык “кулинарной рецептуры”, можно акцентировать внимание на основных компонентах диеты населения античной Фанагории. В рационе питания преобладают мясные и молочные продукты, а также, вероятно, рыба. Обращает на себя внимание, что в исследуемых группах хорошо выражены зона “пищевого стандарта” и область индивидов с неординарными значениями $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$. Значения “пищевого стандарта” располагаются компактно и соответствуют высокобелковому питанию на основе местных ресурсов. В группе “аутсайдеров” оказываются люди с повышенными значениями $\delta^{13}\text{C}$, которые интерпретируются пока неоднозначно (морские продукты или растения С4 типа). В то же время в римское и позднеантичное время наблюдается тенденция к снижению доли белка в диете и смещению индивидуальных значений в зону “аутсайдеров” (рис. 8).

Своеобразие изотопного состава индивидов из склепов римского периода указывает на их культурную однородность в части пищевых традиций. Погребенные в ямах имели большее разнообразие в пищевых предпочтениях. В римское время проявились гендерные различия в питании: рацион мужчин в отличие от женщин был более разнообразен и зачастую в большей степени обогащен белковой пищей.

Подводя итог, можно утверждать, что Восточный некрополь объединяет людей по пищевым традициям — консолидированным, нежели разобщенным. А пищевой рацион позволяет предположить, что некрополь был местом захоронения в целом социально высокого общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнов. С.А.* Карта культуры питания народов мира // Этнографическое обозрение. 2011. № 1 С. 7–16.
- Блаватский В.Д.* Подводные раскопки Фанагории в 1959 г. // СА. 1961. № 1. С. 277–279
- Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / Пер. с польск. В.К. Ронина. М.: Высшая школа, 1988. 496 с.
- Ворошилова О.М.* Некрополь Фанагории в I в. до н.э. — V в. н.э. как источник по истории населения столицы Азиатского Боспора: авторефер. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН. 2012. 24 с.
- Захарова-Соловьева А.В.* Концепции современного естествознания. Биологическая картина мира: учебное пособие. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2010. 123 с.
- Кобылина М.М.* Культура Фанагории досарматского периода // Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 84–93.
- Кузнецов В.Д.* Фанагория: некоторые итоги исследования // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1: Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1 / Ред. В.Д. Кузнецов. М.: ИА РАН, 2013. С. 12–41.
- Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг.: Огни, 1918. 189 с.

RESIDENTS OF ANCIENT PHANAGORIA: RECONSTRUCTION OF DIET BASED ON ISOTOPE ANALYSIS

Natalia G. Svirkina

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: svirkina.natalia@mail.ru

The article is devoted to the results of an isotope study of skeletal materials from the burials of the Eastern Necropolis in Phanagoria of the Hellenistic, Roman, and Late Antique periods, which make it possible to characterize the dietary patterns of the population of a large classical city. A common feature of the Phanagorians is the active consumption of meat and dairy products, and probably fish. The author revealed a tendency to reduction in the consumption of protein foods from the Hellenistic to the Roman and Late Antique periods. During their lifetime, individuals from grave pits and crypts had a greater diversity in dietary preferences as compared with people buried in undercut graves and in cists. Gender differences in diet are manifested only in the Roman period. According to the data obtained, it can be concluded that the Eastern Necropolis was the burial site of people with high social status.

Keywords: isotope analysis, dietary traditions, Asian Bosphorus, Phanagoria, necropolis.

REFERENCES

- Arutyunov S.A., 2011. A map of food culture of the peoples of the world. *Etnograficheskoye obozreniye [Ethnographic Review]*, 1, pp. 7–16. (In Russ.)
- Blavatskiy V.D., 1961. Underwater excavation of Phanagoria in 1959. *SA [Sov. archaeology]*, 1, pp. 277–279. (In Russ.)
- Kobyлина M.M., 1963. The culture of the pre-Sarmatian Phanagoria. *Antichnyy gorod [Antique town]*. Moscow: Izd. AN SSSR, pp. 84–93. (In Russ.)
- Kuznetsov V.D., 2013. Phanagoria: some research results. *Fanagoriya. Rezul'taty arkhologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological research]*, 1. *Materialy po arkhologii i istorii Fanagorii [Materials on the archaeology and history of Phanagoria]*, 1. V.D. Kuznetsov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 12–41. (In Russ.)
- Rostovtsev M.I., 1918. *Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii [Hellenism and Iranian culture in the south of Russia]*. Petrograd: Ogni. 189 p.
- Vinnichuk L., 1988. *Lyudi, nrawy i obychai Drevney Gretsii i Rima [People, manners and customs of ancient Greece and Rome]*. V.K. Ronin, trans. Moscow: Vysshaya shkola. 496 p.
- Voroshilova O.M., 2012. *Nekropol' Fanagorii v I v. do n.e. – V v. n.e. kak istochnik po istorii naseleniya stolitsy Aziatskogo Bospora: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [Necropolises of Phanagoria in the 1st century BC – 5th century AD as a source on the history of the population of the Asian Bosphorus capital: the author's abstract of a thesis for the Doctoral Degree in History]*. Moscow. 24 p.
- Zakharova-Solov'yeva A.V., 2010. *Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniya. Biologicheskaya kartina mira: uchebnoye posobiye [Concepts of modern science. Biological world-view: study guide]*. Orenburg: OGU. 123 p.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ НАХЧЫВАН ТЕПЕ

© 2019 г. В.Б. Бахшалиев

Нахчыванское отделение Национальной академии наук Азербайджана

E-mail: velibahshaliyev@mail.ru

Поступила в редакцию 13.02.2018 г.

Вопрос о существовании связей между культурами Южного Кавказа и Ближнего Востока в VI–IV тыс. до н.э. давно привлекает внимание исследователей-кавказоведов. Если ранее существование этих связей доказывалось единичными находками, то в настоящее время они подтверждаются большим массивом археологических материалов из закавказских памятников. В частности, раскопки слоев V тыс. до н.э. на поселении Нахчыван Тепе позволили собрать коллекцию керамики так называемого далматепинского типа. Впервые подобная посуда была обнаружена в 60-е годы XX в. в северо-восточном Иране, на поселении Далма Тепе. В настоящее время эта керамика известна на территории Ирана, Ирака и Южного Азербайджана.

Ключевые слова: Нахчыван тепе, Далма Тепе, расписная керамика, керамика с отпечатками пальцев, обсидиан, кочевое скотоводство.

DOI: 10.31857/S086960630005448-1

Поселение Нахчыван Тепе расположено на правом берегу р. Нахчыванчай, на высоте 853 м над уровнем моря, на краю обрыва. Река в настоящее время протекает на расстоянии 200 м от поселения. По-видимому, в древние времена она находилась ближе. Часть поселения в настоящее время остается под посевами, а часть разрушена во время строительства моста через Нахчыванчай. Площадь сохранившейся части поселения – около 2 га.

Поселение изучалось двумя шурфами размерами 3 × 2 м и двумя раскопами размерами 10 × 10 м. Ниже обсуждаются материалы, полученные из раскопов.

На первом раскопе установлено, что верхние пласты поселения были частично разрушены во время проведения сельскохозяйственных работ. Были выделены два слоя.

Слой 1 находился на глубине от 15–20 до 70–75 см от уровня почвы (рис. 1, 1). К нему относятся остатки четырех прямоугольных помещений, построенных из сырцового кирпича.

Первое помещение размерами 2.35 × 1.90 м было выявлено в северо-восточной части раскопа. Вход в помещение 1 шириной 70 см расположен в южной части. Стены сохранились на высоту 32–40 см. Второе помещение

размерами 3.50 × 3.05 м находилось в северо-западной части раскопа. Вход в него шириной 75 см располагался в восточной части. От помещения 2 сохранились три стены. Сохранившаяся ширина стен – 56–65 см, высота – 34–40 см. Помещение имеет общую стену с третьим помещением, толщина которой 55 см, сохранившаяся высота 35–48 см. Помещение 3 было вытянуто в меридиональном направлении. Зафиксированная длина помещения 3 – 5.95, ширина на севере – 3.21, на юге – 3 м. В центральной части помещения 3 на глубине 58–60 см желтоватый цвет заполнения начал меняться.

Была выявлена общая стена третьего и четвертого помещений длиной 6.50, шириной 0.60 м. Ввиду того, что эти помещения сильно разрушены, определить их точные размеры было затруднительно. Длина четвертой комнаты 7.10, ширина на севере 4.06, на юге 4.30 м. Ширина земляной платформы, расположенной на востоке этого помещения, составила 1.20 м. Во время исследования помещения 4 на глубине 48–50 см также обнаружено изменение цвета пласта. Однако в других областях твердый желтый слой сохранялся. Установить точные размеры этого помещения было невозможно ввиду сильного разрушения стен. На глиняной

платформе, расположенной на востоке помещения, видны глинобитные пласты с промежуточными тонкими пластами песка. Первый слой песка выявлен на глубине 40–65 см от уровня почвы. Исследование показывает, что эта часть помещения часто укреплялась глинобитом. Подобные слои песка были выявлены также в шурфе 1. По мнению географов и геоморфологов, во время сильных наводнений поселение подвергалось паводкам.

В ходе раскопок всех четырех помещений первого горизонта были обнаружены керамические изделия эпохи неолита, аналогичные обнаруженным на поселении Далма Тепе (северо-восточный Иран), а также кости животных и обсидиановые отщепы.

Строительные остатки первого слоя находились выше **слоя 2**, состоявшего из отложений серого пепла. На глубине 70 см по всей площади раскопочного участка выявлены пласты обильной смеси серого пепла без каких-либо строительных конструкций, но с остатками двух очагов (рис. 1, 1). Ввиду того, что очаги действовали длительное время, их пепел рассеивался на большом участке.

Первый очаг (1053) выявлен в северной части раскопа, под помещением 2. Очаг имел круглую форму (обожженный контур четко читался). Диаметр очага – 1.52, глубина – 0.15 м. Внутри очаг был наполнен пеплом, в котором были выявлены расположенные горизонтальным слоем керамические изделия, кости животных, отщепы обсидиана. Керамические изделия представлены обломками кухонной и тарной посуды. Среди них присутствовали также обломки расписных, вероятно, столовых сосудов. Ниже очага серый пепельный слой, включавший кости животных и обсидиановые отщепы, продолжался.

Второй очаг (1054) выявлен в восточной части участка вблизи перегородочной стены. Очаг имел овальную форму, размеры в плане 1.90 × 1.80 м, глубину 0.4 м. Внутренность очага была наполнена пеплом. При расчистке были найдены керамические изделия, кости животных и отщепы обсидиана. Здесь выявлены обломки жаровни с кольцевидным поддоном. Подобные предметы на других памятниках обычно находились внутри очагов или же около них, что позволяет предполагать, что они использовались для выпечки хлеба.

Среди керамики этого горизонта находились также черепки расписных сосудов и

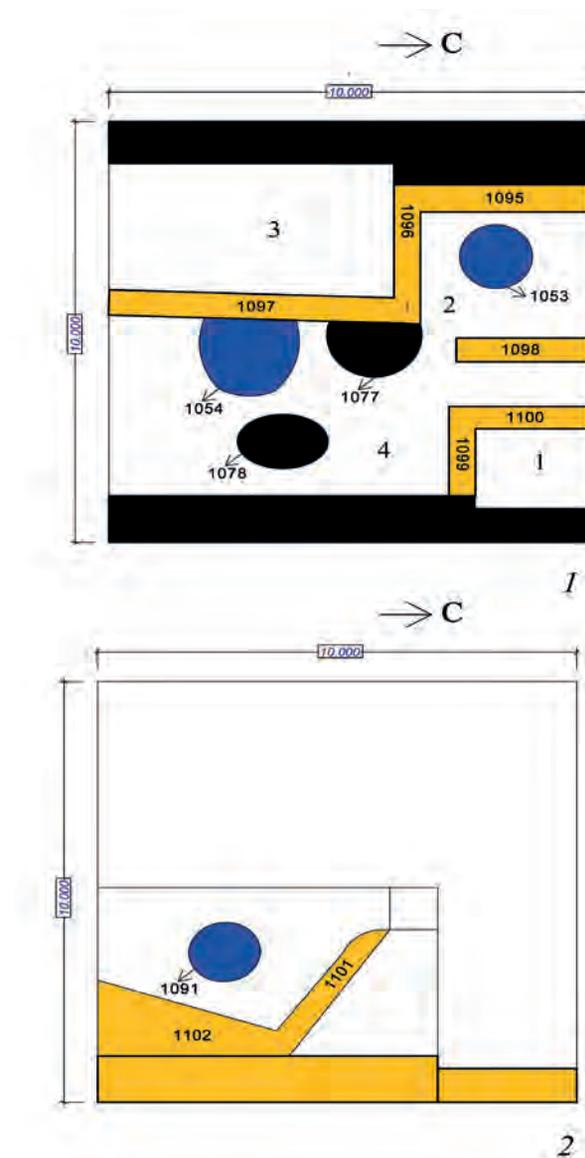

Рис. 1. План помещений на первом раскопе.

Fig. 1. Plan of the premises of the first excavation area

сосудов, украшенных отпечатками различных инструментов, в том числе отпечатками пальцев; подобная посуда в археологической литературе называется керамикой с вдавленным (impressed) орнаментом.

В восточном углу третьего помещения выявлена часть сосуда, внутри которого находились остатки красной краски (1066). Вокруг этого сосуда находилось скопление керамики, костей животных и отщепов обсидиана. Следует отметить, что сосуд, на внутренней поверхности которого находились следы красной краски, был также найден в неолитическом

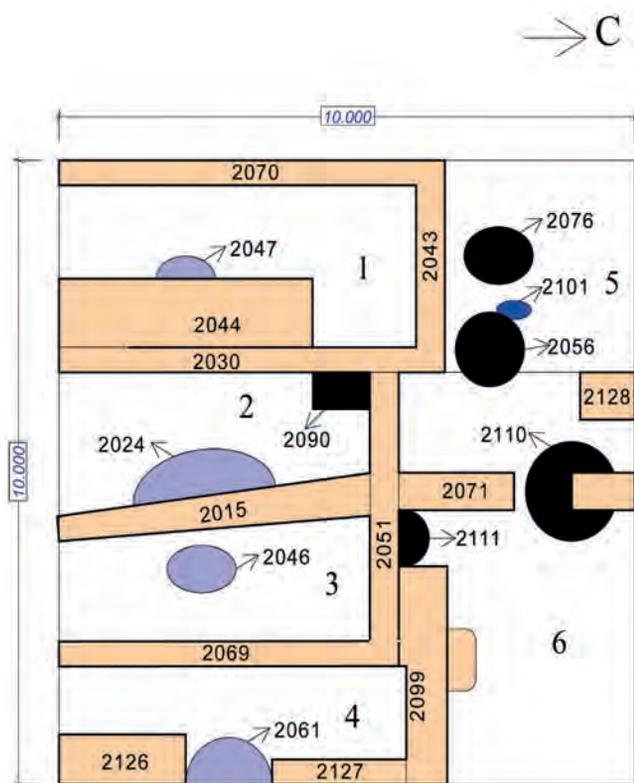

Рис. 2. План помещений на втором раскопе.

Fig. 2. Plan of the premises of the second excavation area

слое Кюльтепе (Вахşəliyev, Quliyeva, Rzayeva, 2017).

Ниже, на глубине 1 м, выявлены остатки еще двух очагов.

Первый очаг (1077) овальной формы, максимальный диаметр его – 1.90 м, минимальный – 1.30 м, глубина 40 см. Внутренняя часть очага наполнена землистым серым пеплом, состоявшим из нескольких пластов, что указывает на длительный период функционирования. В очаге находились лежавшие горизонтально керамические изделия (фрагменты кухонных хозяйственных и столовых сосудов), кости животных и отщепы обсидиана.

Второй очаг (1078) находился в восточной части участка, ближе к земляной платформе. Длина овального очага 1.90 м, ширина 1.30 м. Внутренняя часть очага наполнена смешанным с землей пеплом. Внутри очага находились горизонтально расположенные керамические изделия, кости животных и отщепы обсидиана. Глубина очага 40 см. Во время исследования выяснилось, что этот очаг был углублен в пол помещения типа полуземлянки.

На глубине 1.40–1.50 м в восточной части раскопа выявлены остатки помещения-полуземлянки (рис. 1, 2). Северная часть помещения углублена в материк. Здесь сохранились остатки стены из сырцового кирпича. Часть этой северо-восточной стены была разрушена и покрыта черным пеплом, возможно, в результате пожара. Юго-восточная стена подверглась эрозии. Установить другие стены помещения не представилось возможным. Недалеко от восточного угла внутри помещения находился круглый очаг, рядом с которым проявились остатки еще одного очага (не раскопан). Длина этого помещения была около 5.30 м, ширина в западной части – 3.40, в северной – 3.56. В углах помещения находились камни, положенные в ряд. Один из них представлял собой половину зернотерки.

Снаружи, около северной стены помещения, находилась большая зернотерка. Вокруг зернотерки группировались керамические изделия и обсидиановые отщепы: по-видимому, здесь находился хозяйственный сектор.

Таким образом, первые поселенцы Нахчыван Тепе использовали жилища-полуземлянки, нижняя часть которых была углублена в землю, а верхняя – построена из сырцового кирпича. Помещения подобного типа выявлены также в ходе раскопок поселений Овчулартепеси (Marro, Bakhshaliyev, Ashurov, 2009) и Йени йол (Вахşəliyev, Quliyeva, Rzayeva, 2017). Несмотря на то что на поселении найдены обильные скопления пепла, остатки древесного угля встречались редко – дерево в качестве топлива практически не использовалось. При этом следует отметить, что второй (верхний) горизонт этого слоя представлен только остатками очагов.

Второй раскоп расположен рядом с первым. Поверхность его была покрыта слоем современного мусора. Раскопки начались со снятия верхнего слоя со следами эрозии, содержавшего энеолитические материалы, аналогичные открытым в раскопе 1, – керамику (в том числе с росписью и вдавленным орнаментом), обсидиан и кости животных.

Под эрозионным слоем находился твердый желтоватый слой, образованный в результате разрушения строений из сырцового кирпича. Керамические изделия находились по всей площади раскопа, особенно в западной части. Это посуда преимущественно красного (изредка – серого) цвета с примесью мякины в тесте. Находились также расписные черепки.

В северо-восточной части раскопа наряду с керамическими изделиями найдено пряслице размерами 1.75×3.0 см и обломки толстостенного хозяйственного сосуда.

На глубине 20–23 см в западной части раскопа выявлены строительные остатки из сырцового кирпича — следы прямоугольных помещений (рис. 2). Первое помещение расположено в западной части раскопа. Стена, шедшая вдоль западного борта раскопа, шириной 40 см сохранилась плохо; то же можно сказать о северной стене. Лучше сохранилась восточная стена. На основе остатков стен был определен план помещения. Длина помещения — 6.20, ширина на юге — 1.50 м, на севере — 2.60 м; высота сохранившейся части стен 30 см. В восточной части помещения выявлена при соединенная к стене глиняная платформа размерами 4.40×1.10 м (2044).

Зафиксированы также остатки овального очага (2047). Очаг находился на глубине 48–70 см. На этом участке, начиная с данной глубины, менялся цвет слоя (появились пласты серого цвета). При исследовании помещения найдены те же категории находок, что и в верхнем слое, но отщепов обсидиана здесь обнаружено больше.

Помещение 2 было расположено к востоку от помещения 1 (рис. 2). Стены этого помещения, построенные из сырцового кирпича, прослежены очень четко. Однако определить точные размеры помещения было трудно ввиду сильного разрушения строений. Выяснено, что это помещение имело форму неправильного четырехугольника. Длина помещения — 5.40, ширина в южной части — 2.30, в северной — 1.60 м. Стены сохранились на высоту 30 см. В центре этого помещения выявлено скопление керамики и обломков зернотерки. Керамика представлена фрагментами кухонных и хозяйственных сосудов, в том числе с вдавленным орнаментом. Дальнейшими исследованиями выяснено, что посуда была сосредоточена над очагом овальной формы (2024) размерами 1.10×1.80 м. Очаг находился на глубине 30–58 см.

В восточной части раскопа были открыты остатки сырцовых кирпичей, которые покрывали большую площадь. В южной части наблюдалось изменение в цвете слоя, состоявшего из смеси песка с землей. Найдены фрагменты керамики красного цвета и обсидиановые отщепы. Восточнее были выявлены остатки третьего помещения трапециевидной формы размерами 5.50×1.60 (в южной части) — 2.0 м

(в северной части). Стены сохранились до высоты 30–40 см. В центральной части помещения на глубине 50–63 см находился очаг овальной формы (2046) размерами 0.70×0.35 м. Внутри очага найдена керамика, кости животных, отщепы обсидиана.

Четвертое помещение расположено к востоку от третьего (рис. 2). Длина помещения — 6, ширина на юге — 1.10, на севере — 1.52 м. В восточной части помещения находились две глиняные платформы размерами 2.20×0.8 м (2126) и 2.30×0.40 м (2127). Стены сохранились на высоту до 25 см. В промежутке между глиняными платформами обнаружен очаг овальной формы (2061). В очаге найдены фрагменты красноглиняной посуды, кости животных и отщепы обсидиана.

Два прямоугольных помещения выявлены также в северной части раскопа 2. Размеры пятого помещения 5×4 м. В северной части помещения находилась глиняная платформа в форме куба. Стены сохранились до высоты 30 см. Проем двери шириной 1 м находился в восточной части. На этом участке первый строительный горизонт продолжался до глубины 78–79 см.

Во внутренней части помещения кроме стандартного набора находок были найдены каменные орудия труда. Некоторые фрагменты керамики имели вдавленный орнамент. Помещение 6 выявлено в восточной части раскопочного участка. Длина помещения — 4.40, ширина на востоке — 3.26, а на западе — 4.10 м. В южной части помещения располагалась платформа длиной 3.50 и шириной 0.84 м (2099). Внутри помещения найдена посуда с расписным и вдавленным орнаментом и обломки зернотерки.

Ниже этого слоя строительные остатки не обнаружены, выявлены только остатки очагов. По всей площади прослежен землистый пепельный слой. На глубине 82 см в северо-западной части раскопа 2 находился круглый очаг (2056) со стандартным набором находок. Внутренняя часть очага наполнена пеплом серого цвета. Здесь же найден миниатюрный сосуд с остатками оранжевой краски.

В восточной части раскопа на глубине 82–85 см (ниже строительных остатков) обнаружены два очага. Один (2110), овальной формы, имел размеры 1.90×0.74 (0.94) м, глубину 30 см. В очаге находились обломки сосудов, украшенных вдавленным орнаментом. Второй очаг (2111)

Рис. 3. Остатки помещения-полуземлянки на втором раскопе.

Fig. 3. Remains of the semi-dugout premises in the second excavation area

находился внизу западной стены (2071) шестого помещения. Длина очага — 1, ширина 0.9 м, глубина 12 см. В очаге найдены отщепы обсидиана, фрагменты красноглиняных горшков с вдавленным орнаментом. На глубине 1.07 м на этом участке найдены остатки красной краски и древесного угля.

Третий очаг (2090) этого слоя прямоугольной формы размерами 0.6×0.4 м выявлен под северным углом третьего помещения на глубине 1 м. Вокруг очага найдены керамика с вдавленным орнаментом, часть красноглиняного горшка, каменная зернотерка, кости животных, отщепы обсидиана. Обнаружены также обломки жаровни. Диаметр жаровни 32 см, высота 15 см, толщина стенок 3–4 см.

Для установления характера и глубины культурного слоя в западной части помещения 4 был заложен шурф размерами 3.30×3.30 м. На глубине 1.15 м в восточной части участка находились обломки большого сосуда. На глубине 1.23 м обнаружены остатки очага (2076) и глиняного пола вокруг него. На полу найдены две бусины. При этом в одной части участка выявлен материковый грунт, а в другой части культурный слой продолжался. Выяснено, что очаг достигает глубины 1.40 м. На глубине 1.60 м выявлены остатки помещения полуземляночного типа. Внутренняя часть помещения

наполнена землистым пеплом с включениями древесного угля. На этой глубине выявлены многочисленные обломки керамических изделий и кости животных. Во время исследования полуземлянки на глубине 1.90 м выявлен центр очага, пепел которого скапливался внутри дома. Очаг имел овальную форму, размеры в плане 37×64 см и глубину 10 см (2101).

Установлено, что толщина культурного слоя в поселении составляет 2.0–2.1 м. Можно констатировать, что культурные отложения на поселении представлены двумя слоями. Второй (нижний) слой расположен на глубине 0.78–2.10 м и включает два строительных горизонта. Второй (верхний) горизонт данного слоя представлен только очагами. Первый горизонт слоя 2, расположенный ниже, характеризовался помещениями полуземляночного типа (рис. 3). Подобные помещения выявлены на раскопе 1 и в шурфе, заложенном на раскопе 2.

Большинство археологических материалов составляют фрагменты керамической посуды и отщепы обсидиана.

Орудия труда выявлены в малом количестве: зернотерки представлены немногими экземплярами, кремневых изделий также единицы, найдено одно костяное орудие. Большинство составляют изделия из обсидиана, причем вкладышей серпов среди них очень мало, что

дает нам определенную информацию о характере экономики.

Керамика Нахчыван Тепе, в том числе с росписью и вдавленным декором, в основном характерна для первой половины V тыс. до н.э. и близка к посуде далматепинского типа (впервые обнаруженной 60 лет назад на поселении Далма Тепе в северо-восточном Иране). Исключая единичные находки, подобные керамические комплексы на Южном Кавказе до сих пор не выявлены. Поэтому керамические изделия поселения Нахчыван Тепе имеют немаловажное значение для изучения энеолитической культуры Южного Кавказа, в том числе и Азербайджана.

В соответствии со стратиграфией поселения керамические находки можно разделить на два периода. Однако следует отметить, что технология изготовления и орнаментации в значительной мере остается неизменной на протяжении обоих периодов. Посуда изготовлялась в основном ленточным способом с наложением пластов глиняного теста друг на друга. Поверхность некоторых сосудов смазана тонким слоем глины. Исследование показывает, что это делалось в одних случаях для изменения окраски, а в других — для декорирования изделий. Это можно сказать и о сосудах, орнаментированных отпечатками пальца, которые иногда выполнены неаккуратно и хаотично. Отпечатки пальцев оставались после нанесения слоя обмазки. Способ обмазки применен также для реставрации и ремонта глиняных изделий. Посуда в основном изготовлена из теста с примесью мякины и обожжена в разных оттенках красного цвета. Сероглиняная керамика встречается очень редко, как и керамика с примесью песка в тесте. Отметим, что, вероятно, были правы те исследователи, которые связывали далматепинскую керамическую традицию с определенной этнической общностью (Henrickson, Vitali, 1987).

К позднему периоду относятся керамические изделия, выявленные в верхнем слое, который характеризуется сооружениями с прямоугольной архитектурой. Посуду этого слоя можно разделить на шесть групп: 1) простая неорнаментированная; 2) расписная; 3) красноокрашенная без орнамента; 4) с вдавленным орнаментом (в том числе с отпечатками пальца); 5) украшенная отпечатками гребенчатого штампа; 6) украшенная горизонтальными расчесами гребенчатого штампа.

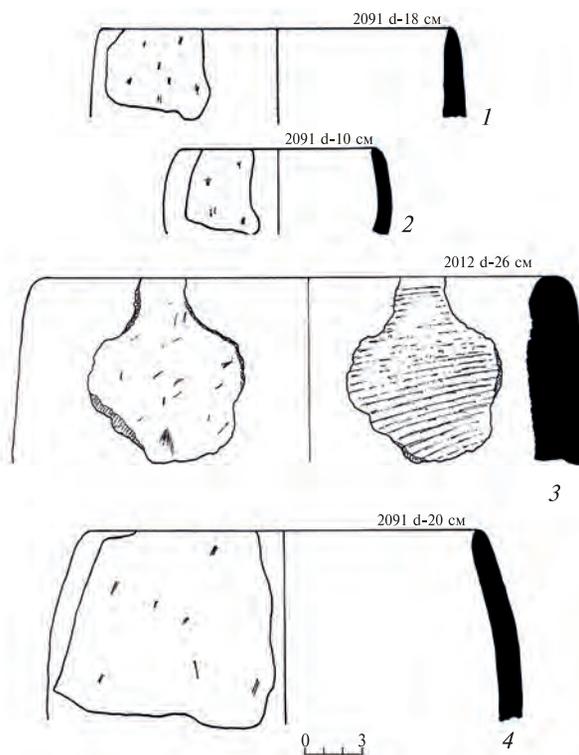

Рис. 4. Простая (нерасписная) посуда с примесью мякины в тесте.

Fig. 4. Ordinary (not painted) chaff-tempered ware

Простая керамика (рис. 4) составляет большинство керамических изделий. Она в основном изготовлена из глины с примесью мякины и хорошо обожжена в красном цвете. Однако в профиле некоторых фрагментов стенок сосудов наблюдается необожженная серая прослойка. Внешняя поверхность некоторых сосудов покрывались ангобом желтого или кремового цвета и хорошо залащивалась; внутренняя поверхность выравнивалась грубым орудием типа гребенки. Набор форм этой группы в основном состоит из мисок, горшков и кувшинов. Особенно широко представлены миски. Некоторые сосуды имели ушковидные выступы. К этой группе относятся также глиняные жаровни и крупные хозяйственные сосуды. Подобная керамика известна из поселений Далма Тепе (Hamlin, 1975. P. 101), Джульфинского Кюльгепе (Abedi et al., 2014. P. 38), Деве Гез Тепе (Abedi, 2017. P. 73), Сех Габи Б (Henrickson, 1983. P. 232–236).

Расписная керамика (рис. 5). Эти керамические изделия изготовлены из глины без примесей и очень хорошо обожжены. Цвет среза черепка — черный. Обе поверхности (внешняя и внутренняя) покрыты красной краской

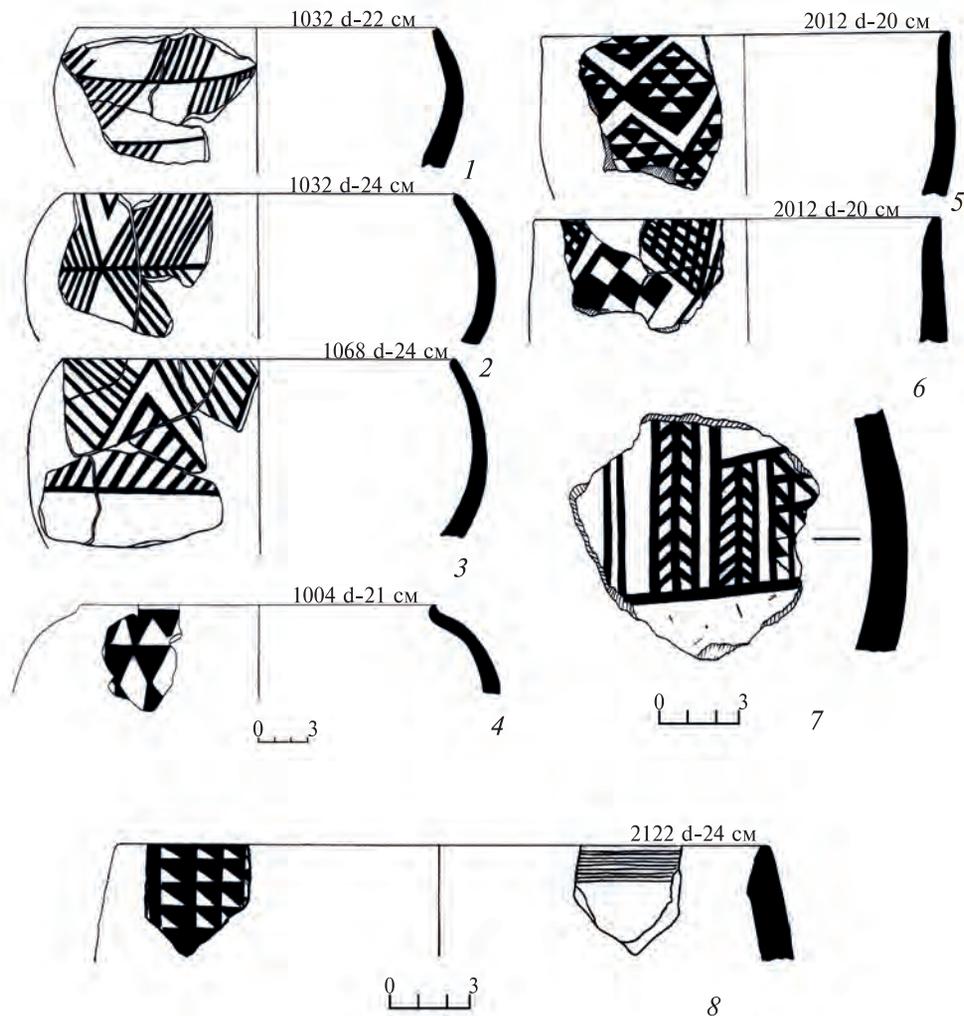

Рис. 5. Расписная посуда.

Fig. 5. Painted ware

и хорошо залощены, орнаментированы геометрическим орнаментом с помощью черной краски. Чаще всего это заштрихованные треугольники, заполненные параллельными линиями; встречаются также изображения типа колоса, треугольники, поставленные друг на друга, и сетчатый орнамент. Один из сосудов украшен треугольниками, вписанными внутрь смежных ромбов. Иногда орнаменты наносились черной краской по желтому фону, а изредка — по неокрашенной поверхности. Встречаются и фрагменты, украшенные по белому фону красной краской. Подобная расписная керамика известна из Далма Тепе (Hamlin, 1975. Fig. 4, A, E; 7, D; 10, A), Джульфинского Кюльтепе (Abedi et al., 2014. P. 38. Fig. 10, 1–3, 5–8), Сех

Габи Б (Henrickson, 1983. P. 253–304. Fig. 55, 1.1, 1.2; 56, 14.1, 14.3; 61, 53.1, 53.8), Лавин Тепе (Hejebri et al., 2012. Fig. 7–9), памятников долины Сонгар (Heyderyan et al., 1992. Fig. 6, 15–17), Хаджи-Фируз (Voigt, 1983. Fig. 97) и других поселений.

Неорнаментированная окрашенная посуда (рис. 6) изготовлена из глины с примесью мякины, следы которой видны на внешней и внутренней поверхности. Она окрашена в красный цвет иногда с обеих сторон, а иногда только снаружи. Подобная керамика известна из Далма Тепе (Hamlin, 1975. P. 117), Сех Габи Б (Henrickson, 1983. P. 226–230), Лавин Тепе (Hejebri et al., 2012. P. 101), Джульфинского

Кюльтепе (Abedi et al., 2014. P. 38) и других поселений.

Посуда с вдавленным орнаментом изготовлена из глины с примесью мякины и обожжена до разных оттенков красного цвета. Обжиг керамических изделий иногда хороший, иногда средний, а иногда неравномерный. Орнаментация керамических изделий очень разная. Некоторые образцы выполнены с помощью особого тупого инструмента. Преобладают насечки. Часть орнаментов нанесена очень аккуратно и правильно (рис. 7, 1, 2, 5), другие же выполнены небрежно. Некоторые орнаменты выполнены отпечатками пальцев (рис. 8, 1). Это особенно заметно на сосудах с обмазкой. Сосуды этой группы различны по назначению. Имеется столовая, кухонная и тарная посуда. Некоторые из сосудов после орнаментации (с обеих сторон, а иногда только с наружной стороны) покрыты красной краской. Подобная керамика известна из Далма Тепе (Hamlin, 1975. P. 101. Fig. 8), Сех Габи Б (Henrickson, 1983. P. 242–251. Fig. 49–54), Сиахбид (Henrickson, 1983. Fig. 104), Чога Маран (Henrickson, 1983. Fig. 105), Лавин Тепе (Hejebri et al., 2012. P. 101. Fig. 9, 172. Fig. 10, 1069) и памятников долины Сонгар (Heyderyan, 1992. Fig. 3, 5, 7, 8).

Посуда, украшенная оттиском орудия типа гребенки (рис. 7, 3; 8, 3). Керамические изделия этой группы в основном представлены обломками сосудов большого размера. Однако среди них имеется также искусно изготовленная столовая посуда. Иногда сосуды окрашены кремовой, желтой или красной краской. Как и в предыдущей группе, орнаменты иногда нанесены очень аккуратно, а иногда небрежно. Подобная керамика хорошо известна из поселения Далма Тепе (Hamlin, 1975. Fig. 8, E; Pl. II, b).

Посуда, украшенная гребенчатым инструментом; орнамент — в виде горизонтальных полосок-“расчесов” (рис. 8, 2). Эта керамика представлена единичными экземплярами. В отличие от подобных орнаментов Овчулартепеси, они тонкие и выполнены аккуратно. Керамические изделия с подобным орнаментом выявлены в различных слоях Джульфинского Кюльтепе (Abedi, 2014. P. 110. Fig. 9, 1; 13, 10; 15, 4; 20, 14). Они известны также из Нахчыванского Кюльтепе, Узун Оба и Учан Агыл (отчеты пока не опубликованы). Следует отметить, что подобный орнамент в нижних горизонтах Нахчыван Тепе отсутствует. Подобная керамика в основном распространяется

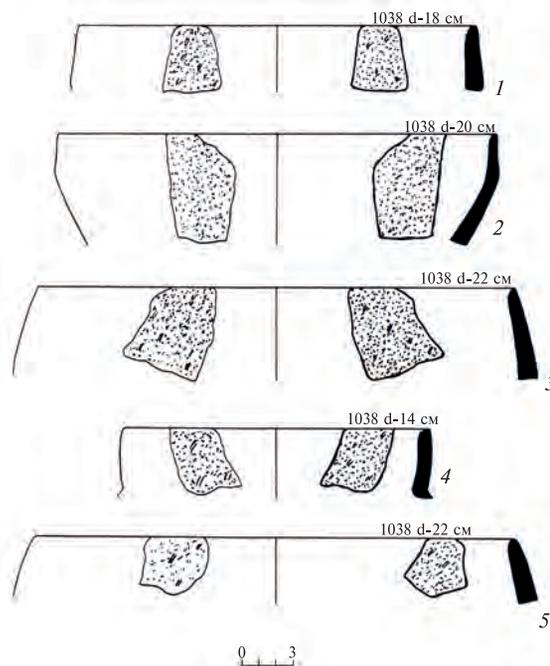

Рис. 6. Посуда, окрашенная красной краской.

Fig. 6. Pottery decorated with red paint

во второй половине V тыс. до н.э. (Marro, Bakhshaliyev and Ashurov, 2009. P. 31–87).

Ранний период, как мы уже сказали, представлен двумя горизонтами. Керамика, аналогичная обнаруженной в позднем слое, существовала и ранее. Однако заметны некоторые отличия. Красноангобириванной керамики с росписью черной краской в раннем периоде очень мало, в то время как сосуды с вдавленным орнаментом больше, и она более разнообразна, поверхность ее окрашена в красный, а иногда в желтый и кремовый цвета. Часть простой керамики с внутренней стороны покрыта красной краской и хорошо залощена и, несомненно, использовалась как столовая посуда. Часть посуды раннего периода украшена широкими полосами красной краски; в одном случае вместо красной использована черная краска.

Заметим, что в нижних слоях Джульфинского Кюльтепе (Abedi et al., 2014. P. 38. Fig. 10, 1–3, 5–8), которые характеризуются далма-тепинской расписной керамикой, керамика с вдавленным орнаментом не выявлена. Это говорит о том, что подобная керамика была характерна для ранней стадии культуры Далма Тепе.

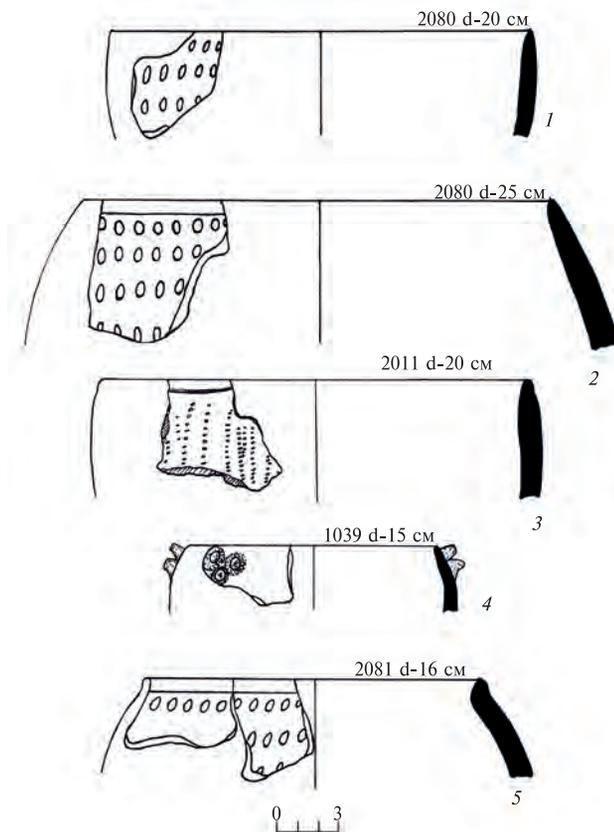

Рис. 7. Посуда, украшенная овальными вдавлениями (1, 2, 5), оттиском гребенки (3) и налестками (4).

Fig. 7. Ware decorated with oval impressions (1, 2, 5), an imprint of a comb (3) and coiling (4)

Исследование костей животных из поселения Нахчыван Тепе¹ показывает, что население в основном занималось скотоводством. Разводили крупный и мелкий рогатый скот. Охота занимала незначительное место. Кости лошади и собаки представлены единичными экземплярами.

Информация по ботаническим образцам пока отсутствует. Дело в том, что в слоях поселения остатки карбона незначительны. А промывание пепельного заполнения различных очагов пока не дало результатов.

По керамике слои поселения Нахчыван Тепе можно датировать первой половиной V тыс. до н.э. Анализ угля из нижнего горизонта дал дату 4945 г. до н.э.²

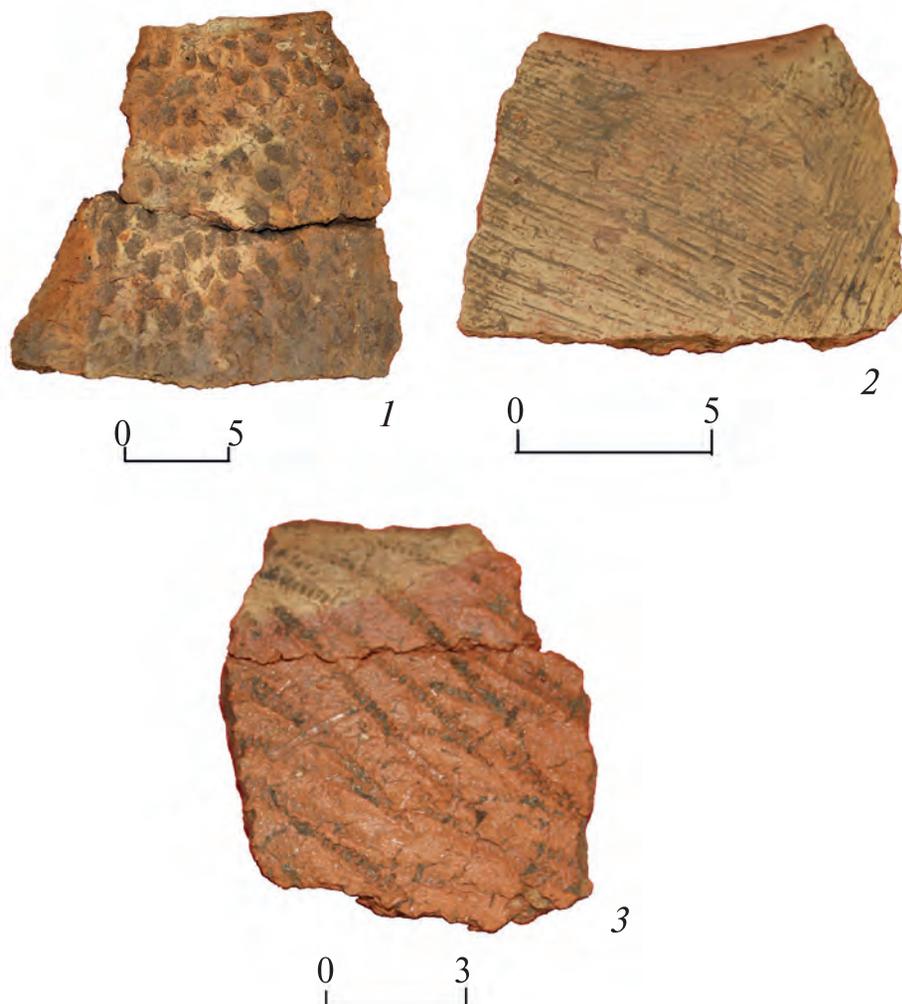
¹ Фаунистические остатки исследованы Реми Бертоном.

² Анализы угля проведены в лаборатории города Лессе в Италии.

В 2010–2016 гг. в долине рек Нахчыванчай и Сирабчай выявлены новые памятники эпохи энеолита (Бахшалиев, 2014; 2015). Поселение Нахчыван Тепе вместе с другими поселениями долины Нахчыванчай и Сирабчай позволяют уточнить периодизацию энеолитических памятников Южного Кавказа, в частности Азербайджана. Керамический комплекс поселения Нахчыван Тепе почти повторяет керамический комплекс Далма Тепе. Несколько экземпляров расписной керамики далматепинского типа известно из поселений Узун Оба и Учан Агыл (Вахшәлиев, 2017). Посуда с вдавленным орнаментом на поселении Учан Агыл представлена одной находкой. На других поселениях таковой пока не найдено. Единичные экземпляры фрагментов подобной посуды обнаружены также в памятниках Карабаха (Ахундов, 2017. С. 197, 198. Табл. 22, 1; 56, 1 и др.).

Исследования показывают, что на памятниках, расположенных в бассейне оз. Урмия, в основном использовали сюникский обсидиан (Khademi et al., 2013). На поселениях Нахчывана в основном использован обсидиан бассейна Гекче (нынешний Севан). Несмотря на то что Сюник ближе к Нахчывану, чем Гекче, в памятниках Нахчывана сюникского обсидиана мало, в процентном отношении он находится на втором месте (Бахшалиев, 2015. С. 143). По-видимому, племена, заселявшие бассейн оз. Урмия, имели опосредованный доступ к обсидиану Зангезурского хребта через население Нахчывана. Следует также отметить, что недавно в долине р. Нахчыванчай найден каменный молот с остатками медной руды, что показывает, что связи с Зангезурским хребтом обусловлены залежами в этом горном районе не только обсидиана, но и медных руд.

Обнаруженная на поселении Нахчыван Тепе керамика была впервые открыта на поселении Далма Тепе в 1959 г. Ч. Барни, в 1961 г. — Т. Янгом (Hamlin, 1975). В дальнейшем подобная керамика была выявлена также в поселениях Гасанлу, Хаджи-Фируз (Voigt, 1983. P. 20), Тепе Сиван (Solecki R.L., Solecki R.S., 1973). Далматепинская посуда на поселениях Ирана и Ирака найдена вместе с типичной посудой Халафа и Обейда. Она же найдена в ходе разведочных работ в памятниках Загроса: на поселениях Кангаварской долины Сех Габи Б (Henrickson, 1983. P. 153–169), Годин Тепе (Young, 1974; Henrickson, 1983. P. 172, 173). В долине Махидашт (Levine and McDonald, 1977)

Рис. 8. Посуда, украшенная отпечатками пальцев (1), полосками, выполненными гребенчатым инструментом (2) и оттиском гребенки (3).

Fig. 8. Ware decorated with fingertip impressions (1), stripes made with a comb tool (2) and an imprint of a comb (3)

многочисленные фрагменты далматепинской посуды присутствовали среди поверхностных материалов 16 поселений, в числе которых поселения Тепе Сиахбид (Henrickson, 1983. P. 305–314) и Чога Маран (Henrickson, 1983. P. 317) исследованы шурфами, а Тепе Кух³ — разведкой. Среди поверхностных сборов на Тепе Куха керамика типа Далма Тепе также преобладала (Henrickson, Vitali, 1987. P. 38). Та же керамика найдена также в Ираке на поселениях Джебел Керкук (Henrickson, 1983.

P. 39), Телл Абад, Кеит Гасым и Йорган Тепе (Henrickson, Vitali, 1987. P. 39, 40).

При этом следует отметить, что в Кангаварской долине подобная керамика преобладала, а на Махидаште процент далматепинской керамики очень резко уменьшился. Если в Кангаварской долине она составляла 68%, в Махидаште ее было лишь 24% (Henrickson, Vitali, 1987. P. 39) Исследование показывает, что чем дальше к югу, тем подобной керамики становится меньше. Если раньше предполагалось, что подобная керамика распространена на юге и западе, то в настоящее время она выявлена на севере бассейна оз. Урмия (Abedi, 2017), а в последнее время и в Нахчыване.

³ Это поселение в работах некоторых исследователей называется Пушти Кух (Henrickson, 1983. P. 436) или же Кухи Сефид (Henrickson, Vitali, 1987. P. 38).

На территории Иранского Азербайджана эта посуда обнаружена на поселениях Джульфинское Кюльтепе (Abedi et al., 2014), Ахранджан Тепе (Talai, 1983), Лавин Тепе (Hejebri et al., 2012), Гоша Тепе (Hejebri, Purfaraj, 2005), Идир Тепе и Баруж Тепе (Alizadeh, Azarnoush, 2003a; б). В настоящее время подобная керамика на территории Южного Азербайджана выявлена более чем в 100 памятниках. Часть этих поселений принадлежала оседлому населению, а часть – племенам, ведшим кочевой образ жизни (Abedi, 2017. P. 80). По мнению исследователей, эта культура расцвела в северо-восточном Иране и отсюда распространилась к югу и западу от оз. Урмия. Химический анализ далматепинской керамики с иранских поселений показал, что она является продуктом местного производства (Henrickson, Vitali, 1987. P. 40).

Можно заключить, что ареал формирования и распространения далматепинской культуры охватил территорию Нахчывана. Детали этих культурных процессов будут выясняться в дальнейшем.

Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Развития науки при Президенте Азербайджанской Республики, грант № EIF-KETPL-2-2015-1(25)-56/47/5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абибуллаев О.А.* Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку: Элм, 1982. 316 с.
- Ахундов Т.* У истоков Кавказской цивилизации Гарабагского неолита. Баку: Афполиграф, 2017. 918 с.
- Бахшалиев В.Б.* Новые энеолитические памятники на территории Нахчывана // РА. 2014. № 2. С. 88–95.
- Бахшалиев В.Б.* Новые материалы эпохи неолита и энеолита на территории Нахчывана // РА. 2015. № 2. С. 136–145.
- Бахшалиев В.Б.* Новые данные о поселении Кюльтепе I в Нахчыване // РА. 2016. № 3. С. 152–155.
- Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н.* Взаимосвязи Кавказа и Месопотамии в VI–IV тыс. до н.э. // Кавказ. Археология и этнология: материалы междунар. науч. конф., Шамкир 11–12 сент. 2008. Баку, 2009. С. 41–52.
- Нариманов И.Г.* Обеидские племена Месопотамии в Азербайджане // Всесоюзная археологическая конференция “Достижения советской археологии в XI пятилетке” (Баку, 17–21 мая 1985 г.): тез. докл. Баку, 1985. С. 271–277.
- Abedi A.* Iranian Azerbaijan Pathway From The Zagros To The Caucasus, Anatolia And Northern Mesopotamia: Dava Göz, A New Neolithic And Chalcolithic Site In NW Iran // Mediterranean Archaeology and Archaeometry. 2017. V. 17, № 1. P. 69–87.
- Abedi A., Khatib Shahidi H., Chataigner Ch., Niknami K., Eskandari N., Kazempour M., Pirmoham-madi A., Hoseinzadeh J., Ebrahimi Gh.* Excavation at Kul Tepe of (Jolfa), North-Western Iran, 2010: First Preliminary Report // Ancient Near Eastern Studies. 2014. V. 51. P. 33–167.
- Alizadeh K., Azarnoush M.* Systematic survey of Tepe Baruj: Sampling method and statistical results (Barresi-ye Raveshmand-e Tappe-ye Baruj: Ravesh-e Numunebardari va Natayej-e Amari) // Iranian Journal of Archaeology and History. 2003a. 33. P. 4–25. (In Persian with English summary).
- Alizadeh K., Azarnoush M.* Systematic survey of Baruj Tepe: Cultural relationship between the south and the north of the Araxes River (Barasiy-e Raveshmand-e Tappeh Baruj: Ravabet-e Farhan-gi-e do soye Rood-e Aras) // Iranian Journal of Archaeology and History. 2003b. 34. P. 3–21. (In Persian with English summary).
- Achundov T.* Sites des migrants venus du Proche-Orient en Transcaucasie // Les cultures du Caucase (VIe - IIIe millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche Orient / Ed. B. Lyonnet. Paris: CNRS Éditions (Éditions Re-cherche sur les Civilisations), 2007. P. 95–122.
- Baxşəliyev V., Quliyeva Z., Rzayeva R.* Yeni Yol yaşayış yerində arxeoloji araşdırmalar Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyasının Xəbərləri // Sosial elmlər seriyası. 2017. № 1. S. 49–56.
- Baxşəliyev V.B.* Kültürə ətrafında arxeoloji araşdırmalar // AMEA Naxçıvan Bölməsinin Xəbərləri. 2017. № 3. S. 117–124.
- Dyson R.H., Young T.C.Jr.* The Sulduz Valley Iran: Pisdeli Tepe // Antiquity. 1960. V. 34. P. 19–28.
- Khademi Nadooshan F., Abedi A., Glascock M.D., Eskandari N., Khazae M.* Provenance of prehistoric obsidian artefacts from Kul Tepe, northwestern Iran using X-ray fluorescence (XRF) analysis // Journal of Archaeological Science. 2013. V. 40, iss. 4. P. 1956–1965.
- Hamlin C.* Dalma Tepe // Iran. 1975. Vol. 13. P. 111–127.
- Hejebri N., Binandeh A., Nestani J., Vahdati N.H.* Excavation at Lavin Tepe North-west Iran // Ancient Near Eastern Studies. 2012. V. 40. P. 95–117.
- Hejebri N., Purfaraj A.* The investigation of cultural relationships of Ardebil province with north and northeastern Iran in Neolithic and Chalcolithic periods: Based on archaeological data of Ghosha Tepe in Shahar Yeri // Abstracts of the International

- Symposium on Iranian Archaeology: Northern and Northeastern Regions. Tehran: Iranian Center for Archaeological Research, 2005. P. 304.
- Henrickson E.F., Vitali V.* The Dalma Tradition: Prehistoric Inter-Regional Cultural Integration Highland Western Iran // *Paleorient*. 1987. V. 13, № 2. P. 37–45.
- Henrickson E.F.* Ceramic styles and cultural interaction in the Early and Middle Chalcolithic of the Central Zagros, Iran. A Thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Doctor of philosophy in the University of Toronto. Toronto, 1983. 840 p.
- Heyderyan M., Zeydi M., Heriyan H.* Kirmanşahın Sonqar vadisində Orta Kalkolitik yaşayış yerləri // *Payambastanşünas*. 1992. № 19. P. 1–14. (In Persian).
- Levine L.D., McDonald M.M.A.* The Neolithic and Chalcolithic periods in the Mahidasht // *Iran*. 1977. V. XV. P. 39–50.
- Levine L.D.* Archaeological investigations in the Mahidasht, western Iran-1975 // *Paleorient*. 1974. V. 2, № 2. P. 487–490.
- Marro C., Bakhshaliyev V., Ashurov S.* Excavations at Ovcular Tepesi (Nakhichevan, Azerbaijan). First Preliminary Report the 2006–2008 seasons // *Anatolia Antiqua*. 2009. Vol. XVII. P. 31–87.
- Müseyibli N.* Böyük Kəsik. Eneolit dövrü yaşayış məskəni. Bakı: Nafta-Press, 2007. 328 s.
- Nərimanov İ.H.* Naхçывanın erkən əkinçi-maldar əhalisinin tarixindən // *Azərbaycan Arxeologiyası və Etnoqrafiyası*. 2003. № 1. S. 32, 33.
- Talai H.* Pottery evidence from Ahrendjan Tepe, a Neolithic site in Salmas plain, Azerbaijan // *Iran*. 1983. V. 16. P. 7–17.
- Voigt M.M.* Hajji Firuz Tepe, Iran: The Neolithic Settlement. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1983. 396 p.
- Young T.C.* Excavations at Godin Tappeh, 1973 // *Proceedings of the II Annual Symposium on Archaeological research in Iran / Ed. F. Bagherzadeh*. Tehran: Centre for Archaeological Research, 1974. P. 80–90.
- Young T.C.* An archaeological survey in Kangavar valley // *Proceedings of the III Annual Symposium on Archaeological research in Iran / Ed. F. Bagherzadeh*. Tehran: Centre for Archaeological Research, 1974. P. 23–30.
- Young T.C.* Kangavar valley survey // *Iran*. 1975. V. XIII. P. 191–193.
- Young T.C., Levine D.L.* Excavations of the Godin project: second progress report // *Royal Ontario Museum Art and Archaeology Occasional papers*. 1974. № 26. P. 80–90.
- Solecki R.L., Solecki R.S.* Tepe Sevan: A Dalma period site in the Margavar valley, Azerbaijan, Iran // *Bulletin of the Asia Institute of Pahlavi University*. 1973. 3. P. 98–117.

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE SETTLEMENT OF NAKHCHIVAN TEPE

Veli B. Bakhshaliyev

Nakhchivan Branch of the National Academy of Sciences of Azerbaijan

E-mail: velibahshaliyev@mail.ru

The issue of the connections between the cultures of the South Caucasus and the Middle East in the 6th–4th millennia BC has long attracted the attention of experts in Caucasian studies. If earlier the existence of these connections could be proved by single finds, at present they are confirmed by a large array of archaeological materials from Transcaucasian sites. In particular, the excavation of the 5th millennium BC layers in the Nakhchivan tepe settlement allowed gathering a collection of pottery of the so-called Dalma tepe type. For the first time such ware was found in the 1960^s in northeastern Iran, in the settlement of Dalma Tepe. Currently, this pottery is known in the territories of Iran, Iraq and South Azerbaijan.

Keywords: Nakhchivan, the Dalma tepe culture, painted pottery, finger print ceramics, obsidian, nomadic cattle breeding.

REFERENCES

- Abedi A., 2017. Iranian Azerbaijan Pathway From The Zagros To The Caucasus, Anatolia And Northern Mesopotamia: Dava Göz, A New Neolithic And Chalcolithic Site In NW Iran. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*, vol. 17, no. 1, pp. 69–87.
- Abedi A., Khatib Shahidi H., Chataigner Ch., Niknami K., Eskandari N., Kazempour M., Pirmoham-madi A., Hoseinzadeh J., Ebrahimi Gh., 2014. Excavation at Kul Tepe of (Jolfa), North-Western Iran, 2010: First Preliminary Report. *Ancient Near Eastern Studies*, 51, pp. 33–167.
- Abibullayev O.A., 1982. Eneolit i bronza na territorii Nakhichevanskoy ASSR [The Eneolithic and the Bronze Age on the territory of Nakhchivan ASSR]. Baku: Elm. 316 p.
- Achundov T., 2007. Sites des migrants venus du Proche-Orient en Transcaucasie *Les cultures du Caucase (VIe – IIIe millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche Orient*. B. Lyonnet, ed. Paris: CNRS Éditions (Éditions Re-cherche sur les Civilisations), pp. 95–122.
- Akhundov T., 2017. U istokov Kavkazskoy tsivilizatsii Garabagskogo neolita [At the origins of the Caucasian civilization of the Garabagh Neolithic]. Baku: Afpoligraf. 918 p.
- Alizadeh K., Azarnoush M., 2003a. Systematic survey of Tepe Baruj: Sampling method and statistical results (Barresi-ye Raveshmand-e Tappe-ye Baruj: Ravesh-e Numunebardari va Natayej-e Amari). *Iranian Journal of Archaeology and History*, 33, pp. 4–25. (In Persian with English summary).
- Alizadeh K., Azarnoush M., 2003b. Systematic survey of Baruj Tepe: Cultural relationship between the south and the north of the Araxes River (Barasiy-e Raveshmand-e Tappeh Baruj: Ravabet-e Farhan-gi-e do soye Rood-e Aras). *Iranian Journal of Archaeology and History*, 34, pp. 3–21. (In Persian with English summary).
- Bakhshaliyev V.B., 2014. New Chalcolithic sites on the territory of Nakhchivan. *Ross. Arkheol.*, 2, pp. 88–95. (In Russ.)
- Bakhshaliyev V.B., 2015. New materials of the Neolithic and Chalcolithic Ages in Nakhchivan. *Ross. Arkheol.*, 2, pp. 136–145. (In Russ.)
- Bakhshaliyev V.B., 2016. The new data on the Kültepe I settlement in Nakhchivan. *Ross. Arkheol.*, 3, pp. 152–155. (In Russ.)
- Baxşəliyev V., Quliyeva Z., Rzayeva R., 2017. Yeni Yol yaşayış yerində arxeoloji araşdırmalar Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyasının Xəbərləri. *Sosial elmlər seriyası*, 1, pp. 49–56.
- Baxşəliyev V.B., 2017. Kültürə ətrafında arxeoloji araşdırmalar. *AMEA Naxçıvan Bölməsinin Xəbərləri*, 3, pp. 117–124.
- Dyson R.H., Young T.C.Jr., 1960. The Sulduz Valley Iran: Pisdeli Tepe. *Antiquity*, 34, pp. 19–28.
- Hamlin C., 1975. Dalma Tepe. *Iran*, 13, pp. 111–127.
- Hejebri N., Binandeh A., Nestani J., Vahdati N.H., 2012. Excavation at Lavin Tepe North-west Iran. *Ancient Near Eastern Studies*, 40, pp. 95–117.
- Hejebri N., Purfaraj A., 2005. The investigation of cultural relationships of Ardebil province with north and northeastern Iran in Neolithic and Chalcolithic periods: Based on archaeological data of Ghosha Tepe in Shahar Yeri. *Abstracts of the International Symposium on Iranian Archaeology: Northern and Northeastern Regions*. Tehran: Iranian Center for Archaeological Research, pp. 304.
- Henrickson E.F., 1983. Ceramic styles and cultural interaction in the Early and Middle Chalcolithic of the Central Zagros, Iran. A Thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Doctor of philosophy in the University of Toronto. Toronto. 840 p.
- Henrickson E.F., Vitali V., 1987. The Dalma Tradition: Prehistoric Inter-Regional Cultural Integration Highland Western Iran. *Paleorient*, vol. 13, no. 2, pp. 37–45.
- Heyderyan M., Zeydi M., Heriyan H., 1992. Kirmanşahın Sonqar vadisində Orta Kalkolitik yaşayış yerləri. *Payambastanşünas*, 19, pp. 1–14. (In Persian).
- Khademi Nadooshan F., Abedi A., Glascock M.D., Eskandari N., Khazaei M., 2013. Provenance of prehistoric obsidian artefacts from Kul Tepe, north-western Iran using X-ray fluorescence (XRF) analysis. *Journal of Archaeological Science*, vol. 40, iss. 4, pp. 1956–1965.
- Levine L.D., 1974. Archaeological investigations in the Mahidasht, western Iran-1975. *Paléorient*, vol. 2, № 2, pp. 487–490.
- Levine L.D., McDonald M.M.A., 1977. The Neolithic and Chalcolithic periods in the Mahidasht. *Iran*, XV, pp. 39–50.
- Marro C., Bakhshaliyev V., Ashurov S., 2009. Excavations at Ovçular Tepesi (Nakhichevan, Azerbaijan). First Preliminary Report the 2006–2008 seasons. *Anatolia Antiqua*, XVII, pp. 31–87.
- Munchayev R.M., Amirov Sh.N., 2009. Relations between the Caucasus and Mesopotamia in the 6th–4th millennia BC Kavkaz. *Arkheologiya i etnologiya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Caucasus. Archaeology and ethnology: Proceedings of the International Scientific Conference]*. Baku, pp. 41–52. (In Russ.)
- Müseyibli N., 2007. Böyük Kəsik. Eneolit dövrü yaşayış məskəni. Baku: Nafta-Press. 328 p.

- Narimanov I.G.*, 1985. Mesopotamian Obeid tribes in Azerbaijan. *Vsesoyuznaya arkheologicheskaya konferentsiya "Dostizheniya sovetskoy arkheologii v XI pyatiletke": tezisy dokladov [All-Union Archaeological Conference "Achievements of Soviet archaeology during the XI five-year period": Abstracts]*. Baku, pp. 271–277. (In Russ.)
- Nərimanov İ.H.*, 2003. Naxçıvanın erkən əkinçi-maldar əhalisinin tarixindən. *Azərbaycan Arxeologiyası və Etnoqrafiyası*, 1, pp. 32, 33.
- Solecki R.L., Solecki R.S.*, 1973. Tepe Sevan: A Dalma period site in the Margavar valley, Azerbaijan, Iran. *Bulletin of the Asia Institute of Pahlavi University*, 3, pp. 98–117.
- Talai H.*, 1983. Pottery evidence from Ahrendjan Tepe, a Neolithic site in Salmas plain, Azerbaijan. *Iran*, 16, pp. 7–17.
- Voigt M.M.*, 1983. Hajji Firuz Tepe, Iran: The Neolithic Settlement. Philadelphia: University of Pennsylvania. 396 p.
- Young T.C.*, 1974. An archaeological survey in Kangavar valley. *Proceedings of the III Annual Symposium on Archaeological research in Iran*. F. Bagherzadeh, ed. Tehran: Centre for Archaeological Research, pp. 23–30.
- Young T.C.*, 1974. Excavations at Godin Tappeh, 1973. *Proceedings of the II Annual Symposium on Archaeological research in Iran*. F. Bagherzadeh, ed. Tehran: Centre for Archaeological Research, pp. 80–90.
- Young T.C.*, 1975. Kangavar valley survey. *Iran*, XIII, pp. 191–193.
- Young T.C., Levine D.L.*, 1974. Excavations of the Godin project: second progress report. *Royal Ontario Museum. Art and Archaeology Occasional papers*, 26, pp. 80–90.

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2019 г. Н.А. Кренке

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: nkrenke@mail.ru

Поступила в редакцию 19.06.2018 г.

В статье анализируется коллекция из 14 радиоуглеродных дат, полученных для памятников фатьяновской культуры. Эти даты охватывают хронологический интервал 2750–1900 лет до н.э. На основе анализа археологического контекста выдвинута гипотеза, что время бытования культуры определяет древняя группа дат в интервале 2750–2500 (2300) лет до н.э., а поздняя группа дат является результатом погрешностей датирования.

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, фатьяновская культура, абашевская культура.

DOI: 10.31857/S086960630004830-2

В 1987 г. Д.А. Крайновым был подведен итог исследованию фатьяновской культуры при подготовке тома “Эпоха бронзы лесной полосы СССР” 20-томника “Археология СССР” (Крайнов, 1987).

К этому моменту обозначились две основные лакуны в наших знаниях об этой культуре. Во-первых, радиоуглеродная хронология

основывалась всего на двух датах для Волосово-Даниловского и Тургиновского могильников; во-вторых, поселения оставались почти не изученными, особенно в западной части ареала культуры¹.

¹ На мой взгляд, фатьяновско-балановские древности составляют единый массив.

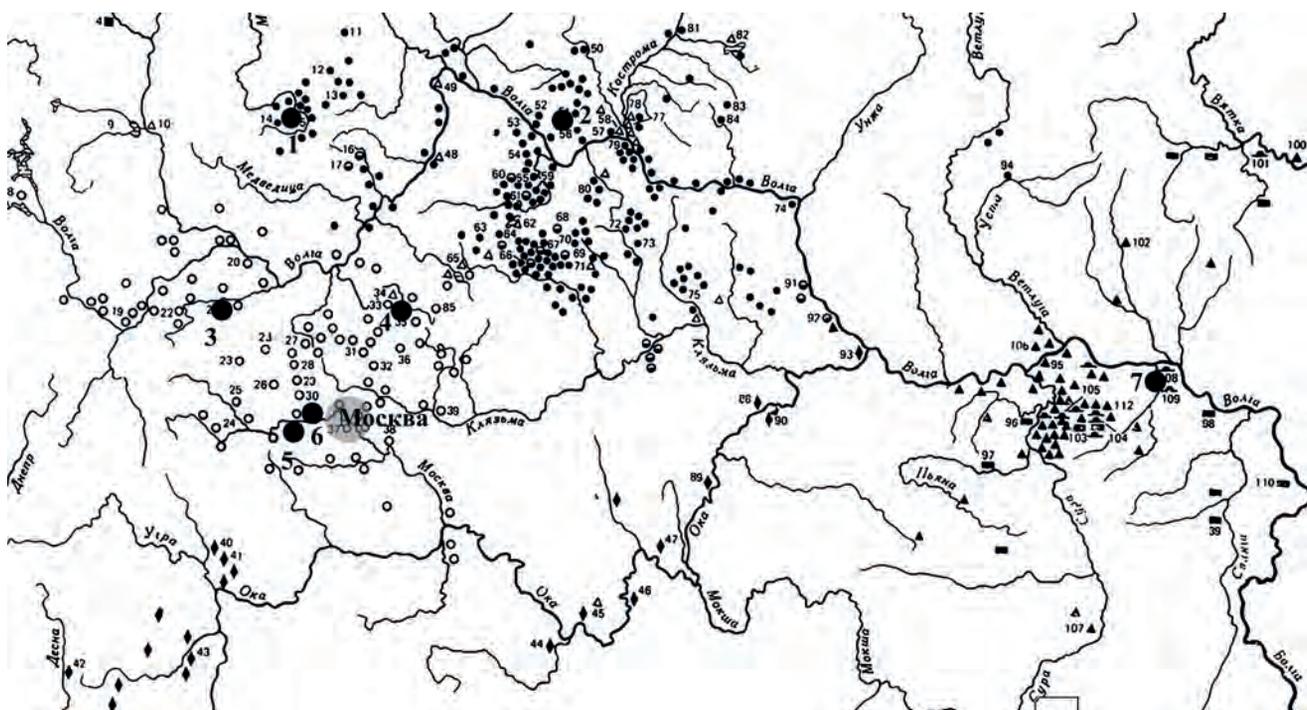

Рис. 1. Карта фатьяновско-балановских памятников (по: Д.А. Крайнову, 1987) с добавлениями автора (объекты, датированные радиоуглеродным методом, отмечены большими черными кружками).

Fig. 1. Map of the Fatyanovo-Balanovo sites (after D. Krainov, 1987) with the additions made by the author (objects dated by the radiocarbon method are marked with large black circles)

Радиоуглеродные даты для фатьяновско-балановской культуры

Radiocarbon dates for the Fatyanovo-Balanovo culture

Название памятника	Дата ВР	Калиброванная дата ВС (программа OxCal v.3.10)	Материал	Шифр лаборатории	Место отбора образца
РАНИС-пойма	3590±70	2040–1870 (59.5%) 1850–1820 (4.5%) 1800–1770 (4.2%)	Уголь	Ki-13227	Раскоп 1 2005 г.
Волосово-Даниловский могильник	3650±80	2140–1920 (68.2%)	?	Ле-1044	—
РАНИС-пойма	3650±100	2200–2170 (2.3%) 2150–1880 (65.9%)	Уголь	Ki-16755	Участок 5 2009 г.
РАНИС-пойма	3690±100	2270–2250 (1.3%) 2210–1920 (66.9%)	—"	Ki-13226	Раскоп 1 2005 г.
Тургиновский могильник	3780±130	2350–2030 (58.8%)	—"	Ле-1046	—
РАНИС-пойма	3950±250	2900–2050 (68.2%)	—"	ГИН-13776	Раскоп 2 2006 г.
Болшневский могильник	3960±130	2700–2200 (66.8%)	—"	ГИН-5240	—
Кузьминский могильник	3975±35	2565–2520 (37.6%) 2500–2465 (30.6%)	—"	KIA-50462	—
Новосюрбеевский могильник	3985±40	2570–2515 (41.8%)	Дерево (?)	Hela-1198	—
ЗБС-4	4040±25	2540–2490 (43.8%)	Уголь	UGAMS-10130	Шурф 1
РАНИС-пойма	4095±34	2680–2570 (53.6%)	—"	Hela-2537	Участок 3 2009 г.
РАНИС-пойма	4100±25	2670–2570 (51.9%)	—"	UGAMS-7956	Участок 5 2009 г.
РАНИС-пойма	4118±35	2700–2620 (36.4%)	—"	Hela-2538	Участок 3 2009 г.
РАНИС-пойма	4134±34	2760–2630 (49.2%)	—"	Hela-2536	Участок 5 2009 г.
Предфатьяновские памятники					
ЗБС-5	4067±38	2630–2550 (37.9%)	Уголь	UOC-3729	Шурф 1
ЗБС-5	4114±38	2860–2810 (20.0%) 2700–2580 (43.3%)	—"	UOS 3728	Шурф 1
ЗБС-5	4132±38	2710–2620 (32.2%)	—"	UOC-3730	Шурф 1
ЗБС-5	4290±80	3030–2860 (53.4%) 2810–2750 (10.2%)	—"	ГИН-15408	Шурф 1

Отряд московской экспедиции ИА РАН под руководством автора сконцентрировал свои усилия именно в этих двух направлениях. В результате исследований, проведенных в 2004–2015 гг., было изучено четыре

поселенческих объекта в бассейне Москвы-реки, на трех из которых удалось отобрать образцы для радиоуглеродного датирования. Наибольшее количество дат (8) было получено при раскопках (2005, 2006, 2009 гг.) поселения

Atmospheric data from Reimer et al (2004); OxCal v3.10 Bronk Ramsey (2005); cub r:5 sd:12 prob usp[chron]

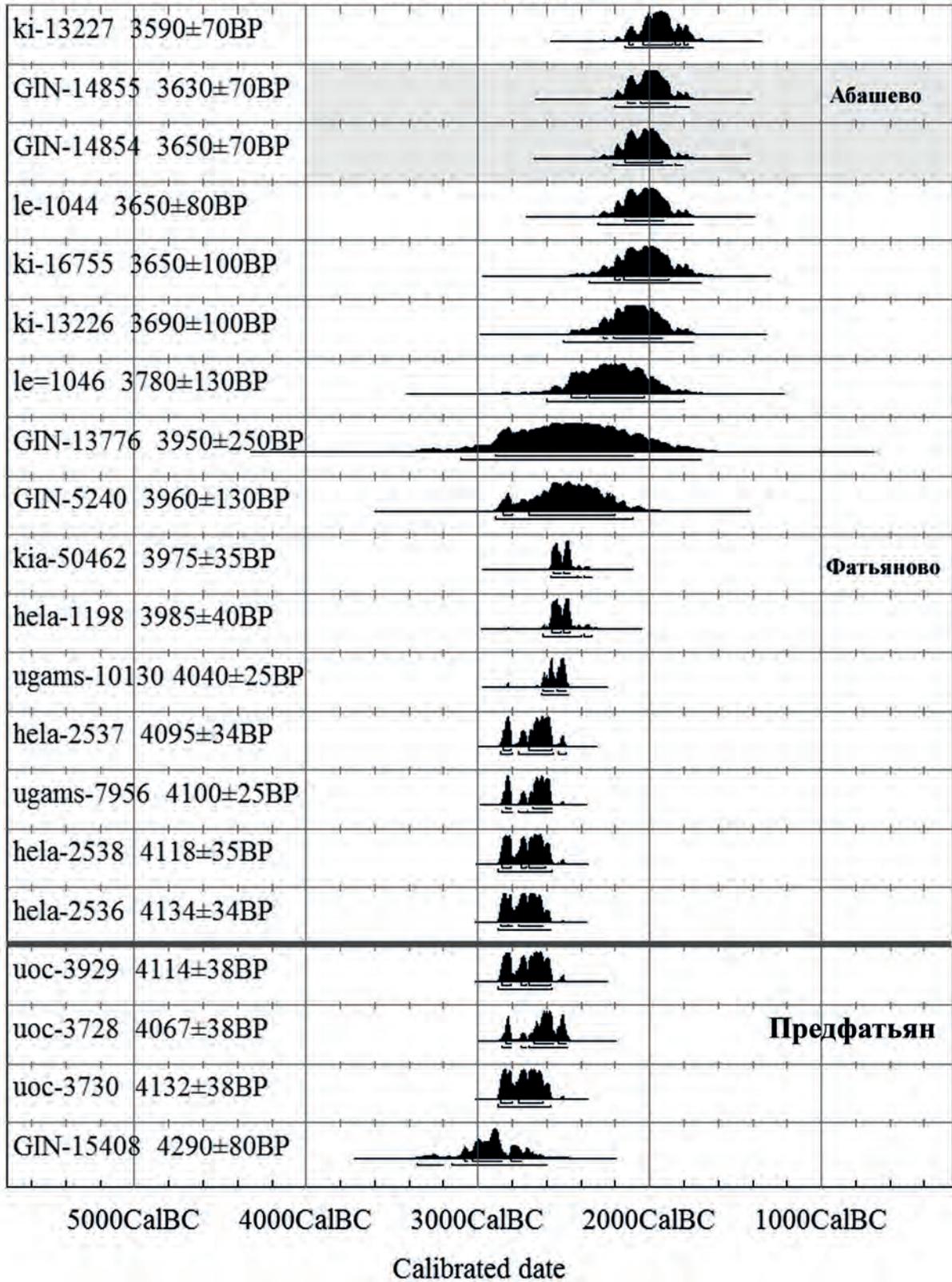

Рис. 2. Калиброванные значения возраста образцов, отобранных на памятниках фатьяновской и абашевской культур (объект ЗБС-4).

Fig. 2. Calibrated age values of the samples selected on the Fatyanovo and Abashevo sites (object ZBS-4)

Рис. 3. Вид на раскопки поселения фатьяновской культуры РАНИС-пойма на Москве-реке, 2009 г. Работают студенты Хельсинкского (Финляндия), Орхусского (Дания) и Томского университетов. Фото Н.А. Кренке.

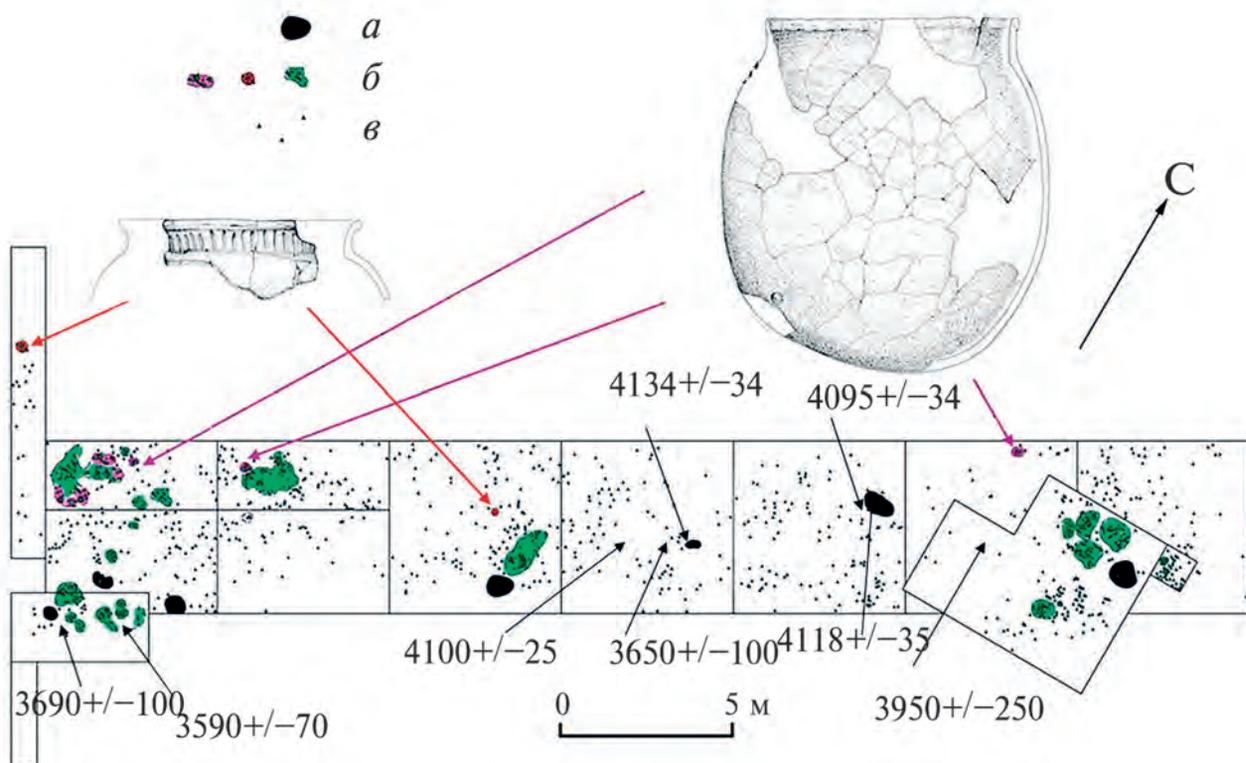
Fig. 3. A view of the excavation of the Fatyanovo culture settlement RANIS-floodplain on the Moskva River, 2009. Students from Helsinki (Finland), Aarhus (Denmark) and Tomsk Universities are working. Photo by N.A. Krenke

РАНИС-пойма, расположенного в пойме Москвы-реки на правом берегу напротив дачного поселка РАНИС (Николина Гора).

Выше Звенигорода на правом берегу Москвы-реки на территории Звенигородской биологической станции в Луцино были обнаружены поселенческие объекты предфатьяновской (?), фатьяновской и абашевской культур (Кренке, 2014; Кренке и др., 2014). Эти комплексы имеют большое значение, так как

приурочены к стратифицированным отложениям москворецкой поймы.

Кроме того, при просмотре материалов эрмитажной коллекции раннефатьяновского Кузьминского могильника, раскопанного О.Н. Бадером в 1930 г. (Бадер, 1962), был обнаружен уголек, прикипевший к бронзовому украшению (кольцу). Этот образец также был датирован. В журнале радиоуглеродной лаборатории ГИН РАН имеются данные о результатах датирования образца из Болшневского

Рис. 4. План раскопа на поселении РАНИС-пойма с указанием мест отбора образцов для радиоуглеродного датирования. Условные обозначения: *a* – очаги, *б* – развалы сосудов, *в* – фрагменты керамики.

Fig. 4. Plan view of the excavation at the settlement RANIS-floodplain with the indication of sampling locations for radiocarbon dating

могильника, отобранного еще при раскопках Д.А. Крайнова. Эта дата ранее не публиковалась, она также включена в настоящий обзор.

В результате к настоящему времени получено 14 дат для фатьяновских памятников (таблица). Две даты с неясным паспортом, опубликованные в сводке Е.Н. Черных и соавторов, при этом не учитываются (Черных и др., 2011). Все даты, за исключением одной, получены из западной части ареала фатьяновско-балановской культуры (рис. 1). Восточная часть ареала представлена лишь одной датой из Новосюрбеевского могильника.

Обсуждение. Результаты калибровки радиоуглеродных дат, полученных по образцам, отобраным на памятниках фатьяновской культуры, представлены на рис. 2. Если подходить к анализу этих данных, “закрыв глаза” на информацию об археологическом контексте образцов, то можно констатировать следующее: а) даты образуют континуум, охватывающий интервал 2750–1900 гг. до н.э.; б) в этом континууме выделяются две хронологические группы – более древняя (2750–2500 гг. до н.э.)

и более молодая (2300–1900 гг. до н.э.). Причем более древняя группа дат более многочисленна и получена в четырех разных лабораториях, а именно: Хельсинкский университет (Hela); Университет штата Джорджия, США (UGAMS); Университет г. Киль, Германия (Kia); Геологический институт РАН (GIN). Стройность такой интерпретации нарушает тот факт, что молодые и древние даты получены на одном памятнике – поселении РАНИС-пойма. Это поселение, вытянутое вдоль берега Москвы-реки (рис. 3), имеет очень тонкий культурный слой – всего несколько сантиметров. Серия очагов расположена на пространстве длиной до 90 м. На первый взгляд, памятник производит впечатление места кратковременного обитания. Можно было бы думать, что разные его участки имеют разный возраст. Но это не так. Древние и молодые даты происходят из одного участка раскопа (рис. 4). Развалы сосудов, найденных в раскопе, показывают, что разные участки раскопа были “связаны” друг с другом.

Второй и очень серьезный “настораживающий” аргумент, подвергающий сомнению

молодые даты, следующий. Для абашевской культуры, которая, очевидно, моложе фатьяновской (на объекте ЗБС-4 это было подтверждено стратиграфически), получены в недавнее время даты, идентичные датам “молодой” фатьяновской группы. Это даты 3600 лет радиоуглеродного возраста от наших дней или около того. Следовательно, молодые фатьяновские даты просто ошибочны? Обращает на себя внимание, что они получены лишь в киевской лаборатории и в ленинградской лаборатории на ранней стадии ее работы, когда методика еще находилась в стадии становления. Конечно, эти аргументы нельзя считать стопроцентными. Однако не учитывать высказанные сомнения в валидности молодых дат также нельзя. Главным аргументом являются абашевские даты, “конфликтующие” с молодыми фатьяновскими.

Имеющиеся в настоящее время данные позволяют сделать предположение, что рамки существования фатьяновской культуры определяет древняя группа дат, вписывающаяся в хронологический интервал 2750–2500 (2300) лет до н.э.

Важно также обратить внимание на то, что скудные пока “предфатьяновские” находки с поселенческого объекта ЗБС-5 имеют очень компактную хронологию – 3000–2550 гг. до н.э. Фактически они совпадают по возрасту с древней группой фатьяновских дат. По крайней мере “пересекаются” с ней с большим наложением. Имеющихся данных пока очень мало, но они позволяют, тем не менее, выдвинуть гипотезу, что формирование фатьяновской культуры было очень стремительным

процессом. На основе компонентов культуры шаровидных амфор и варианта (вариантов) шнуровой культуры сформировалась новая культура с уникальными, присущими только ей особенностями орнаментации керамики, которую мы называем фатьяновской. В рамках этой культуры прослеживалась высокая мобильность населения. Иначе трудно объяснить наличие почти идентичных орнаментов на памятниках, удаленных на сотни километров друг от друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О.Н.* Кузьминский могильник фатьяновского типа под Москвой // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 5. СПб.: ГЭ, 1962. С. 5–30.
- Крайнов Д.А.* Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987 (Археология СССР). С. 58–76.
- Кренке Н.А., Александровский А.Л., Ершов И.Н., Ершова Е.Г., Лазукин А.В.* Памятники шнурового и “постшнурового” горизонтов бронзового века на Москве-реке // КСИА. 2014. Вып. 231. С. 208–223.
- Кренке Н.А.* Абашевская находка в долине Москвы-реки // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 10 / Отв. ред. А.В. Энгеловатова. М.: ИА РАН, 2014. С. 29–35.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б.* Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. Вып. 2 / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН, 2011. С. 24–62.

RADIOCARBON CHRONOLOGY OF THE FATYANOV CULTURE

Nikolay A. Krenke

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: nkrenke@mail.ru

The article analyzes a collection of 14 radiocarbon dates obtained for the Fatyanovo culture sites. These dates cover the chronological interval of 2750–1900 BC. Based on the analysis of the archaeological context, the author proposes a hypothesis that the time of the culture existence is determined by the ancient group of dates in the interval 2750–2500 (2300) BC, while the later group of dates is the result of dating errors.

Keywords: radiocarbon dating, the Fatyanovo culture, the Abashevo culture.

REFERENCES

- Bader O.N.*, 1962. The Kuzminki burial ground of the Fatyanovo type near Moscow // *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological papers of the State Hermitage], 5. St.Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, pp. 5–30. (In Russ.)
- Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V., Orlovskaya L.B.*, 2011. Metalliferous cultures of the forest zone outside the system of the Circumpontic province: Issues of radiocarbon chronology of the 4th–3rd millennia BC // *Analiticheskiye issledovaniya laboratorii estestvenno-nauchnykh metodov* [Analytical research in the Laboratory of Scientific Methods], 2. E.N. Chernykh, ed. Moscow: IA RAN, pp. 24–62. (In Russ.)
- Kraynov D.A.*, 1987. The Fatyanovo culture // *Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR* [The Bronze Age of the forest belt of the USSR]. Moscow: Nauka, pp. 58–76. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.)
- Krenke N.A.*, 2014. An Abashevo find in the valley of the Moskva River // *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminar* [Archaeology of Moscow Region: Proceedings of the scientific seminar], 10. A.V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 29–35. (In Russ.)
- Krenke N.A., Aleksandrovskiy A.L., Ershov I.N., Ershova E.G., Lazukin A.V.*, 2014. Sites of the Corded ware and “post-Corded ware” horizons of the Bronze Age on the Moskva River // *KSIA* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 231, pp. 208–223. (In Russ.)

БЕЛОКАМЕННЫЕ САРКОФАГИ И НАДГРОБИЯ НЕКРОПОЛЯ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ ИЗ РАСКОПОК В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ 2015–2017 гг.

© 2019 г. Н.А. Макаров*, Л.А. Беляев**, В.С. Курмановский***

Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: nmakarov10@yandex.ru

**E-mail: labeliaev@bk.ru

***E-mail: kurmanovskiy@mail.ru

Поступила в редакцию 05.03.2019 г.

В статье публикуются каменные погребальные сооружения, обнаруженные при раскопках Института археологии РАН (2015–2017 гг.) в зоне кладбища монастыря Чуда Архангела Михаила в Хонех в Московском Кремле. Один из древнейших и самых известных, этот монастырь полностью уничтожен в 1930-х годах. Его некрополь никогда в натуре не изучался. Все саркофаги принадлежат к московскому типу антропоморфных каменных гробов, трапезиевидных и с округлыми оголовьями XVI в. Надгробия датируются шире – от конца XIV до первой половины XVII в. Среди надписей – уникальная, использующая формулу смерти “за царя и всех православных христиан” при осаде в 1572–1573 гг. крепости Пайда в ходе Ливонской войны. Другие тексты называют имена монастырских слуг и придворной знати XVII в.

Ключевые слова: саркофаги, надгробия, эпиграфика, кладбище, Московское царство, Кремль, Чуда Архангела Михаила в Хонех монастырь.

DOI: 10.31857/S086960630005449-2

Белокаменные погребальные объекты Московского Кремля давно стали предметом научной фиксации. Надписи XVI–XVII вв. публиковали с середины XVIII в. (Сумароков, 1757. С. 387–404); ремонт Архангельского собора начала XX в. сделал доступными большинство надгробных сооружений (Рогозина, 2013). Белокаменные саркофаги Спасского монастыря привлекли внимание в XIX в. (Солнцев, 1849. Л. 107). В середине XX столетия М.М. Герасимову удалось исследовать саркофаги Ивана Грозного, его сына Федора и князя М.В. Скопина-Шуйского (Панова, 1987). Найденные в 1960–1970-х годах вокруг Успенского собора плиты без надписей положили начало изучению древнейшего этапа московского надгробия (Шеляпина, 1971), к которым позже добавились камни других древних кладбищ Кремля (ц. Козьмы и Дамиана и др., см. Панова, 2006). С 1970–1980-х годов велось систематическое исследование вынесенных при сносе Вознесенского собора саркофагов и плит, завершающееся только в наши дни (Некрополь..., 2009–2019). Тем временем полученные при работах вне Кремля материалы образовали прочную основу для

сравнительного анализа погребальных сооружений Московской Руси (см. Беляев, 1996, 2015, 2018; Русское..., 2006; Беляев и др., 2018, там же библиография). Такая информационная основа заставляет глубже интерпретировать новые находки и относиться к ним с особым вниманием.

Отметим, что в Кремле до сих пор ни одного монастырского кладбища конца XIV–XVII в. не изучено “штатно”, правильными раскопками, и работы 2015–2017 гг. следует считать первым таким опытом (результаты этих работ ИА РАН предварительно опубликованы: Археология..., 2018, о плитах и саркофагах см. с. 116–123). В их ходе обнаружено до полутора десятков сравнительно сохранных саркофагов и надгробий (общее количество более мелких фрагментов значительно больше). Все камни происходят из зоны Чудова монастыря (участок 14-го корпуса, Ивановская площадь) и вполне уверенно связываются с его некрополем (культурный слой на месте Вознесенского монастыря был почти полностью уничтожен фундаментами корпуса).

1

2

Рис. 1. Московский Кремль. Остатки некрополя Чудова монастыря. 1 – общий план захоронений, обнаруженных при раскопках в подвале 14-го корпуса (все саркофаги происходят из “среднего” яруса погребений); 2 – часть фундамента ц. Св. Алексия 1680-х годов, включающего надгробия XVI–XVII вв. Условные обозначения: *a* – музейфицированные объекты; *b* – обломки белокаменных надгробий, вмонтированных в опоры 14-го корпуса.

Fig. 1. The Moscow Kremlin. The remains of the Chudov monastery necropolis

Белокаменные погребальные объекты обнаружены: в слоях кладбища (*in situ* или переложенными); во вторичном использовании в фундаментах монастырских построек XVI–XIX вв. и в кладках зданий советского периода (две последние группы доступны обзору не полностью, так как кладки в основном не разбирались). При всей случайности отбора

это представительная выборка, включенная в общий контекст подробно изученного кладбищенского слоя и содержащая редкие изделия индикативных форм и декора, с содержательными надписями (рис. 1).

Публикуя все значимые находки (за исключением мелких фрагментов и плит полной сохранности, но лежащих в кладке стен и открытых только боковой гранью с орнаментом из каннелюр), мы далее прокомментируем наиболее информативные и/или самые ранние изделия. При этом мы объединяем саркофаги и плиты, поскольку подземные погребальные сооружения составляли единые комплексы с надгробными камнями (иногда в прямом смысле слова). Характеристика объектов выполнена следующим образом: для саркофагов — с ориентацией на определения, предложенные Т.Д. Пановой (2004. С. 76–94); для надгробных плит — в соответствии с системой, сформулированной Л.А. Беляевым (1996. С. 268). Надписи переданы по упрощенной системе (использована, в частности, при передаче текстов XV–XVII вв. в публикациях А.В. Антонова, см., например: Памятники..., 2011). Промеры даны в последовательности: ширина саркофага (в ногах/в плечах), длина с оголовьем, высота; ширина плиты (в ногах/в головах), длина, высота. Не полностью сохранившиеся размеры даны в скобках. Обронная работа отмечена, но врезанный характер всех остальных надписей не оговаривается.

Саркофаг № 1 (погр. 20): антропоморфный с расширением в головной части (?); оголовье не сохранилось. Размеры: 40/80×(155)×32 см; толщина стенки около 6 см. Крышка плоская цельная, без орнамента и надписи; с внутренней стороны бортик (ширина по боковой стороне 7 см, по нижнему краю 20, высота 3); толщина — около 6 см.

Саркофаг № 2 (погр. 61): антропоморфный с расширением в головной части и оголовьем; плечики плавные; дно ровное, без ступеньки в оголовье. Стенки и дно разбиты на части, у стенок значительные утраты. Размеры: 44/64×212×24/30 см; толщина стенок — 5–6 см. Крышка отсутствует (рис. 2).

Саркофаг № 3 (погр. 86): антропоморфный; многочисленные разрозненные крупные и мелкие фрагменты изножья, частью перемещенные, с большими утратами. Толщина фрагментов — 9–12 см.

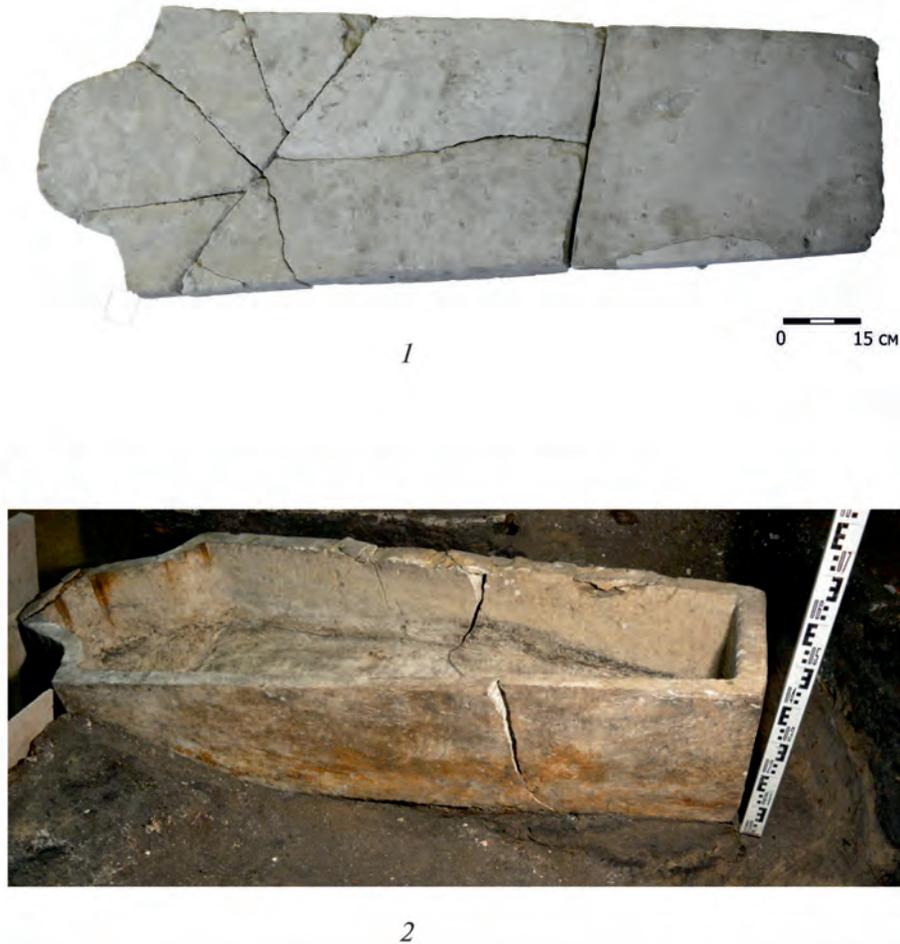

Рис. 2. Московский Кремль. Работы в подвале 14-го корпуса. Некрополь Чудова монастыря. Белокаменный саркофаг XVI в. (погр. 61).

Fig. 2. The Moscow Kremlin. Works in the basement of building 14. The Chudov monastery necropolis. A white stone sarcophagus of the 16th century (burial 61)

Саркофаг № 4 (погр. 90): антропоморфный с расширением в головной части и оголовьем, с плавными плечиками. Расколот на три части, но комплектность полная, включая крышку. Ниша для головы приподнята от дна на 2–3 см. Размеры: 45/75×202×38 см. Толщина стенок — около 5 см. Крышка плоская, составная, без надписи, толщиной около 10 см (рис. 3).

Саркофаг № 5 (погр. 96): антропоморфный, с оголовьем, плечики мягких очертаний

Рис. 3. Московский Кремль. Работы в подвале 14-го корпуса. Некрополь Чудова монастыря. Саркофаг XVI в. (погр. 90). 1 – крышка; 2 – в открытом состоянии.

Fig. 3. The Moscow Kremlin. Works in the basement of building 14. The Chudov monastery necropolis. A sarcophagus of the 16th century (burial 90)

(рис. 4). С внешней стороны оголовье и изножье скруглены у дна, само дно грубо обтесано. Ниша для головы приподнята от дна на 10 см. Нарушения под давлением грунта: трещины по обеим стенкам; часть дна (под грудной клеткой) выломана и перекошена; изножье сохранилось в крупных обломках, заваленных внутрь. Размеры: 54/34×205×43 см (*in situ*). Крышка – вторично использованная плита ЧМ-1 (см. ниже).

Саркофаг № 6 (погр. 100): антропоморфный (нижняя половина; левый край забетонирован в основание стены подвала 14-го корпуса). Размеры: 40/(50)×(85) см, высота – 46 см. Крышка составная, килевидная, размеры: 40/46×74 см; толщина – 7 см. Возможно, к ней принадлежал фрагмент оголовья крышки

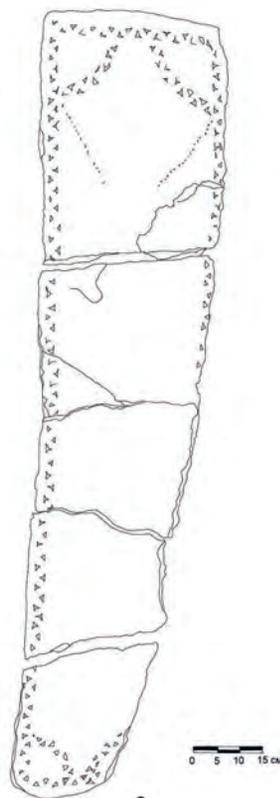
(рис. 5, 1) с килевидным выступом (длина 17, ширина 26, толщина 9 см).

Саркофаг № 7 из балластного слоя раскопа 3 (изножье крышки небольшого детского? каменного гроба, конструктивно аналогичное крышке саркофага № 1, см. выше). Сохранилось два фрагмента. Размеры: 26×(37), толщина – 6 см; бортик высотой 3, шириной 5 (по боковой стороне) и 8 (по нижнему краю) см.

Надгробие Чм-1 (погр. 96, использовано вторично как крышка саркофага). Расколото на семь крупных фрагментов; поверхность выхожена. Плита плоская, края скруглены. Размеры: 42/48-49×199×8.5 см. Надписи нет. Орнамент: лента противостоящих редких равносторонних треугольников, в графье. Композиция антропоморфная неустойчивая: бордюры по периметру; дуговые тяги в головной и

1

2

3

4

Рис. 4. Московский Кремль. Работы в подвале 14-го корпуса. Некрополь Чудова монастыря. Саркофаг XV (?) в. (погр. 96). 1 – верхняя часть белокаменной надгробной плиты XIV–XV вв. (вторично использована в качестве крышки саркофага); 2 – надгробная плита XIV–XV вв. (прорисовка); 3 – погребение после снятия крышки саркофага; 4 – закругление в нижней части изголовья.

Fig. 4. The Moscow Kremlin. Works in the basement of building 14. The Chudov monastery necropolis. A sarcophagus of the 15th (?) century (burial 96)

1

2

Рис. 5. Московский Кремль. Работы в подвале 14-го корпуса. Некрополь Чудова монастыря. Части белокаменных погребальных сооружений. 1 – саркофаг XV–XVI вв. (погр. 100) с килевидной крышкой (изножие); 2 – надгробная плита первой половины XVI в. с орнаментом “волчий зуб” (изножие).

Fig. 5. The Moscow Kremlin. Works in the basement of building 14. The Chudov monastery necropolis. Parts of white-stone funerary structures

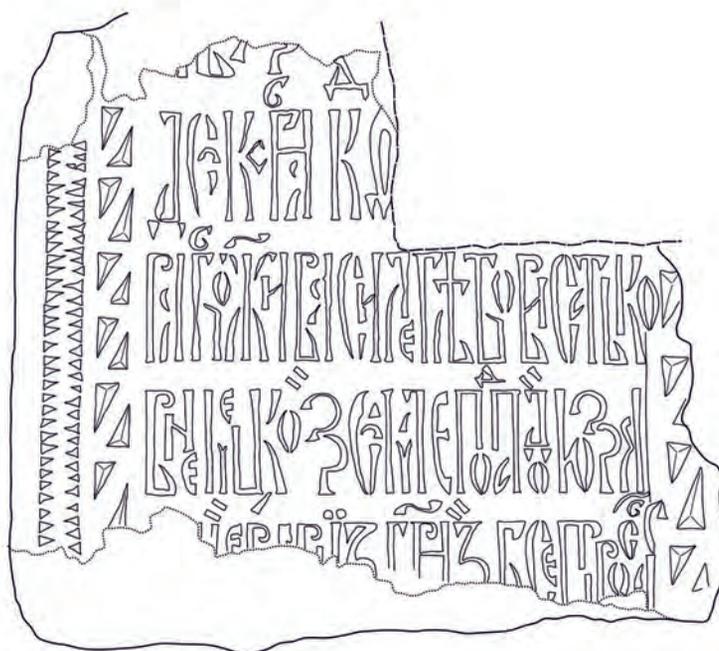
ножной частях; в головной части от дугowych тяг идут прямые ленты очень мелких, клиновидных треугольников. Обратная сторона плиты грубо обтесана. Конец XIV в. (?) (см. выше, рис. 4).

Надгробие Чм-2 (заполнение ямы, впущенной с горизонта монастырского строительства

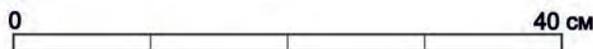
XIV–XVI вв. в культурный слой XIII–первой половины XIV в.). Два фрагмента размерами: 28×(16)×8-10 и 21×(11)×8-10 см. Плита плоская. Орнамент: лента противостоящих редких равносторонних треугольников, в графье. Композиция: антропоморфная неустойчивая (?), бордюр по периметру. Нижняя сторона грубо

1

2

Рис. 6. Московский Кремль. Работы в подвале 14-го корпуса. Некрополь Чудова монастыря. Надгробная плита Василия Глебовича Салтыкова, погибшего “в Немецкой земле под Пайдою”. Около 1573 г. Фрагмент (вторично использован в кладке основания колонны 1930-х годов). 1 – фотография; 2 – прорисовка.

Fig. 6. The Moscow Kremlin. Works in the basement of building 14. The Chudov monastery necropolis. The tombstone of Vasily Glebovich Saltykov, who died “in German land at Paidia”. Circa 1573. A fragment (reused in the setting of the column base in the 1930s)

обтесана (края фрагмента 2 отесаны при вторичном употреблении, на поверхности следы известкового раствора). Вторая половина XIV–XV в.

Надгробие Чм-3 (подвал 14-го корпуса, основание колонны 1930-х годов; вместе с № 6, 13 и 14; Р. 1, уч. 3, кв. 47; Р. 3, уч. 1, кв. 20. Гл. -161). Плита плоская. Размеры: (16,5)×(34)×8 см. Орнамент: рельефная зигзагообразная полоса, разделяющая два ряда мелких равносторонних треугольников; процарапанная поперечная линия – графья? Композиция: антропоморфная устойчивая? Конец XV – начало XVI в.

Чм-4 (слой строительного мусора под полом подвала 14-го корпуса; Р. 2, уч. 1). Изножие. Плита плоская, трапециевидная. Размеры: 49.5/(52)×(66)×10.5 см. Орнамент: мелкие вытянутые треугольники (вдоль нижней грани лента в 3 ряда, вдоль боковых ребер и по средней линии – 2 ряда). Композиция: антропоморфная устойчивая (рис. 5, 2). XVI в.

Чм-5 (подвал 14-го корпуса, основание колонны 1930-х годов; Р. 2, уч. 3.1, кв. 8, 16. Гл. -165). Два фрагмента. Фрагмент 1: длина – (32) см, ширина – (34) см. Фрагмент 2: размеры – (16)×(12) см. Высота – 9 см. Плита плоская. Орнамент: два ряда мелких вытянутых треугольников. Фиксируются фрагменты рамки и дуговой тяги. Композиция антропоморфная устойчивая. XVI в.

Чм-6 (подвал 14-го корпуса, основание колонны 1930-х годов; рядом с фрагментом надгробия или крышки саркофага № 13; Р. 1, уч. 3, кв. 38-39. Гл. -203). Два фрагмента: (27.5)×(20)×10 см и (24)×(20)×10. Плита плоская. Орнамент: сдвоенные ленты противостоящих мелких вытянутых треугольников. Композиция антропоморфная устойчивая (бордюр и средняя разделительная линия). XVI в.

Чм-7 (подвал 14-го корпуса, основание колонны 1930-х годов; Р. 1, уч. 1, кв. 14; 22. Гл. -206). Верхняя часть плиты с надписью. Плита плоская 51×(41)×10 см. Орнамент: ленты противостоящих треугольников и “косынки”. Композиция: антропоморфная устойчивая: бордюр по краю из ленты и рамки (внешняя лента – из противостоящих мелких вытянутых треугольников (“волчий зуб”), внутренняя – из крупных прямоугольников, разделенных диагональю на треугольные поля, или “косынки”).

Надпись в пять строк нарезана искусной вязью, характерной для лучших образцов середины XVI в. (ромбический кузовок у буквы “аз” и др.). Правый верхний угол недоступен; от первой строки видны нижние части букв; в пятой – верхние части букв, на различную высоту. Употребляются выносные буквы и титло; лигатуры и вписывания довольно часты. Пропорции букв умеренно вытянутые, вертикальные линии прочерчены глубоко и достаточно широки – шрифт еще не приобрел подчеркнутого вертикализма и проволочного характера линий, которые обычны у плит третьей четверти XVI в., однако буква к букве уже очень плотно собраны (рис. 6).

Чтение: Ле[та] 7...// декабря 29 д(ень)... // раб Божи[й] Василе[й] Глебови[ч] Салтыко[в] // в немецкой земле под Пайдою за // [святую] [ц]ер[ко]в[ь] и з[а] г(осудар)я и з[а] всех правосл// [авных] хрестьян).

1572 или 1573 г. (дата восстанавливается по источникам о Ливонской войне).

Василий Глебов сын Салтыков упомянут в числе дворян, погибших при взятии крепости Пайды в Ливонии в 1572 г., в Пискаревском летописце (Полное собрание..., 1978. С. 192), а также в так называемом Синодике убиенных во брани, хранящемся в Российской национальной библиотеке (Памятники..., 2011. С. 213). Следует отметить, что дата, указанная на надгробии (29 декабря), расходится с датой, упомянутой в синодике (7 февраля 7081 (1572/1573) г.). Кроме того, обращает на себя внимание написание имени погребенного с “вичем”, что предполагало статус боярина, каковым В.Г. Салтыков, очевидно, не обладал (в Пискаревском летописце он назван среди дворян, а в Разрядной книге 1475–1605 гг. не только не назван боярином, но и не упомянут среди лиц, занимавших какие-либо командные должности при походе под Пайду). Представители фамилии Салтыковых, принадлежавшей к потомкам Миши Прушанина – одному из древнейших родов московской аристократии, отмечены среди похороненных в Чудовом монастыре в списке лиц, погребенных в Кремле, составленном Т.Д. Пановой преимущественно по данным обнаруженных надгробных плит. Кроме того, в данном списке фигурируют пять представителей фамилии Морозовых, ветвью которых стали Салтыковы (Панова, 2003).

Чм-8 (подвал 14-го корпуса, основание колонны 1930-х годов; Р. 2, уч. 2.2, кв. 23. Гл. -218).

Фрагмент оголовья; поверхность сильно стерта. Размеры: 60×(38)×30.5 см. Плита высокая. Орнамент лицевой грани: жгутовой (косичка); по левому и части верхнего края утрачен. Орнамент боковых граней: каннелюры в кайме (насечка; трехгранно-выемчатая резьба). Сохранилось начало двух строк (высота букв 10-11 см, промежуток между строками 5 см). Чтение: Лета 7140 (1631/1632 г.) году // марта ... 1632 г.

Чм-9 (перекопы XX–XXI вв. в шурфе 4 на Ивановской площади – 2 фрагмента; кладка восточной стены фундамента ц. Св. Алексия митрополита 1680-х годов – 1 фрагмент). Плита высокая, трапециевидной формы. Размеры: 62/67×(112)×32 см. Орнамент лицевой грани: жгутовой (косичка). Композиция антропоморфная поздняя. Орнамент боковых граней: каннелюры в кайме насечек и трехгранно-выемчатой ленты. Надпись в семь строк: высота букв 9–11 см, промежуток строк – 4 см.

Шрифт надписи – типичная для XVII в. вязь характерных пропорций: в это время мачты вновь утолщаются и укорачиваются, буквы расставляются довольно свободно, с просветами и довольно широкими просветами строк (рис. 7).

Чтение: Лета 71... [се]//нтебр[я] 20 [дня] на са ... // Еустаифя и ... аяньи // преставися раб Божий Семион // прозвище Ратман Андрееви[ч] // Вельяминов во иноцех Серапи//он схимник.

Написание отчества с “вичем” говорит о высоком социальном статусе погребенного. Семен Андреев сын Вельяминов, по прозвищу Ратман – представитель аристократического рода Вельяминовых-Зерновых, участник событий Смутного времени, пожалованный вотчиной в Ржевском уезде за “московское осадное сиденье” при царе Василии Шуйском (Осадный список..., 2009. С. 403) и занимавший должность воеводы в ряде городов (в том числе в Новгороде, и около 1615 г. в Туле). Он умер около 1625 г., что соответствует орнаментике и палеографии плиты.

Около 1625 г. Дата по письменным источникам.

Чм-10 (фундамент ц. Св. Алексия митрополита 1680-х годов; *spolia*). Сохранилась полностью, но разбита на части. Фиксации было доступно менее двух третей лицевой грани. Плита высокая, трапециевидная. Размер: 54 (в 85 см от изголовья)×64×157×31 см. Орнамент

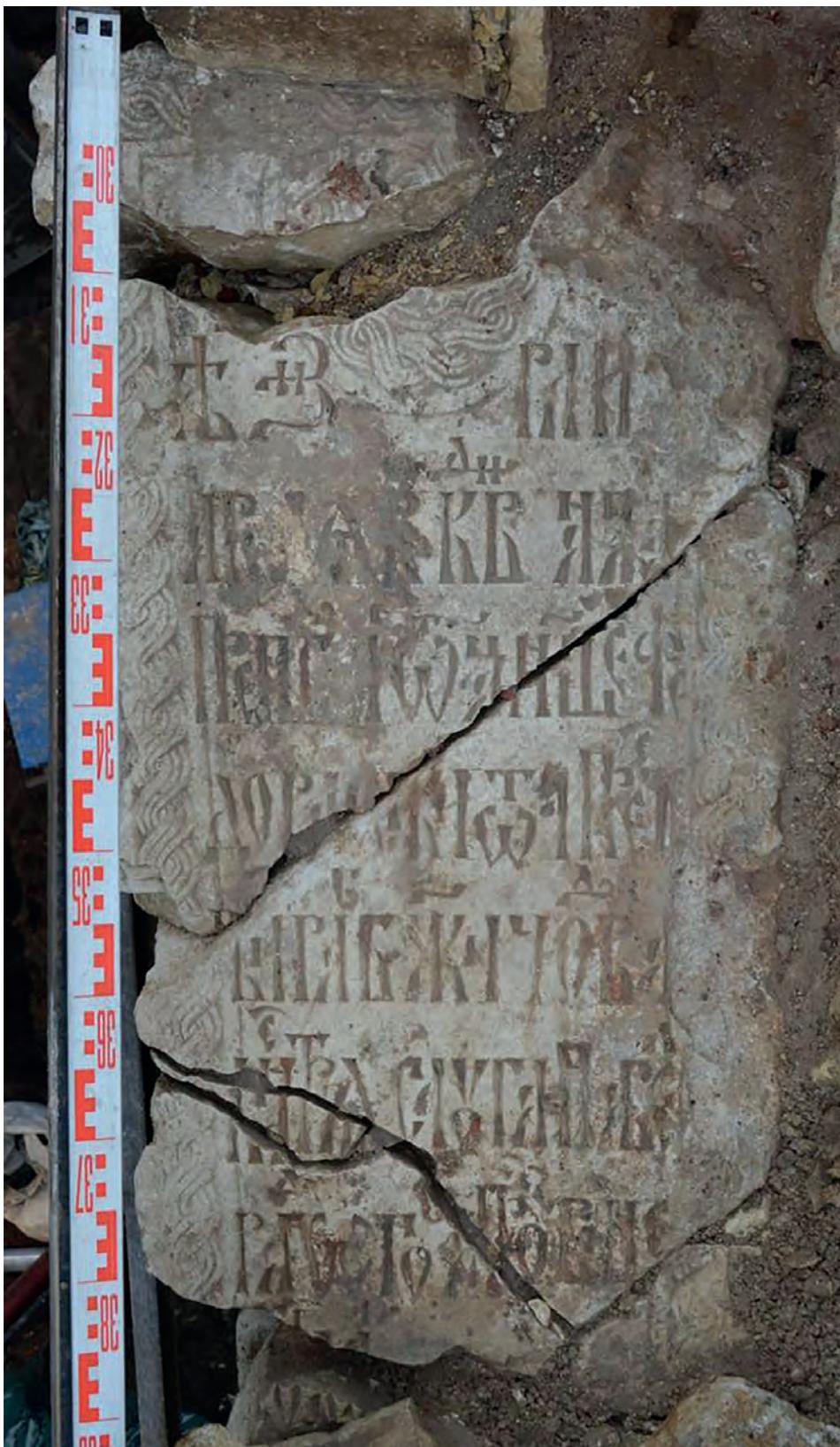

Рис. 7. Московский Кремль. Работы на Ивановской площади. Надгробная плита Семена (Ратмана) Андреевича Вельяминова. Около 1625 г. Происходит из некрополя Чудова монастыря. Использована вторично при строительстве фундамента ц. Св. Алексия 1680-х годов.

Fig. 7. The Moscow Kremlin. Works on Ivanovskaya square. The tombstone of Semen (Ratman) Andreevich Veliyaminov. Circa 1625. Originates from the Chudov monastery necropolis. Reused in the construction of the foundation of St. Alexius church in the 1680s

лицевой грани: жгутовой (косичка). Композиция антропоморфная поздняя; верхнее клеймо крупное и занимает почти все изголовье, так что надпись фланкирует только нижнюю треть круга; нижнего клейма и разделителя на открытой части плиты не видны (вероятно, оттеснены в самый низ). Орнамент боковых граней: каннелюры в лентах насечки и трехгранно-выемчатой резьбы.

Все видимое поле внутри рамки занято надписью (соотношение текста и орнамента, характерное для второй трети XVII в.). Шрифт – глубоко врезанная, искусно построенная вязь.

Рис. 8. Московский Кремль. Работы на Ивановской площади. Надгробная плита слуги Чудова монастыря Павла (Богдана) Родионова 1630 г. Использована вторично в кладке фундамента ц. Св. Алексия 1680-х годов.

Fig. 8. The Moscow Kremlin. Works on Ivanovskaya square. The tombstone of the servant of the Chudov monastery Pavel (Bogdan) Rodionov, 1630. Reused in the setting of the foundation of St. Alexius church in the 1680s

Ее пропорции характерны для своего времени, буквы расставлены довольно свободно, с просветами (в отдельных случаях слова разделены пробелами); часть слов начата с прописных; используется вытягивание букв выше строки (П, Т), причем не только заглавных, но и строчных, в том числе внутри слов. Многочисленны выносы, титла, лигатуры и вписывания. Ширина просветов между строками более половины высоты строки (но в нижней части плиты — меньше), так что вся композиция выглядит очень свободной и парадной. Высота букв: прописные — 90 мм, строчные — 72, промежутки строк — 40 (рис. 8).

Читается семь строк: Ле[та] 7138 (1629/1630) // апреля в 22 [день] на память // преп[одобного] отца нашего Фе[одора] С[и]киота прест[ави]ся раб Божи[й] Чюдова// м(о)н(а)ст(ы)ря слуга Павел // Радионов прозвище // Богдан ...

Чм-11 (фундамент ц. Св. Алексия митрополита 1680-х годов; *spolia*). Фрагмент (изножье). Плита высокая. Размеры: Длина 59×(66)×22 см. Орнамент лицевой грани: жгутовой (косичка); композиция антропоморфная поздняя. Орнамент боковых граней: глубокие каннелюры в лентах редкой насечки, нависающих карнизом. Надпись отсутствует (возможно, была выше, на изголовье). Конец XVI — первая половина XVII в.

В той же кладке вторично использованы еще два фрагмента того же (?) надгробия, с аналогичной орнаментацией боковых граней, но их лицевая грань не была доступна.

Чм-12 (восточный фундамент ц. Св. Алексия митрополита 1680-х годов; *spolia*). Плита высокая. Размеры: 70 (изголовье)×(100)×32 см. Орнамент лицевой грани: жгутовой (косичка); композиция антропоморфная поздняя. Орнамент боковых граней: каннелюры в лентах насечки и трехгранно-выемчатой резьбы. Конец XVI — первая половина XVII в.

Чм-12 и Чм-13 — см. ниже, *dubia*.

Чм-15 (подвал 14-го корпуса, основание колонны 1930-х годов; Р. 1, уч. 4, кв. 20; 28. Гл. -245/-270). Фрагмент высокой плиты. Размеры: 60 (ширина)×25 (высота) см. Орнамент лицевой грани: жгутовой (косичка). Надпись развитой вязью в технике оброна (буквы на выбранном поле). Сохранилось две строки с высотой букв 6 см, промежутки строк — 3. Чтение: ... к Чюдову м[онастырю]//... раба бо- жия боя... Вторая четверть (?) XVII в.

Чм-16 (подвал 14-го корпуса, основание колонны 1930-х годов; Р. 1, уч. 4, кв. 28. Гл. -168). Фрагмент высокой плиты XVII в. Размеры: (40)×(18)×23 см. Орнамент боковой грани: каннелюры.

Чм-17 (в основании колонны в подвале 14-го корпуса; Р. 3, уч. 4, кв. 25. Гл. около -200). Фрагмент высокой плиты. Орнамент боковой грани: каннелюры. XVII в.

Для части фрагментов осталось неясным, принадлежат они крышкам саркофагов или (что более вероятно) могильным плитам.

Dubia № 1 (Чм-13; подвал 14-го корпуса, основание колонны 1930-х годов; Р. 1, уч. 3, кв. 39. Гл. -203). Размеры камня: ширина — 20, длина — 31.5, высота — 8 см. Боковая сторона имеет заметный наклон внутрь. Орнамент отсутствует. Сохранились четыре буквы надписи высотой 12.5 (*глаголь*), 7 (*омикрон*) и 5 (выносной слог *ду*) см. Читается: ... году

Вторая половина XVI — первая половина XVII в.

Dubia № 2 (Чм-14; подвал 14-го корпуса, основание колонны 1930-х годов; Р. 3, уч. 1, кв. 21. Гл. -198). Два фрагмента правого края плоского (высота 14 см) камня (29×32 и 25×24 см). Без орнамента. Вторая половина XVI — середина XVII в.

Читаются остатки надписи буквами высотой 10.5 см: верхний фрагмент: "...е.....//...(?)или- на жена// ...ва" (от третьей строки сохранилась верхняя часть букв); нижний фрагмент: "... зова" (верхняя часть букв отсутствует).

Суммируем и прокомментируем наблюдения. Саркофаги представлены, во-первых, отдельными обломками; во-вторых, крупными блоками (на местах или переотложенными); наконец, целиком сохранными, иногда под закрытой крышкой. Показательно уже само их обилие в слое кладбища, определенное его элитным характером. Это окончательно рассеивает сомнения в использовании белокаменных гробов на открытых кладбищах, вне стен храмов.

Как условно цельные можно рассматривать шесть саркофагов (погребения 20, 61, 86, 90, 96 и 100 рабочей нумерации), что близко к 5% всех обнаруженных на раскопанных участках захоронений. Саркофаг погребения 20 дошел до нас не целиком (изголовье с верхней частью скелета утрачено), но остальной костяк не потревожен; крышка плоская. Сходен с

ним целый саркофаг без крышки из погребения 61, со слабо выраженным округлым оголовьем. Саркофаг погребения 86 представлен фрагментами головного и ножного отделов, но в них на своих местах сохранились кости, следовательно, это цельное погребение, хотя из-за больших утрат трудно описать изделие подробнее. Саркофаг погребения 90, сохранившийся полностью, близок к образцам погребений 20 и 61, но признаки типа (сужение к ногам, округлое асимметричное оголовье) выражены слабо. Нижняя половина саркофага погребения 100 также сохранила внутри костные останки и часть крышки, поверхность которой имеет два ската, отлого поднимающиеся к оси и образующие ребро.

Типологически все саркофаги относятся к группе антропоморфных трапециoidalных с выраженным оголовьем и прямыми стенками, московского типа. Каменная подушка в изголовье отмечена в двух погребениях (№ 90, 96), в одном (№ 61) — дно ровное, в остальных четырех случаях сохранность оголовий недостаточна для суждения. Отверстий в дне нет (они вообще редки у древнерусских каменных гробов, но довольно обычны в европейских). Крышки цельные (плоские или скатные) или же составные плоские. Стратиграфия свидетельствует об их общей принадлежности к среднему слою кладбища, т.е. в абсолютных датах — ко второй половине XV–XVI в. Это время наибольшего распространения каменных антропоморфных саркофагов: его появление, при всей размытости нижней границы, можно относить к концу XIV столетия, а последние примеры не уходят выше 1650-х годов.

Можно ли конкретизировать даты изделий за счет анализа признаков? Т.Д. Панова (2004. С. 87) полагала наиболее выразительным и изменчивым хронологическим индикатором форму оголовья, но этот признак работает далеко не всегда. Разнообразие порождали вкусовые предпочтения, а также приемы тех или иных мастеров, что наглядно доказано на материале самого полно изученного некрополя Новоспасского собора П.Ю. Черносвитовым (2003, 2005) и поддержано дальнейшими наблюдениями (так, для XVI в. рисунок оголовий саркофагов Вознесенского собора не менее разнороден). Зато привлечение таких элементов, как оформление боковых граней и, особенно, затеска днища оголовья при сохранении граненой крышки (признак восходит к ящичным саркофагам XIII в.), дают

основания для уточнения дат вплоть до полу-столетия (Беляев, 2018).

Но по отдельности даже архаические детали не способны состарить погребение, иногда они встречаются и в XVI в. Это, видимо, относится к шипцовой крыше саркофага погребения 100. Более убедительны ранние признаки у саркофага погребения 96. Он в нижней части округло отесан, особенно в оголовье; стесаны и нижние края длинных граней. В результате саркофаг обрел явные черты деревянной лодки или колоды, которые для изделий развитого типа не характерны — там господствуют линии, близкие к прямым, и выровненные плоскости. Возможно, следует учесть широкое оголовье, мало выступающее за линию плеч, с относительно прямыми контурами, и высокую “подушку”. Ширина стенок колеблется, да и вся теска выглядит непрофессиональной. Вполне вероятно, что саркофаг тесал непривычный к работе с камнем мастер, стремившийся придать ему форму деревянной колоды — возможно, более ему знакомую.

О случайном подборе элементов погребения говорит и полностью сохранившаяся крышка саркофага погребения 96. Это трапециевидная доска очень вытянутых пропорций, без оголовья, ранее служившая надгробной плитой и явно использованная вторично. Она обладает признаками архаичных плит: тонкая (9 см), недотесанная до правильной трапеции, но при этом украшенная орнаментом архаичного типа из крупных нерегулярных треугольников. Бордюр строго следует неправильностям по периметру, имея скорее вид свободной строчки или шитья, чем прочерченной линии. И в изголовье, и в ногах углы отчеркнуты четвертями окружности (рудименты угловых акротириев), однако это не дает полной симметрии: плита сильно сужена к ногам, а в изголовье есть дополнительный элемент: от краев четвертей к центру плиты отходят, соединяясь там, две прямые ленты из мелких треугольников в одну линию. Судить о том, были ли в середине еще какие-то элементы, трудно — поверхность сильно заполирована при ходьбе (видимо, изначально плита лежала над погребением внутри храма).

С точки зрения хронологии, оформление крышки сочетает ранние черты (неправильная форма, тип треугольников, следование краю плиты, симметрическое отчеркивание по четырем углам), так и более поздние, говорящие о развивающемся антропоморфизме

(узкое изножие; стремление подчеркнуть грудной отдел расширяющимися к плечам линиями). Дата плиты (особенно учитывая выхоженность) — не ранее конца XIV в. Как датируется само погребение, сказать трудно — возможно, серединой—второй половиной XV столетия. Аналоги плите/крышке есть в Кремле (кладбище Успенского собора), в монастырях московского посада (Алексеевский/Зачатьевский, Богоявленский), а также на кладбище монастыря Рождества Богородицы во Владимире (см. Беляев и др., 2018).

Из других надгробий к XIV—XV вв. могут относиться два фрагмента плиты № 2, происходящие из перекопа, начатого со слоя строительства XV—XVI вв. По оформлению они близки к плите/крышке саркофага из погребения 96: орнамент нарезан двумя рядами редко расположенных противоположащих равносторонних треугольников. Концом XV — началом XVI в. датируется, видимо, фрагмент плиты с орнаментом из мелких равносторонних треугольников, разделенных рельефной зигзагообразной линией, обнаруженный в основании одной из опорных колонн подвала 14-го корпуса (см. Чм-3).

Для XVI в. следует упомянуть нижнюю треть доски (из перекопанного слоя в раскопе 2) с тремя линиями треугольников вдоль нижнего ребра и двойной линией вдоль боковых ребер (Чм-4). Это стандартная продукция своего времени. Фрагменты плит с орнаментом из мелких вытянутых треугольников, датируемые XVI в. (Чм-5 и Чм-6), обнаружены также в основаниях двух колонн в подвале 14-го корпуса и в разрушенной части фундамента ц. Св. Алексия 1680-х годов.

К XVI в. относится и плита Чм-7. Она крайне интересна с точки зрения эпиграфики. Камень обнаружен в цоколе колонны 1930-х годов, и надпись видна не полностью. Дата утрачена, но орнамент ясно указывает на середину—третью четверть XVI в. Текст сообщает о гибели 29 декабря Василия Глебовича Салтыкова “в Немецкой земле под Пайдою за святую церковь и за государя и за всех православных хрестьян”. Источники подтверждают, что Василий Глебов сын Салтыков погиб при взятии этой известной крепости в Ливонии в 1572 или 1573 (указывается другой день и месяц: 7 февраля 7081 г.).

Текст в его последней строке реконструирован В.С. Курмановским предположительно, но с высокой степенью надежности. Для

эпохи Московского царства он уникален. Традиционный формуляр обогащен не только сведениями о месте и обстоятельствах гибели, о чем для окончивших жизнь на государственной службе иногда упоминают, хотя в самой Москве и нечасто (известный пример — плита с записью о гибели в 1607 г. стольника Ю.Ю. Мещерского “на государеве службе под Калугою”, см. Рабинович, 1951. 1. С. 62). Такие тексты обычны в надгробных досках Псково-Печерского монастыря, где годы Ливонской войны появятся серия керамид с текстом “убиен бысть” и последующим уточнением, где и кем. С середины XVII в. такие надписи умножатся вновь, причем в них будет особо подчеркнут жертвенный характер гибели “на государеве службе”, “за государя царя”, “за великого государя” (см. Плешанова, 1966, 1978).

Но в столь развитой, как на плите Салтыкова, форме нравоучительно-панегирические сентенции до сих пор на плитах не были известны. Применение близких формул более распространено в церковных записях. Определенно аналогичны записи в синодиках для государственного поминовения погибших в сражениях XV—начала XVII в., дошедших до нас в списках XVII в.: “Иже избиенным в Суздале от безбожнаго Мамутека за православную веру ...”; “Православному царю Константину Цароградскому, поборавшему по Христове церкви и за святой Царьград, и за православное христианство скончавшомуся от безбожных турков...”; “Стояшим на бреже Оки реки противу нечестиваго царя Крымскаго Магмет-Кирея ... храбръствовавшим и пострадавшим за святая церкви и за православную веру ...” (Памятники..., 2011. С. 172—176).

Феномен появления указаний на смерть в бою, также как и сама частота развернутых надписей на плитах именно периода Ливонской войны, заслуживают специального внимания с точки зрения формирования церковно-государственной идеологии XVI в.

Надгробными плитами, которые относились преимущественно к первой половине XVII в., в значительной части сложен фундамент ц. Св. Алексия 1680-х годов (изучен в шурфе 4 на Ивановской площади). Те, на которых нет надписей (или они не видны в кладке), датируются по орнаментальным признакам (Чм-11, Чм-12 и др.). Читаемые надписи заслуживают специального комментария.

Такова плита Чм-9. Два ее крупных фрагмента, переотложенные в поздний слой, были обнаружены вблизи фундамента Алексиевской церкви 1680-х годов, но на разных участках, и первоначально отнесены к двум плитам. На одном из них читался обрывок имени “Рат... Вельяминов”, на другом — “... Андреевич ... во иноцех Серапион схимник”. Обращение за помощью к коллегам историкам позволило выяснить, что в синодике Чудова монастыря середины XVII в., сохранившемся в фондах Российской государственной библиотеки в Санкт-Петербурге, упомянут единственный схимник Серапион, имевший отчество Андреевич, прозвище Ратман и фамилию Вельяминов¹. Предпринятое совмещение фрагментов убедительно продемонстрировало их принадлежность к одному надгробию. Затем путем подбора была установлена принадлежность плите Ратмана Вельяминова и третьего фрагмента, находящегося в кладке фундамента ц. Св. Алексия. Из источников известно, что умер Р.А. Вельяминов в 1625 г.

Плита Чм-10, монастырского слуги Павла (Богдана) Родионова по прозвищу Богдан, умершего 22 апреля 7138 (1629/1630) г., интересна в социально-историческом отношении и для пополнения “монастырского синодика”. Монастырские слуги (или служки) — категория монастырских людей, выполнявших различные поручения и занимавших в структуре монастырского хозяйства “командные” должности (над “служебниками”, крестьянами и “монастырскими детенышами”). Положение монастырских слуг могло быть наследственным, но они могли также выслужиться из “монастырских детенышей” или происходить из мелких вотчинников. Обязанности слуг по отношению к монастырю определялись условиями заключенного “ряда”. В ряде случаев положение слуг по отношению к монастырю оказывалось близким к положению холопов. Слуги за свою деятельность получали вознаграждение в виде денежного и продуктового жалования. При этом положение таких слуг отчасти сближалось с положением низшего слоя служилого населения. Так, наказ Бориса Годунова 1601 г. запрещал верстать монастырских слуг (наряду с поповскими и мужичьи детьми, а также боярскими холопами) местными окладами; в 1642 г. монастырским

слугам (вместе с боярскими людьми) было запрещено владеть вотчинами (Огрызко, 1955).

Ценную информацию содержат даже части плоских плит с надписями, но без орнамента, функции которых не вполне ясны: логично относить их к крышкам саркофагов, но они могли принадлежать и памятным доскам-надгробиям (пример неорнаментированной памятной плиты — надгробие из Хитровского переулка в Москве, с записью о смерти Анастасии Алексеевой жены Шапилова и их сына Никиты, умерших, соответственно, в 1593 и 1595 гг. см. Гиришберг, 1960. № 91).

Из них внимания заслуживают фрагменты плиты Чм-14 (dubia № 2) с надписью: “...илина жена //...зова”. Учитывая специфическое завершение фамилии, можно гипотетически предположить связь погребенной с аристократическим родом Морозовых, для пяти представителей которого известно, что они погребены в Чудовом монастыре. Напомним, что в непосредственной близости от плиты Чм-14 и также в основании колонны XX в. лежит надгробие В.Г. Салтыкова (см. Чм-7). Фамилия Салтыковых, как упомянуто выше, — отделившаяся ветвь Морозовых. В случае принадлежности погребенной к этой семье и с учетом состава мужских имен Морозовых, можно предложить вариант реконструкции чтения: “... Михайлина жена Морозова”. Имя Михаил (Михайло) в XVI—первой половине XVII в. носили двое представителей рода: Михаил Яковлевич Морозов-Поплевин (казнен вместе с женой и двумя сыновьями в 1573 г.) и Михаил Иванович Морозов (последний представитель Морозовых по мужской линии, умер в марте 1678 г.). Форма объекта и характер почерка говорят против датировки второй половины XVII в., что позволяет исключить вторую кандидатуру. В таком случае объект предположительно можно связать с Евдокией Дмитриевной, супругой М.Я. Морозова, урожденной Бельской.

Стоит отметить, что в короткой и случайной выборке из шести более-менее полно читаемых надгробных надписей сам Чудов монастырь упомянут в двух случаях. Это очень высокий процент: в других монастырях такие указания — редчайшие, единичные исключения, там принадлежность к обители (даже для плит игуменов) подразумевалась через место упокоения. Очевидно, что постриг и даже службу в Чудовом монастыре рассматривали

¹ Приносим глубочайшую благодарность А.И. Алексееву (РНБ), Е.Н. Горбатову (РГАДА) и А.П. Павлову (СПбГУ).

как значимое отличие, подчеркивая это в эпитафиях.

Таким образом, интерпретация погребальных белокаменных сооружений XIV–XVII вв. из работ 2015–2017 гг. позволяет, вкуче с другими данными археологии и антропологии, расширить имеющиеся данные о социальном облике и личном составе погребенных, выявить надгробные сооружения, принадлежавшие историческим личностям, известным по письменным источникам, а также охарактеризовать в целом некрополь одной из влиятельнейших духовных корпораций Московской Руси – Чудова монастыря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология Московского Кремля. Раскопки 2006–2017 гг. / Ред.: Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2018. 164 с.
- Беляев Л.А. Заметки по истории антропоморфных саркофагов в Европе и России // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию академика Н.А. Макарова / Ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 365–374.
- Беляев Л.А. К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 219–232.
- Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. М.: Модус Граффити, 1996. 572 с.
- Беляев Л.А., Глазов В.П., Зыков П.Л., Иоаннисян О.М. Погребальные сооружения XII–XV веков на месте собора Рождества Богородицы во Владимире (по материалам работ 1997–2000 годов) // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева. М.: ИА РАН, 2018. С. 62–72.
- Гиришберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. I: Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 3–77.
- Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований: в 4 т. / Ред.-сост. Т.Д. Панова. М.: Московский Кремль, 2009–2019. 3 т. (367, 414, 395, 447 с.).
- Огрызко З.А. Слуги Спасо-Прилуцкого монастыря XVI–XVII вв. // Из истории крестьянства XVI–XVII вв. / Ред. С.С. Дмитриев. М.: Госкультпросветиздат, 1955 (Труды ГИМ; вып. 27). С. 8–30.
- Осадный список 1618 г. / Сост.: Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов. М.; Варшава: Древлехранилище, 2009 (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв.; т. VIII). 682 с.
- Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2011. 554 с.
- Панова Т.Д. Некрополи Московского Кремля. М.: Московский Кремль, 2003. 71 с.
- Панова Т.Д. Ранний этап развития московского надгробия. Материалы XIV–XVI вв. Из собрания музея-заповедника Московский Кремль // Русское средневековое надгробие, XIII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1 / Ред., сост. Л.А. Беляев. М.: Наука, 2006. С. 31–36.
- Панова Т.Д. Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // СА. 1987. № 4. С. 110–122.
- Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М.: Радунница, 2004. 183 с.
- Плешанова И.И. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. Т. VI. М.: Наука, 1966. С. 149–206.
- Плешанова И.И. Каменные надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. Т. XII. М.: Наука, 1978. С. 63–185.
- Полное собрание русских летописей. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 304 с.
- Рабинович М.Г. Основные итоги археологического изучения Москвы // КСИИМК. 1951. Вып. 41. С. 59–66.
- Розозина М.Г. Ремонтно-реставрационные работы в Архангельском соборе в фотографиях 1905 года Карла Фишера из коллекции ГНИМА им. А.В. Щусева // Московский Кремль XV столетия. Архангельский собор и колокольня “Иван Великий” Московского Кремля. 500 лет. М.: Арт-Волхонка, 2013. С. 54–65.
- Русское средневековое надгробие, XIII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1 / Ред., сост. Л.А. Беляев. М.: Наука, 2006. 358 с.
- Солнцев Ф.Г. Древности российского государства: в 13 т. Отделение I. Альбом. М.: Тип. А. Семана, 1849. 228 с.
- Сумароков А.П. Надписи, означающие лета преставления высочайших персон фамилии царской в московском Архангельском соборе опочивающих // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1757. Ноябрь. С. 387–404.
- Черносвитов П.Ю. Белокаменные саркофаги в Новоспасской усыпальнице и русских городских некрополях: сравнительный анализ и вопросы датирования // Проблемы комплексного изуче-

- ния церковных и монастырских некрополей / Ред. А.К. Станюкович. Звенигород, 2003. С. 28–43.
- Черносвитов П.Ю. Белокаменные саркофаги в Новоспасской усыпальнице и русских городских некрополях: сравнительный анализ и вопросы датирования // Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре / Ред. А.К. Станюкович. Кострома: Линия График Кострома, 2005. С. 63–71.
- Шеляпина Н.С. Надгробия XIII–XIV вв. из раскопок в Московском Кремле // СА. 1971. № 3. С. 284–289.

WHITE STONE SARCOPHAGI AND TOMBSTONES OF THE CHUDOV MONASTERY NECROPOLIS FROM EXCAVATIONS IN THE MOSCOW KREMLIN IN 2015–2017

Nikolay A. Makarov*, Leonid A. Belyaev**, Vladimir S. Kurmanovsky***

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

*E-mail: nmakarov10@yandex.ru

**E-mail: labeliaev@bk.ru

***E-mail: kurmanovskiy@mail.ru

The article publishes stone burial structures discovered during excavations of the Institute of Archaeology RAS (2015–2017) in the cemetery area of the Miracle of Archangel Michael in Chonae monastery (Chudov) in the Moscow Kremlin. One of the oldest and most famous, this monastery was completely destroyed in the 1930s. Its necropolis has never been studied at site. All sarcophagi belong to the Moscow type of anthropomorphic stone coffins: trapezoid and with round headband of the 16th century. Tombstones date back more widely – from the late 14th to the first half of the 17th century. Among the inscriptions, there is a unique one that uses the death reference wording “for the Tsar and all Orthodox Christians” during the siege of Paidia fortress in 1572–1573 in the course of the Livonian War. Other texts name monastic servants and court nobility of the 17th century.

Keywords: sarcophagi, tombstones, epigraphy, cemetery, Moscow State, Kremlin, the Miracle of Archangel Michael in Chonae monastery.

REFERENCES

- Arkheologiya Moskovskogo Kremlya. Raskopki 2006–2017 gg. [The archaeology of the Moscow Kremlin. Excavations of 2006–2017]. N.A. Makarov, V.Yu. Koval', eds. Moscow: IA RAN, 2018. 164 p.
- Belyayev L.A., 1996. Russkoye srednevekovoye nadgrobiye [Russian medieval tombstones]. Moscow: Modus Graffiti. 572 p.
- Belyayev L.A., 2015. Notes on the history of anthropomorphic sarcophagi in Europe and Russia. *Goroda i vesi srednevekovoy Rusi: arkheologiya, istoriya, kul'tura: k 60-letiyu akad. N.A. Makarova [Towns and villages of medieval Rus: archaeology, history, culture: to the 60th anniv. of Acad. N.A. Makarov]*. P.G. Gaydukov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 365–374. (In Russ.)
- Belyayev L.A., 2018. The chronology of anthropomorphic sarcophagi in medieval Russia of the 15th–17th centuries. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 252, pp. 219–232. (In Russ.)
- Belyayev L.A., Glazov V.P., Zykov P.L., Ioannisiyan O.M., 2018. Funerary structures of the 12th–15th centuries on the site of the Cathedral of the Nativity of the Virgin in Vladimir (based on the materials from the works of 1997–2000). *Zemli rodnoy minuvshaya sud'ba... K yubileyu A.E. Leont'yeva [Past fate of the native land... To the anniv. of A.E. Leontyev]*. Moscow: IA RAN, pp. 62–72. (In Russ.)
- Chernosvitov P.Yu., 2003. White stone sarcophagi in the New St. Saviour tomb and Russian urban necropolises: a comparative analysis and dating issues. *Problemy kompleksnogo izucheniya tserkovnykh i monastyrskikh nekropoley [Issues of a comprehensive study of church and monastery necropolises]*. A.K. Stanyukovich, ed. Zвенигород, pp. 28–43. (In Russ.)
- Chernosvitov P.Yu., 2005. White stone sarcophagi in the New St. Saviour tomb and Russian urban necropolises: a comparative analysis and dating issues. *Usypal'nitsa doma Romanovykh v Moskovskom Novospasskom monastyre [The family tomb of the House of the Romanovs in the Moscow New St. Saviour monastery]*. A.K. Stanyukovich, ed. Kostroma: Liniya Grafik Kostroma, pp. 63–71. (In Russ.)

- Girshberg V.B.*, 1960. Materials for the register of inscriptions on the stone slabs of Moscow and Moscow vicinity of the 14th–17th centuries. Part I: Inscriptions of the 14th–16th centuries. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphics]*, I. Moscow: Izd. AN SSSR, pp. 3–77. (In Russ.)
- Nekropol' russkikh velikikh knyagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya. Materialy issledovaniy. [The necropolis of the Russian grand duchesses and tsarinas in the Ascension Monastery of the Moscow Kremlin. Research materials]. T.D. Panova, ed., comp. Moscow: Moskovskiy Kreml', 2009–2019. 3 vols. (367, 414, 395, 447 p.)
- Ogryzko Z.A.*, 1955. Servants of the St. Savior Prilutsk Monastery of the 16th–17th centuries. *Iz istorii krest'yanstva XVI–XVII vv. [From the history of the peasantry of the 16th–17th centuries]*. S.S. Dmitriyev, ed. Moscow: Goskul'tprosvetizdat, pp. 8–30. (Trudy GIM, 27). (In Russ.)
- Osadnyy spisok 1618 g. [Siege list of 1618]. Yu.V. Ankhimiyuk, A.P. Pavlov, comp. Moscow; Varshava: Drevlekhranilishche, 2009. 682 p. (Pamyatniki istorii Vostochnoy Evropy. Istochniki XV–XVII vv.; VIII).
- Pamyatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviya [Monuments of the Russian service class history]. A.V. Antonov, comp. Moscow: Drevlekhranilishche, 2011. 554 p.
- Panova T.D.*, 1987. Medieval funeral rite based on the materials of the Archangel Cathedral necropolis in the Moscow Kremlin. *SA [Soviet archaeology]*, 4, pp. 110–122. (In Russ.)
- Panova T.D.*, 2003. Nekropoli Moskovskogo Kremlya [Necropolises of the Moscow Kremlin]. Moscow: Moskovskiy Kreml'. 71 p.
- Panova T.D.*, 2004. Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyy obryad srednevekovoy Rusi XI–XVI vv. [The kingdom of death. The funeral rite of medieval Rus of the 11th–16th centuries]. Moscow: Radunitsa. 183 p.
- Panova T.D.*, 2006. The early stage of development of the Moscow tombstone. Materials of the 14th–16th centuries. From the collection of the Moscow Kremlin Museum-Reserve. *Russkoye srednevekovoye nadgrobiye, XIII–XVII veka. Materialy k svodu [Russian medieval tombstones, the 13th–17th centuries. Materials to the register]*, 1. L.A. Belyayev, ed., comp. Moscow: Nauka, 2006. 358 p.
- Pleshanova I.I.*, 1966. Ceramic tombstones of the Pskov Pechersky Monastery. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphics]*, VI. Moscow: Nauka, pp. 149–206. (In Russ.)
- Pleshanova I.I.*, 1978. Stone tomb slabs of the Pskov Pechersky Monastery. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphics]*, XII. Moscow: Nauka, pp. 63–185. (In Russ.)
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 34. Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moskovskiy i Bel'skiy letopistsy [Postnikov, Piskarevsky, Moscovian and Belsky brief chronicles]. Moscow: Nauka, 1978. 304 p.
- Rabinovich M.G.*, 1951. The main results of the archaeological studies of Moscow. *KSIIMK [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture]*, 41, pp. 59–66. (In Russ.)
- Rogozina M.G.*, 2013. Repair and restoration works at the Archangel Cathedral in the photographs by Karl Fischer of 1905 from the collection of the A.V. Shchusev State Museum of Architecture. *Moskovskiy Kreml' XV stoletiya. Arkhangel'skiy sobor i kolokol'nya "Ivan Velikiy" Moskovskogo Kremlya. 500 let [The Moscow Kremlin of the 15th century. The Archangel Cathedral and the Ivan the Great Bell Tower of the Moscow Kremlin. 500 years]*. Moscow: Art-Volkhonka, pp. 54–65. (In Russ.)
- Russkoye srednevekovoye nadgrobiye, XIII–XVII veka. Materialy k svodu [Russian medieval tombstones, the 13th–17th centuries. Materials to the register], 1. L.A. Belyayev, ed., comp. Moscow: Nauka, 2006. 358 p.
- Shelyapina N.S.*, 1971. Tombstones of the 13th–14th centuries from the excavations in the Moscow Kremlin. *SA [Soviet archaeology]*, 3, pp. 284–289. (In Russ.)
- Solntsev F.G.*, 1849. Drevnosti rossiyskogo gosudarstva. Otdeleniye I. Al'bom [Antiquities of the Russian State. Section I. Album]. Moscow: Tip. A. Semena. 228 p.
- Sumarokov A.P.*, 1757. Inscriptions meaning the repose years of the supreme persons of the royal family who rest in the Moscow Archangel Cathedral. *Ezhemesyachnyye sochineniya, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchiye [Monthly writings made to the benefit and amusement]. Noyabr' [November]*, pp. 387–404. (In Russ.)

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ДАТИРОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ (ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ)

© 2019 г. М.О. Сидорова^{1,2,*}, З.Ю. Жарников^{1,**}, С.Ф. Татауров^{3,***},
Л.В. Татаурова^{3,****}, В.С. Мыглан^{1,*****}

¹ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

² Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия

³ Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия

*E-mail: Mayasidorova12@gmail.com

**E-mail: Zaxari1@yandex.ru

***E-mail: tatsf2008@rambler.ru

****E-mail: li-sa65@mail.ru

*****E-mail: v.mygлан@gmail.com

Поступила в редакцию 26.06.2017 г.

На территории Тарского Прииртышья (Западная Сибирь) сохранилось значительное число археологических памятников русского времени. Как показала практика, применение традиционного сравнительно-типологического метода для датирования этих археологических комплексов не позволило восстановить детальную историю застройки г. Тара и окрестных поселений. Выходом из этой ситуации стало привлечение дендрохронологического подхода, позволившего нам уточнить время сооружения археологических памятников лесостепной зоны Тарского Прииртышья: постройки Тарской крепости и усадьбы датируются началом второй четверти XVII в.; избы из д. Ананьино – второй четвертью XVII в.; элементы конструкции Бергамакского острога – первой половиной XVII – первой половиной XVIII в. Результаты исследования закладывают прочную основу для проведения последующих календарных датировок древесины из археологических и архитектурных памятников Тарского Прииртышья.

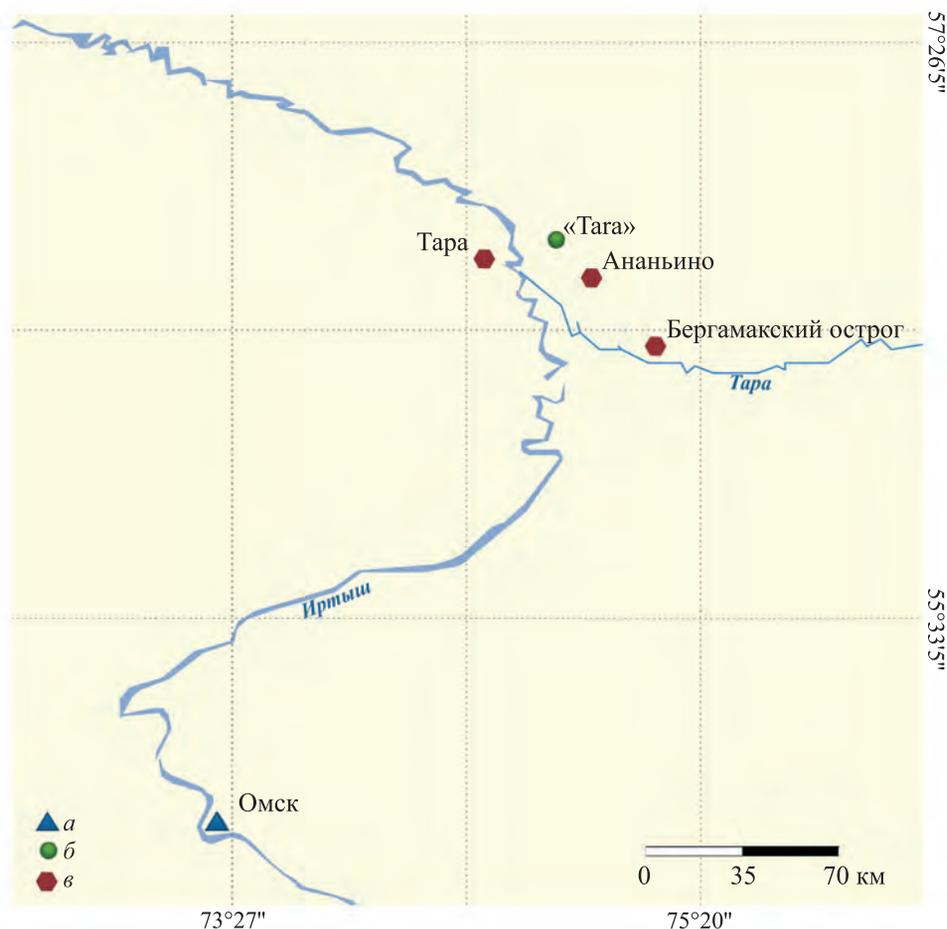
Ключевые слова: археология, археологические памятники, дендрохронология, дендроархеология, календарная датировка, Западная Сибирь, сибирский город, Тара, Ананьино, Бергамакский острог.

DOI: 10.31857/S086960630004810-0

Тарское Прииртышье – это уникальная территория с сохранившимся комплексом архитектурных и археологических памятников XVI–XIX вв. (Татауров, Черная, 2015). Проникновение русского населения в этот регион началось на рубеже XVI–XVII вв. С целью его защиты от степного мира и закрепления российского присутствия князем Андреем Елецким в 1594 г. была основана крепость Тара, надежно прикрывшая важную торговую дорогу из Тобольска на Томск и Кяхту (Миллер, 1999). Постепенно вокруг крепости сформировалась сеть сельских поселений (Герасимова, 2001). Уже к началу XVIII в. Тара становится четвертым по величине городом в Сибири (Гончаров, Ивонин, 2006). По мере смещения границ Российского государства на юг Тарская крепость постепенно перестает выполнять свои оборонительные функции и после

основания Омской крепости (1716 г.) превращается в уездный город. Тем не менее до начала XX века г. Тара оставался практически единственным торговым и культурным центром Среднего Прииртышья, который снабжал население уезда необходимыми промышленными товарами и выступал в качестве перевалочного пункта для транспортировки продукции из Сибири в Россию (Гончаров, Ивонин, 2006).

К сожалению, в сохранившихся до наших дней письменных источниках содержится разрозненная информация, не позволяющая восстановить детальную историю застройки г. Тара и окрестных поселений (Цветкова, 1994). На протяжении последних двух десятилетий проводились археологические раскопки крепостных сооружений и сельских

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников Тарского Прииртышья. Условные обозначения: *a* – г. Омск; *b* – пробные площади, с которых отбиралась древесина с живых деревьев; *v* – места проведения археологических раскопок.

Fig. 1. A schematic map of the sites in Tara area of the Irtysh region

поселений, в ходе которых на отдельных памятниках были обнаружены хорошо сохранившиеся деревянные конструкции (Татауров, Черная, 2014; 2015; Татаурова, 1997). В связи с длительностью бытования предметов из вещевых комплексов применение традиционного сравнительно-типологического метода датирования не позволило точно определить временные рамки функционирования данных сооружений. Как правило, в подобной ситуации решению этой проблемы способствует привлечение естественнонаучных методов исследования, в нашем случае – дендрохронологического, который позволяет определить календарное время заготовки древесины, использованной в строительстве (Черных, Карпухин, 2004; 2006; Карпухин, 2009; Тарабардина, 2009; Мыглан, 2010; Мыглан и др., 2010; 2012; Жарников и др., 2014; Баринов и др., 2016). В нашем случае работы по датировке древесины из археологических памятников осложнял тот факт,

что для лесостепной зоны Сибири почти отсутствуют хронологии протяженностью более трех столетий (Мыглан и др., 2012). Представленная работа является примером успешного использования дендрохронологического подхода, позволившего абсолютно датировать древесину из археологических памятников лесостепной зоны Тарского Прииртышья.

Материалы и методы

В 1996–2016 гг. на территории Тарского Прииртышья были проведены археологические раскопки (рис. 1), в результате которых были исследованы комплексы фортификационных и административных зданий г. Тара, постройки из д. Ананьино и фрагменты деревянных конструкций Бергамакского острога (Татауров, Черная, 2014; 2015; Татаурова, 1997). С сохранившихся деревянных построек

Характеристики образцов археологической древесины

Characteristics of archaeological wood samples

Лабораторный номер образца	ПК	ПрК	R	SD	Элемент конструкции	Год отбора
Тарская крепость						
Сруб 1						
tara28	1498	1612	0.63	0.20	Стена 1, венец 1	2015
tara25	1505	1607	0.64	0.22	Стена 3, венец 1	—"—
tara29	1540	1621*	0.39	0.35	Стена 1, венец 2	—"—
tara27	1544	1598	0.38	0.21	Стена 2, венец 2	—"—
tara11	1535	1615	0.62	0.32	Стена 1, венец 3	—"—
tara13	1520	1595	0.67	0.19	Стена 2, венец 3	—"—
tara09	1542	1614	0.47	0.27	Стена 2, венец 4	—"—
tara16	1503	1613	0.47	0.22	Стена 1, венец 4	—"—
tara10	1540	1603	0.51	0.22	Стена 2, венец 5	—"—
tara02	1478	1599	0.51	0.24	Бревно 1	—"—
tara03	1477	1602	0.42	0.26	Бревно, образец 3	—"—
Столб						
tara04	1475	1596*	0.46	0.23	Образец 4	—"—
tara15	1496	1555	0.42	0.17	Образец 5	—"—
Сруб 3						
tara14	1554	1598*	0.39	0.17	Венец 4	—"—
Сруб 4						
tara19	1567	1614*	0.46	0.28	Стена 1, венец 3	—"—
tara17	1557	1614*	0.58	0.18	Венец 2	—"—
tara01	1482	1600	0.54	0.22	Бревно	—"—
Тарская усадьба						
tar03	1516	1581	0.42	0.24	Горизонт 1, -160	2014
tar16	1522	1606	0.27	0.18	Горизонт 1, -180	—"—
tar06	1533	1644*	0.32	0.29	Столб, -200	—"—
tar17	1535	1610	0.55	0.20	Изба для челяди, -200	—"—
tar05	1541	1628*	0.37	0.45	Изба для челяди, завалинка, -200	—"—
tar13	1470	1574	0.38	0.28	Горизонт 2, -220	—"—
tar08	1537	1622	0.45	0.18	Горизонт 2, -220	—"—
tar12	1537	1621	0.54	0.18	Изба для челяди, завалинка, -240	—"—
tar21	1508	1616	0.50	0.25	Мостовая, -260	—"—
tar18	1545	1626	0.55	0.32	Горизонт 3, жилище, -300	—"—
tar22	1497	1597	0.58	0.37	Жилище, -300	—"—
tar19	1530	1610	0.42	0.25	Горизонт 4, -300	—"—
tar04	1519	1607	0.43	0.36	Надпогребница, -300	—"—
tar07	1558	1603	0.66	0.16	Нет информации	—"—

Окончание таблицы

д. Ананьино						
an01	1566	1619*	0.25	0.32	Изба 1, погреб, венец 6, ЮВ стена	—"—
an07	1546	1600	0.41	0.23	Изба 1, СЗ, бревно № 6	—"—
anan07	1562	1608	0.28	0.32	Изба 2, кв. Е-13, штык 3, объект 4	2011
an06	1547	1607	0,46	0.25	Изба 1, кв. В-25, шт. 3	2014
an05	1478	1595	0.42	0.26	Изба 1, кв. Б-23–25, м. 3, бревно с СЗ, части пола	—"—
an04	1563	1618	0.29	0.23	Изба 1	—"—
Бергамакский острог						
ber13_29	1534	1605	0.40	0.36	Образец № 2	1998
ber14_28	1616	1722	0.33	0.32	Образец № 3	—"—
ber15	1672	1737*	0.32	0.36	Заплот, штык 6, верхний венец	—"—
ber16_26	1552	1619	0.58	0.45	Заплот, штык 6, нижний венец	—"—
ber20	1542	1606	0.38	0.29	Верхний образец	—"—
ber21	1576	1645	0.28	0.28	Верхний образец	—"—
ber22	1574	1694	0.40	0.32	Верхний образец	—"—

Примечание: ПК – год формирования первого кольца на образце; ПрК – год формирования периферийного кольца; R – межсерийный коэффициент корреляции стандартизированных серий прироста; SD – стандартное отклонение.

* Образцы, содержащие наиболее поздние даты.

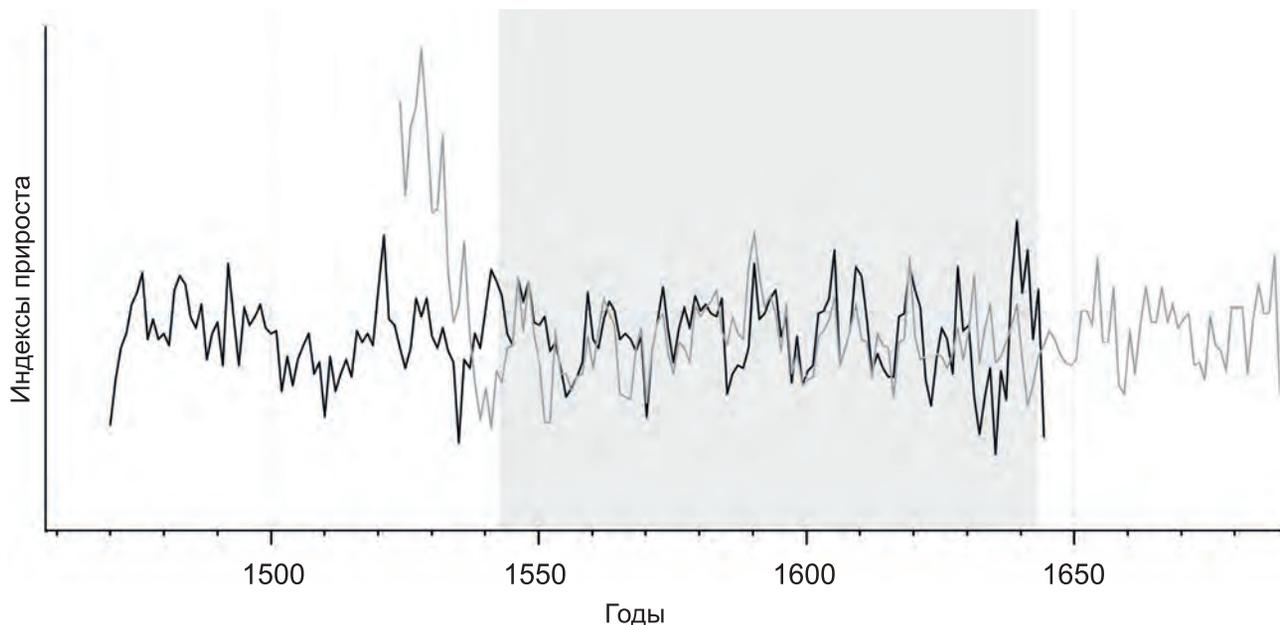
была отобрана коллекция образцов археологической древесины в виде 117 поперечных спилов сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.). На всех образцах отсутствовало подкоровое кольцо, указывающее на год/сезон их заготовки, у ряда образцов на внешней стороне присутствовали следы повреждения пожаром.

Тарская крепость (кремль) представлена фрагментами восьмиугольной башни, участком стены и четырьмя прилегающими к ней срубами, у которых сохранилось по пять нижних венцов. Согласно историческим данным, строительство крепостной стены началось в 1594 г., а затем из-за пожаров она частично перестраивалась. В 1701 г. крепостные стены были полностью отремонтированы, а затем в начале XIX в. была проведена опись крепости, после которой ее срыли (Татауров, Черная, 2015). С сохранившихся элементов конструкции Тарской крепости было отобрано 36 образцов древесины, из них пригодными для дендрохронологического анализа оказались 17 (таблица).

Тарская усадьба. Реконструкция облика усадьбы показала, что она представляла собой

прямоугольник, ориентированный по сторонам света, и состояла из жилого дома, бани, избы для прислуги, колодца. Жилой дом – пятистенник – был срублен “в лапу”, вход осуществлялся через прирубленные к южной стороне дома сени (Татауров, Черная, 2014). Согласно историческим свидетельствам, усадьба сгорела в пожаре 1669 г., после чего вновь была восстановлена (Цветкова, 1994). Данная информация согласуется с расположением зольно-угольных слоев, которые показали, что остатки уничтоженных огнем построек были засыпаны слоем песка, глины и щепы, а здания усадьбы сооружались в новом строительном горизонте. С конструкции усадьбы было взято 35 поперечных спилов, из них пригодными для дендрохронологических исследований оказались 14 (таблица).

Следует отметить, что сохранности древесины с археологических памятников г. Тара способствуют высокая влажность и концентрация мочевины (из-за насыщенности навозом) в культурном слое (Татауров, Черная, 2015. С. 87).

Рис. 2. Перекрестная датировка региональной древесно-кольцевой хронологии *Tara*, построенной по образцам, собранным с живых деревьев и архитектурных памятников Тарского Прииртышья (серая линия), с древеснокольцевой хронологией *Arch*, построенной по образцам с археологических памятников (черная линия). Серым выделен период перекрытия с 1543 по 1643 г., значение коэффициента корреляции Пирсона составляет 0.43.

Fig. 2. Cross-dating of the regional tree-ring chronology *Tara* based built on samples collected from living trees and architectural sites of Tara area of the Irtysh region (gray line) with a tree-ring chronology *Arch* based on samples from archaeological sites (black line). Gray colour shows a period of overlapping from 1543 to 1643, the value of the Pearson correlation coefficient is 0.43

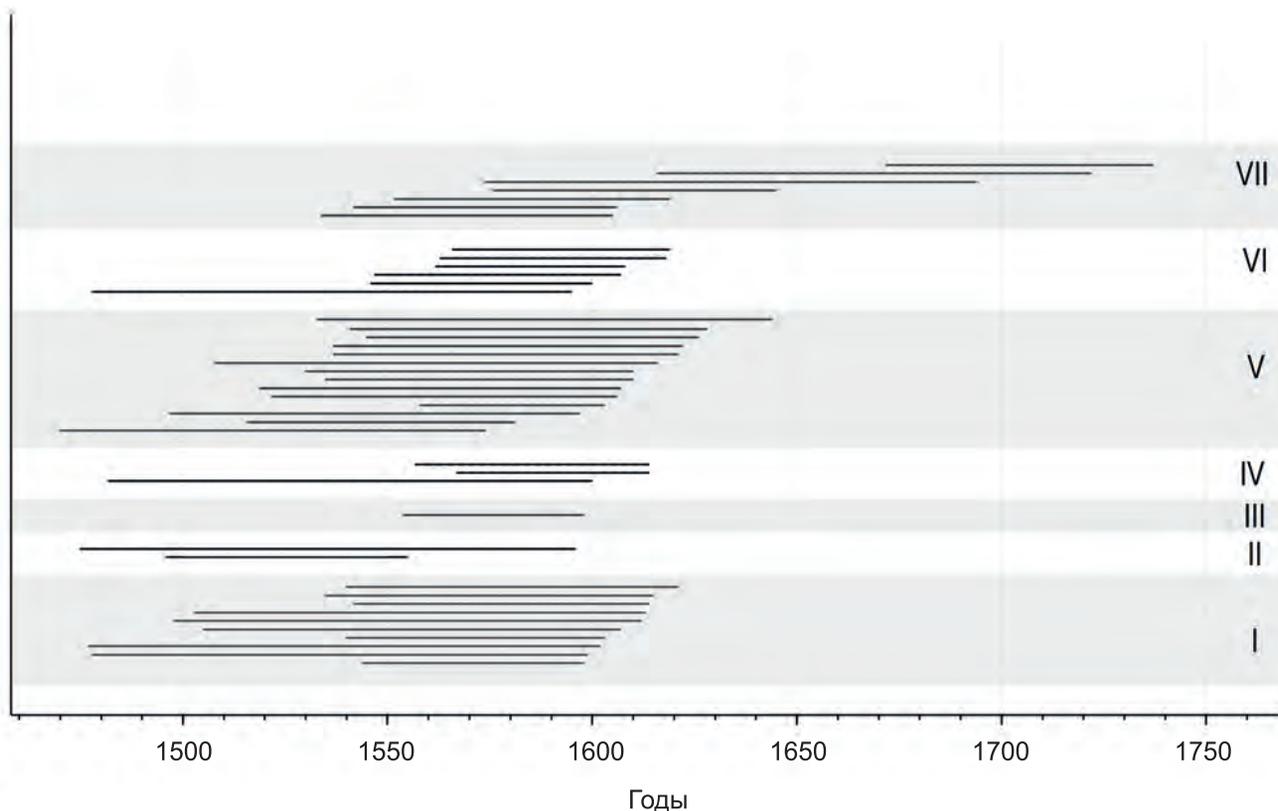
Избы из д. Ананьино. Деревня расположена в 15 км к ЮВ от г. Тара на правом берегу р. Иртыш. Ее первое упоминание относится к 1624 г. (Буцинский, 1999; Татаурова, Крих, 2015). В период XVII–XVIII вв. в д. Ананьино основную часть населения представляли семьи Неупокоевых, Скуратовых. Во второй половине XIX в. деревня перестала существовать. Археологические раскопки выявили два усадебных комплекса, вытянутых вдоль берега озера по линии СВ–ЮЗ и разделенных проходом шириной 6 м. Северо-восточный комплекс был представлен одной избыю-связью и частью крытого двора, застланного плахами; юго-западный комплекс состоит из четырех изб-связей (изба-сени-клеть). Считается, что такие дома были у крестьян и в них жили семьи из десяти и более человек (Шелегина, 1995). Раскопанные усадебные комплексы по находкам монет были ранее отнесены ко второй половине XVIII в. – периоду, когда в деревне проживало максимальное количество населения. Для уточнения археологических датировок была предоставлена коллекция образцов в количестве 26 поперечных спилов с территории трехчастной избы-связи

(северо-восточный комплекс) и избы-связи юго-западного комплекса. Характерной особенностью образцов была плохая сохранность периферийных колец, поэтому для дендрохронологического анализа пригодными оказались 6.

Бергамакский острог был построен на левом берегу р. Тара в ста километрах на ЮВ от г. Тара. Согласно историческим источникам, в ноябре 1668 г. по предписанию тобольского воеводы П.И. Годунова образовалась слобода, в которой уже в начале XVIII в. жило около 80 семей (Аполлова, 1976; Березнова, 2006). В ходе археологических раскопок 1996 и 1998 гг. были найдены фрагменты деревянных конструкций погреба, оборонительных сооружений острога и других деревянных конструкций (Татаурова, 1997). Всего с объекта исследования было собрано 20 спилов, из них пригодными для дендрохронологического анализа оказались 7.

Методика дендрохронологической датировки

Осуществление стандартной методики дендрохронологической датировки археологической древесины, как правило, предполагает

Рис. 3. Взаимное перекрытие абсолютно датированных образцов древесины археологических памятников Тарского Прииртышья: I–IV – Тарская крепость (I – Сруб 1, II – Столб, III – Сруб 3, IV – Сруб 4), V – Тарская усадьба, VI – д. Ананьино, VII – Бергамакский острог.

Fig. 3. Mutual overlapping of absolutely dated wood samples from the archaeological sites in Tara area of the Irtysh region: I–IV – Tara Fortress, V – Tara Manor, VI – the village of Ananyino, VII – Bergamak stockaded town

наличие двух составляющих – привязанной к календарной шкале обобщенной хронологии по району исследования и построенной по памятнику (“плавающей”) древесно-кольцевой хронологии (ДКХ). В качестве обобщенной хронологии нами была привлечена ДКХ *Tara* (с 1524 по 2015 г.), построенная по деревьям, произрастающим в районе исследования, и образцам древесины, собранной с архитектурных построек Тарского Прииртышья (Сидорова и др., 2016).

Работа по измерению ширины годичных колец выполнялась на полуавтоматической установке “LINTAB”. Измеренные серии прироста датировались посредством сочетания графической перекрестной датировки (Douglass, 1919) и кросс-корреляционного анализа в специализированном программном пакете для дендрохронологических исследований – DPL (Holmes, 1983) и “TSAP system V3.5” (Rinn, 1996). Возрастной тренд из древесно-кольцевых серий был удален на основе использования

сплайна в две трети от длины индивидуальной хронологии в программе ARSTAN (Cook, Krusic, 2008). В процессе пробоподготовки из коллекций археологической древесины мы исключили образцы, содержащие менее 70 колец, и кренивую древесину. Также из выборки были исключены образцы, которые не датировались на этапе построения “плавающих” (календарно не привязанных ДКХ) хронологий по каждой постройке.

Результаты

Исходя из степени сохранности древесины и наполненности коллекций образцами, вначале были проанализированы коллекции, отобранные по материалам раскопок в г. Тара, а затем полученные в ходе раскопок жилищ д. Ананьино и Бергамакского острога.

В ходе процедуры графической перекрестной датировки археологических образцов г. Тара удалось построить “плавающую” хронологию *Arch* длительностью 175 лет (рис. 2). При проведении процедуры кросс-корреляционного

анализа ее удалось датировать относительной региональной ДКХ “Тара”. Качество проведенной датировки проиллюстрировано на рис. 3. В нашем случае результаты работы позволили не только датировать коллекцию археологических образцов г. Тара, но также улучшить репрезентативность выборки и продлить ДКХ “Тара” до 1470 г.

Опираясь на улучшенную региональную хронологию, протяженностью более пяти веков, мы провели работу по датировке “плавающих” ДКХ, построенных по археологическим образцам из д. Ананьино и Бергамакского острога. Коэффициент корреляции Пирсона между хронологией *Tara* и ДКХ, построенной по образцам изб из д. Ананьино, составил 0.42 (для периода с 1508 по 1618 г.), по Бергамакскому острогу — 0.34 (для периода с 1558 по 1618 г.). В результате было установлено календарное время формирования периферийных колец у образцов изб д. Ананьино и фрагментов деревянных конструкций Бергамакского острога (таблица).

Таким образом, в результате проведенного комплекса работ впервые было выполнено дендрохронологическое датирование образцов четырех археологических комплексов лесостепной зоны Западной Сибири.

Тарская крепость. Сруб № 1. Из 15 образцов датировалось 11. Венцы сруба нумеровались в направлении от верхних к нижним. Исходя из принадлежности к венцам сруба, они распределились в следующем порядке (таблица, рис. 3): венец 1 — два образца, наиболее поздняя дата зафиксирована на образце tara28 — 1612 г., разница между наиболее ранними и поздними датами образцов периферийных колец составила 5 лет. Венец 2 — датировалось два образца, наиболее поздняя дата пришлась на 1621 г. (tara29), разница между датами у образцов составила 23 года. Венец 3 — датировалось два образца, самая поздняя дата (1615 г.) зафиксирована на образце tara11, разница между датами образцов составила 20 лет. Венец 4 — датировалось два образца, наиболее поздняя дата зафиксирована на образце tara09 — 1614 г., разница между периферийными кольцами образцов составила 1 год. Венец 5 — образец датируется 1603 г. (таблица). Полученная разница между датировками образцов с бревен внутри каждого венца свидетельствует о потере значительной части периферийных колец. Сопоставление наиболее поздних дат между венцами показало, что разница достигает 18 лет

(таблица). Таким образом, учитывая широкий разброс дат внутри и между венцами, а также тот факт, что ни у одного образца не сохранились подкоровые кольца, для определения времени сооружения сруба № 1 мы исходили из наиболее поздней даты, представленной образцом tara29, т.е. с учетом возможной потери периферийной части колец, сруб № 1 был построен не ранее начала второй четверти XVII в.

Для дополнительной оценки возможного числа утерянных периферийных колец была проведена датировка двух образцов, взятых с одного и того же столба, расположенного у стены сруба № 1. Полученные даты показали, что разница между периферийными кольцами двух образцов составила 41 год (таблица, рис. 3). Исходя из отсутствия подкорового кольца и учитывая разницу в количестве потерянных периферийных колец при анализе венцов сруба № 1 и данного столба, можно предположить, что в ряде случаев у образцов может отсутствовать от двух до четырех десятков периферийных колец.

Сруб № 3. Из 4 образцов датировался только один tara14 (1598 г.). Полученную дату с учетом возможного числа отсутствующих наружных колец можно соотнести с датировкой сруба № 1 и датировать сруб № 3 тем же временем — не ранее начала второй четверти XVII в.

Сруб № 4. Из 6 образцов датировалось три, даты распределились в интервале с 1600 по 1614 г. (таблица, рис. 3). Исходя из сохранности материала и отсутствия подкорового кольца, время сооружения сруба № 4 также можно отнести к началу второй четверти XVII в.

Тарская усадьба. Из 21 образца датировалось 14 (таблица, рис. 3). Согласно стратиграфической привязке, образцы можно разделить на четыре группы. В первую группу вошли образцы tar03, tar16, относящиеся к уровню залегания —160/—180 см. Наиболее поздняя дата зафиксирована у образца tar16 — 1606 г. Во вторую группу вошло пять образцов, залежавших на глубине —200/—220 см, наиболее поздние даты зафиксированы на образцах tar06 — 1644 г., tar05 — 1628 г. Однако стоит отметить, что образец tar06 был взят со столба конструкции, который мог быть вкопан позже, поэтому эта дата не учитывалась при датировке конструкции. К третьей группе (—240/—260 см) относятся два образца, наиболее поздняя дата приходится на 1621 г. В четвертую группу вошли

пять образцов, залежавших на глубине —300 см, наиболее позднюю дату показал образец tar18 — 1626 г. Разница между наиболее поздними датами образцов, расположенными на разных уровнях, в среднем составила 22 года. При этом наиболее поздние образцы оказались расположены в разных слоях. Это указывает на отсутствие прямой связи между стратиграфической привязкой и полученными датировками образцов. Тем не менее ввиду отсутствия подкоровых колец на образцах мы можем предположить, что усадьба была построена не ранее начала второй четверти XVII в.

Полученные даты сооружения построек показали, что найденная археологическая древесина старше событий 1669 г. (Цветкова, 1994). В этом случае можно сделать вывод, что Тарская крепость и усадьба относятся к допожарному времени и датируются началом второй четверти XVII в.

Избы из д. Ананьино. Из 15 образцов датировалось 6. Время формирования наиболее поздней даты периферийного кольца у образцов an01, an04 приходится на 1618–1619 гг. (таблица, рис. 3). Проведенный визуальный осмотр образцов при их отборе показал, что в них отсутствует существенная часть периферийных колец. В этом случае, исходя из плохой сохранности периферийной части образцов, трехчастную избу и избу-связь из д. Ананьино можно предположительно датировать второй четвертью XVII в. Данная дендрохронологическая датировка хорошо согласуется с информацией письменных источников. На основе последних можно уточнить родовую принадлежность исследуемых построек. Они могли принадлежать первопоселенцам деревни — семьям Неупокоевых или Скуратовых (Буцинский, 1999. С. 153; Татаурова, Крих, 2015).

Бергамакский острог. Из 13 образцов датировалось 7. Даты распределились в широком интервале с 1605 по 1737 г. (таблица, рис. 3). Время формирования наиболее поздней даты периферийного кольца у образцов ber14_28, ber15 приходится на 1722–1737 гг. Исходя из сохранности материала и отсутствия подкоровых колец на образцах, можно датировать время функционирования Бергамакского острога первой половиной XVII — первой половиной XVIII в., что согласуется с историческими источниками (Аполлова, 1976). Для уточнения времени функционирования памятника необходимо увеличить выборку образцов, так как имеющейся в нашем распоряжении коллекции

явно недостаточно для восстановления его строительной истории.

В результате проведенного исследования была выполнена дендрохронологическая датировка археологических объектов Тарского Прииртышья. Установлено, что срубы Тарской крепости и усадьба датировались началом второй четверти XVII в. Избы из д. Ананьино датировались второй четвертью XVII в., а элементы конструкции Бергамакского острога — первой половиной XVII — первой половиной XVIII в. Таким образом, в рамках проведенного исследования впервые была выполнена дендрохронологическая датировка археологических объектов на территории лесостепной зоны Западной Сибири, что позволило восстановить недостающие части мозаики в истории Тарского Прииртышья. Не менее важным результатом стало построение 546-летней региональной древесно-кольцевой хронологии “Тара”, которая закладывает прочную основу для датировки архитектурных и археологических памятников, музейных объектов Тарского Прииртышья.

Работа подготовлена по гранту РГНФ № 15-31-01005, 14-31-01023 и РФФИ № 15-06-06986, ГЗ № 5.3508.2017/ПЧ. М.О. Сидорова работала в рамках темы НИР лаборатории “PaleoData” ИАЭТ СО РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аполлова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. М.: Наука, 1976. 229 с.
- Баринов В.В., Жарников З.Ю., Зайцева Е.А., Кениг А.В., Мыглан В.С., Сидорова М.О.* Дендрохронологическое датирование памятников истории и культуры п. Горноправдинск // Вестник угроведения. 2016. № 2. С. 85–97.
- Бережнова М.Л.* Русские поселения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 9. Омск: Наука, 2006. С. 201–225.
- Буцинский П.Н.* Сочинения: в 2 т. Т. 1: Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 327 с.
- Герасимова Л.Б.* Бергамак и Мыс: этническая история русских Тарского Прииртышья // Исторический ежегодник. 2001: Специальный выпуск. Посвящается 60-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова. Омск, 2001. С. 230–235.

- Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX в. Барнаул: Аз Бука, 2006. 188 с.
- Жарников З.Ю., Визгалов Г.П., Князева Е.В., Коноваленко М.В., Мыглан В.С. Результаты дендрохронологической датировки Стадучинского острога // РА. 2014. № 2. С. 164–170.
- Карпунин А.А. Абсолютные дендрохронологические шкалы археологических памятников европейской части России // АЭАЕ. 2009. № 1 (37). С. 62–70.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. 1. М.: Восточная литература, 1999. 630 с.
- Мыглан В.С. Климат и социум Сибири в малый ледниковый период. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. 230 с.
- Мыглан В.С., Жарников З.Ю., Майничева А.Ю., Лыхин Ю.П. Результаты дендрохронологического обследования Братского острога // РА. 2010. № 3. С. 164–168.
- Мыглан В.С., Дюшен С., Севен А., Крюбези Э. Датировка погребений // Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции). Якутск: Северо-Восточный федеральный ун-т, 2012. С. 66–72.
- Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Мыглан В.С. Определение календарного времени сооружения памятников деревянного зодчества историко-культурного комплекса “Старина Сибирская” (Омская область) // Academia. Архитектура и строительство. 2016. № 1. С. 33–39.
- Тарабардина О.А. Дендрохронология средневекового Новгорода (по материалам археологических исследований 1991–2006 гг.) // АЭАЕ. 2009. № 1 (37). С. 77–84.
- Татауров С.Ф., Черная М.П. Усадьба на территории тарской крепости: итоги исследований 2011–2014 годов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 292–294.
- Татауров С.Ф., Черная М.П. Земляная летопись Тары: археологический комментарий к истории города // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сб. ст., посвящ. 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2015. С. 86–91.
- Татаурова Л.В. Исследования Бергамакского острога // Археологические открытия 1996 года. М.: Наука, 1997. С. 357–358.
- Татаурова Л.В., Крих А.А. Система жизнеобеспечения сибирской деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. (по археологическим и письменным источникам) // Былые годы. 2015. Т. 37, вып. 3. С. 479–490.
- Цветкова Г.Я. Город на реке Аркарке // Тарская мозаика. Омск: Омское кн. изд-во, 1994. С. 6–45.
- Черных Н.Б., Карпунин А.А. Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XI – начала XX в. // РА. 2004. № 3. С. 68–78.
- Черных Н.Б., Карпунин А.А. Застройка “Старого города” Кирилло-Белозерского монастыря по данным дендроанализа (Успенский монастырь) // РА. 2006. № 2. С. 148–156.
- Шелегина О.Н. Русские крестьяне Западной Сибири: Особенности материальной культуры в XVIII – первой половине XIX в. // Материальная культура народов России. Новосибирск: Наука, 1995. С. 65–81.
- Douglass A.E. Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity. Vol. 1. Washington: Carnegie Inst., 1919. 127 p.
- Holmes R.L. Dendrochronological Program Library. Laboratory of Tree-ring Research. Tucson: The University of Arizona, 1983. 51 p.
- Rinn F. TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. 269 p.
- Cook E.R., Krusic P.J. A Tree-Ring Standardization Program Based on Detrending and Autoregressive Time Series Modeling, with Interactive Graphics (ARSTAN). 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ldeo.columbia.edu/res/fac/trl/public/publicSoftware.html>. (Дата обращения: 31.07.2018).

DENDROCHRONOLOGICAL DATING OF ARCHAEOLOGICAL OBJECTS OF TARA AREAL IN THE IRTYSH REGION (OMSK REGION)

Maya O. Sidorova^{1,2*}, Zakhar Yu. Zharnikov^{1,**}, Sergey F. Tataurov^{3,***},
Larisa V. Tataurova^{3,****}, Vladimir S. Myglan^{1,*****}

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

² Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russia

³ Omsk Branch of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch RAS, Omsk, Russia

*E-mail: Mayasidorova12@gmail.com

**E-mail: Zaxari1@yandex.ru

***E-mail: tatsf2008@rambler.ru

****E-mail: li-sa65@mail.ru

*****E-mail: v.myglan@gmail.com

In the territory of Tara area of the Irtysh region (Western Siberia) a significant number of archaeological sites of the Russian time have survived. Practice showed that the use of the conventional comparative-typological method for dating these archaeological complexes did not allow determining the calendar time for their construction. This problem can be solved by the application of the dendrochronological approach which enabled us to establish the time of the construction of archaeological sites in the forest-steppe zone of Tara area of the Irtysh region: the structures of the Tara Kremlin and manor date back to the beginning of the second quarter of the 17th century; a hut from the village of Anan'ino – to the second quarter of the 17th century; fragments of the Bergamak stockaded town – to the first half of the 17th – the first half of the 18th century. The investigation findings lay a solid foundation for the subsequent calendar dating of wood from the archaeological sites and architecture monuments in Tara area of the Irtysh region.

Keywords: archaeology, archaeological sites, dendrochronology, dendroarchaeology, calendar dating, Western Siberia, Siberian town, Tara, Anan'ino, Bergamak stockaded town.

REFERENCES

- Apollova N.G.*, 1976. Khozyaystvennoye osvoyeniye Priirtysh'ya v kontse XVI – pervoy polovine XIX v. [Economic development of the Irtysh region in the late 16th – the first half of the 19th century]. Moscow: Nauka. 229 p.
- Barinov V.V., Zharnikov Z.Yu., Zaytseva E.A., Kenig A.V., Myglan V.S., Sidorova M.O.*, 2016. Dendrochronological dating of historical and cultural sites of Gornopravdinsk settlement // *Vestnik ugrovedeniya [Journal of Ugric Studies]*, 2, pp. 85–97. (In Russ.)
- Berezhnova M.L.*, 2006. The Russian settlements of Tara area of the Irtysh region in the 18th–20th centuries // *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma [Ethnographic and archaeological complexes: issues of culture and society]*, 9. Omsk: Nauka, pp. 201–225. (In Russ.)
- Butsin'skiy P.N.*, 1999. Sochineniya [Works], 1. Zaseleniye Sibiri i byt eye pervykh nasel'nikov [Settling of Siberia and the life of its first settlers]. Tyumen': Izdatel'stvo Yu. Mandriki. 327 p.
- Chernykh N.B., Karpukhin A.A.*, 2004. The absolute dendrochronological scale of Tver in the 11th – the early 20th century // *Ross. Arkheol.*, 3, pp. 68–78. (In Russ.)
- Chernykh N.B., Karpukhin A.A.*, 2006. Building Constructions of “The Old City” of St. Cyrill of Beloozero Monastery according to the data of dendrochronological analysis (The Assumption Monastery) // *Ross. Arkheol.*, 2, pp. 148–156. (In Russ.)
- Cook E.R., Krusic P.J.*, 2008. A Tree-Ring Standardization Program Based on Detrending and Autoregressive Time Series Modeling, with Interactive Graphics (ARSTAN) [Electronic resource]. Access mode: <http://www.ldeo.columbia.edu/res/fac/trl/public/publicSoftware.html>. Date of access: 31.07.2018.
- Douglass A.E.*, 1919. Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity, 1. Washington: Carnegie Institution. 127 p.
- Gerasimova L.B.*, 2001. Bergamak and Mys: the ethnic history of the Russians in Tara area of the Irtysh region // *Istoricheskiy ezhegodnik [Historical Annals]*, 2001. Spetsial'nyy vypusk. Posvyashchayetsya 60-letiyu professora Nikolaya Arkad'yevicha Tomilova [Special issue. Dedicated to the 60th anniversary of

- Professor Nikolay Arkadyevich Tomilov*]. Omsk, pp. 230–235. (In Russ.)
- Goncharov Yu.M., Ivonin A.R., 2006. Ocherki istorii goroda Tary kontsa XVI – nachala XX vv. [Studies on the history of Tara of the late 16th – the early 20th century]. Barnaul: Az Buka. 188 p.
- Holmes R.L., 1983. Dendrochronological Program Library. Laboratory of Tree-ring Research. Tucson: The University of Arizona. 51 p.
- Karpukhin A.A., 2009. Absolute dendrochronological scales of archaeological sites of European Russia // *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 1(37), pp. 62–70. (In Russ.)
- Miller G.F., 1999. Istoriya Sibiri [The History of Siberia], 1. Moscow: Vostochnaya literatura. 630 p.
- Myglan V.S., 2010. Klimat i sotsium Sibiri v malyy lednikovyy period [The climate and society of Siberia in the Little Ice Age]. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet. 230 p.
- Myglan V.S., Dyushen S., Seven A., Kryubezi E., 2012. Dating of burials // *Mir drevnikh yakutov: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (po materialam sakha-frantsuzskoy arkheologicheskoy ekspeditsii)* [The world of the ancient Yakuts: an experience of interdisciplinary studies (based on the Sakha-French Archaeological Expedition)]. Yakutsk: Severo-Vostochnyy federal'nyy universitet, pp. 66–72. (In Russ.)
- Myglan V.S., Zharnikov Z.Yu., Maynicheva A.Yu., Lykhin Yu.P., 2010 // *Ross. Arkheol.*, 3, pp. 164–168. (In Russ.)
- Rinn F., 1996. TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution. 269 p.
- Shelegina O.N., 1995. Russian peasants of Western Siberia: peculiarities of material culture in the 18th – the first half of the 19th century // *Material'naya kul'tura narodov Rossii* [Material culture of the peoples of Russia]. Novosibirsk: Nauka, pp. 65–81. (In Russ.)
- Sidorova M.O., Zharnikov Z.Yu., Myglan V.S., 2016. Determining the calendar time of the construction of wooden architecture sites in the Historical and Cultural Complex “Starina Sibirskaia” (Omsk Region) // *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and Construction], 1, pp. 33–39. (In Russ.)
- Tarabardina O.A., 2009. Dendrochronological studies of medieval Novgorod (based on archaeological excavations of 1991–2006) // *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 1(37), pp. 77–84. (In Russ.)
- Tataurov S.F., Chernaya M.P., 2014. The manor house in the Tara fortress: the results of 2011–2014 investigations // *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [The issues of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories], XX. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, pp. 292–294. (In Russ.)
- Tataurov S.F., Chernaya M.P., 2015. Earth annals of Tara: archaeological commentary on the history of the city // *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: sbornik statey, posvyashchenny 70-letiyu professora Yu.F. Kiryushina* [Archaeology of Western Siberia and Altai: an experience of interdisciplinary research: Collected articles dedicated to the 70th anniversary of Professor Yu.F. Kiryushin]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, pp. 86–91. (In Russ.)
- Tataurova L.V., 1997. Investigations of the Bergamak stockaded town // *Arkheologicheskie otkrytiya 1996 goda* [Archaeological discoveries of 1996]. Moscow: Nauka, pp. 357–358. (In Russ.)
- Tataurova L.V., Krikh A.A., 2015. The life support system of the Siberian village of Anan'ino in the 17th–18th centuries (archaeological and written sources) // *Bylye gody* [The Years of Old], vol. 37, iss. 3, pp. 479–490. (In Russ.)
- Tsvetkova G.Ya., 1994. A town on the Arkarka river // *Tarskaya mozaika* [Tara Mosaic]. Omsk: Omskoye knizhnoye izdatel'stvo, pp. 6–45. (In Russ.)
- Zharnikov Z.Yu., Vizgalov G.P., Knyazeva E.V., Konovalenko M.V., Myglan V.S., 2014. The results of the dendrochronological dating of the Stadukhino stockaded town // *Ross. Arkheol.*, 2, pp. 164–170. (In Russ.)

ИСТОРИЯ НАУКИ

**МАРШРУТ И ХРОНОЛОГИЯ РАБОТ
ВТОРОЙ РУССКОЙ ТУРКЕСТАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
АКАДЕМИКА С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГА (1914–1915 гг.)**

© 2019 г. М.Д. Бухарин

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

E-mail: vdi@igh.ras.ru

Поступила в редакцию 16.04.2018 г.

Многие вопросы из истории Второй Русской Туркестанской экспедиции (1914–1915), осуществленной под руководством Непременного секретаря Императорской Академии наук академика С.Ф. Ольденбурга, остаются неисследованными, так как материалы по истории ее организации, как и главный итог – “Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дуньхуана”, пещерно-храмового комплекса, выдающегося памятника мировой культуры – до сих пор остаются неопубликованными. В точности неизвестны ни маршрут, ни хронология работ. В статье предлагается издание маршрутного листа, составленного С.Ф. Ольденбургом по завершении работ. В нем перечислены все остановочные пункты, а также представлены краткие комментарии: указаны даты остановок на всем протяжении пути из Чугучака до Дуньхуана и обратно до Урумчи. Часть документа неверно атрибутирована как относящаяся к Первой Русской Туркестанской экспедиции 1909–1910 гг. Дорога до Дуньхуана логически разделялась на три фрагмента. Работы на основных памятниках Турфанского оазиса (Туюк-мазар, Безеклик, Сенгим, Сенгим-аг‘ыз, Идикут-шари, Безеклик) проходила на обратном пути, после вынужденного завершения работ в Дуньхуане.

Ключевые слова: история археологии, Восточный Туркестан, Архивы РАН, Дуньхуан, Турфан, Вторая Русская Туркестанская экспедиция, С.Ф. Ольденбург.

DOI: 10.31857/S086960630004829-0

Исследование истории оазиса Дуньхуана – ворот в Китай на Великом шелковом пути – превратилось в самостоятельную научную дисциплину в рамках востоковедения: дуньхуановедение. Об этом, в частности, свидетельствует появление комплексных исследований по данной проблематике (*Dunhuang Studies...*, 2012). Дуньхуан является предметом изучения для синологов, тибетологов, индологов, специалистов по истории нескольких мировых религий, в частности буддизма и христианства, археологов, историков искусства (см. недавнюю обобщающую публикацию: Чай Цзяньхун, 2016).

Комплекс пещерных храмов, представляющий собой уникальный памятник мировой культуры, на протяжении более 100 лет исследовал ряд международных археологических и искусствоведческих экспедиций. Начало изучению Дуньхуана было положено в 1907–1915 гг. работами А. Стейна (Великобритания), П. Пеллио (Франция; объем вывезенной документации оказался столь велик, что актуальные современные исследования все

еще базируются на ее основе (*Images...*, 1999)), К. Отани (Япония) и Второй Русской Туркестанской экспедицией Непременного секретаря Императорской Петербургской академии наук академика С.Ф. Ольденбурга (II РТЭ).

Рукописи, привезенные С.Ф. Ольденбургом в 1915 г. и хранящиеся в Институте восточных рукописей РАН, – китайские и тибетские – долгое время исследуются российскими специалистами по данной теме. Составляются отдельные каталоги (Савицкий, 1991; *Рукописи из Дуньхуана, 1992–2001*), издаются некоторые тексты (*Китайские рукописи...*, 1963; *Бяньвэнь...*, 1972).

Не меньшее значение (в сравнении с памятниками письменности) для мировой науки имеет исследование настенных росписей в пещерных храмах Дуньхуана с точки зрения как исторической перспективы, так и реставрационных и консервационных работ (см. *Whitfield et al., 2000; The Conservation...*, 2013). И в данном аспекте российские музейные

собрания, основанные на результатах работ С.Ф. Ольденбурга, являются одним из основных источников информации, в том числе для зарубежных исследователей (см.: Цзинь Мэй, 2004; Жэнь Лань Синь, 2007).

У главного же труда академика С.Ф. Ольденбурга — «Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дуньхуана», где описано 447 пещерных храма, довольно печальная судьба. Достаточно сказать, что практическая работа по его подготовке к изданию была возобновлена после нескольких десятилетий простоя только в 2018 г.

Не только главный труд академика Ольденбурга (возможно, работа всей его долгой жизни в науке), но и другие документы по истории II РТЭ до сих пор не введены в научный оборот. Так, хронология работ, маршрут, по которому экспедиция перемещалась, до сих пор известны только в самых общих чертах. В литературе указываются только главные, опорные пункты (Чугучак, Урумчи, Гучен, Хами) (Попова, 2008. С. 165); в другой работе, посвященной истории работ II РТЭ (Скачков, 1993), этот вопрос не рассматривается вовсе.

Между тем документы II РТЭ позволяют полностью восстановить маршрут и хронологию работ экспедиции академика Ольденбурга. Публикуемый ниже документ представляет собой маршрутный лист с краткими комментариями (даты, места ночевки и работы), составленный в июне 1914 — марте 1915 г., когда Вторая Русская Туркестанская экспедиция проводила работы в Восточном Туркестане. Документ хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук в личном фонде С.Ф. Ольденбурга (Ф. 208. Оп. 1. Д. 186. Л. 60, 62—64). Лист 60 неверно атрибутирован как «Дорожник I РТЭ», т.е. экспедиции 1909—1910 гг., однако даты, места работы и упоминание Б.Ф. Ромберга, который в I РТЭ не участвовал, исключают такую атрибуцию.

Первый фрагмент «От Чугучака до Урумчи» указывает остановочные пункты на пути между двумя политическими центрами Северо-Западного Китая, в которых имелись российские консульства. В них экспедиции было необходимо оформлять документы для передвижения по Китаю и работы в стране.

Второй фрагмент «От Урумчи до Хами через Гучен» указывает маршрут, который экспедиция прошла до Хами, при этом этот маршрут отличается от обратного пути, который

Ольденбург и его спутники прошли южнее, через Турфанскую котловину. Эти направления разошлись в Ляодуне.

Дальнейший путь «От Хами до Чан-фо-дуна через Ань-си-чжоу» пролегал юго-восточнее Хами. Обратный маршрут в Хами «От Чан-фо-дуна до Хами через Хун-лю-юан-цзы» пролегал в северном направлении от Дуньхуана (южном от Хами), без посещения (западнее) Аньси. Эти маршруты пересеклись в Хун-лю-юан-цзы.

Отрезок «От Хами до Туюк-Мазара» описывает обратный маршрут от Хамийской в Турфанскую впадину, в которой сконцентрировано наибольшее количество памятников древней и средневековой истории Восточного Туркестана.

Отрезок «От Туюк-Мазара до Урумчи» описывает маршрут через основные памятники Турфанской долины в Урумчи — главный политический центр Синьцзяна. Примечательна запись от 3 марта 1915 г., в которой перечислены места работ в Турфанском оазисе: Туюк-Мазар, Безеклик, Сенгим, Сенгим-аг‘ыз, Идикут-шари, Безеклик. Работа II РТЭ на этих городищах не описана нигде, кроме записных книжек С.Ф. Ольденбурга, также хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 193. Л. 238—269), которые в настоящий момент готовятся к изданию (Бухарин, 2019).

Документ написан синими чернилами, четким почерком без использования знака ять. Определенно, он был составлен по дневниковым записям по завершении экспедиции. Судя по почерку, текст был написан академиком С.Ф. Ольденбургом. Современная (архивная) пагинация листов не соответствует хронологии работ экспедиции.

[62]

Дорожник экспедиции

От Чугучака до Урумчи

[Карта 1 (рис. 1)]

1. VI. 17. Чугучак — Тоу-тай
2. „ 18. Тоутай — Сара-хулсын¹ (Шамол-уртон), через Куртэ²

¹ Совр. Лаофункоу (Сарыхулсын) к юго-востоку от Чугучака.

² Населенный пункт между Эмин (Дульбурджин) и Лаофункоу.

Рис. 1. Маршрут от Чугучака до Хами.

Fig. 1. The route from Chuguchak to Hami

3. „ 19. Сара-хулсын – Толу³
4. „ 20. Толу – Ямату⁴
5. „ 21. Ямату – Оту⁵. Через Кюльденен⁶
6. „ 22. Оту – Олон-булак⁷. Через Сарджак⁸
7. „ 23. Олон-булак – Кюль⁹
8. „ 24. Кюль – Чипей-цзы¹⁰
9. „ 24. Чипей-цзы – Шихо. Через Тхеуте
10. „ 26. Шихо – Куйтун¹¹. 25. Дневка в Шихо.
11. „ 27. Куйтун – Сандахоза¹²

³ Совр. Толи (Мапан) на хребте Джаир.

⁴ Пикет на одноименной реке.

⁵ Совр. Уту (Мяоэргу).

⁶ Совр. Кульденен на одноименной реке.

⁷ Пикет к юго-востоку от Сарджака.

⁸ Пикет в 75 км от Толи.

⁹ Совр. пикет Куль.

¹⁰ Совр. Чэпайцзы.

¹¹ Совр. Куйтун на одноименной реке к востоку от Усу.

¹² Совр. Сандухоза.

12. „ 29. Сандахоза – Манас река¹³. 28. Дневка в Сандахоза.
13. „ 30. Манас река – Манас город
14. VII. 1. Манас – Сан-со-цзы
15. „ 2. Сан-со-цзы – Цхан-цзи¹⁴
16. „ 3. Цхан-цзи – Урумчи

От Урумчи до Хами через Гучен

17. VII. 12. Урумчи – Гумиди
18. VII. 13. Гумиди – Фукан¹⁵
19. VII. 15. Фукан – стоянка в степи у арыка, версты 22 от Фукана. 14. Дневка в Фукане.
20. VII. 16. Стоянка в степи – стоянка у арыка за Цзи-ни-чуань¹⁶, приблизительно 45 верст от Фукана.

[63]

21. VII. 17. Стоянка у арыка – Сан-тай¹⁷

¹³ Река Манас протекает между совр. Шихэцзы и Манасом.

¹⁴ Вероятно, имеется в виду совр. Чан-цзи.

¹⁵ Населенный пункт к северо-востоку от Урумчи.

¹⁶ Совр. Цзиницюань к востоку от Фукана.

¹⁷ Совр. Саньтай.

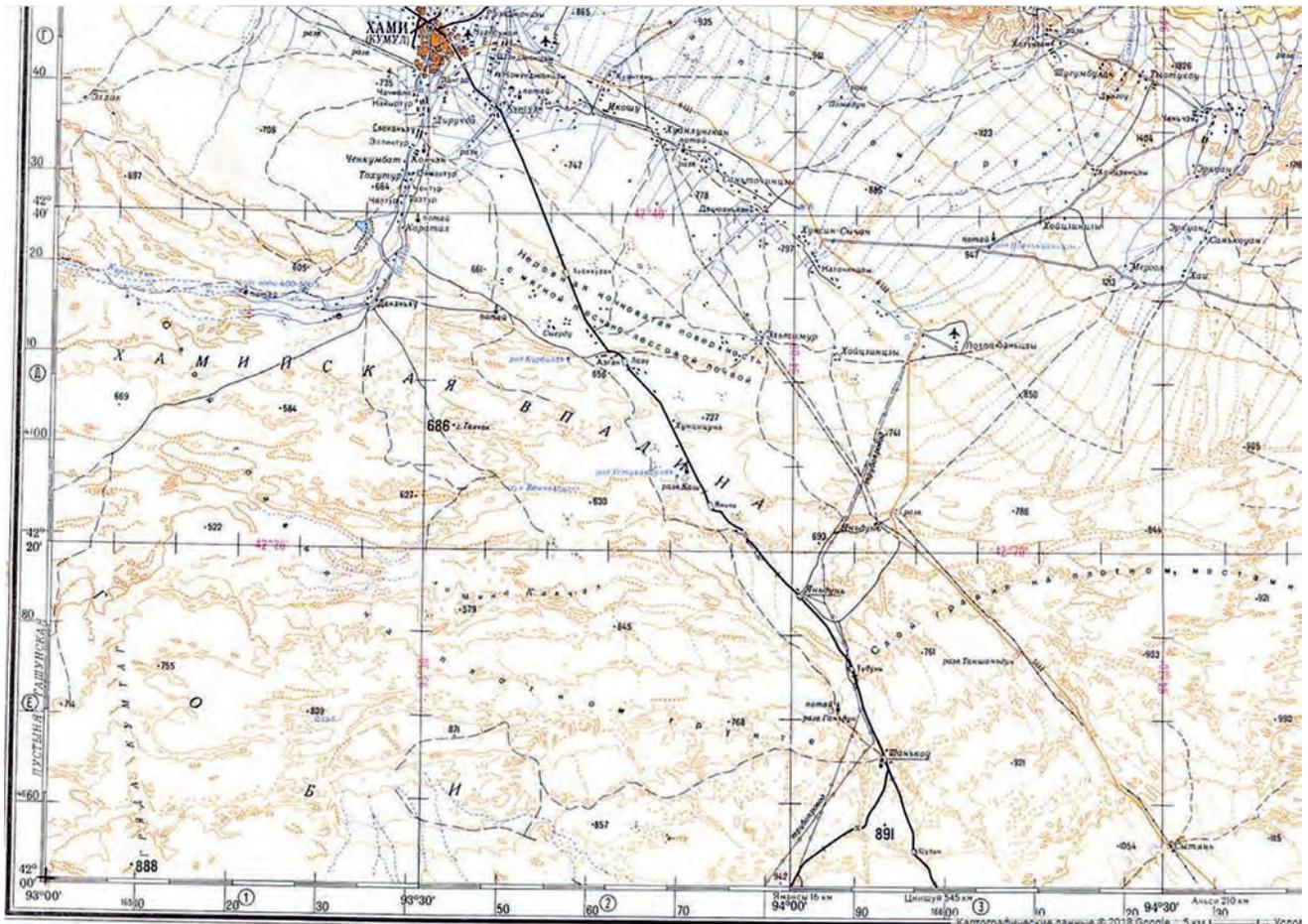

Рис. 2. Дорога от Хами к Анкси.

Fig. 2. The road from Nami to Anxi

22. „ 18. Сантай – Цзи-ми-сар ¹⁸	29. „ 26. Тушуй – Чичи-чинза ²³
23. „ 19. Цзи-ми-сар – Гучен ¹⁹	30. „ 27. Чичи-чинза – Чегулу ²⁴
24. „ 21. Гучен – Чи-тей-сянь. 20. Дневка в Гучене.	31. „ 28. Чегулу – Иван-чинза ²⁵
25. „ 22. Чи-тей-сянь – Мулихэ ²⁰	32. „ 29. Иван-чинза – Лёдун ²⁶
26. „ 23. Мулихэ – Санго-чуан-цзы ²¹	33. „ 30. Лёдун – Сан-дао-линза (Таранчи) ²⁷
27. „ 24. Санго-чуан-цзы – Да-ши-ту ²²	34. „ 31. Сандао-линза – Тогучи. Поездка в Или-кель.
28. „ 25. Да-ши-ту – Ту-шуй	35. VIII. 1. Тогучи – Сум-каг‘а (Ту-фу-лу ²⁸)
	36. „ 1. Сум-каг‘а – Хами

¹⁸ Совр. Джимсар.

¹⁹ Совр. Цитай в 32 км на восток от Джимсара.

²⁰ Возможно, имеется в виду совр. Моры, обозначенное на карте 500k-k46-1; на карте 500k-146-3 при указании дороги к данному поселению этот топоним обозначен как Мулэй.

²¹ Вероятно, имеется в виду совр. Саньгэцюаньцзы к юго-востоку от Моры.

²² Совр. Дашитоу.

²³ Возможно, имеется в виду совр. Цицзяоцин.

²⁴ Совр. Чегулуьчуань.

²⁵ Совр. Иваньцюань.

²⁶ Совр. Ляодунь.

²⁷ Совр. Саньдаолин.

²⁸ Вероятно, совр. Улу в 52 км к западу от Хами.

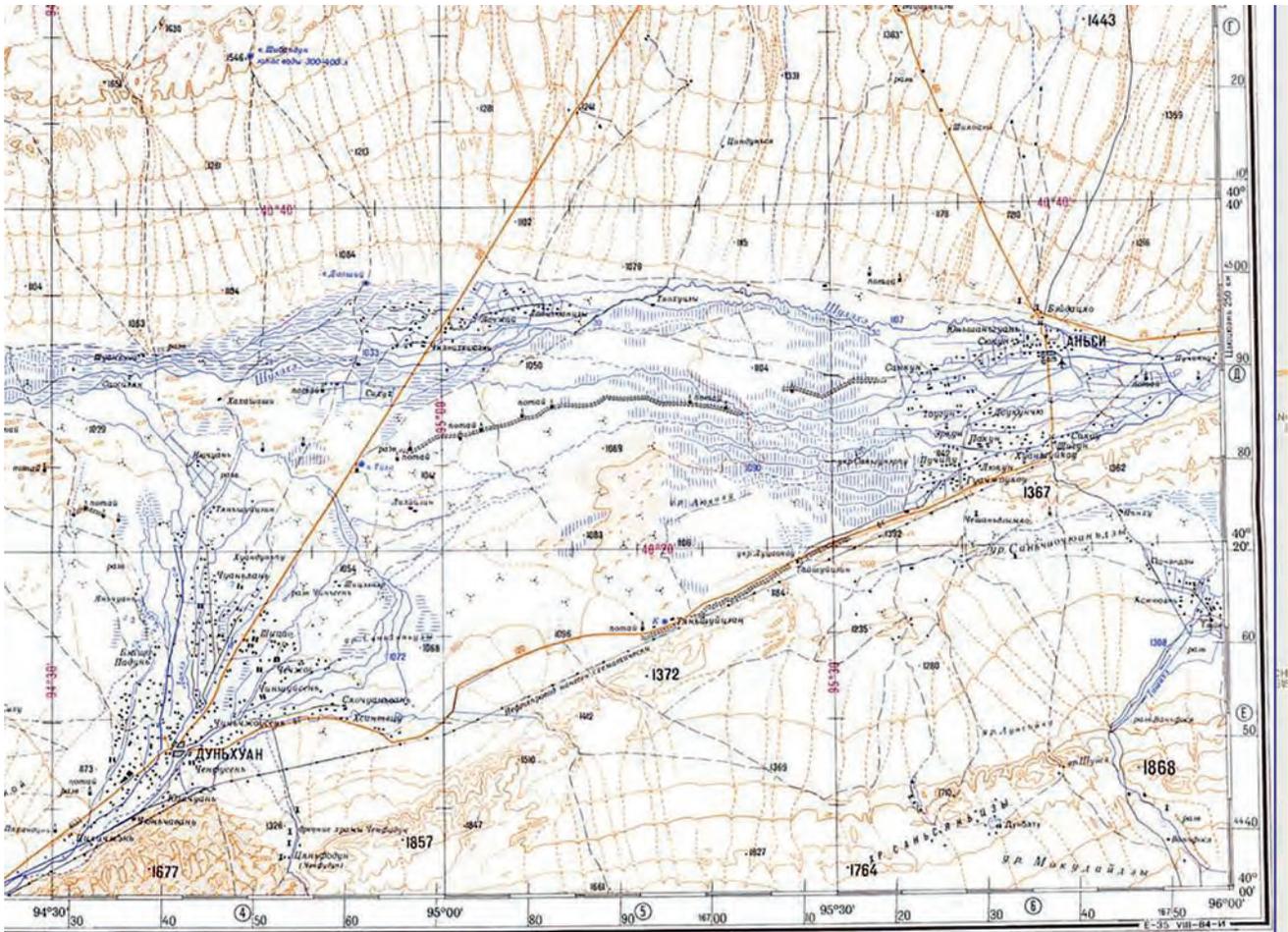

Рис. 3. Маршрут от Аньси до Дунхуана.

Fig. 3. The route from Anxi to Dunhuang

От Хами до Чан-фо-дуна через Ань-си-чжоу
[Карта 2 (рис. 2)]

- 37. VIII. 5. Хами – Хуаң-лу-каң²⁹
- 38. „ 6. Хуаң-лу-каң – Чаң-лю-шуй (Алтемюр³⁰)
- 39. „ 7. Чаң-лю-шуй – Яндун³¹
- 40. „ 8. Яндун – Куфи (Кушуй³²)
- 41. „ 9. Куфи – Са-чуан-цзы³³.
- 42. „ 10. Са-чуан-цзы – Шинь-шинь-ся³⁴

²⁹ Совр. Хуанлунган.

³⁰ Совр. Эльтимур

³¹ Совр. Яньдунь.

³² Совр. Кушуй в 115 км от Хами.

³³ Совр. Сачуаньцзы. Переход от Кушуй до Сачунь-цзы пролегал вне дорог, по гравию на плотном, местами мягком грунте.

³⁴ Вероятно, имеется в виду совр. Синсинся.

43. „ 11. Шинь-шинь-ся – Ма-лян-чинза³⁵

44. „ 12. Ма-лян-чинза – Да чуань³⁶

[64]

45. VIII. 13. Да чуань – Хун-лю-юан-цзы³⁷

46. „ 14. Хун-лю-юан-цзы – Бей-дун-цзы³⁸

47. „ 15. Бей-дун-цзы – Ань-си-чжоу³⁹

48. „ 17. Ань-си-джоу – Куа-джу⁴⁰. 16. Дневка в Аньси.

[Карта 3 (рис. 3)]

³⁵ Совр. Маляньцин.

³⁶ Совр. Дацюань.

³⁷ Совр. Люань.

³⁸ Совр. Байдуныцзы.

³⁹ Совр. Аньси в долине реки Шулэхэ.

⁴⁰ Возможно, имеется в виду совр. Гуанжоукоу к юго-западу от Аньси.

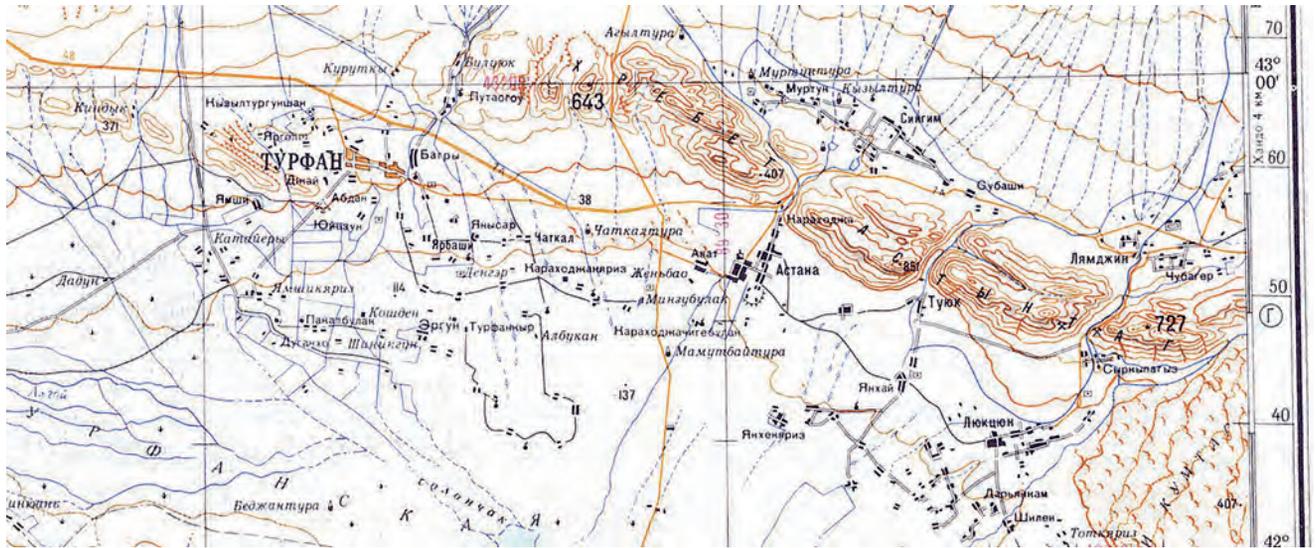

Рис. 4. Карта Турфанского оазиса.

Fig. 4. Map of the Turpan Oasis

49. .. 18. Куа-джу – Тан-фи-чинза
 50. .. 19. Тан-фи-чинза – Гада-чинза
 51. .. 20. Гада-чинза – Чан-фо-дун⁴¹

*От Чан-фо-дуна до Хами через
Хун-лю-юан-цзы*

1. I. 27. Чан-фо-дун – Чи-сор или, может
быть, Са-мун-за
 2. .. 28. Чи-сор – Чаңь-чжа-чжуань⁴² (около
Ляо-чжуань)
 3. .. 29. Чаңь-чжа-чжуань – Да-го-да
 4. .. 30. Да-го-да – Хун-лю-юан-цзы
 5. .. 31. Хун-лю-юан-цзы – Да-чуань
 6. II. 1. Да-чуань – Ма-лян-чинза
 7. .. 2. Ма-лян-чинза – Шинь-шинь-ся
 8. .. 3. Шинь-шинь-ся – Са-чуан-цзы
 9. .. 4. Са-чуан-цзы – Куфи
 10. .. 5. Куфи – Ян-дун
 11. .. 6. Ян-дун – Чаң-лю-шуй
 12. .. 7. Чаң-лю-шуй – Хуаң-лу-каң (Сай-булак)
 13. .. 8. Хуаң-лу-каң – Хами

[60]

⁴¹ Совр. Цяньфодун (Ченфудун) – цель экспедиции С.Ф. Ольденбурга, расположенная к юго-востоку от Дуньхуана.

⁴² Совр. Чжанцзяцюань на реке Шулуэхэ.

От Хами до Туок-Мазара

14. II. 11. Хами – Астана, остановка в Хами 9
и 10 II
 15. .. 12. Астана⁴³ – Таранчи
 16. .. 13. Таранчи – Лёдун
 17. .. 14. Лёдун – Иван-чинза
 18. .. 15. Иван-чинза – Чеголу
 19. .. 16. Чеголу – Отун-г'ауза (Дуң-яң-ши⁴⁴)
 20. .. 17. Отун-г'ауза – Ши-яң-ши⁴⁵
 21. .. 18. Ши-яң-ши – Крык-уртең (Туң-дуң-
цзы)⁴⁶
 22. .. 19. Крык-уртең – Чиктым⁴⁷
 23. .. 20. Чиктым – Пичан⁴⁸
 24. .. 21. Пичан – Туок-Мазар. Через с. Лем-
джин⁴⁹.

От Туок-Мазара до Урумчи

[Карта 4 (рис. 4)]

⁴³ Вероятно, имеется в виду совр. Астине к северо-западу от Хами.

⁴⁴ Совр. Дуняньчи-Гумбезходжам.

⁴⁵ Вероятно, имеется в виду совр. Сяяньчи.

⁴⁶ Совр. Крыкэртун.

⁴⁷ Совр. Чиктам или расположенный к югу Цыктим.

⁴⁸ Совр. Шаньшань.

⁴⁹ Совр. Лямджин.

25. 25. Туюк-Мазар — Сенгим-аг‘ыз. Через Субаши, Безеклик. 22, 23, 24. II остановка в Туюке для работы.
26. III. 7. Сенгим-аг‘ыз — Турфан. 25, 26, 27, 28 II и 1, 2, 3, 4, 5, 6 III работы в Безеклике, Сенгиме, Сенгим-аг‘ызе, Идикут-шари, Астане, причем экспедиция жила часть времени в Безеклике и другую часть в Сенгим-аг‘ызе.
- Дорога ближе к горам и мимо Старого Турфана.
27. III. 10. Турфан — Туг‘ра-су⁵⁰. Через Яр⁵¹ и Кендык⁵². 8, 9 III пребывание в Турфане, поездки Б.Ф. Ромберга в ущелья к северу от мусульманского Турфана и в Яр.
28. III. 11. Туг‘ра-су — Хоглу
29. „ 12. Хоглу — Тудун-за. Через Дабан-чен⁵³
30. „ 13. Тудун-за — Джи-джи-со-дза⁵⁴
31. „ 14. Джи-джи-со-дза — Урумчи.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00213.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бухарин М.Д.* Исследование пещерно-храмовых комплексов Туюк-мазар и Безеклик Второй Русской Туркестанской экспедицией в 1915 г. (по материалам записных книжек С.Ф. Ольденбурга) // Вестник древней истории. 2019. №1. С. 806–829.
- Бяньвэнь о воздаянии за милости: (Рукопись из Дуньхуанского фонда Института востоковедения) / Ред. Б.Л. Рифтин. М.: Наука, 1972. 419 с.
- ⁵⁰ Имеется в виду совр. Тогрысубулак.
- ⁵¹ Вероятно, имеется в виду древний Ярхото (совр. Цзяохэ), расположенный в 13 км к западу от Турфана.
- ⁵² Совр. Киндык к северо-западу от Турфана.
- ⁵³ Совр. Дабанчэн.
- ⁵⁴ Совр. Цицизицаоцзы к югу от Урумчи.
- Жэнь Лань Синь.* Памятники пещерно-храмового ансамбля Дуньхуань в контексте буддийского искусства: на материале коллекции Государственного Эрмитажа: автореферат дис. ... кандидата искусствоведения. СПб., 2007. 17 с.
- Китайские рукописи из Дуньхуана: Памятники буддийской литературы Сувэньсюэ / Изд. текстов и предисл. Л.Н. Меньшиков. М.: ИВЛ, 1963. 75 с.
- Попова И.Ф.* Вторая Русская Туркестанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга (1909–1910) // Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX вв. СПб.: Славия, 2008. С. 158–175.
- Рукописи из Дуньхуана в коллекции Санкт-Петербургского Института востоковедения Российской академии наук. Т. 1–17. М.; СПб.: Наука, 1992–2001. 17 т.
- Савицкий Л.С.* Описание тибетских свитков из Дуньхуана в собрании Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1991. 128 с.
- Скачков П.Е.* Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. // Петербургское востоковедение / Вып. 4. СПб.: Водолей, 1993. С. 313–320.
- Цзинь Мэй.* Стенопись пещер Дуньхуана династии Тан: 618–907 [Рукопись]: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2004. 210 с.
- Чай Цзяньхун.* История Дуньхуана. М.: Шанс, 2016. 93 с.
- The Conservation of Cave 85 at the Mogao Grottoes, Dunhuang: a Collaborative Project of the Getty Conservation Institute and the Dunhuang Academy / Eds L. Wong, N. Agnew. Los Angeles: Getty conservation inst., 2013. 458 p.
- Dunhuang Studies: Prospects and Problems for the Coming Second Century of Research = 敦煌學: 第二個百年的研究視角與問題 = Дуньхуановедение: перспективы и проблемы второго столетия исследований / Eds I.F. Popova, Liu Yi. St. Petersburg: Slavia, 2012. 367 p.
- Images de Dunhuang: Dessins et peintures sur papier des fonds Pelliot et Stein / Ed. J.-P. Drège. Paris: EFEO, 1999. 244 p.
- Whitfield R., Whitfield S., Agnew N. Cave Temples of Dunhuang: Art and History on the Silk Road. L.: British Library, 2000. 138 p.

THE ROUTE AND CHRONOLOGY OF WORKS OF THE SECOND RUSSIAN TURKESTAN EXPEDITION UNDER ACADEMICIAN S.F. OLDENBURG (1914–1915)

Mikhail D. Bukharin

Institute of World History, RAS, Moscow, Russia

E-mail: vdi@igh.ras.ru

Many issues of the history of the Second Russian Turkestan expedition (1914–1915) under the leadership of Permanent Secretary of the Imperial Academy of Sciences S.F. Oldenburg remain unexplored due to that materials on its arrangement as well as its main outcome, “The Description of caves the Chang Fodung near Dunhuang”, a cave temple complex and an outstanding site of the world culture, have not been published until now. Neither the route, nor chronology of works is known in detail. The article proposes the expedition route with short comments as made by S.F. Oldenburg upon completion of works. It lists all the points where the expedition stopped and worked, the dates of stops throughout the way from Chuguchak to Dunhuang and back to Urumqi are specified. Earlier, some parts of the text have erroneously been attributed as referring to the First Turkestan expedition of 1909–1910. The way to Dunhuang was logically divided into three sections. The work on the major sites of Turpan Oasis (Tojuk-mazar, Senghim, Senghim-agyz, Idikut-shahri, Bezeklik) was conducted on the return way, after the forced end of the works at Dunhuang.

Keywords: history of archaeology, East Turkestan, Archives of the Russian Academy of Sciences, Dunhuang, Turpan, the Second Russian Turkestan expedition, S.F. Oldenburg.

REFERENCES

- Bukharin M.D., 2019. Investigations of the cave temple complexes of Tuyuk-Mazar and Bezeklik by the Second Russian Turkestan Expedition in 1915 (based on S.F. Oldenburg’s notebooks). *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*. (In print). (In Russ.)
- Byan’ven’ o vozdayanii za milosti: (Rukopis’ iz Dun’khuanskogo fonda Instituta vostokovedeniya) [Bianwen on retribution for mercy: (Manuscript from the Dunhuang Fund of the Institute of Oriental Studies)]. B.L. Riftin, ed. Moscow: Nauka, 1972. 419 p.
- Chay Tsyzyan’khun, 2016. *Istoriya Dun’khuana* [The history of Dunhuang]. Moscow: Shans. 93 p.
- Dunhuang Studies: Prospects and Problems for the Coming Second Century of Research = 敦煌學: 第二個百年的研究視角與問題 = Dun’khuanoovedeniye: perspektivy i problemy vtorogo stoletiya issledovaniy. I.F. Popova, Liu Yi, eds. St. Petersburg: Slavia, 2012. 367 p.
- Images de Dunhuang: Dessins et peintures sur papier des fonds Pelliot et Stein. J.-P. Drège, ed. Paris: EFEO, 1999. 244 p.
- Kitayskiye rukopisi iz Dun’khuana: Pamyatniki buddiyskoy literatury Suven’syue [Chinese manuscripts from Dunhuang: Monuments of Buddhist literature of su wen xue]. L.N. Men’shikov, ed. Moscow: Izd. vost. lit., 1963. 75 p.
- Popova I.F., 2008. The Second Russian Turkestan Expedition under S.F. Oldenburg (1909–1910). *Rossiyskiye ekspeditsii v Tsentral’nyuyu Aziyu na rubezhe XIX–XX vv. [Russian expeditions to Central Asia at the turn of the 19th–20th centuries]*. St. Petersburg: Slaviya, pp. 158–175. (In Russ.)
- Rukopisi iz Dun’khuana kollektzii Sankt-Peterburgskogo Instituta vostokovedeniya RAN [Manuscripts from the Dunhuang collection of the St. Petersburg Institute of Oriental Studies RAS]. Moscow; St. Petersburg: Nauka, 1992–2001. 17 vols.
- Savitskiy L.S., 1991. Opisaniye tibetskikh svitkov iz Dun’khuana v sobranii Instituta vostokovedeniya AN SSSR [Description of Tibetan scrolls from Dunhuang in the collection of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Skachkov P.E., 1993. The Russian Turkestan Expedition of 1914–1915. *Peterburgskoye vostokovedeniye [Petersburg Oriental studies]*, 4. St. Petersburg: Vodoley, pp. 313–320. (In Russ.)
- The Conservation of Cave 85 at the Mogao Grottoes, Dunhuang: a Collaborative Project of the Getty Conservation Institute and the Dunhuang Academy. L. Wong, N. Agnew, eds. Los Angeles: Getty conserve. inst., 2013. 458 p.
- Tszin’ Mey, 2004. Stenopis’ peshcher Dun’khuana dinastii Tan: 618–907: diss.... kand. iskusstvovedeniya: Rukopis’ [Murals of Dunhuang caves of

- the Tang dynasty: 618–907: a thesis for the Doctoral Degree in Art Studies: Manuscript]. Moscow. 210 p.
- Whitfield R., Whitfield S., Agnew N.*, 2000. *Cave Temples of Dunhuang: Art and History on the Silk Road*. London: British Library. 138 p.
- Zhen' Lan' Sin'*, 2007. *Памятники пещерно-храмового ансамбля Дун'кхуан' в контексте буддийского искусства: на материале коллекции Государственного Эрмитажа: автореф. diss. ... канд. искусствоведения* [Sites of the Dunhuang cave temple ensemble in the context of Buddhist art: based on the material of the State Hermitage Collection: the author's abstract of a thesis for the Doctoral Degree in Art Studies]. St. Petersburg. 17 p.

“Я НЕ ВЕРЮ, ЧТО ВСЕ ОКОНЧИТСЯ ПЛОХО, ЭТО БЫЛО БЫ СЛИШКОМ НЕСПРАВЕДЛИВО...”: К БИОГРАФИИ АРХЕОЛОГА Г.И. БОРОВКИ

(по материалам следственного дела)

© 2019 г. Е.Г. Панкратова (Застрожнова)

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

E-mail: pankratova0484@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.08.2018 г.

Начало 1930-х годов в истории отечественной археологии ознаменовано усилением идеологического контроля в науке, чистками и репрессиями научного состава ленинградских учреждений по “Академическому делу” (1929–1930 гг.). Одним из многих безвинно осужденных стал скифолог, научный сотрудник Эрмитажа и Государственной академии истории материальной культуры Г.И. Боровка. На основании недоступных ранее материалов из Архива Управления ФСБ был восстановлен следственный процесс по вынесению Г.И. Боровке обвинения в шпионаже и осуждению его на 10 лет пребывания в исправительно-трудовых лагерях. Кроме того, в научный оборот вводится целый комплекс архивных документов, раскрывающий подробности организации археологических экспедиций на Керченский и Таманский полуострова в конце 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: репрессии, археологические экспедиции, идеологический контроль, наука, античные памятники Северного Причерноморья.

DOI: 10.31857/S086960630004828-9

1930-е годы – наименее изученное, но крайне важное в истории развития отечественной археологии десятилетие. Именно на это время приходится усиление идеологического контроля в науке, начало чисток в академических учреждениях и репрессий научного состава. Крупные дела, направленные против ученых и интеллигенции, такие как “Академическое дело” (1929–1930 гг.) и дело “Российской национальной партии” (1933–1934 гг.), привели к отстранению от науки, а в большинстве случаев и к физическому уничтожению большого количества видных отечественных ученых – историков, филологов-славистов, этнографов, археологов. На волне арестов по “Академическому делу” по подозрению в шпионаже был арестован и ученый-скифолог, научный сотрудник Государственного Эрмитажа (ГЭ) и Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) Григорий Иосифович Боровка. Биография этого исследователя не раз становилась объектом изучения современных исследователей. Так, в научных трудах В.Ю. Зуева тщательно изучена биография и исследовательская деятельность Г.И. Боровки

в Эрмитаже (Зуев, 1995; 1996). Е.Ю. Мавлев в своей статье рассматривает научное сотрудничество и дружбу сотрудников Эрмитажа Г.И. Боровки и О.Ф. Вальдгауэра (Мавлеев, 1995). Информация о выставочной деятельности Г.И. Боровки в Эрмитаже представлена в статье А.Ю. Алексева (1986). Информация о Г.И. Боровке содержится в Биобиблиографическом словаре востоковедов, ставших жертвами политического террора (Васильков, Сорокина, 2003). Сведения о заключении Г.И. Боровки в Ухт-Печерском лагере приводятся в работе Е.А. Зеленской (2004). Крайне важно отметить недавно вышедшую публикацию фотокolleкции Г.И. Боровки, собранной им во время руководства работой Монгольской экспедиции Академии наук в 1924–1926 гг. (Медведева, Чулуун, 2017).

Тем не менее до настоящего времени оставались неизвестными подробности целого года содержания Г.И. Боровки во внутренней тюрьме ОГПУ, детали следственного процесса и вынесения обвинения. Некоторые фрагменты из стенограмм допросов и показаний ученого во время его заключения собраны в

книге, посвященной биографии Г.И. Боровки, написанной его внучатой племянницей, проживающей в Германии (Zerbst-Boroffka, 2015). Однако это издание практически недоступно для отечественных исследователей¹.

В ходе работы автора со следственным делом Г.И. Боровки в Архиве Управления ФСБ

¹ Автор выражает благодарность заведующей Научным архивом ИИМК РАН Марии Владимировне Медведевой за возможность ознакомления с этой работой и ее автору, профессору Ирен Цербст-Боровка, за предоставленную в ходе написания статьи информацию.

по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Архив УФСБ по СПб и ЛО) были получены новые, не введенные в научный оборот данные. “Следственное дело № 918-31 — По обвинению Боровко Григория Осиповича” (П-74160) состоит из стенограмм допросов, написанных следователем от руки; личных показаний Г.И. Боровки, написанных им самим; машинописных документов: показаний А.М. Мерварта, отзывов о работе в Монгольской и Таманской экспедициях, а также следственных материалов ОГПУ (Протокол обыска и задержания, Анкета арестованного, Поста-

новление к привлечению в качестве обвиняемого и предъявление обвинения, Обвинительного заключения, справок о пересылке в Ухт-Печерский лагерь и др.). Необходимо оговориться, что по соображениям профессиональной этики представляется верным воздержаться от научно-исследовательской и личной оценки показаний и отзывов других лиц, данных в ходе следственных мероприятий по этому делу.

Григорий Иосифович Боровка (рис. 1) родился в 1894 г. в Санкт-Петербурге², в ноябре 1917 г. окончил классическое отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, после чего был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Учителями Г.И. Боровки стали М.И. Ростовцев, О.Ф. Вальдгауэр, Б.В. Фармаковский и С.А. Жебелев (более подробно см.: Зуев, 1995. С. 145–156). С 1918 г. по приглашению О.Ф. Вальдгауэра он был назначен ассистентом, а вскоре и хранителем эллино-скифского отделения ГЭ, а с 1919 г. вошел в научный состав ГАИМКа. В 1924 г. разрабатывал проект по археологическому исследованию Таманского полуострова, первоочередной задачей которого должно было стать выявление античных городищ, нуждающихся в охранных раскопках. По мнению Г.И. Боровки, такими памятниками являлись городище близ станции Сенной (Фанагория), Тамани (Гермонасса), а также Семибратнее городище и курганы. Помимо топографической фиксации планировалось проведение раскопок с целью установления границ памятников и выяснения стратиграфии. Все работы должны были сопровождаться зарисовкой, фотофиксацией, съемкой карт, планов и чертежей (НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1924. Д. 105. Л. 24). В ходе научной работы в Эрмитаже и ГАИМК Г.И. Боровка неоднократно осуществлял научные командировки: в 1924–1926 гг. в Монголию, в составе археологических экспедиций П.К. Козлова и С.А. Теплоухова; в 1928 г. на Таманский полуостров; в 1926, 1928, 1929 гг. в Берлин для научной работы, повышения

квалификации, организации выставок и, неофициально, для ведения переговоров по организации советско-германской экспедиции по изучению античных центров Тамани.

В 1930 г. археологическая экспедиция на Таманский полуостров состоялась, но только в составе советских исследователей. Несмотря на то что с 1926 г. на территории полуострова работали археологические экспедиции от РАНИОН и ГМИИ (Застрожнова, 2013; 2015), руководство ГАИМК организовало Таманскую экспедицию, начальником которой был назначен А.А. Миллер³. В научный состав вошли: А.А. Иессен⁴, Г.И. Боровка, Т.Н. Книпович⁵, А.П. Круглов⁶, Г.В. Подгаецкий⁷ и заведующий Темрюкским краеведческим музеем С.Ф. Войцеховский. Сотрудниками экспедиции было заложено несколько шурфов в прибрежной части Фанагории для выяснения уровня разрушения городища от береговой абразии и проведены археолого-топографические разведки от мыса Панагия до Бугазской косы и от Киммерийского вала до Пересыпи.

³ Миллер Александр Александрович (1875–1935) — археолог, кавказовед, этнограф, специалист в области палеоэтнологии. Директор (1917–1921) и руководитель этнографического отдела Русского музея (1908–1932). Арестован 7 сентября 1933 г. по делу “Российской национальной партии”, обвинен по ст. 58-6 и 58-10 УК РФ. Приговорен к пяти годам ИТЛ, с заменой на высылку через ПП ОГПУ в Казахстан на тот же срок, считая срок с 09.10.1933 г. Умер 12 января 1935 г. Реабилитирован 28 ноября 1996 г. (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695).

⁴ Иессен Александр Александрович (1896–1964) — археолог, специалист по археологии и истории Кавказа бронзового века. Старший научный сотрудник ГАИМК-ИИМК-ЛОИИМК-ЛОИА АН СССР, сотрудник Государственного Эрмитажа (1936–1955).

⁵ Книпович Татьяна Николаевна (1896–1976) — археолог, эпиграфист. Научный сотрудник ГАИМК (с 1920), научный сотрудник Эрмитажа (с 1924), профессор ЛГУ (1940). Руководитель Ленинградского отряда Ольвийской экспедиции (с 1948).

⁶ Круглов Андрей Павлович (1907–1941) — археолог-кавказовед. Старший научный сотрудник ГАИМК (1930–1935), научный сотрудник Эрмитажа (1934–1935). Находился под следствием (1935), был освобожден в связи с прекращением дела. Преподаватель исторического факультета ЛГУ. Погиб на фронте.

⁷ Подгаецкий Георгий Владимирович (1908–1941) — археолог-музеевед, специалист по бронзовому веку степной зоны Восточной Европы. Сотрудник ГАИМК-ИИМК АН СССР (1930–1941). Погиб в блокадном Ленинграде.

² Семья Г.И. Боровки состояла из отца, матери, двух братьев и сестры. В 1914 г. все члены семьи как германские подданные были высланы в Вологду, но Г.И. Боровка, приняв российское подданство, вернулся в Петроград, а остальная семья эмигрировала в Германию, поселившись в Берлине. Во время Гражданской войны один из братьев участвовал в организации “Балтийские немцы”, воевавшей на стороне Н.П. Юденича (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 17).

По возвращении из экспедиции, 20 сентября 1930 г., Г.И. Боровка был арестован в своей квартире на ул. Малая Посадская, д. 10/1, кв. 11 по обвинению в членстве в контрреволюционной монархической организации⁸. Обыск в квартире и задержание произвел уполномоченный второго Секретного отдела (СО) Н.Н. Лупандин⁹. Для передачи в ОГПУ были изъяты: личная переписка, фотографии и десять долларов. Отдельным актом были конфискованы: коллекционная винтовка (подарок отца) и шпага, врученная Г.И. Боровке по случаю окончания университета.

Через три дня после ареста, 23 сентября 1930 г., состоялся первый допрос, на котором ученый отметил свое отношение к советской власти как сочувствующее и указал, что считает себя учеником “профессора Ростовцева (белоэмигрант) и О.Ф. Вальдгауэра” (Архив

УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 17). Допрос вел следователь А.Р. Стромин¹⁰, и задаваемые им вопросы касались участия Г.И. Боровки в заграничных командировках, посещения германского консульства¹¹ и списка лиц, с которыми он контактировал, работая за границей. Перечислив в основном профессоров Берлинского университета и консула, Г.И. Боровка добавил, что “помимо перечисленных лиц я виделся с секретарем общества изучения Восточной Европы — Йонасом¹². Последнего я встретил в кабинете Шмидт-Отта¹³ во время моих переговоров с ним по вопросу организации германо-советской археологической экспедиции на Таманский полуостров”¹⁴ (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 19 об.).

25 октября 1930 г. в “Постановлении к привлечению в качестве обвиняемого” следователь по делу А.Р. Стромин указал, что в ходе

⁸ Во всех опубликованных работах, посвященных биографии Г.И. Боровки, указано, что он был арестован по заведомо ложным обвинительным показаниям Л.А. Мерварт, арестованной вместе с супругом, Александром Михайловичем Мервартом, по делу № 1803 «О контрреволюционной монархической организации “Всенародный союз борьбы за Возрождение свободной России”», руководимой академиком С.Ф. Платоновым (“Академическое дело”). Показания были даны Л.А. Мерварт 19 марта 1930 г. Однако в дело Г.И. Боровки подшиты показания, данные против него самим Александром Михайловичем на допросе 5 мая 1930 г. Целесообразно привести здесь фрагмент, который имеет ключевое значение для всего дальнейшего процесса следствия: “С Боровко я познакомился на банкете в Европейской гостинице, данном АН [Академией наук] в честь Шмидт-Отта и Йонаса [1928]. От последнего я там узнал, что Боровко состоит информантом германской разведки и самостоятельно передает оным сведения, относящиеся к тем местностям, где он проводит командировки, — например Монголии, Южной России, ему, Йонасу, пользуясь для этой цели своими частными поездками в Германию” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 7). Известно, что эти сведения были получены под угрозой физической расправы над семьей Мервартов. Таким образом, еще до ареста Г.И. Боровки обвинение уже было выдвинуто и дело оформлено под № 918-31. А.М. Мерварт был также обвинен в шпионаже и приговорен к пяти годам ИТЛ. Умер в заключении 23 мая 1932 г. Реабилитирован в 1967 г.

⁹ Лупандин Николай Николаевич (1902–?) — следователь ОГПУ, сотрудник НКВД; проводил допросы по “Академическому делу” и делу “Российской национальной партии”. 7 июня 1949 г. уволен по состоянию здоровья в запас МГБ. Определением Военного трибунала Ленинградского военного округа от 28 ноября 1956 г. привлечен к ответственности за фальсификацию дел путем вымогательства личных признаний и ареста невиновных граждан, подвергнутых заключению в ИТЛ (Ашнин, Алпатов, 1994. С. 245).

¹⁰ Стромин Альберт Робертович (1902–1939) — майор ГБ. Окончил пять классов Екатеринославского коммерческого училища. С 1919 г. — в составе РККА, с 1920 г. — в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД. В 1925–1935 — в Секретно-политическом отделе Полномочного представительства ОГПУ по г. Ленинграду. С 1937 г. вошел в состав особой тройки НКВД, арестован в 1938 г., расстрелян в 1939. В реабилитации отказано (Петров, Скоркин, 1999).

¹¹ Ответ Г.И. Боровки на этот вопрос: “В германском консульстве в Ленинграде я бывал неоднократно начиная с 1920–1924 и с 1926–1929. Вначале я посещал консульство в связи с моей дружбой с сотрудницей консульства Ольгой Альфредовной Гесс” (подчеркнуто красной двойной линией в стенограмме допроса. — *Е.П.*)

¹² Йонас Ганс (1883–1931) — историк, специалист в области национальной экономики. Генеральный секретарь Немецкого общества по изучению Восточной Европы (1922–1930). В 1928 г. посещал Москву в рамках Недели советских историков (Непомнящий, 2016. С. 36). В издаваемом Обществом журнале “Osteuropa” публиковались статьи о политическом и экономическом положении в АССР немцев Поволжья и СССР, с конца 1920-х годов публикации стали носить все более критический характер (Krieger, Spack, 2006). В этом, вероятно, стоит усматривать причину того, что имя Г. Йонаса не раз всплывало в сводках показаний “шпионов”, арестованных НКВД во второй половине 1930-х годов.

¹³ Шмидт-Отт Фридрих (1860–1956) — юрист, правовед. Президент Общества содействия немецкой науке (1920–1934). В 1928 г. посещал Москву в рамках Недели советских историков, участвовал в проведении Русской исторической недели в Берлине (7–14 июля 1928 г.). В 1927–1930 гг. проводил переговоры с Ф.А. Браунном и С.Ф. Платоновым по организации советско-немецкой экспедиции для решения “готской проблемы в Крыму” (Непомнящий. С. 37).

¹⁴ Подчеркнуто. — *Е.П.*

допросов и рассмотрения следственных материалов “Г.И. Боровка изобличается в том, что принадлежит к контрреволюционной организации и систематически передает сведения о положении СССР представителям иностранного государства” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 26). О том, что он обвиняется по пунктам 4, 6 и 11 статьи 58 УК и о продлении срока ареста до окончания следствия, Г.И. Боровке было объявлено 2 ноября 1930 г.

Далее, судя по всему, находясь в камере, он писал очень развернутые дополнения к показаниям, всячески подчеркивая свое отношение к обширным научным контактам в Германии: “Немцев я не ощущаю как врагов советского государства, ощущая родственность их культуры... Откровенность в общении с немцами [обусловлена тем, что] не видел вреда в том, что расскажу о положении дел в Советском Союзе, не видел в немцах врагов. Кроме того, я сознаю, что рассказывал такие вещи, о которых говорить нельзя было вообще”¹⁵ (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 31). Далее следует пояснение: “В ходе встречи в Эрмитаже в кабинете О.О. Крюгера с немецким послом и его женой сказал об экономически тяжелом положении интеллигенции... В Берлине я говорил, что с убежденными коммунистами я работаю хорошо, говорил о продовольственных затруднениях, высоких ценах..., говорил, не отрицая трудностей, что жить нелегко, но мы живем и работаем” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 35).

Свои мотивы в части пункта обвинения о переговорах по проведению совместной экспедиции он описывает следующим образом: “В ходе разговора об экспедиции с президентом *Nortgemeinschaft* Шмидт-Оттом я указал на то, что желательным объектом в области античной археологии наряду с Ольвией является Таманский полуостров, как центр античных поселений Причерноморья. Я этого мнения держался уже давно, об этом говорили и у нас в ГАИМК, постоянно указывая на необходимость там работы. Тогда я это говорил как свое мнение, тогда я еще не был сам на Таманском полуострове” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 32 об.). Впервые на Тамани Г.И. Боровка побывал, как это было сказано выше, в 1928 г. и после этой поездки “убедился в исключительном богатстве древнего наследия и в ГАИМКе по приезде указывал на необходимость исследования” (Архив УФСБ по СПб и

ЛО. П-74160. Л. 33). Далее в своих показаниях он сообщает ряд интересных подробностей организационного характера¹⁶: “когда председателем [ГАИМКа] стал товарищ Кипарисов¹⁷, я указал ему на готовность со стороны немцев к сотрудничеству в этом вопросе, и он обещал это выяснить и согласовать с конкретными органами в Москве. Перед моим отъездом в Берлин в 1928 году Кипарисов сказал переговорить еще раз о возможности организации такой экспедиции, что я и сделал, сообщив об этом Шмидт-Отту и Виганду¹⁸. В разговоре я упомянул, что некоторые памятники размываются морем и требуют первоочередного исследования, как Фанагория (район Сенного). Мне ответили, что средств на 1929 год уже нет, но в 1930 это возможно было бы организовать. В 1929 году мы также не предполагали проведения исследований, а в 1930 по общим причинам вопрос о сотрудничестве отпал. Я понимаю, что в свете создавшегося моего положения организация работ на Тамани может быть предосудительной и что я этим дискредитирую всех причастных людей, в том числе товарища Кипарисова. Но я делал это из научных побуждений, в интересах науки и Советского Союза” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 33-33 об.). Так, становится ясно, что это неофициальное поручение, данное ему Ф.В. Кипарисовым, сыграло не самую позитивную роль, совпав с формальной причиной его ареста и создав необходимый для обвинений прецедент.

Нетрудно предположить, что далее следствию необходимы были подробности “шпионажа” Г.И. Боровки в экспедициях, о чем он и допрашивался 2 декабря 1930 г. (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 40). На этом допросе им было сделано признание, касающееся сделанных им в экспедиции фотографий:

¹⁶ Ввиду важности содержания соответствующий фрагмент приводится полностью. — *Е.П.*

¹⁷ Кипарисов Федор Васильевич (1886–1936) — заместитель председателя (с 1929 г.), председатель ГАИМК (1935–1936). Расстрелян 19 декабря 1936 г. по обвинению в членстве в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации. Реабилитирован в 1957 г. (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819). В настоящее время неопубликованные раннее документы из следственного дела Ф.В. Кипарисова и С.Н. Быковского готовятся автором к публикации. — *Е.П.*

¹⁸ Виганд Теодор (1864–1936) — археолог, иностранный член-корреспондент Академии наук СССР (1927 г.). Президент Немецкого археологического института (1932–1936).

¹⁵ Подчеркнуто красной двойной линией. — *Е.П.*

“Должен еще признаться, что в экспедициях делал незаконные снимки в Монголии (см.: Медведева, Чуулун, 2017) и Крыму. На Тамани [снимал] виды берега Тузлы и два снимка берега у станицы Таманской, кроме того, я снимал виды курганов у Сенной и использовал их в своем докладе в ГАИМКе. В Керчи снимал вид Керченской бухты с горы Митридат¹⁹ и вид курганов Юз-Обы. Последние снимки остались непроявленными, так как по приезде был сразу арестован. Делал я эти снимки не сознательно, хотя понимал, что совершаю преступление”²⁰ (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 45). 17 апреля 1930 г. на заседании Президиума ЦИК СССР было заслушано ходатайство ОГПУ о продлении срока содержания под стражей Г.И. Боровки до 1 июня 1931 г.

Далее необходимо остановиться на отзыве руководителя Таманской экспедиции А.А. Миллера о научной деятельности Г.И. Боровки, датированном 30 апреля 1931 г. В ходе ознакомления с этим документом не вызывает сомнений то, что он был подготовлен по непосредственному запросу ОГПУ для включения в материалы следственного дела (копия данного отзыва в материалах Научного архива ИИМК РАН отсутствует. — *Е.П.*).

Во вступительной части А.А. Миллер дает краткую характеристику археолого-топографических работ на Тамани до 1928 г., отмечая их низкий уровень “со стороны методики полевой археологической работы” в сочетании с личными разногласиями между московскими исследователями, принявшими характер “грубого столкновения со взаимными обвинениями”²¹ (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 51). Далее он отмечает поданную Г.И. Боровкой Записку о необходимости исследований на Таманском полуострове, о которой было сказано выше, оговариваясь, что в ней было “совершенно правильно указано, что работы, проводимые сейчас на Тамани, не решают те задачи, которые следует поставить во главу дела археологического изучения этой

местности”, но вместе с тем подчеркивает свое несогласие с Г.И. Боровкой в том, что “совершенно недопустимым было бы сужение задач до периода греческой городской жизни, тем более что поселения не были греческими в полном смысле этого слова, а представляли взаимодействие греков и варваров, бывших там ранее” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 52). Затем следует крайне подробное описание заседания в Главнауке в 1929 г., на котором формировался список экспедиций в СССР на 1930 г. От ГАИМКа на заседании присутствовали Н.Я. Марр и Ф.В. Кипарисов, от ГМИИ — директор В.П. Полонский и Л.П. Харко²², А.А. Миллер представлял Русский музей. Н.Я. Марр и Ф.В. Кипарисов заявили, что все дело постановки и проведения плановых работ на Таманском полуострове берет на себя ГАИМК, что явилось для А.А. Миллера “полной неожиданностью” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 53). Уже позже, в личном разговоре, Ф.В. Кипарисов сказал, что руководство экспедицией будет возложено на А.А. Миллера, и попросил его включить в состав экспедиции Г.И. Боровку для того, чтобы тот мог “серьезно заняться усвоением методики полевых археологических исследований”. А.А. Миллер отмечал: “Я вполне разделял эти мотивы и не возражал против включения Боровки в состав экспедиции. Но никаких самостоятельных работ поручать Боровке я не имел в виду” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 53). Таким образом, научный состав Фанагорийского отряда Таманской экспедиции ГАИМКа состоял из А.А. Миллера, как руководителя, А.А. Иессена — его заместителя, и научного состава: А.П. Круглова, Г.В. Подгаецкого, Т.Н. Книпович, Г.И. Боровки и С.Ф. Войцеховского. Отдельно А.А. Миллер отмечал наличие у экспедиции всех необходимых разрешений для проведения работы: “В пограничном отделе ГПУ мне было разрешено производить исследования в приграничной

¹⁹ Эта фотография была приложена в качестве вещественного доказательства к делу. В настоящее время фотография в деле отсутствует, сохранился только вклеенный конверт с надписью: “Вещдок. Вид с горы Митридат на Керченскую бухту” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 6/н).

²⁰ Подчеркнуто. — *Е.П.*

²¹ В данном случае А.А. Миллер имел в виду несогласованность действий в отношении исследования Фанагории между А.С. Башкировым и Л.П. Харко. — *Е.П.*

²² В архивных материалах Отдела рукописей ГМИИ имеются сведения о том, что руководство ГМИИ уведомило Главнауку о том, что собирается совместно с ГАИМК и Германским археологическим институтом проводить археологическую экспедицию на Таманском полуострове в 1930 г. (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 42. Л. 45). Не совсем понятно, когда именно ГМИИ сообщил об этом в Главнауку, на этом же заседании или ранее, однако четко прослеживается борьба между московскими и ленинградскими научными учреждениями за право проведения раскопок на Таманском полуострове. — *Е.П.*

полосе, причем об этом было дано письменное извещение уполномоченного ГПУ в Анапе для оповещения местных агентов на Таманском полуострове” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 54). Все виды работ, которые Г.И. Боровка выполнял в составе экспедиции, подробно описываются А.А. Миллером, как и даты всех его перемещений: “Боровка участвовал в работах отряда по исследованию территории от Панагии до Бугаза и Кизилташа, а также в разведочных подчистках в городище у станции Сенной и территориальных обследованиях в направлении так называемого Киммерийского вала с выходом к Азовскому побережью у Пересыпи, а также в обследовании берегов бывшего протока от Шимарданской бухты” и пр. (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 54). А.А. Миллер подчеркивает, что вынужден был уехать на время и оставил руководство Фанагорийским отрядом за Г.И. Боровкой, “однако, зная его слабую подготовленность, я поручил всю техническую сторону дела Круглову и Подгаецкому. После возвращения отряда в Тамань отчетных данных я от Г.И. Боровки не получил”. Касательно сделанных Г.И. Боровкой фотографий А.А. Миллер сообщил следующее: “Мне известно, что у него был небольшой фотоаппарат, его снимки я видел и раньше и находил их неудовлетворительными в техническом отношении. Вследствие этого для ответственных фотоснимков мною был командирован фотограф А.А. Гречкин, которым были сделаны нужные снимки и сданы мне в Ленинграде полностью... Приехав в Ленинград в октябре, я узнал, что Боровка арестован, но что касается расчисток в обнажениях Сенного городища, то все чертежи слоев находятся в материалах экспедиции, но никаких сведений об его территориальном обследовании до Пересыпи я не имею, как не имею и тех фотоснимков, которые были сделаны Боровкой на полуострове” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 55). Подводя итог, А.А. Миллер заключает, что никаких положительных результатов от участия Г.И. Боровки в экспедиции он отметить не может, но “в частных обсуждениях Боровка обнаруживал книжную подготовленность, а также владел хорошим знанием вещевого материала в Эрмитаже, но формально-типологический метод, которым пользуется при работе Боровка, при современных установках советской науки считается отжившим” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 56). Можно предположить, что подобный отзыв мог

только подхлестнуть следствие в стремлении к получению исчерпывающих показаний со стороны Г.И. Боровки.

Какие следственные меры проводились с самим ученым в период с декабря 1930 по июнь 1931 г., сказать сложно, так как стенограммы допросов за этот период отсутствуют. Есть несколько сохранившихся открыток, отправленных Е.Р. Малкиной²³ старшему брату Боровки, Францу Иосифовичу, переправленных в Потсдам. 11 января 1931 г. она пишет, что “Гори (Gori) жив и здоров, но не может написать вам и не чувствует в себе сил сделать это в ближайшее время” (Zerbst-Boroffka, 2015. P. 242). Есть основания полагать, что период с января по начало июня 1931 г. были самым тяжелым временем заключения для Г.И. Боровки. По свидетельству ученых, прошедших содержание на время следствия в ДПЗ, прямое физическое насилие к обвиняемым во время дознаний и допросов применялось на тот момент достаточно редко. Крайне распространенными были меры психологического воздействия: лишение сна, заключение в карцер, ночные допросы, угрозы расстрела и расправы над семьей чередовались с неожиданным смягчением со стороны следователей и просьбами облегчить свою участь добросердечным признанием (Ашнин, Алпатов, 1994. С. 52). Такие способы давления могли чередоваться и продолжаться вплоть до полного признания осужденного. Скорее всего, к Г.И. Боровке применялись все эти приемы ведения следствия. Сравнивая его почерк в начале следствия и после более полугодового задержания, невозможно не отметить бросающихся в глаза изменений: стиль и манера письма изменены до неузнаваемости, предложения логически не связаны, буквы в одном слове разного размера, ручка царапает и в некоторых местах проходит насквозь через бумагу. Видимо, какие-то сообщения от Е.Р. Малкиной ему все же доходили, и он имел возможность на них отвечать, так как 5 апреля 1931 г. в письме родным она сообщает, “что ничего нового он по-прежнему сказать не может, но надеется, что он вскоре

²³ Малкина Екатерина Романовна (1898–1945) – научный сотрудник РАИМК (ГАИМК) и Государственного Эрмитажа. Ученица Ф.Ф. Зелинского и Б.В. Фармаковского. Коллега и близкий друг Г.И. Боровки. После его ареста уволилась из Эрмитажа, поступила на работу в Пушкинский Дом, где в 1939 г. защитила кандидатскую диссертацию, посвященную поэзии А.А. Блока. Убита в собственной квартире 01.01.1945 г. (Кашаев, 2009. С. 43).

сможет написать сам” (Zerbst-Boroffka, 2015. P. 243).

Вероятно, вся мера человеческого терпения была уже исчерпана, поскольку 6 июня 1931 г. Г.И. Боровка из камеры, где он содержался (1 корпус, 222 камера. — *Е.П.*), подал следователю записку следующего содержания: “Повторяю свою просьбу от прошлого вторника принять меня. Я хочу сделать Вам полное признание” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 36). На следующем после этого допросе им были даны уточнения касательно сделанных на Таманском полуострове фотоснимков: “Поездку я сделал из Керчи в Темрюк, и оттуда на пароходе по Кубани была первой остановкой Варениковская станица. На лошадях вдоль левого берега Кубани [я добрался] до Семибратних курганов и городища около них, которое я и хотел обследовать. Я снимал [там], не выяснив, имею ли на это право” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 37). Далее следует перечень сделанных снимков: “За Темрюком с горы снял общий вид плавней Кубани, предполагая что в древности там был залив; снял также вид Семибратних курганов и городища. Снимки в Тамани были для меня необходимым материалом к моей теме об античной топографии. Ни одну из своих фотографий я не использовал в шпионских целях” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 37 об.) Отчаяние измученного человека в полной мере передают его дописанные от руки показания к стенограмме этого допроса: “Я не собирался, я не хотел скрывать — это все было бесполезно, потому что Вы, гражданин следователь, мне с самого начала давали понять, что Вы знаете о главном из этого. Я смутно чувствовал, что у меня могут быть еще грехи, но не признавался самому себе в этом, и потому я и струсил рассказать и не давал себе вспомнить и сознавать, и лишь последний допрос заставил меня понять свое положение и свои действия... Все это изложено может быть очень нескладно, но я не действовал изначально как шпион, я ничего не делал из корыстных целей вредить, несмотря на то, что фактически приносил вред²⁴” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 38 об.).

Однако далее, на протяжении месяца, для Г.И. Боровки ничего не изменилось, о чем косвенно свидетельствует сообщение Е.Р. Малкиной в Потсдам. 29 июня 1931 г. она сообщает, что “не писала все это время в надежде,

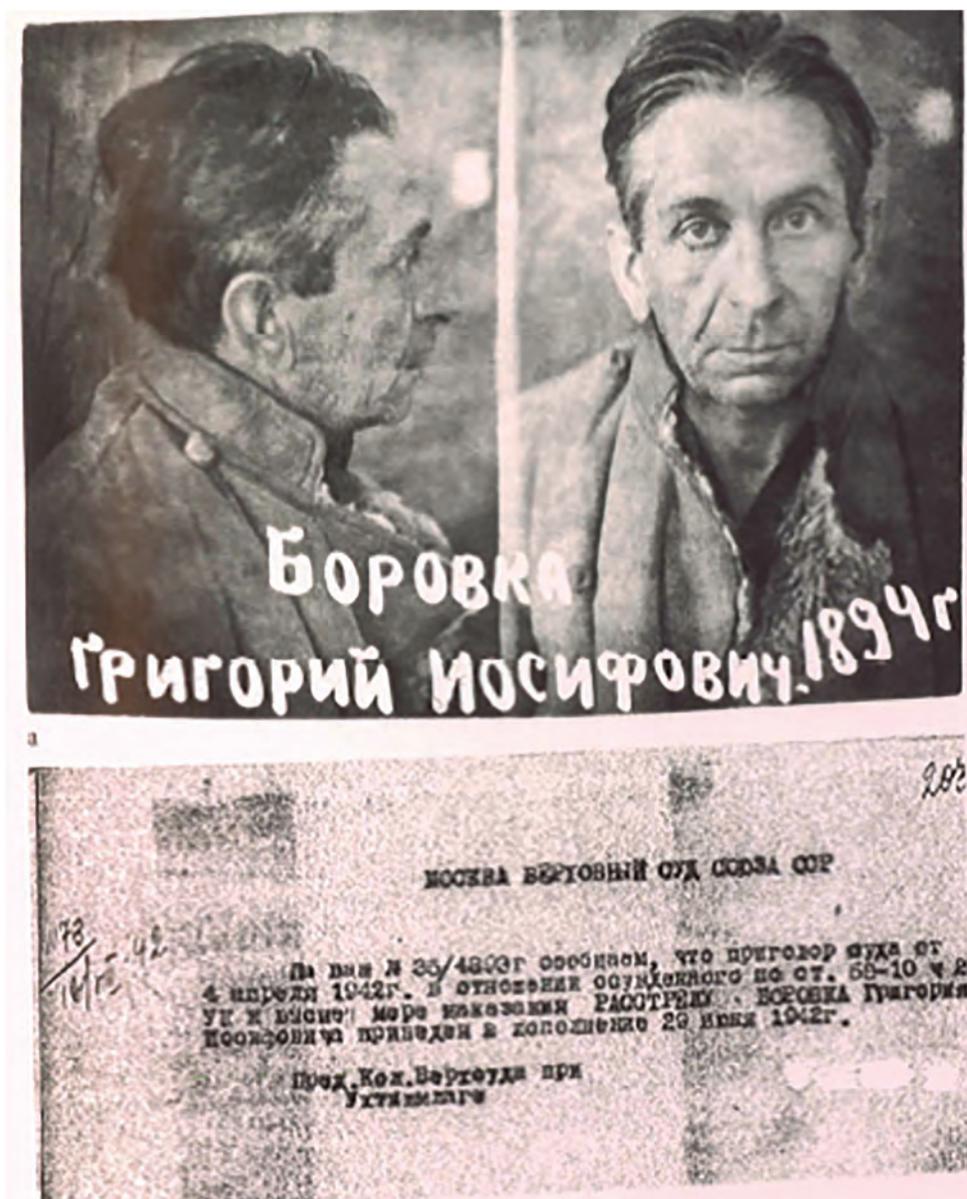
что я могу порадовать Вас чем-то, но пока не могу сказать ничего радостного. Все по-прежнему” (Zerbst-Boroffka, 2015. P. 243). Можно предположить, что Е.Р. Малкина отправляла сведения родственникам сразу же после получения ответа от Г.И. Боровки, подтверждение чему можно найти в его очередной записке к следователю, поданной на следующий день, 30 июня: “Если то, что Вы мне вновь пропустили эти открытки Малкиной должно означать, что вопреки тому, что Вы мне так обреченно сказали, мое дело все-таки еще не кончено и я еще могу что-то сделать, то я прошу только как можно скорее меня вызвать. Боровка” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 60).

Показания на этом, последнем, допросе состоят из практически не связанных между собой предложений, касающихся когда-то оброненных Г.И. Боровкой слов в разговорах с немецкими исследователями и консулами: “Узнав, что я еду в Германию [консул] сказал — ну вот, Вы теперь будете в Германии, так расскажите там хорошенько про милые порядки здесь. И я ответил утвердительно... передавал сведения о тяжелом моральном положении интеллигенции и признал существующее недовольство в среде рабочих... говорил о реорганизациях и нескончаемых заседаниях, о том, как трудно устраивать выставки и суммы отпускаемые на это. О нехватке материалов на рынке. Своим родным я рассказывал это и откровенно о положении СССР²⁵” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 61–67). Этих показаний, которые на самом деле являлись констатацией фактов, оказалось достаточно, чтобы завершить следственную работу по данному делу.

21 июля 1931 г. было подготовлено Обвинительное заключение по следственному делу № 918-31 “по обвинению Боровко Г.И. в преступлении, предусмотренном ст. 58-6 УК”. В нем указано, что «настоящее дело было выделено из следственного дела № 1803 о контрреволюционной монархической организации “Всенародный союз борьбы за Возрождение свободной России”, руководимой академиком С.Ф. Платоновым» и “шпионской деятельностью агента германской секретной службы Мерварта А.М., в связи с уточнениями разведывательной работы обвиняемого Боровко Г.И., протекавшей в разных местностях СССР” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160.

²⁴ Подчеркнуто красным. — *Е.П.*

²⁵ Все подчеркнуто красным. — *Е.П.*

Л. 71). В процессе расследования выяснилось, “что археолог Боровка является также агентом германской разведки, пользующийся своим служебным положением и пребыванием в археологических экспедициях ГАИМК и АН СССР для ведения систематического и политического шпионажа” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 72). Отмечается, что “после упорного запирательства Боровка сознался в незаконном детальном фотографировании Керченской бухты, проливов и других стратегических местностей” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 73). Далее следуют полностью вырванные из контекста цитаты показаний, данные Г.И. Боровкой на последних допросах. В итоге “ПП ОГПУ в Ленинградском

военном округе, рассмотрев следственное дело № 918-31, постановило ходатайствовать перед Коллегией ОГПУ о применении в качестве меры социальной защиты к гражданину Боровка – заключение в концлагерь сроком на 10 лет” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 80).

Представляется достаточно странным, но приговор Г.И. Боровке был объявлен не сразу, так как 2 сентября Е.Р. Малкина пишет, что “Гори передает всем сердечные приветствия... но ничего нового сказать нельзя. Единственное, что я успокоилась касательно его питания, это удалось устроить очень хорошо” (Zerbst-Boroffka, 2015. P. 243). 30 сентября она

сообщает следующее: “Гори здоров, я видела его трижды за неделю. Он питается сейчас гораздо лучше, стало возможно отправлять передачи (чего раньше не позволялось)²⁶. У него есть несколько книг, так что он получил возможность заниматься делом... Я не знаю, когда все это закончится. Я очень верю, что все будет хорошо (в противном случае все было бы слишком глупо и несправедливо), но ждать очень трудно, один день тянется как два года” (Zerbst-Boroffka, 2015. P. 244).

Как видно из документов, надеждам не суждено было оправдаться, на заседании коллегии ОГПУ от 7 октября 1931 г. ходатайство обвинения было принято и Г.И. Боровка был приговорен к 10 годам заключения в Ухт-Печерском лагере в г. Усть-Ухта. Но даже это решение, было объявлено ему не сразу, так как в письме от 11 октября 1931 г. Е.Р. Малкина пишет родным Г.И. Боровки, что свидание разрешают раз в неделю, но “как и раньше ничего не известно, остается только ждать и надеяться. Я не верю, что это может закончиться плохо, это было бы совсем несправедливо, но все равно очень трудно это все переносить” (Zerbst-Boroffka, 2015. P. 245). Судя по всему, не стало известно о приговоре и через месяц. 4 ноября 1931 г. Е.Р. Малкина уведомляет, что “ничего нового не могу сказать о Гори, я вижу его почти каждую неделю, он посылает вам сердечные приветы” (Zerbst-Boroffka, 2015. P. 245). Последним документом в следственном деле является справка, как ни странно, не датированная, об отправке ученого в лагерь: “Боровко отправить первым отходящим этапом в г. Архангельск в распоряжение Начальника перевалочного пункта для переотправки на Ухту. Свидание разрешается на общих основаниях” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 82). 15 ноября Г.И. Боровка выбыл из Ленинграда и находился некоторое время в перевалочном лагере в Вологде, где его навещала несколько раз Е.Р. Малкина. Следующим этапом он уже был направлен в поселок Чибью (с 1939 г. – Ухта). В Ухт-Печерском лагере он продолжал заниматься любой доступной ему научной деятельностью: читал лекции на геологических курсах, собрал в районе р. Ухты большую археологическую коллекцию, занимался палеонтологией. Часть срока провел в лагерных больницах,

²⁶ Можно предположить, что на допросах ему было обещано некоторое ослабление режима в случае дачи им исчерпывающего признания. – *Е.П.*

по истечении заключения, 21 сентября 1940 г., освобожден из лагеря, но не выпущен из Коми АССР (Васильков, Сорокина, 2003). Работал геологом при Ухтомском комбинате. 6 ноября 1941 г. Г.И. Боровка был вторично арестован, а 4 апреля 1942 г. по ст. 58-10 приговорен Московским верховным судом к высшей мере наказания и 29 июня этого же года расстрелян (рис. 2) (Zerbst-Boroffka, 2015). Реабилитирован 11 сентября 1989 г.

Таким образом, проследив весь следственный путь Г.И. Боровки в тюрьме ОГПУ, работая непосредственно с делом, анализируя все группы архивных документов, нельзя не поразиться трагизму человеческой судьбы и бессмысленности репрессий, уничтожавших интеллектуальную составляющую собственной страны. Обвинительные показания против него – происхождение из немецкой семьи, частые заграничные командировки, участие в экспедициях, переговоры с немецкими исследователями о совместном проведении археологических исследований – все эти факторы повлияли на то, что Г.И. Боровка был в буквальном смысле обречен с момента своего ареста. Не совсем понятна причина столь долгого срока его заключения от момента ареста до вынесения обвинения, ведь у следствия уже спустя несколько месяцев после задержания было достаточно материалов для вынесения приговора. Возможно, по делу проходили еще какие-то лица, информация о которых была недоступна в ходе работы с архивным делом.

Таким образом, кроме восполнения пробелов такого драматического этапа в биографии Г.И. Боровки были получены важные сведения, касающиеся научных сотрудников ГАИМКа, вектора репрессий по отношению к ним, организации археологической экспедиции на Таманский полуостров и общих направлений в развитии отечественной науки.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Следственное дело № 918-31 по обвинению Боровко Григория Осиповича // Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160.

Следственное дело по обвинению А.А. Миллера. Т. 1. Следственное дело № 12325 по обвинению Фриде Марии Алексеевны и других. Т. 5 // Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695.

Дело № 21766. Кипарисов Федор Васильевич. Т. 1 // Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю.* Эллино-скифское отделение и выставка 1927 г. // Античное искусство в советском музееведении. Л.: GE, 1986. С. 59–66.
- Аншин Ф.Д., Алпатов В.М.* “Дело славистов”: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.
- Васильков Я.В., Сорокина М.Ю.* Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 496 с.
- Застрожная (Панкратова) Е.Г.* Из истории археолого-топографического изучения Фанагории в 1921–1929 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. Вып. 2(40). С. 50–54.
- Застрожная (Панкратова) Е.Г.* Проекты РАИМК/ГАИМК по организации Фанагорийской экспедиции в 1920-х годах // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания. Тезисы докладов междунаучной конференции. 2015. С. 22, 23.
- Застрожная (Панкратова) Е.Г.* Репрессии 1930-х годов и исследователи античного наследия Крыма // Античные реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Матер. междунар. науч. конференции. 2017. С. 84–87.
- Зеленская Е.А.* Лагерное прошлое Коми края (1929–1955 гг.) в судьбах и воспоминаниях современников. Материалы, документы, воспоминания, фотографии: в помощь изучающим историю репрессий 1920–1955 гг. Ухта, 2004. 180 с.
- Зуев В.Ю.* Материалы к биографии Григория Иосифовича Боровки (1894–1941) // Санкт-Петербург и отечественная археология. 1995. С. 145–156.
- Зуев В.Ю.* Судьба эрмитажника: Григорий Иосифович Боровка (1894–1941) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. 1996. С. 29–32.
- Кашиев С.В.* Сотрудники отдела истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественников в РАИМК–ГАИМК–ЛОИИМК–ЛОИА (1919–2009 гг.) // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2009. № 4. С. 37–49.
- Мавлеев Е.Ю. Г.И. Боровка (1894–?) и О.Ф. Вальдгауэр (1883–1935): история одной эрмитажной дружбы // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. 1995. С. 31, 32.*
- Медведева М.В., Чулуун С.* Монголия и мир монголов 1920-х годов // Монголия и монголы. История монголов в фотографии / Сост. Медведева М.В., Чулуун С. Т. 3. Улаанбаатар; СПб.: Адмон Принтинг, 2017.
- Непомнящий А.А.* Академик С.Ф. Платонов – куратор изучения крымских памятников в 20-е годы XX в. // Уваровские Таврические чтения “Древности Юга России”. Тезисы докладов и сообщений Междунар. научной конференции. 2016. С. 36, 37.
- Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. 1934–1941. М.: Звенья, 1999.
- Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. М.: Знак. 2006. 344 с.
- Krieger V., Spack A.* Prozess gegen wolgadeutsche Intellektuelle // Volk auf dem Weg. 2006. № 4. P. 16, 17.
- Zerbst-Boroffka Irene.* Leben und Wirken des deutsch-russischen Forschers Gregor Boroffka (1894–1942). Briefe (1913–1935) an die Familie aus Russland nach Deutschland. Hamburg, 2015. 324 p.

**“I DON’T BELIEVE ALL THIS COULD GO BAD,
IT WOULD BE TOO UNFAIR...”: TO THE BIOGRAPHY
OF THE ARCHAEOLOGIST G.I. BORO VKA
(BASED ON INVESTIGATION FILE MATERIALS)**

E.G. Pankratova (Zastrozhnova)

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

E-mail: pankratova0484@yandex.ru

The beginning of the 1930^s in the history of Russian archeology was marked by the strengthening of ideological control in science and repressions of the scientific staff of Leningrad institutions on “Academic Court case” (1929–1930). One of the many innocent convicts was specialist in Scythian culture, researcher of the Hermitage and the State Academy of History of Material Culture, Grigorij Borovka. On the basis of previously inaccessible materials from the Archives of the Federal Security was restored the investigative process for the imposition of G. Borovka charges of espionage and his conviction for 10 years in labor camps. In addition, a whole complex of archival documents is introduced into scientific circulation, revealing the details of the organization of archaeological expeditions to the Kerch and Taman Peninsula in the late 1920^s–1930^s.

Keywords: repression, archaeological expedition, ideological control, science, ancient centers of the North Coast of the Black Sea.

REFERENCES

- Alekseyev A.Yu.*, 1986. The Hellenic-Scythian Department and the exhibition of 1927. *Antichnoye iskusstvo v sovetskom muzeyevedenii* [Antique art in Soviet museology]. Leningrad: GE, pp. 59–66. (In Russ.)
- Anshin F.D., Alpatov V.M.*, 1994. “Delo slavistov”: 30-e gody [“The Case of the Slavists”: the 1930^s]. Moscow: Naslediye. 284 p.
- Formozov A.A.*, 2006. *Russkiye arheologi v period totalitarizma* [Russian archaeologists in the period of totalitarianism]. Moscow: Znak. 344 p.
- Kashayev S.V.*, 2009. Employees of the Department of the History of Ancient Culture of the Institute for the History of Material Culture RAS and its predecessors in Russian Academy of the History of Material Culture – State Academy of the History of Material Culture – Leningrad Branch of the Institute for the History of Material Culture – Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (1919–2009). *Zapiski Instituta istorii material’noy kul’tury RAN* [Notes of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Записки Института истории материальной культуры РАН], 4, pp. 37–49. (In Russ.)
- Krieger V., Spack A.*, 2006. Prozess gegen wolgadeutsche Intellektuelle. *Volk auf dem Weg*, 4, pp. 16–17.
- Mavleyev E.Yu.*, 1995. G.I. Borovka (1894–?) and O.F. Valdgauer (1883–1935): The story of a Hermitage friendship. *Ermitazhnyye chteniya pamyati B.B. Piotrovskogo* [Hermitage Readings in memory of B.B. Piotrovsky]. St.Petersburg: GE, pp. 31–32. (In Russ.)
- Medvedeva M.V., Chuluun S.*, 2017. Mongolia and the world of the Mongolians of the 1920^s. *Mongoliya i mongoly* [Mongolia and Mongolians]. M.V. Medvedeva, S. Chuluun, comp. Ulaanbaatar; St.Petersburg: Admon Printing, pp. 18–23. (History of mongols in photographs, 3). (In Russ.)
- Nepomnyashchiy A.A.*, 2016. Academician S.F. Platonov – the curator of the investigation of the Crimean sites in the 1920^s. *Uvarovskiye Tavricheskiye chteniya “Drevnosti Yuga Rossii”*: tezisy докладов i soobshcheniy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Uvarov Tavric readings “Antiquities of the South of Russia”: Proceedings of the International Scientific Conference]. Sevastopol’, pp. 36–37. (In Russ.)
- Petrov N.V., Skorkin K.V.*, 1999. *Kto rukovodil NKVD, 1934–1941: spravochnik* [Who is who in the NKVD leadership, 1934–1941: a reference book]. Moscow: Zven’ya. 502 p.
- Vasil’kov Ya.V., Sorokina M.Yu.*, 2003. *Lyudi i sud’by: biobibliograficheskiy slovar’ vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991)* [People and fates: A Biobibliographical dictionary of orientologists – victims of political terror during the Soviet period (1917–1991)]. St.Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. 496 p.
- Zastrozhnova (Pankratova) E.G.*, 2013. From the history of the archaeological and topographical studies on Phanagoria in 1921–1929. *Problemy istorii, filologii, kul’tury* [Journal of historical, philological, and cultural studies], 2(40), pp. 50–54. (In Russ.)

- Zastrozhnova (Pankratova) E.G.*, 2015. Russian Academy of the History of Material Culture / State Academy of the History of Material Culture projects on the organization of the Phanagoria Expedition in the 1920^s. Uchenyye i idei: stranitsy istorii arkhologicheskogo znaniya: tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Scientists and ideas: Chapters of the history of archaeological knowledge: Abstracts of the International Scientific Conference]. S.V. Kuz'minykh, comp., P.G. Gaydukov, I.V. Tunkina, eds. Moscow: IA RAN, pp. 22–23. (In Russ.)
- Zastrozhnova (Pankratova) E.G.*, 2017. Repressions of the 1930^s and researchers in the ancient heritage of the Crimea. Antichnyye relikvii Khersonesa: Otkrytiya, Nakhodki, Teorii: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Antique relics of Chersonese: Discoveries, finds, theories: Proceedings of the International Scientific Conference]. D. Kostromichev, ed. Sevastopol', pp. 84–87. (In Russ.)
- Zelenskaya E.A.*, 2004. Lagernoye proshloye Komi kraya (1929–1955 gg.) v sud'bakh i vospominaniyakh sovremennikov. Materialy, dokumenty, vospominaniya, fotografii [Prison and labour camps in the past of Komi Territory (1929–1955) in the fates and memories of contemporaries. Materials, documents, memories, photos]. Ukhta. 180 p.
- Zerbst-Boroffka I.*, 2015. Leben und Wirken des deutsch-russischen Forschers Gregor Boroffka (1894–1942). Briefe (1913–1935) an die Familie aus Russland nach Deutschland. Hamburg: Verlag Dr. Kovac. 324 p.
- Zuyev V.Yu.*, 1995. Materials to the biography of Grigory Iosifovich Borovka (1894–1941). Sankt-Peterburg i otechestvennaya arkheologiya [St. Petersburg and Russian archaeology]. I.L. Tikhonov, ed. St.Petersburg: SPbGU, pp. 145–156. (In Russ.)
- Zuyev V.Yu.*, 1996. The fate of a Hermitage employee: Grigory Borovka (1894–1941). Ermitazhnyye chteniya pamyati B.B. Piotrovskogo [Hermitage Readings in memory of B.B. Piotrovsky]. St.Petersburg: GE, pp. 29–32. (In Russ.)

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИИМК, ЛЕТО 1941 – ЗИМА 1941/42 гг.

© 2019 г. С.Г. Карпюк

*Институт всеобщей истории РАН, Москва;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва*

E-mail: oxlos@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.10.2018 г.

Автор на основании материалов из Архива РАН попытается представить деятельность МОИИМК в переломный период (лето 1941 – зима 1941/42 гг.), а также взаимоотношения московских археологов с ленинградским руководством института, для чего использованы документы из Архива РАН. В конце весны – начале лета 1941 г. сотрудниками Московского отделения ИИМК был поставлен вопрос о создании самостоятельного Института археологии и искусствоведения АН СССР. 11 июня 1941 г. на утреннем заседании Бюро Отделения истории и философии АН СССР разгорелись бурные дебаты; в них приняли участие и приехавший из Ленинграда директор ИИМК М.И. Артамонов, и московские археологи, среди которых ведущую роль играл С.П. Толстов. К началу 1942 г. Московское отделение ИИМК не только сохранилось как работоспособная единица, но и стало единственным активно действующим подразделением ИИМК. Этому в немалой степени способствовала инициатива оставшихся в осажденной Москве сотрудников, прежде всего В.Н. Чернецова. Важную роль сыграло участие московских археологов в государственных проектах по описанию разрушенных фашистами археологических памятников, а также памятников истории и культуры. Прерывающаяся связь с дирекцией института компенсировалась контактами с эвакуированным в Казань Президиумом АН СССР. “Конституирование” автономного Московского отделения ИИМК, о котором было объявлено на заседании Отделения истории и философии АН СССР 11 июня 1941 г., было отложено из-за военного времени, но фактически к 1942 г. МОИИМК работало в автономном режиме. В период ослабления государственного контроля над академической наукой “инициатива снизу” московских археологов оказалась вполне успешной.

Ключевые слова: история советской археологии, МОИИМК, С.П. Толстов, В.Н. Чернецов.

DOI: 10.31857/S086960630004827-8

История Института археологии / Института истории материальной культуры АН СССР изучена и описана достаточно подробно: краткое и емкое описание деятельности Московского отделения ГАИМК и ИИМК можно найти в изданиях Института археологии РАН (Гуляев, 2000. С. 3–7; Макаров, 2007. С. 6–13). В книге А.А. Формозова затрагивается деятельность московских археологов в предвоенные и военные годы (2006. С. 62, 63, 71–79). Деятельность ГАИМК и ИИМК в довоенные годы описана Г.В. Длужневской (2006. С. 347–371). Наибольшую значимость представляют работы Н.И. Платоновой, которая, основываясь на петербургских архивных материалах ИИМК и Ленинградского отделения ИИМК, дает полную и очень подробную картину существования и развития академических археологических учреждений Ленинграда и Москвы в

предвоенные, военные и послевоенные годы (Платонова, 1991; 1999; Платонова, Кирпичников, 2010). Тем не менее важно обратиться к московским архивным документам, позволяющим пролить свет на процесс “автономизации” МОГАИМК, который до сих пор связывается исключительно с военным временем; кроме того, рисуется неоправданно идиллическая картина взаимоотношений сотрудников МОИИМК и их ленинградского руководства в довоенные годы (Платонова, 1991. С. 46–48).

В настоящей статье рассмотрена деятельность МОИИМК в переломный период (лето 1941 – зима 1941/42 гг.), а также взаимоотношения московских археологов с ленинградским руководством института, для чего будут использованы стенограммы и протоколы заседаний академических учреждений, которые составлялись на основе стенографических

отчетов. Это — разносторонний, хотя и сравнительно редко привлекаемый специалистами по истории науки, источник, охватывающий самые разные стороны жизни ученых и выпукло характеризующий эпоху. Особый интерес представляет стенограмма утреннего заседания Бюро Отделения истории и философии АН СССР, которое состоялось незадолго до начала Великой Отечественной войны, 11 июня 1941 г., под председательством академика-секретаря А.М. Деборина (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17). Не меньшее значение имеют и документы военного времени (зимы 1941/42 гг.): переписка располагавшейся в осажденной Москве Комиссии по составлению “Летописи Отечественной войны” с эвакуированным в Казань руководством АН СССР (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19), а также бумаги уполномоченного АН СССР по оставшимся в Москве в 1941–1942 гг. академическим учреждениям С.М. Файланда (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 30).

Стенограммы заседаний и другие документы, хранящиеся в Архиве РАН, позволяют детализировать картину и выявить некоторые важные моменты процесса перевода головного института из Ленинграда в Москву, который пришелся на военные годы. Толчок процессу был дан еще перед войной. К тому времени ИИМК был крупным научным учреждением: на 1 декабря 1939 г. в штате института в Ленинграде и Москве насчитывалось 135 сотрудников, предполагаемая численность на январь 1940 г. — 143 человека. Для сравнения: численность крупнейшего института Отделения истории и философии — Института истории — на 1 декабря 1939 г. составляла 194 человека, к январю 1940 г. предполагалось увеличение до 204 сотрудников (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1940. Д. 44. Л. 7). Соответственно в 1939 г. было выделено 953 100 руб. только на зарплату штатным и нештатным сотрудникам ИИМК, на 1940 г. планировалось выделить 1 018 400 руб. (соответствующие цифры для Института истории АН СССР составляли 1 632 500 и 1 817 600 руб.) (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1940. Д. 44. Л. 42 = Л. 43). Значительные средства расходовались и на полевые работы: только заявка на оборудование для экспедиций от 9 июня 1940 г. оценивалась в 56 710 руб. (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1940. Д. 44. Л. 23). По численности научных сотрудников ленинградская часть института превосходила московскую почти в 3 раза: на конец 1940 г. в головной части ИИМК в Ленинграде работало 59,

в МОИИМК — 21 научный сотрудник (Платонова, 1991. С. 47), осенью 1941 г. в штате МОИИМК состояло 22 научных сотрудника (Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 42).

В конце весны — начале лета 1941 г. сотрудниками Московского отделения ИИМК был поставлен вопрос о воссоздании самостоятельного Института археологии и искусствоведения (упраздненного в 1931 г.) в системе АН СССР (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 48). “Эта докладная записка о создании отдельного института подписана всеми основными работниками МОИИМК’а — всеми без исключения”, — так утверждал известный археолог профессор А.В. Арциховский (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 39). 11 июня 1941 г., на утреннем заседании Бюро Отделения истории и философии АН СССР, которое проходило под председательством академика-секретаря А.М. Деборина, разгорелись бурные дебаты; в них приняли участие и приехавший из Ленинграда директор ИИМК М.И. Артамонов, и московские археологи, среди которых ведущую роль играл заведующий Московским отделением С.П. Толстов (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17).

Вопрос о правах Московского отделения ИИМКа был не нов и уходил корнями во времена существования ГАИМК (Формозов, 2006. С. 62, 63, 71, 72). Уже после перехода в систему академии во время заседания Совета Отделения общественных наук АН СССР 3 октября 1937 г. тогдашний директор ИИМК академик И.А. Орбели поднимал вопрос о взаимоотношениях головного института и расположенного в другом городе отделения и спрашивал у своего коллеги Н.М. Лукина, директора московского Института истории: “...Как в дальнейшем будут урегулированы взаимоотношения Института и его ленинградского отделения, по какой схеме будет идти взаимосвязь?” (Архив РАН. Ф. 394. Оп. 7. Д. 12. Л. 42). В ответ на вопрос И.А. Орбели, которого интересовало, как поступать с московским отделением ИИМК, Н.М. Лукин пояснил, что бюджет с ленинградским отделением единый, но в Ленинграде есть распорядитель кредитов (Архив РАН. Ф. 394. Оп. 7. Д. 12. Л. 42 об.).

Вопрос о Московском отделении ИИМК застал М.И. Артамонова врасплох, тем более что за полгода до этого, 11 января 1941 г., на заседании бюро Отделения истории и философии в Ленинграде возглавляемый им институт

получил высокую оценку (Платонова, 1991. С. 48):

“Деборин. На повестке у нас стоит вопрос о работе Московского отделения Института истории материальной культуры им. Марра. Кто будет докладывать?”

Артамонов. Для меня несколько неожиданно такая постановка вопроса. Поэтому я доклада о работе Московского отделения нашего института не готовил” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 1).

Зато доклад подготовил руководивший Московским отделением С.П. Толстов (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 1–22а), чье выступление было и эмоциональным, и достаточно аргументированным:

“Толстов. ...Четыре года тому назад, когда Московское отделение ГАИМК было включено в Академию наук, статус Московского отделения был резким образом изменен. До этого Московское отделение ГАИМКа являлось самостоятельным учреждением, объединяемым с Институтом истории материальной культуры единством плана и общим руководством. Но во всех своих оперативных внутренних задачах оно пользовалось достаточным простором для самостоятельной работы. А с момента перехода в систему Академии наук сразу все элементы самостоятельности были ликвидированы. Он фактически превратился в группу проживающих в Москве сотрудников Института истории материальной культуры, не имевшую тогда даже официального возглавляющего лица... Сотрудники были непосредственно подчинены секторам Института... [л. 1–2] Хотя принципиально этот вопрос [о конституировании Московского отделения] был решен, и со стороны Института в этом отношении наш запрос нашел полную поддержку, но фактическое разрешение даже этой элементарной стороны дела растянулось на два с лишним года, и только в начале прошлого [1940] года Московское отделение было конституировано как известная административная единица, но это конституирование не было проведено до конца. [л. 3]

Их [сотрудников МОИИМК] обязанности выражаются в том, чтобы подготовить рукопись и послать ее в Ленинград на редакцию, на утверждение, на обсуждение и издание. Ни в обсуждении этой рукописи, ни в редактировании этих рукописей работники московского коллектива участия не принимают совсем...

[л. 7] Надо сказать, что МОИИМК вообще не знает о работе Института истории материальной культуры, потому что Институт не отдает себе отчета в важности совместного обсуждения работ Института с Московским отделением. [л. 11] ...Фактически мы оказались в положении издательских договорников, а не органических работников Института, участвующих в творческой работе коллектива; в качестве литературных работников, выполняющих отдельные задания, поступающие из Ленинграда, и затем, собственно говоря, уже не имеющих особенного права интересоваться тем, что будет с их работами, и какие работы будут окружать данную работу в том издании, которое последует в конце концов” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 1–12).

И С.П. Толстов, и его коллеги (А.В. Арциховский, П.Н. Бадер) привели многочисленные примеры некорректного отношения и придинок к московским сотрудникам ИИМК: присланный в Ленинград материал П.Н. Бадера оказался использованным в статье Землякова; редактирование в Ленинграде статьи А.В. Арциховского для “Истории русской культуры” превратилось в соавторство, “хотя эти соавторы внесли самые обычные редакционные дополнения” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 9). Но главной проблемой был “вопрос научно-исследовательского планирования”, а точнее, полное отстранение от него московских археологов. Подобное положение и привело к единогласному мнению сотрудников МОИИМК о желательности отделения от ИИМК:

“Толстов. В процессе нашей повседневной работы создавались бесконечные трудности. Это побудило наш коллектив, целую группу работников, войти в Бюро Отделения с письмом, в котором мы вкратце изложили положение таким, как оно есть. Поставили вопрос о том, что нет никакого смысла в сохранении связи между Институтом истории материальной культуры в Ленинграде и Московским отделением. Московское отделение является достаточно крупным по количеству и качеству входящих в него работников, ничуть не уступающим значению большого института Академии наук. А угроза параллелизма может быть легко снята планированием в пределах Отделения истории и философии.

Московское отделение представляет собой археологическую школу; вместе с тем оно может получить и несколько иной профиль,

который сам собой напрашивается, это развитие в Московском отделении искусствоведства. Мы имеем в своем составе небольшое количество искусствоведов. Московское отделение превращается в научно-исследовательский институт, могло бы быть Институтом археологии, который, безусловно, оправдал бы свое существование в системе Академии наук. Мы ничем не можем оправдать дальнейшее сохранение существующего положения, если исходить из существа дела, из интересов самой работы.

Таким образом, подытоживая опыт предыдущих лет, мы пришли к выводу, что необходимо вопрос поставить так, как он ставится сейчас. Конечно, это дело Отделения [речь идет об Отделении истории и философии АН СССР. — С.К.], можно решить вопрос так или иначе. Но совершенно ясно, что существующее положение дальше нетерпимо. Я думаю, что в дальнейшем дача в той или иной мере Отделению [речь идет о МОИИМК. — С.К.] определенной конституции позволила бы ему работать, отвечая полностью за свою работу. Вопрос этот неотложный и решать его надо сейчас” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 21–22а).

Выступавший после директор ИИМК М.И. Артамонов (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 22а–36) констатировал, что ему “приходится выступать уже не в качестве докладчика, а в качестве ответчика” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 22а). М.И. Артамонов вполне резонно указал на финансовые трудности всего института как на главную причину недофинансирования МОИИМК (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 22а–28) и пожаловался на грубость со стороны С.П. Толстова:

“Я все-таки привык к вежливым формам общения. На меня всегда нехорошо действует, хотя, как будто бы, и не должно было действовать, грубое отношение со стороны Московского отделения. Московское отделение, и в частности Сергей Павлович, посылает в грубейшей форме сформулированные ультиматумы вместо письма, даже канцелярское отношение и то было бы лучше, чем те ультиматумы, которые вы, Сергей Павлович, считали для себя возможным посылать Институту” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 34–34а).

Однако у московских археологов “наболело”, и они готовы были на любое решение

проблемы, лишь бы обеспечить хотя бы некоторую автономию. Предлагалось преобразовать МОИИМК в отдел археологии в Институте истории: взаимоотношения с историками были нормальными; статьи ведущих московских археологов постоянно печатались в те годы в журнале “Вестник древней истории”¹, который с 1940 г. стал органом Института истории АН СССР:

“*Арциховский*. Пусть создание отдельного института сейчас нереально, но хотя бы автономное отделение с известными правами, с тем, чтобы не было такой мелочной опеки, чтобы не нужно было за каждой мелочью обращаться в Ленинград и ждать ответа. Это вредно отражается на работе.

Задумываясь над выходом из создавшегося положения в общих интересах — и в интересах Института, и в интересах МОИИМК’а, сотрудники МОИИМК’а приходят к убеждению, что лучшим выходом — лучшим, несомненно, чем существующее положение, было бы, если бы создать не Институт, не автономное отделение, а создать сектор археологии при Институте истории Академии наук. Это и по другим причинам для нас заманчиво. С историками мы работаем над общими томами “Истории СССР”, “Всемирной истории”, “Истории культуры” — тут очень много общих научных интересов. Такой выход, мне кажется, тоже Отделение истории и философии должно иметь в виду” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 39–40).

Московские археологи рассчитывали на зачисление в штат МОИИМК вернувшегося в Москву историка искусства Б.Р. Виппера, сына знаменитого историка Р.Ю. Виппера, а ленинградское руководство ИИМК всячески тормозило этот процесс:

“*Толстов*. ...Хотя имеется постановление Президиума Академии наук о зачислении Виппера в штат сотрудников Московского отделения ИИМК’а, и мы должны уже сейчас платить ему заработную плату, на нашу

¹ В 1937–1941 гг. в “Вестнике древней истории” были опубликованы десятки статей и материалов археологов, причем не только археологов-античников. Среди авторов первого номера ВДИ (1937, № 1): А.Я. Брюсов, В.Н. Худатов, В.Ф. Гайдукевич, С.В. Киселев; второго номера (1938, № 1): С.П. Толстов, С.В. Киселев, А.П. Окладников, Т.С. Пассек; последнего предвоенного номера (1941, № 1): С.В. Киселев, С.П. Толстов, С.А. Ершов, Т.С. Пассек, В.Д. Блаватский и т.д. См. Указатель, 2012. С. 5–18.

просьбу немедленно провести его приказом по Институту мы получили запрос относительно тех или других дополнительных материалов, и в результате по мотивам субординации мы до сих пор не имеем приказа, чтобы иметь возможность заплатить Випперу жалованье” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 18–20).

В начале 1941 г. Р.Ю. Виппер по приглашению Советского правительства (очевидно, по распоряжению Сталина) переехал из Риги в Москву, которую, по его словам, никогда не забывал, считая себя в Латвии “временным жильцом”. Возвращение знаменитого ученого в Москву было поистине триумфальным; его публичная лекция о путях перехода Римской республики в империю в Коммунистической аудитории Московского университета собрала огромную аудиторию, около тысячи человек. Докладчика встречали стоя, овацией, несколько минут не смолкали аплодисменты (Голубцова, 2000. С. 11). И ученое сообщество, и студенческая молодежь не могли не рассматривать возвращение историка как знак окончательного возвращения “традиционной истории”. Достойное трудоустройство сына (работавшего в начале 1920-х годов как раз в Институте археологии и искусствознания), безусловно, рассматривалось негласно как часть “пакетного соглашения”, и руководство АН СССР его стремилось выполнить. Было очевидно, что привлечение в МОИИМК Б.Р. Виппера, талантливого и авторитетного историка западноевропейского искусства, будет способствовать и росту значения, и возможно преобразованию отделения в самостоятельный Институт археологии и искусствознания. Поэтому М.И. Артамонов, как мог, противостоял этому решению Президиума АН СССР, но, очевидно, не встретил понимания:

“*Артамонов.* Как будто бы право назначать сотрудников в Институт принадлежит директору – и больше никому, и я считаю назначение Виппера грубым нарушением единоначалия, грубейшим нарушением моих прав, а вам никто не давал права зачислять Виппера на работу в Институт или отчислять кого-либо. Вы не имеете этого права” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 35–36).

“*Войтинский*². Я не вижу никакого нарушения единоначалия в связи с назначением на работу в МОИИМК тов. Виппера. В Академии

наук, Михаил Илларионович, как и всюду, диалектический [sic!] централизм является методом нашего руководства. Высшая инстанция – Президиум Академии наук – считала целесообразным назначение Виппера на работу в МОИИМК, поэтому это и было сделано... Сергей Павлович [Толстов] был действительно поставлен в нелепое положение. С одной стороны, есть постановление Президиума, которое он должен выполнить, а с другой стороны, вы, непосредственный начальник, не разрешаете ему это” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 45–46).

В целом, однако, обсуждение в Отделении истории и философии АН СССР было направлено, скорее, на поиск компромиссного решения, удовлетворявшего обе стороны, что было отражено в выступлении Г.Н. Войтинского: “Я считаю, что Московскому отделению, где имеется определенное количество научных работников весьма определенной квалификации, надо дать возможность и право самостоятельно работать над той частью плана, которая этому Отделению поручается” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 42).

Г.Н. Войтинский предложил также создать в МОИИМК ученый совет по защите кандидатских диссертаций (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 44–45):

“*Войтинский.* Если выправить эти недочеты, которые я считаю существенными, тогда, конечно, работа Отделения будет идти нормально в системе Института истории материальной культуры. Нам нет необходимости создавать какие-то параллельные научно-исследовательские учреждения...

“*Удальцов*³. Мы [Институт истории] пошли в данном случае по тому пути, который предлагает тов. Войтинский. Наше Ленинградское отделение имеет больше автономии, чем Московское отделение в системе Института истории материальной культуры. Во главе отделения нашего Института стоит директор, там есть ученый совет, который рассматривает научные вопросы, касающиеся отделения, он также принимает к защите диссертации, в данном случае кандидатские, которые посылаются на утверждение центрального ученого совета. Точно так же обстоит дело и в отношении бюджета. Имеется отдельный бюджет, который утверждается... Лучше сохранить

² Г.Н. Войтинский (1893–1953) – советский ученый, специалист по рабочему движению в Китае.

³ Академик А.Д. Удальцов (1883–1958), впоследствии возглавлял ИИМК (1947–1955 гг.).

единый институт, но при большей автономности, что даст большую оперативность для работы на месте и значительно облегчит работу самого центрального руководства” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 45–46а).

По предложению А.М. Деборина было принято решение “поручить маленькой комиссии из трех лиц разработать такой статут и представить на утверждение в Бюро отделения”. В комиссию вошли М.И. Артамонов, С.П. Толстов, Г.Н. Войтинский (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 56). Исходя из высказанных точек зрения членов комиссии, вырисовывалось компромиссное решение: конститутирование Московского отделения ИИМК как автономной организации (при подчинении центру в Ленинграде), с собственным руководством, ученым советом и бюджетом. Это соответствовало и политике руководства АН СССР, стремившегося ограничить рост числа организаций, и в какой-то мере удовлетворяло требования стремившихся к автономии сотрудников МОИИМК.

Принятию этого решения летом или осенью 1941 г. Отделением истории и философии АН СССР помешало начало войны. Война нанесла советской археологии огромный урон. Переписка московских археологов с руководством института в Ленинграде продолжалась вплоть до октября 1941 г., после чего оторванность московских археологов от ленинградского руководства ИИМК стала очевидной (Платонова, 1991 С. 52). Эвакуация ИИМК как целостного учреждения из осажденного города сорвалась, в результате ленинградская часть ИИМК оказалась разобщенной: эвакуированные сотрудники оказались в разных местах (в Казани, Елабуге, Ташкенте). Значительная часть сотрудников эвакуироваться так и не смогла: так, академик С.А. Жебелев пережил бомбардировку аэродрома, куда его доставили для эвакуации, отказался от дальнейших попыток уехать из Ленинграда и умер в конце декабря 1941 г. (Карпюк, Кулишова, 2018. С. 99, 100). Большинство ленинградских археологов остались в осажденном городе; их героизм и лишения описаны коллегами (Платонова, 1991. С. 55–64; Платонова, Кирпичников, 2010. С. 37–39).

В Москве централизованная эвакуация гуманитарных институтов АН СССР началась сравнительно поздно, в октябре 1941 г., причем в МОИИМК она была проведена удивительно бездарно: в выделенном вагоне в Ташкент

выехали только назначенный временный руководитель отделения А.В. Збруева и бухгалтер Л.И. Эсаулов, с ними “в Ташкент было отправлено 5 ящиков книг и 2 фотоаппарата, малый денежный ящик, 1 пишущая машинка” (Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 43). Самым ценным предметом, увезенным в Ташкент, оказалась печать МОИИМК (Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 43). И.о. заведующего МОИИМК А.В. Збруева подписала список сотрудников, “остающихся для охраны коллекций”, причем состоял он из двух фамилий: Горюнова Е.И., старший научный сотрудник, и Чернецов В.Н., младший научный сотрудник (Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 30. Л. 38).

Часть сотрудников МОИИМК воевали на фронте и в народном ополчении, часть уволились, чтобы эвакуироваться с МГУ или с другими организациями, но пять научных сотрудников, как пишет Н.И. Платонова, “упрямо сидели в Москве” (1991. С. 52). Документ из Архива РАН характеризует ситуацию более точно (план работ на 1942 г., подписанный В.Н. Чернецовым и Т.С. Пассек в конце декабря 1941 г. либо в начале января 1942 г.): “Из 22 утвержденных научных сотрудников и аппарата МОИИМК на сегодняшний день находятся: а) в Москве исполняющие плановую работу 10 человек (уполномоченный В.Н. Чернецов, ученый секретарь Т.С. Пассек, доктор В.А. Городцов, старшие научные сотрудники Горюнова Е.И., Киселев С.В., Тараканова С.А. [дописано ручкой: старший научный сотрудник А.П. Смирнов, старший научный сотрудник В.Д. Блаватский], машинистка-секретарь Александрова А.А. и лабораторный служитель Тихонова Е.М.; б) ополченцы — 7 чел., в) в армии — 3 чел.; г) выехали с эшелоном Академии наук в Ташкент 2 чел. (и.о. заведующего Збруева А.В. и бухгалтер Эсаулов Л.И.); д) переведены по месту совместительства — 1 чел. — зав. секцией агрикультуры Бурский М.И. по Совинформбюро в г. Куйбышев; е) выехал с семьей Виппер Б.Р. с Академией наук в Среднюю Азию; ж) выехал по работе в комиссии академика Келлера — 1 чел. — сотрудник секции агрикультуры Никишин И.И. [дописано ручкой: После демобилизации с 20/1 42 г. В Ташкенте находится зав. МОИИМК С.П. Толстов].

Таким образом, в Москве находится основная группа работников МОИИМК, в Ташкенте же 2 научных сотрудника.

Помещение Института в Москве сохранено полностью, равно как и научное оборудование и библиотека...» (Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 42, 43).

Вероятно, “явочным порядком” уполномоченным по МОИИМК (т. е. оставшимся за главного) стал энергичный и опытный этнограф и археолог В.Н. Чернецов⁴, младший научный сотрудник, получивший многолетний экспедиционный опыт на Русском Севере; на месте оставалась и ученый секретарь Т.С. Пассек. В результате вернули на работу машинистку, курьера, библиотекаря (Платонова, 1991. С. 52, 53). Парадоксальным образом плохо организованная эвакуация способствовала формированию инициативного “московского ядра ИИМК”, остававшегося сравнительно дееспособным на фоне находившихся в осажденном Ленинграде и разбросанных по стране коллег.

Главным был вопрос “что делать?”. Для оставшихся без руководства и фронта работ московских археологов важную роль сыграло участие в “комиссии Минца”. Член-корреспондент АН СССР И.И. Минц организовал в прифронтовой Москве Комиссию по истории Великой Отечественной войны; к нему и “прибыли” в тяжелое осадное время московские археологи. Сохранилась переписка И.И. Минца и В.Н. Чернецова по этому поводу с академиком-секретарем Отделения истории и философии АН СССР академиком А.М. Дебориным (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19).

Самый ранний документ этого комплекса – протокол № 1 «Заседания комиссии по изданию “Летописи Отечественной войны (оборона Москвы)”» от 11 декабря 1941 г. (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 7). 18 декабря в Казань в комиссию Президиума АН СССР по рассмотрению штатов было отправлено письмо И.И. Минца о том, что Комиссия по составлению “Летописи Отечественной войны” (“Оборона Москвы”) поддерживает включение в план МОИИМК на 1942 г. “оборонных” тем (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 6). Письмо директору ИИМК М.И. Артамонову,

⁴ Н.И. Платонова (1991. С. 52, 53) упоминает об этом с некоторым неодобрением; в действительности, это поразительный пример инициативы снизу, когда имевший жизненный и организационный опыт младший научный сотрудник взвалил на себя нелегкую ношу руководства учреждением в осажденном городе (очевидно, с полного согласия “старшего в иерархии” ученого секретаря Т.С. Пассек).

где говорится о работе Е. Горюновой, Т. Пассек, С. Киселева и В. Чернецова над “Летописью обороны Москвы”, датировано 18 декабря 1941 г. (Платонова, 1991. С. 53, 54).

Вслед за этим 19 декабря 1941 г. последовала телеграмма московских археологов, в которой они просили Президиум АН СССР утвердить бригаду сотрудников МОИИМК по “Летописи Отечественной войны” (“Оборона Москвы”): Срочная Казань Президиум Академии Наук Деборину – Приступлено работе специальному археологическому заданию Комиссии московской летописи Отечественной войны руководством Минца Утвердите эту работу московской бригады ИИМК сорок второй год составе Чернецов Горюнова Киселев Пассек Уполномоченный Чернецов (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 1–2).

За телеграммой последовало письмо А.М. Деборину, подписанное В.Н. Чернецовым и Т.С. Пассек от 21 декабря 1941 г., в котором сообщили о посылке тематического плана работ на 1942 г. Московское отделение оставалось в своем прежнем помещении; внизу страницы был указан довоенный адрес: “Москва, 12, Б. Черкасский пер. д. 4. Московское Отделение Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 12–13). В Казань академическому руководству была послана также смета расходов на 1942 г. на 90 369 руб. 54 коп., подписанная В.Н. Чернецовым, а также дополнительная смета на 27 900 руб. на заработную плату для оставшихся в Москве научных сотрудников МОИИМК В.А. Городцова, П.А. Дмитриева (в народном ополчении), Е.И. Крупнова (в народном ополчении) и лаборанта А.В. Никитина (в народном ополчении) (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 14–16). Полный список научных сотрудников МОИИМК на 1 января 1942 г. сохранился в бумагах С.М. Файланда: Городцов В.А., Горюнова Е.И., Блаватский В.Д., Киселев С.В., Пассек Т.С., Смирнов А.П., Тараканова С.А., Чернецов В.Н. (Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 30. Л. 37).

В письме в комиссию “Московской летописи Отечественной войны советского народа” профессору И.И. Минцу (копия была направлена академику А.М. Деборину в Казань) был отправлен тематический план работ на 1942 г., которые московские археологи готовы были выполнять в прифронтовой Москве и ее окрестностях: «Московское Отделение

Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра в ноябре 1941 г. включилось в работу по составлению “Московской летописи Отечественной войны советского народа”. Составлялась хроника событий в области культуры, науки, обороны Москвы и специальный раздел приветствий и обращений к Москве и москвичам в дни героической обороны столицы. Кроме того, сотрудниками МОИИМК начаты предварительные археологические обследования древних культурных напластований, обнаруженных при строительстве оборонительных сооружений Москвы. В связи с этим уже собран некоторый материал...

IV. ...Участие сотрудников МОИИМК’а (все они имеют долголетний музейный стаж) в возобновлении работы “Музея города Москвы”...

VI. Археологическое изучение древних памятников на территории Москвы в связи с земляными оборонительными работами и собирание древних предметов, найденных при этих работах.

Это изучение позволит обнаружить и сохранить для науки (как и аналогичные мероприятия на крупных строительствах, например, Москва–Волга, Метро и пр.) важнейший материал по истории столицы Советского Союза. Этим будет положено начало систематическому археологическому обследованию, которое будет произведено, понятно, уже по окончании военных действий. Результаты послужат основой для составления специального труда.

Для выполнения всех перечисленных работ МОИИМК выделяет группу штатных сотрудников...⁵ В заключение предлагаем использовать для работы по сбору прифронтовых материалов ополченцев – сотрудников соответствующих институтов АН СССР. В частности, по МОИИМК большую помощь могут оказать профессор А.И. Смирнов, ныне завклубом строительного батальона под Подольском, и старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, ныне младший сержант Е.И. Крупнов и ряд других военнослужащих – бывших научных работников.

Уполномоченный МОИИМК и Института истории АН СССР [подпись] В. Чернецов
Ученый секретарь МОИИМК [подпись] Т. Пасек».

[без даты, вероятно, 22 декабря 1941 г.]

(Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 9–11).

Сохранились также письма В.Н. Чернецова И.И. Минцу. В числе сотрудников комиссии упоминались С.В. Киселев и Т.С. Пасек (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 9–13). Были расписаны штаты, сметы, в частности, на сотрудников МОИИМК Городцова, Дмитриева, Крупнова, Никитина (последние три находились в народном ополчении) (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 14–16). А.М. Деборин в письме И.И. Минцу от 15 января 1942 г. одобрил привлечение археологов для работы в комиссии, хотя и выразил некоторые сомнения: “Можно было бы немедленно приступить к сбору материалов для составления специального труда, посвященного зверствам германских фашистов и проявлениям вандализма, выражающегося в уничтожении культурных памятников нашей страны... Я одобряю привлечение сотрудников МОИИМК к работе по истории Отечественной Войны. Но у меня нет уверенности, что именно эти работники являются наиболее подходящими” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 18).

Был создан Институт истории Отечественной войны под руководством И.И. Минца со штатом 33 человека и фондом заработной платы 21 015 руб., с которым сотрудничали московские археологи (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 19). При этом академик А.М. Деборин 19 января 1942 г. отказал В.Н. Чернецову, руководителю Московской группы МОИИМК, в отдельном финансировании и предложил включить часть сотрудников МОИИМК в состав Института истории Отечественной войны (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 21). Об этом же он писал И.И. Минцу 20 января: “Прошу выяснить вопрос о возможности перевода в состав будущего Института истории Отечественной войны тех сотрудников МОИИМК, которые привлечены или могут быть привлечены Вами к работе по истории Отечественной войны”. Из рукописной приписки к документу можно сделать вывод о важности вопроса о МОИИМК, требующего дополнительных согласований: “Вопрос о МОИИМК’е в целом прошу согласовать с акад. М.Б. Митиным и уполномоченным Президиума тов. С.М. Файландом” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 20).

Из писем М.И. Артамонову следует, что “через некоторое время московская группа

⁵ Далее перечислены: Е.И. Горюнова, С.В. Киселев, Т.С. Пасек, С.А. Тараканова, В.Н. Чернецов.

сумела открыть собственный счет в банке, добилась перевода всех кредитов МОИИМК и наладила регулярную выплату зарплаты сотрудникам, минуя Ташкент”. Сотрудники выезжали на задания в Истру, Волоколамск, Ярополец, Иосифо-Волоцкий монастырь, Можайск, Бородино (Платонова, 1991. С. 53). Сотрудники МОИИМК (В.Д. Блаватский, А.П. Смирнов, С.В. Киселев, Т.С. Пассек, В.Н. Чернецов, С.А. Тараканова) читали публичные лекции для солдат и офицеров Красной Армии (АРАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 56). Часто проводились научные заседания (совместно с ГИМ и Академией архитектуры): например, в феврале 1942 г. заседания были назначены на 2, 4, 6, 14, 19, 26 февраля (АРАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 57–58). Наконец, московские сотрудники пытались вернуть в Москву “застрявшего” в Ташкенте после демобилизации С.П. Толстова (АРАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 32. Л. 6), добились постановления Президиума АН СССР о вызове для руководства ими директора ИИМК М.И. Артамонова в Москву (Платонова, 1991. С. 55). Впрочем, С.П. Толстов не смог, а М.И. Артамонов не захотел приехать в Москву.

Московские археологи выполнили огромную работу по документированию состояния памятников архитектуры и объектов культурного наследия, разрушенных немецко-фашистскими захватчиками. К этой работе позже пытались подключиться и ленинградские историки: сохранилось письмо М.В. Левченко, который возглавлял казанскую группу Ленинградского отделения Института истории, Г.Ф. Александрову о привлечении сотрудников ЛОИИ к этому проекту (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 22–22 об.). Однако сведений об участии ленинградских историков в проекте не сохранилось.

Московские археологи пытались привлечь эвакуированного в Казань М.И. Артамонова в Москву для руководства отделением. Чувствовавший ответственность за оставшихся в блокадном Ленинграде и эвакуированных сотрудников института директор ИИМК отказался от этого предложения. В Московском отделении стал работать демобилизованный из армии по ранению ленинградский археолог Н.Н. Воронин, что довело число действующих сотрудников отделения до девяти (Платонова, 1991. С. 54, 55; Платонова, Кирпичников, 2010. С. 38).

К началу 1942 г. Московское отделение ИИМК не только сохранилось как работоспособная единица, но и стало единственным активно действующим подразделением ИИМК. Этому в немалой степени способствовала инициатива оставшихся в осажденной Москве сотрудников, прежде всего В.Н. Чернецова. Важную роль сыграло участие московских археологов в государственных проектах по описанию разрушенных фашистами археологических памятников, а также памятников истории и культуры. Прерывающаяся связь с дирекцией института компенсировалась контактами с эвакуированным в Казань Президиумом АН СССР. “Конституирование” автономного Московского отделения ИИМК энергично и аргументированно отстаивали С.П. Толстов и его коллеги на заседании Отделения истории и философии АН СССР 11 июня 1941 г. Решение об этом было принято, но отложено из-за военного времени фактически зимой 1941/42 гг. МОИИМК работало в автономном режиме. В период ослабления государственного контроля над академической наукой “инициатива снизу” московских археологов оказалась вполне успешной.

Статья написана при поддержке проекта РНФ № 18-18-00367 “Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афиани В.Ю., Осипова Н.М.* Академия наук СССР в первые месяцы войны // Исторические записки. 2010. Вып. 13 (131). М.: Наука, 2010. С. 3–27.
- Голубцова Е.С.* Роберт Юрьевич Виппер (1859–1954) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. Москва; Иерусалим: Гешарим, 2000. С. 7–15.
- Гуляев В.И.* Введение // Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий / Отв. ред. В.И. Гуляев. М., 2000. С. 3–20.
- Длужневская Г.В.* Деятельность Российской – Государственной академии истории материальной культуры – Института истории материальной культуры АН СССР в 1919–1940 гг. // От Древней Руси до современной России: сборник научных статей в честь 60-летия А.Я. Дегтярева / Отв. ред. А.О. Бороноев и др. СПб.: Русская коллегия, 2006. С. 347–371.
- Карпюк С.Г., Кулишова О.В.* Академик С.А. Жебелев, последние годы: стенограмма заседания

- академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. // ВДИ. 2018. Т. 78/1. С. 88–112.
- Макаров Н.А. Институт археологии: прошлое и настоящее // Институт археологии Российской академии наук / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2007. С. 6–13.
- Платонова Н.И. Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Материалы конференции “Археология и социальный прогресс”. Вып. I. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 45–78.
- Платонова Н.И. М.И. Артамонов – директор ИИМК // Археологические вести. 1999. 6. С. 466–478.
- Платонова Н.И., Кирпичников А.Н. Сектор/отдел славяно-финской археологии ЛОИИ АН СССР – ИИМК РАН: исследования и исследователи // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2010. № 5. С. 7–71.
- Указатель материалов, опубликованный в “Вестнике древней истории” в 1937–2012 гг. / Отв. ред. С.Ю. Сапрыкин. М.: ИВИ РАН, 2012. 340 с.
- Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006. 344 с.

MOSCOW BRANCH OF THE INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE, SUMMER OF 1941 – WINTER OF 1941/42

Sergey G. Karpyuk

Institute of World History RAS, Moscow; RSUH, Moscow

E-mail: oxlos@yandex.ru

Based on materials from the Archives of the RAS, the author proposes his overview of the activities of Moscow Branch of the Institute for the History of Material Culture in a crucial period (summer of 1941 – winter of 1941/42), as well as the relations between Moscow archaeologists and the management of the Institute in Leningrad, which is shown by means of documents from the Archives of the RAS. In the late spring – early summer of 1941, the staff of the Moscow Branch of the Institute for the History of Material Culture raised the question of creating an independent Institute of Archaeology and Art Studies at the USSR Academy of Sciences. On June 11, 1941, the morning meeting of the Bureau of the History and Philosophy Department of the USSR Academy of Sciences was aboil with heated controversy; among the participants engaged was the Director of the Institute for the History of Material Culture M.I. Artamonov, who arrived from Leningrad, and Moscow archaeologists, among whom the leading role belonged to S.P. Tolstov. By the beginning of 1942, Moscow Branch of the Institute for the History of Material Culture did not only survive as a workable unit, but also became the only active subdivision of the Institute for the History of Material Culture. To a considerable extent, it should be credited to those staff members who remained in the besieged in Moscow, first of all, to V.N. Chernetsov. An important part was played by the participation of Moscow archaeologists in state supported projects on the description of archaeological sites destroyed by the Nazi, as well as historical and cultural monuments. The interrupted connection with the Directorate of the Institute was compensated by contacts with the Presidium of the USSR Academy of Sciences evacuated to Kazan. The “designing” of the autonomous Moscow Branch of the Institute for the History of Material Culture announced at the meeting of the History and Philosophy Department of the USSR Academy of Sciences on June 11, 1941, was postponed due to wartime, but in fact, until 1942 Moscow Branch the Institute for the History of Material Culture was working autonomously. In the period of weakening state control over academic science, the Moscow archaeologists’ initiative “from below” proved quite successful.

Keywords: the history of Soviet archaeology, Moscow Branch of the Institute for the History of Material Culture, S.P. Tolstov, V.N. Chernetsov.

REFERENCES

- Afiani V.Yu., Osipova N.M., 2010. The USSR Academy of Sciences during the first months of the war. *Istoricheskiye zapiski [Historical notes]*, 13(131). Moscow: Nauka, pp. 3–27. (In Russ.)
- Dluzhnevskaya G.V., 2006. Activity of the Russian State Academy for the History of Material Culture –

- Institute for the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences in 1919–1940. *Ot Drevney Rusi do sovremennoy Rossii: sbornik nauchnykh statey v chest' 60-letiya A.Ya. Degtyareva* [From Rus to modern Russia: A Collection of academic papers to the 60th anniversary of A.Ya. Degtyarev]. A.O. Boronoyev, ed. St.Petersburg: Russkaya kolleksiya, pp. 347–371. (In Russ.)
- Formozov A.A., 2006. Russkiye arkheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskiye ocherki [Russian archaeologists in the period of totalitarianism: Historiographic studies]. 2nd edition supplemented. Moscow: Znak. 344 p.
- Golubtsova E.S., 2000. Robert Yu. Vipper (1859–1954). *Portrety istorikov. Vremya i sud'by, 2. Vseobshchaya istoriya* [Portraits of historians. Time and fates, 2. World History]. G.N. Sevost'yanov, L.P. Marinovich, L.T. Mil'skaya, eds. Moscow; Iyerusalim: Gesharim, pp. 7–15. (In Russ.)
- Gulyayev V.I., 2000. Introduction. *Institut arkheologii: istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh biografiy* [Institute of Archaeology: Past and present: A Collection of academic biographies]. V.I. Gulyayev, ed. Moscow, pp. 3–20. (In Russ.)
- Karpyuk S.G., Kulishova O.V., 2018. Academician S.A. Zhebelev, last years: transcript of the Meeting of academic institutions in Tashkent on January 31, 1942. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], vol. 78, no. 1, pp. 88–112. (In Russ.)
- Makarov N.A., 2007. Institute of Archaeology: Past and present. *Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Institute of Archaeology RAS]. N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 6–13. (In Russ.)
- Platonova N.I., 1991. Institute for the History of Material Culture during the Great Patriotic War. *Materialy konferentsii "Arkheologiya i sotsial'nyy progress"* [Proceedings of the Conference "Archaeology and social progress"] (1989 g.), iss. I. Moscow: IA AN SSSR, pp. 45–78. (In Russ.)
- Platonova N.I., 1999. M.I. Artamonov – Director of the Institute for the History of Material Culture. *Arkheologicheskiye vesti* [Archaeological News], 6. St.Petersburg: IIMK RAN, pp. 466–478. (In Russ.)
- Platonova N.I., Kirpichnikov A.N., 2010. The Sector / Department of Slavic-Finnish Archaeology of Leningrad Branch of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences – the Institute for the History of Material Culture RAS: research and researchers. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury RAN* [Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS], 5, pp. 7–71. (In Russ.)
- Ukazatel' materialov, opublikovanny v "Vestnike drevney istorii" v 1937–2012 gg. [Index of materials, published in the Journal of ancient history in 1937–2012]. S.Yu. Saprykin, ed. Moscow: IVI RAN, 2012. 340 p.

ПОГРЕБЕНИЕ СО СЛЕДАМИ РАНЕНИЯ

(Пермское Предуралье в эпоху Великого переселения народов)

© 2019 г. Н.Г. Брюхова^{1,*}, Д.В. Шмуратко^{2,**}

¹ Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Россия

² Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия

*E-mail: nat-bryukhova@yandex.ru

**E-mail: dshmuratko@mail.ru

Поступила в редакцию 09.08.2018 г.

В ходе проведенного исследования, результаты которого представлены в статье, удалось установить косвенную причину смерти молодого мужчины, умершего в возрасте 18–22 лет, костные останки которого были обнаружены в погребении 57 Митинской курганный группы у д. Митино Кочевского района Пермского края. В работе изложены условия залегания останков в погребении, приводятся описание раневого канала и результаты микроскопического анализа сохранившегося вне скелета фрагмента костяного наконечника стрелы и фрагмента наконечника, застрявшего в теле седьмого грудного позвонка умершего. В итоге сделано заключение о том, что в конкретной ситуации имело место изолированное, непроникающее, слепое ранение, полученное в результате прицельного выстрела.

Ключевые слова: Великое переселение народов, курганные могильники, анатомия, лук и стрелы, костяной наконечник, ранение, Пермское Предуралье.

DOI: 10.31857/S086956870004826-9

Летом 2017 года отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета под руководством Д.В. Шмуратко проводились раскопки Митинского курганного могильника. Памятник относится к эпохе Великого переселения народов и принадлежит Косинской группе курганных могильников Верхнего Прикамья (Шмуратко, 2012).

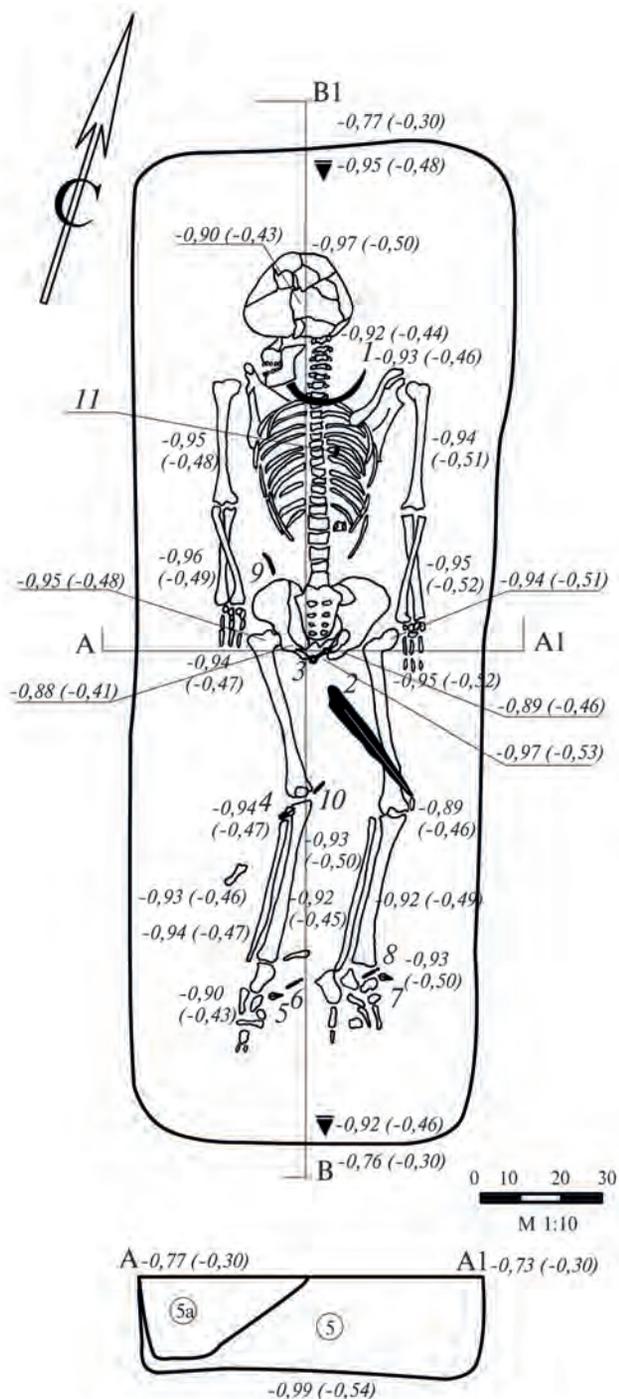
Погребения неглубокие и располагаются сразу под пахотным слоем, большинство костей погребенных раздавлено грунтом и техникой, которая использовалась при пахотных работах. Во время расчистки погребения № 57 среди костей человека был обнаружен фрагмент костяного наконечника стрелы и позвонок со следами ранения.

Погребение № 57. В погребении обнаружены кости одного индивида. Практически все кости находятся в анатомическом порядке. Условная ось костяка совпадает с условной осью погребения. Череп раздавлен, состоит из крупных фрагментов. Кости в погребении принадлежат мужчине, умершему в возрасте 18–22 лет. Судя по положению костей, покойный был

уложен на спину, головой на СЗ. Вокруг тела оставалось свободное пространство (рис. 1).

Под костями в районе грудного отдела умершего обнаружен обломок костяного четырехгранного наконечника стрелы. Длина фрагмента — 2.5 см, ширина — 1 см, вес — 0.73 гр.

На теле седьмого грудного позвонка погребенного, в районе нижней реберной ямки с левой стороны, обнаружено повреждение. Дефект представляет собой углубление в кости с двумя ровными гранями размерами 7×7×12 мм. В глубине повреждения застряло острие костяного наконечника стрелы (рис. 2). При исследовании внутренних стенок углубления под микроскопом с 20-кратным увеличением наблюдаются практически ровная поверхность стенок и сильно смятые трабекулы. Сопоставление указанного повреждения и обнаруженного наконечника стрелы показало, что ранение было нанесено именно им, при этом острие наконечника плотно застряло в губчатой ткани позвонка и отломилось. Тыльная часть наконечника оказалась надрезанной и обломанной (рис. 3).

Рис. 1. Митинский курганный могильник. План погребения 57. Находки: 1 – серебряная гривна; 2 – железный нож; 3, 9 – обкладка; 4, 5, 7 – пряжка; 6, 8, 10 – наконечник ремня; 11 – костяной наконечник стрелы (обломок). 3–10 – бронза.

Fig. 1. The Mitino mound cemetery. A plan of burial 57

Судя по всему, мы имеем дело с ранением стрелой в спину, которое классифицируется как изолированное, непроникающее, слепое ранение. Под *изолированным* имеется в виду

одно повреждение, *непроникающее* означает, что неповрежденным остается спинно-мозговой канал, *слепое* – когда раневой канал имеет только входное отверстие и слепо заканчивается в тканях позвоночника (Гуманенко, Самохвалов, 2011. С. 272–274). Здесь можно говорить о прицельном выстреле, при котором стрела вошла горизонтально в седьмой грудной позвонок и выбила головку восьмого левого ребра из реберной ямки. Горизонтальное положение наконечника в позвонке говорит о том, что стрелявший находился на одном уровне с жертвой. При осмотре позвоночного столба смещения седьмого грудного позвонка замечено не было. Дуги всех грудных позвонков сломаны в результате давления на скелет грунта и тяжелой пахотной техники. Поэтому трудно сказать, мог ли наконечник стрелы повредить дугу и отростки данного позвонка, а они, в свою очередь, могли бы повредить спинной мозг. Если предположить, что при получении ранения позвонок сохранил свое место в позвоночнике, а спинной мозг не был потревожен, то само по себе такое ранение могло и не привести к летальному исходу. Однако следов заживления на поврежденной кости нет, это говорит о том, что человек после полученного ранения не жил, и оно могло послужить косвенной причиной смерти.

Фрагмент наконечника был рассмотрен под микроскопом с 20-кратным увеличением. Дистальный конец сломан. На вентральном ребре – следы от удара, связанного с проникновением в тело жертвы, в виде выломов. На вентральном левом краю фиксируются следы заполировки, которые связаны с изготовлением наконечника. Левая грань содержит заполировки, появившиеся в результате использования наконечника. Заполировка линейная, четкой направленности не имеет.

На дорсальной центральной грани также фиксируются следы от ударов. На дорсальной левой грани фиксируются выломы по направлению от дистала к проксималу. Проксимальный конец имеет ступенчатый слом со следами подрезки, который появился не в результате удара, а в ходе намеренного слома наконечника. Таким образом, та часть стрелы, которая осталась снаружи тела, была подпилена и отломана, а оставшая часть наконечника была оставлена в теле раненого. Видимо, извлекать весь наконечник из тела было нецелесообразно.

Рис. 2. Анатомия грудного позвонка (1) и фотографии поврежденного наконечником стрелы 7-го позвонка (2–5). 1 – вид слева: *a* – нижняя реберная ямка; *b* – верхняя реберная ямка; *в* – остистый отросток; 2 – вид с левой стороны; 3 – вид сверху; 4 – вид задней поверхности; 5 – застрявшее в теле позвонка острие наконечника стрелы (*a*).
Fig. 2. Anatomy of the thoracic vertebra (1) and views of the 7th vertebra damaged by an arrowhead (2–5)

Помимо костных останков и фрагмента наконечника стрелы в погребении обнаружен сопроводительный инвентарь. Фрагмент пластинчатой серебряной гривны представляет собой разомкнутый расширенный в средней части обруч. Гривна имеет слабовыраженное ромбическое сечение. Подобные гривны уже встречались в материалах Митинского могильника (Генинг, Голдина, 1973. С. 110, 112). Гривна может быть датирована V–VI вв.

Железный нож с продольным желобком и уступчиком со стороны спинки при переходе к черешку (дольный нож, псевдокинжал, “скрамасакс”) – тип 2, подтип “б”, по классификации Р.Д. Голдиной (1985. С. 59). Нож имеет внушительные размеры, длина клинка – 35 см, максимальная ширина – 4 см. Ножи с желобком – одна из характерных особенностей харинского времени. Подобные экземпляры датируются V–VI вв.

Найдены фрагменты деревянных ножен в виде футляра, обтянутого пластинами и обоями, вдоль одной из сторон которого наложены пластинка и ряд заклепок с полусферическими головками. Подобные ножны известны в материалах Бурковского, Харинского, Бурдаковского курганных могильников и могут быть датированы V–VI вв.

Среди находок – пряжка с длинной задней подпрямоугольной пластиной, сужающейся к концу (1 экз.). С внутренней стороны пластина имеет отверстие, между пластинами сохранился фрагмент кожаного ремня. Пряжка может быть датирована V–VI вв.

Бронзовый наконечник ремня в виде пластины, зажимающей ремень с двух сторон (1 экз.), крепился к ремню при помощи двух штифтов, пронизывающих пластину насквозь. Подобный наконечник уже встречался на Митинском могильнике (погр. 24 – раскопки

Рис. 3. Фрагмент костяного наконечника стрелы — дорсальная и вентральная поверхности.

Fig. 3. A fragment of a bone arrowhead — dorsal and ventral surfaces

В.Ф. Генинга 1956 г.), аналогичный экземпляр известен и в материалах Бурковского могильника V–VI вв. (Генинг, Голдина, 1973. Табл. 7, 27).

Пряжки с задней вытянутой пластиной подтреугольной формы (2 экз.), возможно, крепили ремешки обуви — об этом свидетельствует локализация пряжек в погребении около костей стоп. Пряжки могут быть датированы V–VI вв.

Бронзовые наконечники ремня (2 экз.) в виде длинной узкой пластины с одним округленным концом, оформленным в виде “секиры”, украшены двумя полугорошинами (2 экз.). Подобные наконечники были обнаружены в курганном могильнике Бельково, расположенном неподалеку от Митинской курганной группы. Оба могильника принадлежат к одной территориальной группе памятников харинского типа (Косинская группа). Возможно, обнаруженные наконечники украшали ремешки, застегивающие обувь, — об этом говорит локализация наконечников в погребении около костей стоп (Шмуратко, 2018).

Таким образом, погребение по составу инвентаря датируется V–VI вв. н.э. Также на основе анализа коллагена, выделенного из правой большеберцовой кости погребенного, в лаборатории “Группа изотопных исследований ИИМК РАН” (г. Санкт-Петербург) была получена радиоуглеродная дата (Jе-11717). Калиброванная дата указывает на VI–VIII вв. н.э.

Учитывая тот факт, что похожие ранения, в результате которых наконечник стрелы застревал в костных тканях жертвы, а извлечь его из раны было невозможно, известны на территории Прикамья по материалам мазунинской археологической культуры. В частности, на Боярском “Арай” могильнике, датированном IV–V вв., в погр. 78 (раскоп IV) были расчищены останки умершего, в правой подвздошной кости которого также был обнаружен плотно засевший костяной наконечник, вошедший на глубину 1–1.5 см (Коробейников, Митюков, 2007. С. 16, 17). Можно заключить, что такое метательное оружие, как лук, использовалось в данной местности не только для охоты, но и в боевых целях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Вып. 12. 1973. С. 58–121.
- Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1985. 280 с.
- Гуманенко Е.К., Самохвалов И.М. Военно-полевая хирургия локальных войн и вооруженных конфликтов. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. 672 с.
- Коробейников А.В., Митюков Н.В. Баллистика стрел по данным археологии: введение в проблемную область. Ижевск: НОУ КИТ, 2007. 140 с.
- Шмуратко Д.В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов [Рукопись]: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2012. 232 с.
- Шмуратко Д.В. Отчет об исполнении государственного контракта № 45 от 25.04.2017 с Министерством культуры Пермского края на проведение охранных археологических раскопок на разрушающемся объекте археологического наследия “Митинская курганная группа” // Архив МАЭ ПГПУ. Пермь. 2018.

BURIALS WITH WOUNDINGS TRACES (Perm Cis-Urals in the Migration Period)

Natalya G. Bryukhova^{1,*}, Dmitry V. Shmuratko^{2,**}

¹ Perm Federal Research Centre, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

² Perm State Humanitarian Pedagogical University, Russia

*E-mail: nat-bryukhova@yandex.ru

**E-mail: dshmuratko@mail.ru

The article presents the results of the study, in the course of which it was possible to establish an indirect cause of a young man's death at the age of 18–22 years, whose bone remains were found in burial 57 of the Mitino Mound Group near the village of Mitino, Kochevsky District of Perm Territory. The paper outlines the deposition of the remains in the burial, describes the wound channel and the results of a microscopic analysis of a bone arrowhead fragment found outside the skeleton and an arrowhead fragment stuck in the body of the seventh thoracic vertebra of the deceased. As a result, it was concluded that the discussed case was an isolated, non-penetrating, blind wound received as a result of an aimed shot.

Keywords: the Migration, mound burial grounds, anatomy, bow and arrows, bone arrowhead, wound, Perm Cis-Urals.

REFERENCES

- Gening V.F., Goldina R.D.*, 1973. Mound cemeteries of the Kharino type in the Upper Kama region. *Voprosy arkheologii Urala [Issues of the archaeology of the Urals]*, 12. Sverdlovsk: UrGU, pp. 58–121. (In Russ.)
- Goldina R.D.*, 1985. Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'ye [The Lomovatka culture in the Upper Kama region]. Irkutsk: Izd. IrGU. 280 p.
- Gumanenko E.K., Samokhvalov I.M.*, 2011. *Voyenno-polevaya khirurgiya lokal'nykh voyn i vooruzhennykh konfliktov [Military surgery of local wars and armed conflicts]*. Moscow: GEOTAR-Media. 672 p.
- Korobeynikov A.V., Mityukov N.V.*, 2007. *Ballistika strel po dannym arkheologii: vvedeniye v problemnuyu oblast' [Arrow ballistics: an introduction to the problem domain]*. Izhevsk: KIGIT. 140 p.
- Shmuratko D.V.*, 2012. Kurgannyye mogil'niki kharinskogo tipa v Verkhnem Prikam'ye v kontekste kul'turno-istoricheskikh protsessov epokhi Velikogo Pereseleniya narodov: diss. ... kand. ist. nauk: Rukopis' [Mound cemeteries of the Kharino type in the Upper Kama Region within cultural and historical processes of the Migration Period: a thesis for the Doctoral Degree in History: Manuscript]. Kazan'. 232 p.
- Shmuratko D.V.*, 2018. Otchet ob ispolnenii gosudarstvennogo kontrakta № 45 ot 25.04.2017 s Ministerstvom kul'tury Permskogo kraja na provedeniye okhrannykh arkheologicheskikh raskopok na razrushayushchemsya ob'yekte arkheologicheskogo naslediya "Mitinskaya kurgannaya gruppa" [Report on the execution of the State Contract № 45 of April 25, 2017 with the Ministry of Culture of the Perm Territory for performing salvage archaeological excavations at the decaying archaeological heritage site of Mitino Group of Barrows]. *Arkhiv Muzeya Arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya PGPU [Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals at Perm State Pedagogical University]*. Perm'. (Unpublished)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**С.А. Жебелев. РУССКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ЗА ТРЕТЬЮ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ.
1897–1921: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК. ПРИЛОЖЕНИЕ:
БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЧЛЕНОВ РАО (1846–1924) /
Отв. ред., сост., вступит. статья И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2017. 672 с.
(Серия Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки.
Supplementum 5)**

В историографии русской археологии уже преодолена ее советская схема, согласно которой дореволюционный этап развития науки о древностях практически во всем осуждался, а послереволюционный период превозносился (Худяков, 1933; Арциховский и др., 1937; Генинг, 1982; Пряхин, 1986). Конечно, определенный прогресс в отечественной археологии за десятилетия после 1917 г. налицо, однако он был обусловлен преемственностью с традициями “старой школы” и сочетался с явным регрессом, в том числе по части организационных форм государственной и особенно общественной поддержки гуманитарной науки (Формозов, 1995; Щавелев, 2017). Богатые результаты деятельности прежних — государственных (Императорской Археологической комиссии при Министерстве императорского двора (ИАК), Центрального и губернских статистических комитетов) и общественных (прежде всего Императорского Московского Археологического и еще целого ряда центральных и региональных обществ, комитетов и комиссий) объединений ценителей археологии независимо и убедительно подтверждают новую концепцию всей отечественной истории императорского периода — как медленного, но неуклонного движения в целом успешно модернизируемой России XVIII — начала XX в. от архаичной деспотии к гражданскому обществу и правовому государству (Миронов, 2014; 2015а; б). Большевики же, придя к власти, сначала вообще ликвидировали историческое образование, почти прекратили финансирование музеев и раскопок, а затем восстановили историю и археологию, но под жестким идеологическим контролем, в урезанном виде. Уже в первые революционные годы, а особенно на рубеже 1920–1930-х годов, многие ученые-гуманитарии и краеведы оказались репрессированы¹, а их объединения навсегда распущены — лишь за то, что

занимались древностями своей родины (Формозов, 1998; Щавелев, 2006). До революции за это не ограничивали в правах, тем более не лишали свободы и не убивали², а худо-бедно материально поддерживали и награждали. Новое доказательство всему этому представляет оцениваемая работа, с нескольких сторон уникальная для академического книгоиздания.

Публикация ее приурочена к 150-летию С.А. Жебелева и к 170-летию Императорского Русского Археологического общества (ИРАО)³, которое было

² Как большую часть переживших революцию и не эмигрировавших членов РАО. Редко кто из них ушел из жизни обычным путем — почти всех ждали или расстрел, или гибель в концлагере, или от голода в блокадном Ленинграде. Например, Александр Иванович Анисимов (1877–1937) попал на Соловки “за шпионаж и вредительство” в Государственных реставрационных мастерских, а расстрелян уже на Беломорканале (с. 184); Иван Спиридонович Абрамов (1874–1960) был арестован первый раз в 1930 г. «по делу православных краеведов как подписчик журнала “Краеведение”, сослан в Северный край на 3 года»; второй раз по “Делу славистов” в 1933 г. “сослан на 3 года в Тюмень” (с. 174); профессора классической филологии и древней истории Михаила Никитича Крашенинникова (1865–1932), преподававшего в Воронеже, обвиняли в игнорировании марксизма, на что он резонно отвечал, что “никакого марксистского языкознания пока нет и преподавать его он поэтому просто не мог” (Щавелев, 2007. С. 74); по “Делу краеведов ЦЧО” получил 5 лет ссылки “в Северном Казахстане. Умер в Семипалатинском лагере” (с. 377); многие, многие другие.

³ Определение “Императорское” и авторы-составители рецензируемого издания, и другие нынешние историографы предпочитают опускать при упоминании соответствующих учреждений науки и культуры царского времени. Между тем оно, это определение, отнюдь не было формальной данью верноподданнической традиции, но позволяло получать ежегодно казенную субсидию и разовые дотации (на покупку коллекций древностей, раскопки и другие экспедиции, строительство музейных зданий и т.п. нужды ученых). Без такой адресной поддержки со стороны самодержавного государства наука и просвещение в империи были просто невозможны. И.В. Тункина, впрочем, отметила это обстоятельство, показав незаменимую роль первых председателей ИРАО, великих князей Константина Николаевича (1852–1892) и Константина Константиновича (1892–1915), “сумевших обеспечить увеличение финансирования и поддержку правительства многих начинаний отечественных ученых

¹ «Массовые аресты начались с объявлением в 1918 г. “красного террора”, а потом, пульсируя, усиливались, — ... в 1928-м, 1930-м, 1934-м и т.д., захватывая не отдельных людей, а целые слои населения, а иногда и районы городов...» (Лихачев, 2016. С. 294); в том числе и профессии, как видно на ярком примере археологов.

основано группой энтузиастов антиквариата, в основном иностранцев на российской службе, в 1846 г. в Санкт-Петербурге как Археолого-нумизматическое; вскоре (с 1849) стало просто “Археологическим”, затем (с 1866) еще и “Русским” — в духе времени великих реформ Александра II, стремившегося преодолеть социальные противоречия между своими подданными, в том числе и аргументами к их общей славной истории. ИРАО внесло весомый вклад в развитие отечественной науки о древностях всякого рода и в просвещение соотечественников относительно истории их родины. Известный антиковед, член (с начала 1890-х годов) и заместитель председателя (в 1919–1922 гг.) этого общества Сергей Александрович Жебелев (1867–1941) своевременно и объективно подытожил этот вклад в рукописи, скромно названной “историческим очерком”, — “Русское Археологическое общество за третью четверть века своего существования (1897–1921)”. Если учесть, что общество было закрыто большевиками в 1924 г., а трактат Жебелева так и остался неизданным, то его полная и детально прокомментированная публикация сегодня представляет собой важное событие как в научном, так и в нравственном отношении.

“Автором идеи”, как сейчас говорят, т.е. инициатором и душой этого издания, стала И.В. Тункина — директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, известный специалист по истории гуманитарной науки, прежде всего археологии. Ирина Владимировна нашла машинописную авторизованную корректуру рукописи Жебелева в Научном архиве ИИМК РАН; написала пояснительное вступление к ней (с. 7–16); возглавила работу ее комментаторов (с. 95–172), которые очень удачно решили приложить к публикуемому сочинению “Библиографический словарь членов РАО (1846–1924)” за весь период его существования (с. 173–640), где большинство статей принадлежит ее же перу.

Свой труд академик Жебелев написал в начале 1920-х годов, но в свет он тогда не вышел по вполне понятной причине — новая власть нуждалась в литературе совсем другого рода, нежели история учреждений императорской России. Угадывается и мотив автора этой работы, чей возраст приближался к 60 годам, — показать всем возможным читателям, что его и его коллег научная работа и при “проклятом царизме” принесла пользу родине. В самом деле, ИРАО объединяло в своих рядах цвет столичной интеллигенции: специалистов из Императорской Академии наук, Императорского Санкт-Петербургского университета, Императорской Археологической комиссии, Петербургских же Историко-филологического и

Археологического институтов, Императорского Русского Географического общества (ИРГО), Академии художеств, Эрмитажа, Русского музея, Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамеры), других учреждений науки и культуры. Их было много больше, нежели потом в СССР, и работали они с древностями, по крайней мере в провинции, куда продуктивнее, чем краеведческие музеи да педагогические институты советского времени.

Причем археологию сто с лишним лет назад еще и понимали гораздо шире сегодняшнего. К ее компетенции относили не только ископаемые артефакты, но и все остальные древности: архивные документы, этнографические сборы, фольклорные записи, иконы и прочие образцы старого искусства; прочие вспомогательные для исторической науки дисциплины. Поэтому в организационной и кадровой структуре ИРАО были представлены практически все отрасли историко-филологической науки — антиковедение, византистика, разнорегиональное востоковедение, славяно-русские древности, наконец нумизматика. Так что выпущенный И.В. Тункиной со товарищи том привлечет внимание не одних только археологов, но и многих других гуманитариев.

Историографическая форма работы С.А. Жебелева — обзор результатов деятельности того или иного учебного объединения за четверть-, полувековой и т.п. периоды его деятельности — была принята в дореволюционной академической традиции. Подобные издания посвящались самому ИРАО (Веселовский, 1900), конкурировавшему с ним ИМАО (Историческая записка, 1890; Уварова, Бороздин, 2015) и другим подобным коллективам. Структура опубликованной теперь монографии повторяет упомянутую книгу Н.И. Веселовского, посвященную 50-летию общества. Здесь 16 глав, дающих сначала общую характеристику деятельности ИРАО, его руководящих органов и лиц (Общего собрания, Совета, Ревизионной комиссии, председателей и их помощников, секретарей, затем всех четырех отделений, упомянутых мной выше); музея и библиотеки; сведения о финансах; перечень раскопок и иных экспедиций; обзор издательской деятельности; каталог присужденных им медалей и других знаков поощрения; список личного состава (с датами избрания) за первое 75-летие общества; наконец, “вместо послесловия” — очерк “Последние годы жизни Общества” и обстоятельств его ликвидации.

Периоды деятельности ИРАО показательны для становления и развития всей отечественной археологии. Сначала, с 1846 г., в его рядах объединились коллекционеры старинных монет да кабинетные историки, филологи-классики. По большей части весьма сановные лица, причем космополитического настроя (издания Общества выходили поначалу на

в области охраны памятников, археологии и смежных дисциплин” (с. 9).

французском и немецком языках). Однако среди членов-учредителей Общества оказался молодой тогда граф Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884), который со временем сумел стать основателем всей русской археологии как науки. Впоследствии он создал Московское Археологическое общество и Российский Исторический музей, выступил инициатором проведения всероссийских археологических съездов. В своем предисловии И.В. Тункина отметила эволюцию ИРАО к национальному русскому направлению и кадровому составу. “Русская партия” в обществе уже через пару-тройку лет направила его деятельность в первую очередь на отечественные древности, причем не только антикварно-коллекционные, но и просто источники познания далекого прошлого страны и ее народов. При этом связи с иностранными археологами отнюдь не сократились, многие европейские светила (вроде Э. Миннза, Т. Арне, А.М. Тальгрена, занимавшихся памятниками Евразии) по-прежнему украшали список членов общества, как и представители науки и культуры огромного Востока.

С 1851 г. ИРАО разделилось на отделения – славяно-русское; восточное; классическое (греко-римской, византийской и западноевропейской археологии); наконец (только с 1904 г.), нумизматическое. В итоге его документальный фонд (№ 3, опись 1) в Научном архиве ИИМК РАН вместе с исходившими из общества бумагами в других хранилищах весьма информативны как для истории науки, так и для ее нынешней практики (отчеты о раскопках, опубликованные документы истории разных стран и т.п. первоисточники). Обозреваемое издание служит необходимым путеводителем в огромном наследии ИРАО и сотрудничавших с ним объединений гуманитариев.

В этой связи выскажу его составителям упрек: я не нашел в нем сравнения ИРАО с другими однопрофильными учеными обществами тогдашней России. Все похвалы ИРАО, высказанные составителями, вполне справедливы, однако у столичного объединения ученых имелись свои недостатки. По сравнению с ИМАО оно не только в первые годы своего существования, но в какой-то мере и впоследствии являлось более кастовым, даже аристократичным, чиновным; представителей разночинной интеллигенции в его рядах и на его заседаниях было куда меньше, чем в ИМАО или в сети иногородних членов-корреспондентов ИРГО. Между тем именно на рубеже XIX–XX вв. разночинцы все заметнее теснили в гуманитарной науке и культуре дворян да богатых купцов. Правда, в одном из примечаний И.В. Тункина признала, что А.С. Уваров “вынес определенный урок из раскола петербургского Общества” (с. 9) и постарался преодолеть “обыкновенную замкнутость наших ученых обществ” в уставе ИМАО.

Тем не менее отдельные эпизоды конкуренции, конфликтов между археологами – выходцами из разных сословий тогдашней империи не должны заслонять их же плодотворного сотрудничества, альянса центра – Академии, университетов, институтов, обществ вроде ИМАО – и региональных – губернских и даже уездных кружков любителей археологии. Последние учились правильной работе с древностями на уваровских съездах, в совместных экспедициях со столичными авторитетами, в центральных архивах древних актов; находились со своими шефами в центральных инстанциях в постоянной деловой переписке. Эта координационная, межрегиональная сторона институциональной истории науки в деятельности ИРАО была выражена слабо. Наверное, потому, что оно было старейшим у нас в стране, располагалось в бюрократической столице империи, а его уклад определился еще в дореформенной – ультрасловной России. Как говорят французы – наши недостатки суть продолжение наших же достоинств... Хотя соперничество археологов из старой и новой столиц порой даже шло на пользу делу. Так, богатейший курганник славян и Руси на Верхнем Псле – курское Гочево – сначала копал москвич Д.Я. Самоквасов при поддержке членов Курской губернской ученой архивной комиссии, а после его кончины П.С. Уварова посылала доследовать эти могилы сотрудника ИМАО В.С. Львовича, а А.А. Спицын по линии ИРАО – В.Н. Глазова. Отчеты их всех сохранились в архиве ИАК и используются нынешними археологами (Щавелев А.С., Щавелев С.П., 2003).

Необходимо отметить особую важность для гуманитарной историографии того хронологического отрезка, который охватывает этот труд С.А. Жебелева (1897–1921) и приложенный к нему новейший словарь биографий тогдашних археологов (1846–1924). Во-первых, это, по сути, весь период становления русской науки об исторических древностях – с момента оформления первых объединений любителей археологии и до ее перехода на явно “советские рельсы”. За указанное время наука и практика обращения с древностями поднялись от их коллекционерства и прикладного знаточества до вполне научных, даже на современный взгляд, методик раскопок и дальнейшей обработки их находок. Однако не только достижения, но и потери относительно культурно-исторической памяти у нас в стране видны из всей этой книги. Ведь, во-вторых, она же демонстрирует весь трагизм перехода ученых и краеведов из самодержавной России в тоталитарный СССР.

За примерами читателям “Исторического очерка” С.А. Жебелева далеко ходить не надо. Сам его автор, уже накануне революций 1917 г. авторитетный антиковед, одним из первых среди своих оставшихся на

родине коллег стал активно служить новой — радикальнейшей идеологии, парадоксальному политическому режиму большевиков. Сперва он сделался товарищем (заместителем) председателя ГАИМК и был избран академиком, но в конце 1920-х годов его уволили с поста вице-президента ГАИМК и из Ленинградского университета, а в начале 1930-х его печатно называли “классовым врагом на историческом фронте”, “махровым реакционером” (Тункина, 2000). Чтобы не разделить печальную судьбу коллег, репрессированных по “Академическому делу” и т.п. процессам, ученый, не без нравственных потерь переживший собственное “дело Жебелева”, решил сыграть официозному марксизму властей и опубликовал статью о “революции рабов” под руководством скифа Савмака на античном Боспоре. Хотя другие античники критиковали его перевод соответствующей надписи на плите из Херсонеса, раскопанной еще в 1878 г., Сталин в речи на съезде колхозников-ударников в 1933 г. сочувственно упомянул эту самую “революцию рабов”. Высосанная из пальца аналогия с седой древностью бросала облагораживающую тень на зверства большевиков. С тех пор положение Жебелева в СССР упрочилось на всю оставшуюся жизнь. Его вернули на службу и в университет, и в академию, а его “открытие” вошло в школьные учебники (Формозов, 2006. С. 164–172). Так что в обозреваемом мной издании репутация Жебелева несколько идеализирована⁴, хотя сглаживание острых (для кого-то) углов его биографии несколько не снижает ценности публикации выполненной им истории ИРАО.

Кроме своих прямых занятий греко-римской античностью Сергей Александрович небезуспешно занимался историей науки, той же археологии (Жебелев, 1923). Так что его оценки усилий и достижений столичного объединения археологов были сформулированы со знанием дела, на широком международном фоне.

Как “Приложение” к труду С.А. Жебелева скромно обозначен составительницей “Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924)”, занимающий две трети всего тома. Емкие и точные характеристики всех персонажей “исторического очерка” и многих других работников на ниве отечественной археологии практически всего периода ее становления представляют и самостоятельный интерес — как возможный макет энциклопедического словаря “Археологи России”, первого тома (?) такого издания, которое когда-нибудь да состоится (Щавелев 2017). Собираение, уточнение массы биографических и библиографических данных требует от историка науки и

практики высочайшей квалификации, огромной эрудиции и каторжного труда. А тут насчитывается 855 персональных статей! Большая их часть пришлось на долю И.В. Тункиной — 650, из них 233 в соавторстве с Л.Д. Бондарь, Е.Н. Груздевой, Е.Г. Застрожной, Е.Ф. Корольковой, М.В. Медведевой, М.В. Поликарповской, Э.Ю. Светловой, В.Ю. Соболевым, “написавшими от одной до нескольких справок или дополнившим уже имеющиеся данные (с. 15).

Структура каждой словарной статьи вполне академична и весьма информативна: фамилия, имя, отчество (с разночтениями в нужных случаях; с латиничной транскрипцией для иностранцев); годы жизни; перечисление специализаций персонажа, рода его общественных занятий; ученых степеней и званий; чинов гражданской или военной службы; титулов и придворных должностей (при наличии); место рождения, условия домашнего воспитания и последующего образования; основные вехи службы; главные научные и организационные достижения, включая проведенные раскопки; членство в ИРАО (член-сотрудник, действительный член; посты в руководстве обществом) и других научных объединениях своего времени; причины, место кончины и захоронения (если известны).

Биографические справки написаны не формально, а исторически конкретно и научно концептуально; во многих из них отмечены особые заслуги соответствующих лиц в деле спасения и изучения древностей. Скажем, из первой же статьи словаря — про князя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева — мы узнаем, как он, путешествуя по Востоку, вел раскопки в Пальмире (1882), где открыл двуязычную надпись 137 г. н.э. — древнейший таможенный тариф на арамейском и греческом языках, сумел на свои средства вывезти ее в Россию вопреки запретам, “оформив вывоз как дар султана императору” (173) и поместив уникум в Эрмитаж.

Перед нами, я бы сказал, минибиографии о десятках ученых и краеведах. Продолжить знакомство с каждым из персонажей словаря заинтересованный читатель сможет, руководствуясь литературной частью статей, которая учитывает: выходные данные основных трудов этого члена Общества; его рукописи и отзывы о нем, архивированные в фонде ИРАО (с шифрами единиц хранения и даже их листов); основные оценки его деятельности и наследия в историографической литературе (включая электронные ресурсы).

Авторы этого справочника при составлении его словника не ограничились, как это обычно у нас делается в изданиях энциклопедического жанра, представителями академической науки, кастовыми учеными, а широко представили разного рода любителей древностей — коллекционеров, знатоков старинных

⁴ В другой публикации сложная проблема морального выбора ученого в условиях массового террора представлена более реалистично (Тункина, Фролов, 1993).

вещей, краеведов, меценатов. Во многих статьях словаря отмечается их помощь профессиональным археологам, но также и определенные недостатки их же дилетантского подхода к древностям. Для такой огромной державы, как Россия, с учетом особенностей ее исторического развития, нипочем не напасть на сертифицированных специалистов по надзору за состоянием памятников старины, по выявлению, изучению и хранению древностей; просвещенные краеведы всегда вносили свой незаменимый вклад в это дело, разумеется, при условии добросовестного сотрудничества с официальными центрами науки и образования, их представителями.

Большинство статей украшено фотопортретами соответствующих персон. Хотя иные из этих картинок поневоле воспроизведены со старинных и не всегда качественных оригиналов, все они производят на неравнодушного зрителя сильное впечатление. Краски разных эпох мерцают на черно-белых портретах наших предшественников: их лица, позы, прически, мундиры военной и гражданской службы, ордена и другие знаки отличия особ сановных и чиновных (включая богатые ризы церковнослужителей); скромные одежды разночинной интеллигенции... “Эмалевый крестик в петлице / И серой тужурки сукно. / Какие прекрасные лица / И как это было давно...” (Георгий Иванов). Лишний раз убеждаешься в том, что археология всегда — не просто одна из гуманитарных наук, но и важная сторона общественно-политической практики социума, особенно модернизируемого после архаичного застоя на современный лад (Смирнов, 2014).

Кроме индивидуальных портретов книга включает два десятка коллективных изображений разновременных составов ИРАО и родственных объединений ученых. Многие фотографии публикуются впервые, персонажи на них заново атрибутированы очень полно, так что читатели получают редкую возможность увидеть в лицо тех авторов, которых они знали только по именам в заголовках статей и книг.

Подготовка этого исследования получала финансовую поддержку РГНФ (Светлая ему память!), а издание осуществлено за счет РФФИ и потому “не подлежит продаже” (с. 4). Для многих археологов и историков гуманитарных наук оно уже превратилось в настольный справочник, но востребовано будет в этом качестве, безусловно, гораздо шире и дольше, так что составителям и издателям стоит позаботиться о доступности его электронной версии на каких-то разумных для среднего (по деньгам) читателя условиях.

Кстати сказать, книгоиздательская серия Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, в которой вышел этот том, именуется “К источникам. Материалы

и исследования по истории науки”. Название напоминает о необходимости в научной работе обращаться к первоисточникам, а не брать материал из вторых рук. Приветствуя всю серию, и особенно этот ее 5-й выпуск *supplementum*'а, повторю, что раскопки и музеи древностей не только обогащают науку информацией об отдаленном прошлом человечества и его народов, но и так или иначе влияют на практику жизни и культуры — массовые настроения (чаще всего с помощью журналистики), оформляют культурно-исторический ландшафт нашего проживания; дают материал для педагогики, философии, искусства, идеологии, политики, дипломатии. Эти *практические* функции археологического знания ярко показаны и в исходном труде С.А. Жебелева, и особенно в комментариях его публикаторов.

Как видно, можно поздравить Ирину Владимировну Тункину и ее сподвижников по публикации реанимированной на современных условиях рукописи академика С.А. Жебелева, пролежавшей в архиве почти сто лет. Вот уж воистину — “рукописи не горят” (реализма ради добавим к афоризму великого мастера литературы — “если они помещены в академическое архивохранилище”). Помимо всех отмеченных выше достоинств солидного издания, оно подает всем нам своевременный сигнал — юбилейные итоги работы учреждений и лиц науки и культуры необходимо подводить столь же содержательно и своевременно, как это сделали автор и публикаторы его замечательного справочника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арциховский А.В., Воеводский М.В., Киселев С.В., Толстов С.П. О методах вредительства в археологии и этнографии // Историк-марксист. 1937. № 2 (60). С. 78–91.
- Веселовский Н.И. История Императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896. СПб.: Типография главного управления уделов, 1900. 514, [4] с.
- Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев: Наук. думка, 1982. 230 с.
- Жебелев С.А. Введение в археологию. Ч. 1. История археологического знания. Петроград: Наука и школа, 1923. 199 с.
- Историческая записка о деятельности Императорского Московского Археологического общества за первые 25 лет существования. М.: Синодальная типография, 1890. [2], 308 с.
- Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 896 с.; 2015а. Т. 2. 912 с.; 2015б. Т. 3. 992 с.
- Лихачев Д.С. Воспоминания. М.: Аст, 2016. 448 с.

- Пряхин А.Д. История советской археологии. 1917 – середина 30-х годов. Воронеж: ВГУ, 1986. 286 с.
- Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (Очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М.: Ин-т археологии РАН, 2011. 592 с.
- Тункина И.В. “Дело” академика Жебелева // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. Вып. II. СПб.: Алетей, 2000. С. 116–160.
- Тункина И.В., Фролов Э.Д. [публ.] С.А. Жебелев. Автонекролог // ВДИ. 1993. № 2. С. 173–201.
- Уварова П.С., Бороздин И.И. [ред.] Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). Т. 2. Биографический словарь членов общества. Список трудов членов общества, помещенных в изданиях общества. М., 1915. XXII, 445, 256, [1] с.
- Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. М.: ИА РАН, 1995. 114 с.
- Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х годов // РА. 1998. № 3. С. 191–206.
- Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историкографические очерки. 2-е изд. М.: Знак, 2006. 344 с.
- Худяков М.Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л.: ОГИЗ–ГАИМК, 1933. 162, [2] с.
- Щавелев А.С., Щавелев С.П. Камерные ингумации Гочева: юго-восточная реплика варяго-русского погребального обряда // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів – Шестовиця 17–20 липня 2003 р.). Чернігів: Сіверянська думка, 2003. С. 194–200.
- Щавелев С.П. “Дело краеведов ЦЧО” 1930–1931 годов. (Курский “филиал”). Курск: КГМУ, 2007. 272 с.
- Щавелев С.П. От Курской ученой архивной комиссии (1903–1922 гг.) к советскому обществу краеведения (1923–1930 гг.): разгром региональной археологии в СССР // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Матер. Междунар. науч. конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2017. С. 82–85.
- Щавелев С.П. Библиографический словарь “Археологи России”: соображения к проекту // V (XXI) Всероссийский Археологический съезд. Сб. науч. трудов. Барнаул: изд-во Алтайского гос. ун-та, 2017. С. 1185–1186.

Курский государственный медицинский университет

Щавелев С.П.

РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвощинская Н.В.

РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ. НОВЫЕ ЭТАПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. 288 с. [текст, ил.], 32 с. [вкл.]. (Труды ИИМК РАН; т. XLIX)

Выход в свет 49-го тома Трудов ИИМК РАН, посвященного Рюрикову городищу, было бы правильно назвать очередным, третьим по счету, изданием “Трудов” Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН. К сожалению, формально такой книжной серии нет. Но фактически она существует и представлена уже тремя монографиями. Первая отразила результаты 15 лет непрерывных раскопок экспедиции Е.Н. Носова на Городище в 1970–80-х годах (Носов, 1990). Вторая стала частичным подведением итогов 30-летней работы (Носов и др., 2005). А сейчас мы держим в руках книгу, выход которой в 2017 г. совпал с 40-летним юбилеем очень значимого события. Летом 1977 г. в раскопе на берегу Сиверсова канала Новгородским областным отрядом ЛОИА под руководством Е.Н. Носова было расчищено сооружение, давшее первую дендродату Городища.

Оно было неказистое, это сооружение. Всего-навсего развал обожженной глины, укрепленный колышками, в обводке в виде сруба из тонких бревешек. Я хорошо помню – ибо сама была непосредственной участницей работ – как вначале все ломали голову, что же это такое? Позднее выяснилось – остатки хлебной печи. Но неказистые бревешки дали абсолютные даты, и легли они кучно в последнее десятилетие IX в. (889, 896, 897 гг. – даты нижнего яруса обноска печи) и в самое начало X в. (четыре спила 905 г.). А ведь ниже залегали еще более ранние слои, замываемые во время паводков Ильменя...

К тому времени работы на Городище много лет то возобновлялись, то вновь забрасывались. Но сезон 1977 г. четко разделил весь период изучения памятника на *до* и *после*. Наличие здесь отложений, более ранних, чем в самом городе, впервые стало

неопровержимым фактом. Это положило начало новому этапу разработки и осмысления всей проблематики первоначального Новгорода.

Можно сказать, Рюрикову городищу повезло. Четыре десятилетия почти непрерывных раскопок, следовавших за тем незабываемым полевым сезоном, в буквальном смысле слова открыли этот памятник для мировой науки. За первой монографической публикацией последовали обзоры его проблематики на разных европейских языках. Сейчас Городище прочно утвердилось в ряду “столиц” Начальной Руси; его упоминание стало обязательным в любом обобщающем труде, посвященном раннесредневековой Европе. И все это произошло у нас на глазах. Рецензируемая монография пока не подводит черту в деле публикации всего огромного материала, полученного в ходе 40-летних раскопок. Но она хорошо показывает, как целенаправленно и систематично ведется работа по его осмыслению и введению в научный оборот.

Прежде всего, необходимо отметить отчетливо источниковедческий характер всей книги. Это именно детальная публикация археологических данных, изобилующая подробными описаниями стратиграфии и контекста находок, а также собственно вещевого материала, с большим количеством иллюстраций. Последние выглядят очень качественно. Значительная часть вещей и вся керамика даны не в фотографиях, а в рисунках (что можно только приветствовать). Лишь Глава 5 включает заметное количество таблиц, где артефакты представлены черно-белыми фотографиями. Впрочем, и здесь качество и информативность изображений в целом удовлетворительные.

Впечатление источниковедческой публикации усиливается благодаря принятому авторами принципу структурирования материала. Отдельные главы освещают раскопки разных частей поселения за разные периоды, и это буквально отражено в их названиях: “Исследование центральной части городищенского холма в 2005–2010 гг.” (Глава 2), «Раскоп на месте установки “Княжего камня” (2011–2012 гг.)» (Глава 4) и т.д. Такие заголовки больше пристали публикациям отчетного характера. Тем, кто незнаком с историей раскопок памятника так же хорошо, как сами авторы, изначально непонятно, что скрывается за этими заглавиями? В какой части Городища расположен раскоп у “Княжего камня”? Включал он ранние материалы или поздние? Почему нужно выделять годы раскопок, если к работе в одной и той же части поселения археологи возвращались в разные периоды? Не лучше ли было структурировать материал, исходя из тех знаний о памятнике, которые достигнуты в наши дни?

Однако по ходу чтения многие вопросы снимаются. Приходит понимание того, что стратегия

исследователей Рюрикова городища ориентирована на серию монографий, а не на одну-единственную, призванную стать “последним словом” в его изучении. Поэтому авторы могут позволить себе неторопливую детальную публикацию источников, последовательно формирующую базу информации о памятнике. Материал одного из ключевых протогородских центров Северной Руси скрупулезно проанализирован в книге по категориям; приведены его хронологические, культурные и зачастую технологические характеристики. Работы такого типа, как правило, долго не устаревают.

Конечно, ряд вопросов все равно остается. Обращает на себя внимание отсутствие в публикации протяженных разрезов памятника, а в некоторых случаях — профилей комплексов (что особенно досадно для Главы 3, где подробно описана стратиграфия углубленных частей построек княжеского двора). Кроме того, мне в ходе чтения очень не хватало варианта графической реконструкции деревоземляных укреплений Городища. Не хватало локализации трассы рва на общем плане поселения — разумеется, с оговоркой о степени ее гипотетичности на разных участках.

С другой стороны, понятно, все это должно стать следующим этапом работы. А сейчас ученый мир получил детальную публикацию находок, предназначенную для того, чтобы в дальнейшем проверять на обоснованность все будущие реконструкции. В любом случае мы с нетерпением будем ждать их появления и обсуждения.

Сказанное выше вовсе не означает, что книга не содержит обобщений, позволяющих вписать публикуемые источники в общеисторический контекст. Во всех трудах о Рюриковом городище, созданных Е.Н. Носовым единолично или в соавторстве, неизменно присутствовали главы, посвященные проблемам происхождения Новгорода и генезиса древнерусского города. Соответствующие разделы имеются и здесь.

Хотелось бы отметить вдумчивый разбор истории исследований Городища во вводной части монографии. Здесь Е.Н. Носовым проанализирован — частью по источникам, частью на основе многолетнего личного опыта — тот “историографический фон”, на котором складывались представления о памятнике на разных этапах его изучения. Значение этого фона и вправду велико. В своей работе все мы периодически возвращаемся к наследию предшественников, актуализируя на новом уровне старые идеи, звучащие, как нам кажется, почти современно. Но лет 50–100 назад то же самое звучало и воспринималось иначе, ибо научная база и фон были другими. То, что сегодня кажется элементарным, на деле представляет собой плод многих десятилетий научного поиска.

Рассматривая в своем очерке этапы развития городской археологии Древней Руси, Е.Н. Носов подводит читателя к выводу — длительное непонимание места Рюрикова городища в социальной структуре Новгорода являлось, в сущности, неизбежным явлением. Все прозрения и заблуждения минувших десятилетий имели в основе уровень исследованности источников и уровень развития методов, помогающих эти источники “разговорить”.

Конфликт основных представлений о происхождении Новгорода уходит корнями в первую треть XX в. Расхождение А.В. Арциховского и М.К. Каргера в оценке Городища заметно повлияло на весь ход дальнейших исследований. В этой связи Е.Н. Носов констатирует: в 1950 — середине 1970-х годов отдельные упоминания об открытии на Городище культурных напластований IX–X вв. “буквально тонут” в массе работ, где городищенские материалы попросту игнорируются (с. 7, 8).

С другой стороны, следует отметить: преодоление противоречий стало возможным благодаря новому подходу к изучению городских слоев Новгорода. Постановка широкого круга проблем, решаемых на собственно археологическом материале, подразумевала совершенствование полевой методики (примененной, в конце концов, и на Городище!). То есть, как ни парадоксально, развитие исследовательской традиции А.В. Арциховского способствовало корректировке его же неверной установки.

Глава 1 (“Рюриково городище — резиденция новгородских князей и его роль в становлении Новгорода”), написанная Е.Н. Носовым, поднимает вопросы, являющиеся для историка Северной Руси ключевыми. Здесь подробно освещен историко-археологический контекст становления городских структур и государственности в Новгородской земле.

Ряд установок, сформулированных в этой главе, уже знаком читателю по прежним работам автора. Это касается, в частности, оценки роли Ладоги в указанном процессе: “...город в низовьях Волхова не мог стать подлинным центром формирования государства в Северной Руси. Он был лишен плотной земледельческой округи и оторван от основного массива заселенных славянами территорий Приильменья...” (с. 23).

Пожалуй, с этим можно поспорить. Отсутствие плотной земледельческой округи далеко не всегда мешало превращению поселения “в центр местной администрации, куда стекается дань и откуда осуществляется общее управление...” (с. 23). Огромные пространства Северной Евразии (включая часть Скандинавии) являлись в железном веке зоной рискованного земледелия. Но это не исключало ни формирования раннеклассовых структур, ни возникновения (при

определенных обстоятельствах) “силовых центров” протогородского типа. Равным образом в древнерусский период новгородская земледельческая округа периодически оказывалась неспособной обеспечивать население продовольствием. Новгород постоянно зависел от подвоза зерна с юга, оставаясь при этом крупным центром древнерусской государственности.

Что касается Ладоги, то отслеживать оттуда потоки товаров с востока и юга было, пожалуй, удобнее, чем из Приильменья. Следуя Волжско-Балтийским путем через Ладожское озеро, как обойдешь Ладогу? Из нее значительно проще было осуществлять контроль деятельности “находников” в акваториях Ладожского и Онежского озер, снаряжать “молодцов” в походы на северо-восток и т.д. Собственно, о том же говорит сам Е.Н. Носов, признавая чуть выше, что в Ладоге “формировались элементы государственности” (с. 22). Видимо, следует просто различать хронологические этапы. Удельный вес разных центров в структуре формирующегося государства периодически менялся.

Трудно согласиться с утверждением, что ведущая роль Приильменья в процессе становления Северной Руси объясняется тем, что “...в основе раннегосударственных образований лежали определенные этнические территории”, а государство как форма организации социально стратифицированного общества не могло являться “редкой административной сетью, охватывающей разнородное население...” (с. 23). На мой взгляд, как раз для конца I тыс. н.э. следует признать актуальными и первый вариант, и второй. Даже более — без второго варианта не было бы первого.

Начальная Русь в целом мало подходит под определение государства, в основе которого лежала единая этническая территория. Ранняя древнерусская культура VIII–X вв. (зафиксированная преимущественно в городах) носила отчетливо надэтнический характер. В археологическом смысле ее можно определить как *серию культур североευропейской вуали*, в социоантропологическом — как “магистральную культуру”, обеспечившую охват огромных пространств и включившую в свою орбиту целый ряд “локальных культур” (ср.: Головнев, 2009а. С. 317–321; б. С. 156–310). Последнее вовсе не противоречит тому, что славянский этнический элемент сыграл решающую роль в процессе трансформации указанного феномена в развитую древнерусскую культуру.

Типологические и функциональные отличия Рюрикова городища от Ладоги, на мой взгляд, акцентированы Е.Н. Носовым совершенно справедливо. Он пишет: “На Рюриковом городище концентрировались социальные верхи местного общества со своим окружением и разношерстный контингент варягов. ...Всех их привлекало экономическое значение

района и размещение здесь административных властей. ...Торгово-ремесленные функции поселения, в отличие от Ладоги, изначально не были доминирующими, а сопутствовали функциям военно-административным...” (с. 28).

Скорее всего, за этими отличиями стояло совокупное действие многих факторов — как социально-исторических, так и природных, и хронологических. Очень вероятно, важную роль сыграл подъем воды в Ильменском бассейне, качественно изменивший гидрологическую ситуацию в регионе в конце I тыс. н.э. (ср.: Еремеев, 2017. С. 52, 54–56). Развитие речного судоходства и речных коммуникаций стало важнейшим следствием того природного явления. Не случайно серия укрепленных поселений, ориентированных непосредственно на обслуживание речного пути, возникает в Поволховье не ранее IX в. И тогда же на роль главного властного центра выдвигается город-крепость, отдаленный от “морья”¹, но замыкавший на себя узел внутренних “речных дорог” — не только по Волхову, но и по Мсте, Шелони, Ловати, Луге.

С чем я решительно не могу согласиться в приведенной выше цитате о составе населения Городища — это с приложением термина “варяги” к реалиям IX–X вв. Формировавшаяся тогда в древнерусских городах новая воинская элита включала множество представителей со скандинавскими именами. Но, судя по данным византийских источников и греко-русских договоров, эти люди называли себя “русью”, а не “варягами”. Мы вправе предположить, что именно таково было самосознание носителей культуры “северной вуали” на Юриковом городище IX–X вв. “Русь” являлась ключевой, структурообразующей идентичностью, выросшей из названия высшей воинской страты общества. Этот социальный слой включал, наряду с представителями местной знати, потомков этнических скандинавов, осевших в Восточной Европе либо в начале эпохи викингов, либо даже ранее (ср.: Николаев, 2012. С. 429; Михайлов, 2016. С. 184).

Термин “варяг”, ассоциировавший скандинава с чужеземным наемником, получил распространение примерно с эпохи Владимира. Что касается летописных “варягов” времен Олега и Игоря, то они представляются мне неким фантомом, возникшим под пером книжника второй половины XI в. Видимо, перелагая сказания о первых князьях в жанре хроники, летописец просто излагал события в соответствии с современными ему понятиями. В аутентичных документах X в. этого термина нет.

¹ В данном случае мы с полным правом можем употребить этот термин, ибо акватория Ладожского озера и низовьев Волхова была доступна для морских судов, которые в глубь континента не заходили.

Главы 2–5 посвящены собственно археологическому материалу Городища, вводимому в научный оборот. В Главе 2, написанной Н.В. Хвоцинской и освещающей материалы раскопок центральной части городищенского холма, все комплексы и отдельные категории материала описаны и проанализированы в широком контексте — со скрупулезностью, присущей этому исследователю. Особо следует отметить актуальность последнего раздела главы, посвященного исследованиям древнего рва Городища, сооруженного, видимо, в IX в. (хотя не исключена и более ранняя дата). Анализ стратиграфии рва и находок из него, произведенный Н.В. Хвоцинской, с высокой вероятностью подтверждают тезис, высказанный ранее Е.Н. Носовым, что в XI в., вплоть до конца его, жизнь на Городище едва теплилась. Не только епископская, но и княжеская резиденции находились тогда в “Новом городе”. Восстановление Городища началось лишь в последнее десятилетие XI в. Мстиславом Великим. Тогда были предприняты грандиозные работы по его перепланировке, включавшие помимо окончательной засыпки рва нивелировку площадки холма и масштабное строительство, в том числе создание каменной церкви Благовещения (1099–1103 гг.). Эти факты принципиально важны для понимания исторических судеб раннего Новгорода.

Для характеристики предшествующего этапа жизни на Городище большое значение имеет анализ материала из “черного слоя” — остатков производственной зоны Городища IX–X вв., “сдвинутых” с участка, прилегающего ко рву, сброшенных вниз и “законсервированных” мощным слоем песчаной засыпки. Отсюда происходят яркие свидетельства изготовления на самом Городище ювелирных изделий в характерном “северном стиле”. Как отмечает Е.Н. Носов в заключительной части книги, “...состыковка раскопов 1980-х и 2000-х годов позволила установить ширину рва и трассу его прохождения, уточнить глубину, выявить в склоне рва хлебные печи и, наконец, исследовать необычный сброшенный с внешней площадки культурный слой, насыщенный остатками ремесленного производства... В черном слое, на склоне рва были сделаны уникальные открытия, неопровержимо доказывающие, что вещи североевропейских образцов делались непосредственно на Городище” (с. 242).

Исключительно важным является также наблюдение, согласно которому «княжеский многотонный собор (Благовещения. — Н.П.) возвели на части засыпанного рва. Этим судьба храма была предрешена еще до начала его строительства, сыпучий грунт стал проседать и фундамент здания... “поплыл”...» (с. 242).

В Главе 3 (“Постройки древнерусского времени”), написанной Е.Н. Носовым и Н.В. Хвоцинской совместно, рассмотрены материалы нескольких больших,

по-видимому, двухэтажных построек XII–XV вв., с подпольями, углубленными в материк, и находками престижных изделий в их заполнении. В число таких изделий входят обломки привозной посуды (в первую очередь амфорной тары, в которой с юга везли вино и оливковое масло), а также “...тарелки ближневосточного происхождения, ...редкие украшения и элементы одежды с позолотой и инкрустацией эмалью, золотные нити, энколпион, свинцовые печати, скрепляющие деловые документы...” (с. 120).

Сомнения в том, что указанные постройки входили в комплекс княжеского двора (Елиферова, 2018. С. 88, 89), представляются мне явной натяжкой. Стоит учесть, эти комплексы датируются XII в. и позднее, т.е. периодом, когда наличие княжеского двора на Городище достоверно зафиксировано письменными источниками. Хотя, конечно, в силу своей локализации на некотором отдалении от храма Благовещения и соборной площади они могли являться только периферийной частью княжеского комплекса, а отнюдь не местом проживания самого князя и его семьи.

К сожалению, исследование центральной части княжеского двора невозможно — соответствующие участки, расположенные вблизи соборной площади и храма, либо заняты современным кладбищем, либо отложения так нарушены, что о выявлении археологических структур нельзя и мечтать (см. ниже). Но авторы совершенно правы, говоря, что открытие данного комплекса древнерусских построек “...позволяет хотя бы в самых общих чертах наметить планировку Городища периода существования на нем не раз упомянутой в летописях древнерусской княжеской резиденции, чего мы совсем не представляли ранее...” (с. 104).

От характеристики этих построек с подпольями на периферии княжеского двора авторы плавно переходят к обзору дискуссии по проблеме домостроительства в Северной, Южной и Северо-Восточной Руси в конце I — начале II тыс. н.э. Конечный вывод, сделанный на основе указанных материалов, таков: “...В одних и тех же районах могли сооружаться как дома с подпольями, так и исключительно на подклетах, что зависело от природных климатических условий, доступности материалов и состоятельности ... разных семей...” (с. 124). Таким образом, в книге ревизуются стереотипные представления о севере Руси как зоне исключительно наземных жилищ и юге — как зоне “полуземлянок”. Попытки их пересмотра в последние десятилетия предпринимались неоднократно. Но стереотипы изживаются медленно.

Глава 4 («Раскоп на месте установки “Княжеского камня”. 2011–2012 гг.») написана Н.В. Хвоцинской. В ней представлен материал одного из центральных участков Городища, расположенного к юго-западу от

храма Благовещения (с. 126). Эта часть поселения исключительно насыщена находками, относящимися к раннему историческому периоду. Однако состояние культурного слоя “ужасное”: “из-за интенсивной деятельности человека и повреждений военного времени практически не сохранилось нетронутых древностей”. Тем не менее состав находок “выделяет этот участок на общем плане Городища...” (с. 163).

Действительно, на этом небольшом участке была зафиксирована необычайная концентрация арабских монет и их обломков (всего 45), встречены находки моточков золота и золотных нитей, скандинавские амулеты (в том числе с рунообразными знаками), различные серебряные изделия — с угро-мадьярским растительным узором, с сюжетами, выполненными в стиле Борре, необычно большое количество каменных бус и т.д. По мнению авторов, “...можно с уверенностью говорить, что именно здесь ... находилась центральная, княжеская часть поселения в X в.” (с. 243).

В связи с вопросом о социальном статусе насельников данного участка необходимо кратко остановиться на проблеме критериев “элитарности” в древнерусской культуре. Это реально одно из больших мест современной восточноевропейской археологии (ср.: Григорьева, 2017. С. 33–36). С одной стороны, немало людей до сих пор жаждут расцветивать картинки княжеского быта васнецовскими красками и ищут в археологических источниках простую иллюстрацию письменной версии истории. С другой — наличие в Северной и Центральной Европе ярких и представительных “королевских” комплексов I тыс. н.э. побуждает и серьезных историков недовольно морщиться, столкнувшись с описанием того, что зовется “элитарным” в древнерусском контексте.

Так, например, знатока скандинавских древностей описание остатков княжеского двора на Рюриковом городище явно заставило поморщиться: “Любой богатый купец эпохи викингов, когда скандинавы вели активную торговлю с Византией и исламским Востоком, мог иметь дома немного византийской и арабской стеклянной посуды и праздничный костюм с золотым позументом. Для князя требуется нечто более весомое...” (Елиферова, 2018. С. 88).

Однако проблема вовсе не в том, что “мог” и чего “не мог” человек IX–X вв. И даже не в том, что сочинили о нем для нас его потомки, жившие на 150–300 лет позднее. Проблема в источниках. “...Материальные остатки рассказывают *иную историю, вставленную в совершенно другой контекст*. Наша задача — расшифровать эти два независимых повествования...” (курсив мой. — Н.П.) (Шнеевайс, 2017. С. 63).

С источником не спорят, его принимают к сведению. Относительную “бедность” памятников древнерусской

элиты по сравнению с северогерманской следует, во-первых, принять как данность, во-вторых, серьезно поразмышлять над ее интерпретацией. На мой взгляд, за ней стояла не только сравнительная аскетичность живой культуры, но и особенности археологизации материала, имевшие в основе устойчивый комплекс традиций местного населения севера Восточной Европы. Неприменимость к Северной Руси тех критериев элитарности, которые выработаны на материалах западноевропейского раннего средневековья, констатировалась неоднократно (Платонова, 2017. С. 12–14). Уже поэтому формирующуюся древнерусскую культуру нельзя воспринимать как прямой сколок со скандинавской. Да, она входила в зону “североевропейской вуали”. Но вуаль – на то и вуаль, чтобы скрывать лицо.

Глава 5 (“Исследования в южной части Рюрикова городища в 1993–1996 гг.”), написанная А.В. Плоховым, представляет собой публикацию исследований периферийной, низменной части поселения, освоенной под застройку в начале X в. До этого часть ее площади использовалась под пашню, что подтверждается зафиксированными в материке следами распашки однозубым орудием типа рала (с. 237; рис. 124; 138). На южном берегу канала раскопана постройка необычной конструкции: “Строителями этого дома, скорее всего, были не местные жители, поскольку первоначально при его возведении не были соблюдены меры, предохраняющие дом от повышенной влажности...” (с. 213). Особенности жилища, вкуче с находками на данном участке бус “северного” происхождения, “молоточка Тора” и скорлупообразной фибулы, по мнению автора, свидетельствуют о том, что здесь селились в X в. выходцы из Скандинавии. С конца X в. в заселении этой территории наблюдается перерыв. Активная жизнедеятельность возобновляется в XII в. (с. 213).

Книга снабжена двумя Приложениями. Первое принадлежит Т.С. Дорофеевой (“Комментарии к некоторым редким находкам из раскопок последних лет”). Оно содержит сравнительную историко-культурную характеристику серии единичных, преимущественно ювелирных изделий, найденных на Городище. Анализ технологических и стилистических особенностей этих вещей в ряде случаев позволяет доказать их местное изготовление. Так, например, «...бронзовые привески с сюжетом “Один и вороны” и зооморфным изображением в стиле Борре являются изделиями древнерусских ремесленников... Заказчики же, по всей вероятности, имели скандинавские корни...» (с. 255). Отметим также вывод Т.С. Дорофеевой о том, что все проанализированные находки, отражающие скандинавские, византийские, арабские, венгерские или великоморавские ремесленные

традиции, свидетельствуют о многосторонних культурных контактах Рюрикова городища и являются “...не столько этническим, сколько социальным индикатором, указывающим на ... высокий статус их владельцев” (с. 257).

Приложение 2 (“Фауна Рюрикова городища. По результатам раскопок 2000–2011 гг.”) подготовлено М.В. Саблиным. Фаунистические материалы взяты за достаточно большой период работ; их количество в локальной выборке достоверно отражает археозоологическую ситуацию на памятнике. Особо отмечу вывод, сделанный на основе анализа костей лошади из слоев IX–X вв. в центральной части поселения. Эти кости, “...в отличие от костей парнокопытных, не несут на себе признаков расчленения для кулинарного потребления. ...Костные остатки в целом свидетельствуют об отсутствии какого-либо утилитарного подхода к тушам животных ... их не разделяли и даже не освеживали. Такая расточительность в раннем средневековье выглядит необычно... Версия ритуального жертвоприношения выглядит наиболее вероятной...” (с. 262–264).

В литературе недавно было высказано недоумение по поводу такой интерпретации, так как, по данным скандинавских саг, языческие жертвоприношения копей не только не исключали, а, скорее, подразумевали разделку туш и “кулинарное потребление” мяса на пиру (Елиферова, 2018. С. 89, 90). Однако сомневаться в правильности стратиграфического и хронологического определения указанных остатков нет оснований, как, впрочем, и в профессионализме зоолога. Вновь повторю: с источником не спорят. Если, действительно, в контексте скандинавских древностей трактовка выглядит дискуссионной, это означает одно: Рюриково городище вновь задало своим исследователям серьезную головоломку.

Заключение, написанное Е.Н. Носовым, можно было бы озаглавить: “Новые открытия на Рюриковом городище и их значение для новгородских исследований”. Написано оно блестяще – из всего содержания книги, изобилующей новыми фактами, безошибочно выделено самое главное. Здесь же автор переходит (правда, очень бегло) от источниковедческого анализа к конкретно-историческому, к увязке археологического контекста Городища с контекстом письменных источников.

На мой взгляд, Е.Н. Носов напрасно солидаризируется с концепцией И.М. Троицкого (1932 г.) о вытеснении новых властных структур в Новгороде в последней трети XI в. (в пору малолетства Мстислава Владимировича) и о начавшемся (якобы!) уже тогда ущемлении княжеских прав. Безусловно, указанная концепция дала в свое время мощный толчок научной мысли. Но вряд ли она отвечает современному

состоянию источников, база которых уже заметно обновилась по сравнению со второй третью — серединой XX в.

Рискну высказать еретическое предположение: тезис о вечной борьбе новгородской элиты со своими собственными князьями представляет собой историографический миф. Если ближе к середине XII в. конфликт интересов действительно обозначился, то для времен Начальной Руси он не обоснован фактами. Настоящая проблема Новгорода в его взаимоотношениях с князьями, вплоть до начала XII в., заключалась в другом — в стремлении удержать князя в Новгороде пожизненно, “укоренить” его здесь, на севере, создав свою династию и обеспечив постоянный приоритет “локальных” интересов над “магистральными”.

Именно такой вариант в конечном счете осуществился в Полоцке, занимавшем, как и Новгород, ключевую позицию на одном из северных ответвлений пути на Балтику. В Новгороде он также был близок к осуществлению при Ярославе. Но кровавая усобица, расчистившая Ярославу путь в Киев, резко изменила ситуацию.

Другим историографическим мифом я назвала бы утверждение об исконном “противостоянии” Городища “поселкам славянской знати”. Раннегородские структуры Древней Руси, конечно, включали в себя разные элементы. Но за элементами и связями стояло внутреннее структурное единство. Различие цитадели, окольного города и посада, само по себе вовсе не является их “противостоянием”.

Невозможно представить, к примеру, что закладка новых поселков близ княжеской резиденции могла осуществляться без санкции князя². Применительно к периоду X в. стоило бы говорить, на мой взгляд, не о противостоянии отдельных частей Новгорода друг другу, а о бурном развитии города и стягивании в его орбиту нового населения. Локализация будущих городских концов в 3 км ниже Городища не должна удивлять: ближе было просто невозможно, учитывая гидрологическую ситуацию в истоке Волхова. Кстати, на этот фактор Е.Н. Носов совершенно справедливо указывал еще лет 30 назад. Современные палеогеографические изыскания в Приильменье такое предположение подтверждают (Еремеев, 2017).

По этой причине в конце X в. первоначальная крепость оказалась изолированной от других быстро рас-

туших частей города. Она явно не годилась теперь на роль резиденции епископа и места постройки главного городского храма. Но вряд ли можно сомневаться: ответственное решение о переводе резиденции в Новый город и о строительстве деревянной Софии в пределах нового поселенческого ядра принимал сам князь. Да и позднее не городская община, а именно князь являлся заказчиком и спонсором возведения дубового кремля на месте епископского двора, грандиозного Софийского собора и каменных церквей начала XII в. (Раппопорт, 1993. С. 251).

Отметим, что именно в рецензируемой монографии впервые исчерпывающе показано на материале и *доказано*, что в XI в. Городище запустело. Таким образом, перемещение городского центра сопровождалось и перемещением самого князя с его близким окружением на территорию новых концов. После “генеральной реконструкции”, осуществленной в 1090-х годах Мстиславом Великим, Городище вновь ожило. Но вот почему грандиозные работы, свидетельствующие о прочном положении и могуществе этого князя, должны трактоваться как свидетельство ущемления его княжеских прав, так и осталось мне непонятным. Разве восстановление родовой крепости в устье Волхова и строительство там каменного храма автоматически подразумевали утрату резиденции на Торговой стороне?

Разумеется, в рамках настоящей рецензии невозможно осветить все вопросы, возникающие по ходу чтения книги. Оговорюсь: я намеренно ушла от рассмотрения проблемы Городища как “крепости Рюрика”, ибо дискуссия на эту тему получилась бы слишком долгой. Ей стоит посвятить отдельную статью.

Подчеркну еще раз: вышедшая из печати публикация Рюрикова городища является крупным событием в современной раннесредневековой археологии России и Европы. Она доносит до читателя огромную массу информации прекрасно структурированной и проанализированной. А еще, что не менее важно, она стимулирует дискуссию по проблемам, стереотипные решения которых еще недавно не вызывали особых сомнений. Такая дискуссия фактически уже началась. Будем надеяться, она удержится в академических рамках и послужит залогом нового витка исследований Северной Руси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Головнев А.В. Культуры больших пространств Северной Евразии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. Т. V. 1. 25. С. 317–321.
- Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: НПМП “Волот”, 2009. 495 с.

² Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в Литве на рубеже XIII–XIV вв. Отдельные “концы” стольного града Вильнюса также формировались сначала как изолированные “поселки”, на некотором удалении от Замковой горы. Но ни о какой произвольности в заселении окрестностей княжеской крепости речи не шло. Процесс изначально хорошо контролировался княжеской властью (ср.: Йонайтис, Каплунайтис, 2017).

- Григорьева О.В.* Проблемы изучения элитарной культуры в древнерусской археологии // *Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом “Бранко”, 2017. С. 30–39.
- Елиферова М.В.* Рюриково городище: что же откопали на самом деле? // *Valla*. 2018. № 4 (3). С. 87–92.
- Еремеев И.И.* Новые археологические данные о динамике увлаженности Северо-Запада России во II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (по материалам поселений Ильмень-Волховского региона) // *Археология Владимиро-Суздальской земли. Матер. науч. семинара. Вып. 8* / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2017. С. 39–58.
- Йонайтис Р., Каплунайте И.* Многокультурный Вильнюс: сосуществование двух христианских конфессий на раннем этапе развития города // *Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом “Бранко”, 2017. С. 283–304.
- Михайлов К.А.* Элитарный погребальный обряд: камерные погребения IX – начала XI в. в контексте североевропейских аналогий. СПб.: Изд. дом “Бранко”, 2016. 272 с.
- Николаев С.Л.* Семь ответов на варяжский вопрос // *Повесть временных лет*. СПб.: Вита-Нова, 2012. С. 398–430.
- Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 216 с.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. Новые материалы и исследования. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2005. 403 с.
- Платонова Н.И.* Древнерусская культура и древнерусская элита на современном этапе исследований // *Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* / Отв. ред. Н.И. Платонова. СПб.: Изд. дом “Бранко”, 2017. С. 9–29.
- Раппопорт П.А.* Древнерусская архитектура. СПб.: Стройиздат, 1993. 289 с.
- Троцкий И.М.* Возникновение Новгородской республики Ч. 1, 2 // *Известия АН СССР. Отд. обществ. наук*. 1932. № 4. С. 271–291. № 5. С. 349–374.
- Шнеевайс Й.* К вопросу о влиянии исторических дат на археологическое исследование (три ключевые даты эпохи викингов: 793, 862 и 929 гг.) // *Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* / Отв. ред. Н.И. Платонова. СПб.: Изд. дом “Бранко”, 2017. С. 40–68.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

Платонова Н.И.

К 80-ЛЕТИЮ АЛЬБИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ МЕДЫНЦЕВОЙ

В апреле 2019 г. отметила юбилей Альбина Александровна Медынцева. Ее имя как эпиграфиста, археолога, историка русской культуры широко известно отечественной и зарубежной гуманитарной научной общественности. Любовь к культуре Древней Руси проявилась еще в студенческие годы и, начиная с первых публикаций второй половины 1960-х годов, Альбина Александровна остается верна основным направлениям своей научной деятельности. А она охватывает целый круг проблем славяно-русской археологии, культуры, прикладного искусства и ремесла Древней Руси, практического применения кирилло-мефодиевского наследия славянской и русской письменности, грамоты и грамотности на Руси, ее социальной стратификации, идентификации древнерусских ювелиров, камнерезов, писцов.

Географически ее работы охватывают крупнейшие центры древнерусской культуры — Новгород, Владимиро-Суздальскую Русь, Киев и сопредельные области (Тмутараканское княжество, Кавказ). Главной же темой ее научного творчества по сей день остается древнерусская эпиграфика и древнеболгарские памятники X–XI вв. В сфере ее интересов надписи на предметах и стенах зданий, от Первого Болгарского царства до Суздаля, от платежных слитков с

Готланда до древнерусских надписей Северного Кавказа. На изучении этого пласта древнерусских письменных источников и сфокусирована ее деятельность как ученого.

Интерес Альбины Александровны к древнерусской эпиграфике развивался в русле научных интересов ее учителя академика Б.А. Рыбакова: она принимала участие в подготовке его капитальной сводки “Русские датированные надписи XI–XIV вв.” (1964). Будучи еще совсем молодым исследователем, А.А. Медынцева обратилась к таким сложным материалам, как новгородские берестяные грамоты. В 1974 г. она, в своей совместной статье с А.В. Кузой, вступила в полемику с крупнейшими отечественными исследователями этих памятников. В 1984 г. она публикует статью о подборке писем Григория тиуна боярского. Это было яркое открытие, основанное на материалах, которые до нее тщательно изучались рядом видных ученых.

Уже в своей первой монографии “Древнерусские надписи новгородского Софийского собора” (М., 1978) А.А. Медынцева впервые систематизировала, исследовала и опубликовала не только ранее неизвестные, выявленные ею самой надписи на стенах Софии Новгородской, но и архивные материалы из фонда И.А. Шляпкина (прорисовки на кальке, фотографии с эстампажей), зачастую не имевшие указания на месторасположение той или иной надписи. Тем самым А.А. Медынцева ввела в научный оборот новый массовый источник, содержащий уникальный сопоставительный материал для изучения берестяных грамот, заложив фундамент для исследования эпиграфики Новгорода и других древнерусских городов. Монография сразу же была востребована специалистами в области истории и письменной культуры русского средневековья. В последние десятилетия, с появлением цифровых технологий, широко развернулись эпиграфические исследования А.А. Гиппиуса и С.М. Михеева в Софии Новгородской, выявившие новые многочисленные кириллические и глаголические надписи. Но книга А.А. Медынцевой сохранила актуальность и служит важным источником для историков письменной культуры и истории Древней Руси.

В 1980-е годы Альбина Александровна обращается к вопросу о происхождении древнерусской письменности, о связях ее с актом крещения Руси, к проблемам кирилло-мефодиевского наследия в древнерусской эпиграфике. В каждой из своих книг она

следует выработанной ею методике изучения эпиграфического текста, обращая внимание на обстоятельства появления надписи, на ее историко-культурный и социальный контекст, но избегая далеко идущих выводов, если те не вытекают из тщательно проведенного анализа.

В последние годы исследовательница обратилась к новому аспекту изучения эпиграфики — выявлению авторских надписей, автографов мастеров-живописцев, строителей, писцов-каллиграфов и ювелиров, расширяя тем самым круг фактов для изучения живописных и художественно-ремесленных школ. В статье, посвященной открытым ею молитвенным автографам мастеров, писавших фрески Софии Новгородской, Альбина Александровна замечает, что “изучение граффити и дипинти новгородского Софийского собора не только восстанавливает из небытия имена художников-фрескистов, мастеров-строителей, писцов-изографов, но и позволяет проводить дальнейшие разыскания по поводу принадлежности и происхождения древнейших фресок и рукописей”. Благодаря работам А.А. Медынцева выявляется связь памятников эпиграфики с историей становления письма у восточных славян, с распространением грамотности, с христианской верой и народными поверьями, с процессом сложения местных архитектурных, живописных и рукописных школ, с частной жизнью древнерусских людей, с ремеслом мастеров и ювелиров, с торговлей, с бытом женщин, вообще со всем, что входило в разнообразные сферы деятельности. В результате за каждой надписью встают конкретные обстоятельства и судьбы конкретных людей — священнослужителя, дружинника, ювелира, литейщика, редко отражаемые другими письменными источниками, и оживает та грамотная среда, в которой на протяжении веков развивалась восточнославянская письменность.

Обращаясь к наиболее ранним памятникам древнерусской письменности, Альбина Александровна, естественно, не могла пройти мимо эпиграфических памятников, связанных с Кирилло-Мефодиевской традицией, в частности балканских. Она сыграла важную роль в изучении раннесредневековой эпиграфики Болгарии и пользуется в этой стране заслуженным авторитетом.

Отдел средневековой археологии ИА РАН, Москва

В последнее десятилетие А.А. Медынцева вернулась к чтению надписей, прерванному в трудное последнее десятилетие XX в. На этот раз ее усилия оказались направлены на выявление и реинтерпретацию текстов на стенах соборов Владимира и Юрьева-Польского. Оказалось, что здесь, несмотря на классические работы Н.Н. Воронина, открывается простор для скрупулезных исследований, неожиданных открытий и остроумных толкований. От изучения давно привычных для нее традиционных граффити на стенах зданий Альбина Александровна перешла к иным, нестандартным типам эпиграфики — надписям на керамике (горшок из Ростиславля) и инструментах (надписи на формочке из Болгара). Предложенные ею прочтения убедительны благодаря мастерству, изяществу и в то же время математической точности, благодаря которым ей удалось открыть памятники такой редкой разновидности, как кириллические надписи на тюркских языках.

Альбине Александровне присущи строгость и последовательность методики описания материала, внимание к историко-культурному контексту надписи, понимание ее специфики как исторического источника и как памятника русской письменности. Определяя задачи эпиграфики, которая традиционно рассматривалась как “вспомогательная историческая дисциплина”, А.А. Медынцева — археолог-историк по основной специальности — акцентирует внимание на палеографическом, графико-орфографическом и лингвистическом аспектах изучения надписи, тем самым помещая эпиграфику в сферу историко-филологических дисциплин.

Поздравляя Альбину Александровну с юбилеем, хотим выразить сердечную признательность за все, что она сделала в науке, в изучении славяно-русской археологии, материальной и письменной культуры Древней Руси. Верность избранному научному пути, неизменная доброжелательность, большое личное обаяние давно снискали ей глубокое уважение, авторитет и неизменную любовь коллег, учеников, друзей. Хочется пожелать дорогому юбиляру здоровья, благополучия во всем, долгих и радостных творческих лет.

*Рождественская Т.В., Чернецов А.В.,
Коваль В.Ю., Беляев Л.А.*